Цѣна 1 руб

Собраніе сочиненій

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

Критически провѣрен. текстъ, біографическій очеркъ, вступительныя статьи, примѣчанія, два портрета и автографъ.

Подъ редакціей

Вл. П. Кранихфельда

Томъ второй

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій проспектъ, собств. домъ, № 75

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“.
С.-Петербургъ, Забалканскій проспектъ, соб. домъ № 75.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

I-ая серія:

Собраніе сочиненій

А. В. Амфитеатрова.

Съ портретомъ автора.

25 томовъ по 1 р. 50 к., въ изящныхъ коленкор. переплетахъ 50 р.

Допускается разсрочка платежа отъ 2 р. въ мѣсяцъ.

Собраніе сочиненій

Л. Н. Андреева.

Съ портретомъ автора и вступит. статьей проф. **М. А. Рейснера.**

10 томовъ по 1 р. 25 к., въ изящныхъ коленкор. перепл. 17 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа отъ 1 р. въ мѣсяцъ.

112/54-2.

Собраніе сочиненій

Н. А. Добролюбова.

1/25

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія собранія сочиненій:

I серія.

А. В. Амфитеатрова, подъ наблюденіемъ *автора;*
Л. Н. Андреева, со вступительной статьей проф. *М. А. Рейснера;*
Ѳ. М. Достоевскаго, съ многочисл. приложеніями;
Г. А. Мачтета, подъ редакціей *Д. П. Сильчевскаго;*
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ *автора;*
Ольги Шапиръ, подъ наблюденіемъ *автора.*

II серія.

Д. Я. Айзмана, подъ наблюденіемъ *автора;*
С. А. Ан-скаго, подъ наблюденіемъ *автора;*
Н. Н. Златовратскаго, подъ наблюденіемъ *автора;*
Б. А. Лазаревскаго, подъ наблюденіемъ *автора;*
А. И. Левитова, со вступ. статьей *А. А. Измайлова;*
В. В. Муйжеля, подъ наблюденіемъ *автора;*
Вас. И. Немировичъ-Данченко, подъ наблюденіемъ *автора;*
Н. Ф. Олигера, подъ наблюденіемъ *автора;*
Н. М. Осиповича, подъ наблюденіемъ *автора.*

III серія.

А. С. Пушкина, подъ редакціей *П. О. Морозова* и *В. В. Каллаша;*
М. Ю. Лермонтова, подъ ред. *Арс. И Введенскаго;*
Н. В. Гоголя, подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
И. А. Крылова, подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
А. В. Кольцова, подъ редакціей *Арс. Ив. Введенскаго;*
С. Т. Аксакова, подъ редакціей *А. Г. Горнфельда;*
А. Н. Островскаго, подъ ред. *М. И. Писарева;*
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. *Н. А. Благовѣщенскаго;*
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ *автора;*
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ *автора;*
С. В. Максимова, со вступ. статьей *П. В. Быкова;*
И. С. Никитина, подъ ред. *А. Г. Ѳомина* и *Ю. И. Айхенвальда;*
Н. А. Добролюбова, подъ редакціей *В. П. Кранихфельда;*
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ *автора.*

IV серія.

Чарльза Диккенса, со вступ. статьей *Д. П. Сильчевскаго;*
Элизы Оржешко, подъ ред. *С. С. Зелинскаго;*
Г. де Мопасана, съ критико-біографич. очеркомъ *З. А. Венгеровой;*
Эдгара По, съ критико-біографич. очеркомъ *М. А. Энгельгардта;*
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями *Ѳ. Д. Батюшкова* и *Е. В. Аничкова;*
Георга Брандеса, съ предисловіемъ *М. В. Лучицкой.*

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

112/54-2

Собраніе сочиненій

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Критико-біографическій очеркъ, вступительныя статьи, примѣчанія, библіографическій указатель, два портрета и автографъ.

Подъ редакціей

Вл. П. Кранихфельда.

Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.

Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою....
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

Н. Добролюбовъ.

Томъ II.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

С.-Петербургъ.
Типо-лит. Акціонернаго О-ва „Самообразованіе",
Забалканскій просп., д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы.

Оглавленіе тома II.

Стр.

Предисловіе редактора къ тому II 1

Современникъ 1858 г.

Жизнь Магомета, соч. Вашингтона Ирвинга (№ 2) . 13
Стихотворенія Н. М. Языкова (№ 3) 26
Сочиненія С. Аксакова:
I. Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы (№ 3) 36
II. Разныя сочиненія С. Аксакова (Современникъ 1859 г. № 2) 96
Николай Владиміровичъ Станкевичъ (переписка его и біографія, написанная В. П. Анненковымъ) (№ 4) 116
Первые годы царствованія Петра Великаго (Исторія царствованія Петра Великаго, Н. Устрялова. Три тома):
Статья первая (№ 6) 152
Статья вторая (№ 7) 199
Статья третья (№ 8) 261
Стихотворенія Ю. Жадовской (№ 6) 356
Мишура, комедія А. Потѣхина (№ 8) 380

Отъ редактора.

Предисловіе къ тому II.

Второй томъ настоящаго изданія сочиненій Добролюбова открывается статьей, посвященной исторіи исламизма. Книга, послужившая Добролюбову поводомъ и источникомъ для этой статьи, въ настоящее время сильно устарѣла и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть рекомендована для изученія соотвѣтствующаго вопроса. Устарѣла, разумѣется, и эта статья Добролюбова, поскольку рѣчь идетъ о фактическомъ ея содержаніи. Но интересъ ея для современнаго читателя не въ фактахъ, а въ отношеніи къ нимъ Добролюбова.

Добросовѣстная работа Ирвинга о Магометѣ, стоявшая на высотѣ тогдашняго историческаго знанія (въ оригиналѣ она появилась въ 1849—50 г.), понадобилась Добролюбову главнымъ образомъ для того, чтобы противопоставить ее нашимъ доморощеннымъ историческимъ курсамъ того времени. Нѣсколько брошенныхъ по этому поводу Добролюбовымъ остроумныхъ замѣчаній скоро подхвачены были Писаревымъ и развиты въ его блестящемъ памфлетѣ по поводу «нашей университетской науки». Основное же ядро статьи Добролюбова заключается въ положеніи, что исторію создаютъ не

личности, какъ бы велики онѣ ни были; что историческія личности, въ томъ числѣ и Магометъ, какъ основатель новой религіи, потому и выдвигаются впередъ, что выражаютъ въ себѣ подготовленныя всѣми предшествующими обстоятельствами потребности общества и времени.

Оцѣнка поэтическаго таланта Н. М. Языкова (1803—46), уже при Бѣлинскомъ закончившаго свой жизненный кругъ, вноситъ мало новаго въ исчерпывающую характеристику этого поэта, сдѣланную Бѣлинскимъ. Добролюбовъ, впрочемъ, и не претендуетъ на общую оцѣнку поэтической дѣятельности Языкова. Критикъ касается лишь гражданской лирики поэта и выясняетъ, почему она не удалась ни ему, ни другимъ поэтамъ той же школы. Въ этомъ смыслѣ новы и интересны здѣсь скобки, въ которыя заключаетъ Добролюбовъ всѣхъ поэтовъ пушкинскаго кружка. Всѣ они страдали неясностью своихъ идеаловъ, «всѣ они были робки» . . .

А туда выносятъ волны
Только сильнаго душой!..

Болѣе подробно слѣдуетъ остановиться на двухъ статьяхъ Добролюбова, посвященныхъ разбору сочиненій С. Т. Аксакова. Статьи написаны Добролюбовымъ и напечатаны въ «Современникѣ» въ разное время (первая — въ 3-й кн. журнала 1858 г., вторая — во 2-й 1859 г.), но, въ соотвѣтствіи съ планомъ Чернышевскаго, мы соединяемъ ихъ вмѣстѣ. Первая изъ этихъ статей — «Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы» — явилась, между прочимъ, однимъ изъ основныхъ пунктовъ обвиненія, которое предъявили Добролюбову его школьные товарищи, уличая его въ измѣнѣ прежнимъ

убѣжденіямъ и прежнимъ статьямъ. Такъ, А. П. Златовратскій въ письмѣ, написанномъ въ серединѣ 1858 г., упрекаетъ Добролюбова за то, что будто бы критикъ съ чрезмѣрной осторожностью говоритъ объ Аксаковѣ, какъ о какомъ-то авторитетѣ, книгой котораго можно пользоваться какъ Евангеліемъ, но нельзя критиковать ее[1]. Очевидно Златовратскій (дядя извѣстнаго беллетриста-народника Н. Н. Златовратскаго) совершенно не понялъ первыхъ страницъ первой статьи Добролюбова объ Аксаковѣ, гдѣ Добролюбовъ съ тонкой, но все же явной іроніей отзывается о чрезмѣрныхъ восторгахъ, обнаруженныхъ критикой и публикой по поводу выхода въ свѣтъ (въ 1856 г.) «Семейной хроники». Добролюбовъ ни мало, конечно, не умаляетъ художественныхъ достоинствъ этого шедевра Аксакова. Но онъ не можетъ безъ улыбки говорить о той экзальтированной встрѣчѣ, которую русское общество и печать устроили Аксакову, поспѣшивъ провозгласить его главою русской литературы, другомъ человѣчества и даже «мѣриломъ истины и справедливости». Этотъ послѣдній эпитетъ, къ тому же усвоенный Аксакову отъ имени всего студенчества петербургскаго университета, долженъ былъ особенно возмущать Добролюбова: до такой степени онъ былъ не къ лицу благодушному помѣщику, который видѣлъ и рисовалъ мирную идиллію тамъ, гдѣ Добролюбовъ, съ своей стороны, видѣлъ лишь мерзость крѣпостническихъ отношеній. Неудивительно поэтому, что къ «Дѣтскимъ годамъ Багрова-внука», служившимъ продолженіемъ «Семейной хроники», критикъ подошелъ какъ разъ

[1] См. „Матеріалы“, стр. 439.

именно съ «мѣриломъ справедливости» и показалъ, что справедливость здѣсь во всякомъ случаѣ своеобразная, выработанная на почвѣ произвола и рабства и внѣ этой почвы отнюдь не пріемлемая. И такъ какъ къ этимъ произведеніямъ Аксакова современная критика подходила, за немногими исключеніями, только съ эстетической оцѣнкой, Добролюбовъ счелъ себя вынужденнымъ разсмотрѣть ихъ только съ соціологической точки зрѣнія. Поэтому въ обѣихъ его статьяхъ объ Аксаковѣ публицистическій методъ критики особенно имъ использованъ и подчеркнутъ. Пользуясь матеріаломъ самого бытописателя, критикъ извлекаетъ изъ этой помѣщичьей идилліи черты, показывающія, что крѣпостныя отношенія пропитали всю жизнь, всю психику помѣщиковъ, не исключая даже лучшаго представителя этого класса, какимъ рисуетъ Аксаковъ Степана Михайловича Багрова-дѣда. Добролюбовъ соглашается съ Аксаковымъ, что Багровъ-дѣдъ дѣйствительно выдѣляется своими качествами среди помѣщиковъ обычнаго типа, и все-таки, — говоритъ онъ, — «посмотрите, что сдѣлало изъ этой твердой, доброй и благородной натуры то положеніе, въ какомъ онъ находился. Его понятія о чести, добрѣ и правдѣ перепутаны, его стремленія мелки, кругъ зрѣнія узокъ, страсти никогда не сдерживаются разсудкомъ» . . . Благодушная помѣщичья идиллія, нарисованная Аксаковымъ, превращается подъ перомъ его критика въ горячій памфлетъ противъ крѣпостного права.

Вопроса объ эстетической оцѣнкѣ «Дѣтскихъ годовъ Багрова-внука» Добролюбовъ почти не касается въ своей первой статьѣ, хотя нѣкоторыя отдѣльныя его замѣчанія опредѣленно показываютъ,

что это произведеніе Аксакова критикъ оцѣниваетъ значительно ниже «Семейной хроники». Годомъ позже, разсматривая «Разныя сочиненія» Аксакова, Добролюбовъ еще разъ возвращается къ «Дѣтскимъ годамъ Багрова-внука» и на этотъ разъ уже категорически высказывается о своей отрицательной оцѣнкѣ этого произведенія съ эстетической стороны. Онъ рѣшительно протестуетъ противъ восторженнаго отношенія критики къ «Дѣтскимъ годамъ» и въ оцѣнкѣ ихъ художественной стороны идетъ гораздо дальше Станкевича, который въ «Атенеѣ» указалъ на цѣлый рядъ недостатковъ этого произведенія. Еще болѣе рѣзко отнесся Добролюбовъ къ «Разнымъ сочиненіямъ» Аксакова (М. 1858 г.), гдѣ и на самомъ дѣлѣ совершенно отсутствуютъ достоинства «Семейной хроники» и «Дѣтскихъ годовъ». Констатируя полную неудачу «Разныхъ сочиненій», критикъ очень мѣтко указываетъ и на причину ея: Аксаковъ, по замѣчанію критика, привлекаетъ къ себѣ «задушевностью и правдой своихъ воспоминаній»; онъ неподражаемъ когда просто, безъ претензій, передаетъ непосредственныя впечатлѣнія своей спокойной, близкой къ природѣ жизни; но онъ теряетъ все свое обаяніе, этотъ «рыцарь чистоты и кротости старосвѣтскихъ понятій», когда начинаетъ *стараться*.

Современный критикъ Аксакова А. Г. Горнфельдъ, заново пересмотрѣвшій всѣ произведенія этого «старосвѣтскаго» писателя [1], могъ, конечно, съ полнымъ спокойствіемъ отнестись къ тѣмъ ихъ сторонамъ, которыя не могли не раздражать Добро-

[1] См. „С. Т. Аксаковъ". Собраніе сочиненій въ 6 томахъ, подъ редакціей А. Г. Горнфельда.

любова: крѣпостная идиллія, съ такимъ благодушіемъ воспѣтая Аксаковымъ, давно отошла въ область невозвратнаго прошлаго, и то, что сейчасъ намъ представляется памятникомъ отошедшей старины, Добролюбовъ долженъ былъ разсматривать какъ новый и сильный аргументъ въ пользу воинствующаго и отстаивавшаго себя стараго режима. Однако, и за всѣмъ тѣмъ Добролюбовъ сумѣлъ разглядѣть и отмѣтить всѣ самыя существенныя черты своеобразнаго дарованія Аксакова. И когда Горнфельдъ въ заключительныхъ строкахъ своей критической статьи писалъ: «старымъ останется общее отношеніе къ нему» (Аксакову), то мы знаемъ, что это «старое», въ основѣ своей, подсказано намъ Добролюбовымъ въ двухъ названныхъ его статьяхъ.

Статья о Н. М. Станкевичѣ, написанная на основаніи матеріаловъ, собранныхъ В. П. Анненковымъ, не открываетъ ничего новаго для біографіи и характеристики этого выдающагося человѣка. Напротивъ, она даже грѣшитъ противъ истины обычнымъ въ то время преувеличеніемъ вліянія Станкевича на Бѣлинскаго. Конечно, и современные намъ историки литературы не отрицаютъ вліянія на Бѣлинскаго со стороны его друзей вообще и Станкевича въ частности, — вліяніе было. Но, во-первыхъ, вліяніе Станкевича было очень непродолжительнымъ, ограничиваясь короткимъ періодомъ съ 1835 по 1838 г., и во-вторыхъ, матеріалы, которые не могли быть извѣстны Добролюбову, показываютъ намъ Бѣлинскаго дѣйствительно такимъ, какимъ онъ казался и его гимназическому учителю Попову, — «не скоро поддававшимся на чужое мнѣніе». Во всякомъ случаѣ Бѣлинскій, при свѣтѣ современной

критики, представляется намъ нынѣ несравненно болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ это допускалось раньше, благодаря не очень скромнымъ показаніямъ такихъ его друзей, какъ Боткинъ, по словамъ котораго «критика Бѣлинскаго» была «общей сокровищницей», куда каждый изъ друзей его «клалъ свою посильную лепту».

Но интересъ данной статьи Добролюбова не здѣсь, а въ моральной оцѣнкѣ личности Станкевича, плѣнившей критика своей внутренней свободой и цѣльностью. Для Добролюбова Станкевичъ даетъ поводъ высказать собственныя завѣтныя мысли о самоцѣнности человѣческой личности совершенно независимо отъ мѣры ея участія въ практической жизни и въ общественной борьбѣ. Станкевичъ занимался наукой и искусствомъ, но не оставилъ послѣ себя ни ученыхъ, ни литературныхъ трудовъ. Станкевичъ былъ сознательнымъ членомъ общества, но онъ не боролся съ общественными предразсудками и зломъ. Онъ жилъ прежде всего и только для себя. Но онъ былъ вѣренъ самому себѣ, созерцательному складу своей природы, былъ честенъ съ самимъ собою, и это одно даетъ ему право на вниманіе и симпатіи Добролюбова.

Статья о Станкевичѣ напрашивается на сопоставленіе ея съ дневниками Добролюбова, гдѣ чувствуется постоянная забота ихъ автора опредѣлить себя и быть вѣрнымъ себѣ даже въ мелочахъ. Въ частности же рѣчь о борьбѣ, какъ объ явленіи «ненормальномъ» и во всякомъ случаѣ необязательномъ «для сохраненія чести и благородства человѣка», заставляетъ вспомнить о записи въ дневникѣ 18 декабря 1855 г., когда Добролюбовъ, сравнивая себя со своимъ товарищемъ, революціоннымъ

фразеромъ Щегловымъ, писалъ: «Я чувствую, что реформаторомъ, революціонеромъ я не призванъ быть...» Панегирикъ Станкевичу производитъ впечатлѣніе итога, который эти именно думы Добролюбова объ общественномъ служеніи и борьбѣ завершилъ признаніемъ права личности на свободное самоопредѣленіе.

Интересъ и цѣнность большой статьи Добролюбова «Первые годы царствованія Петра Великаго» заключаются не только въ тонкомъ критическомъ разборѣ историческаго труда Н. Г. Устрялова (1805—1870), но и въ талантливой попыткѣ самостоятельнаго историческаго построенія на основаніи матеріаловъ, заключающихся главнымъ образомъ въ трехъ первыхъ томахъ «Исторіи царствованія Петра Великаго». Какъ извѣстно, историческій трудъ Устрялова остался незаконченнымъ: первые три тома «Исторіи», съ которыми и оперируетъ Добролюбовъ, вышли въ 1858 г., за ними въ 1859 г. вышелъ VI томъ и въ 1864 г. — и IV; V томъ не выходилъ. И если эту работу Устрялова, при всѣхъ ея серьезныхъ недочетахъ, Добролюбовъ все же призналъ «замѣчательнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ»; если и сейчасъ она не потеряла своего значенія, то статья Добролюбова, устраняющая основные дефекты «Исторіи», читается и нынѣ съ такимъ интересомъ, какъ будто она написана въ наши дни человѣкомъ, стоящимъ на уровнѣ современнаго историческаго знанія. Самый существенный недостатокъ «Исторіи» Устрялова заключается, по Добролюбову, въ томъ, что авторъ смотрѣлъ на свой трудъ болѣе съ біографической, нежели съ исторической точки зрѣнія, что личностью Петра онъ увлекся въ ущербъ исторической

необходимости. А между тѣмъ, — справедливо утверждаетъ Добролюбовъ, — «внимательное разсмотрѣніе открываетъ всегда, что исторія въ своемъ ходѣ совершенно независима отъ произвола частныхъ лицъ, что путь ея опредѣляется свойствомъ самихъ событій, а вовсе не программою, составленною тѣмъ или другимъ историческимъ дѣятелемъ. Напротивъ, дѣятельность всѣхъ историческихъ лицъ развивается не иначе какъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ появленію ихъ на историческомъ поприщѣ и сопровождавшихъ его». Основной тезисъ этой статьи, такимъ образомъ, совпадаетъ теоретически съ тезисомъ первой статьи («Жизнь Магомета»), которой открывается этотъ второй томъ настоящаго изданія Добролюбова.

По поводу статьи о стихотвореніяхъ Ю. В. Жадовской (1824—1883) можно отмѣтить, что Добролюбовъ по отношенію къ этой поэтессѣ исправляетъ ошибку, допущенную Бѣлинскимъ. Какъ-то ужъ очень свысока взглянулъ Бѣлинскій на первый сборникъ стиховъ Жадовской, отмахнувшись отъ нея немногими жесткими словами. Не отрицая «чего-то въ родѣ поэтическаго таланта», онъ выразилъ сожалѣніе, что «источникъ вдохновенія этого таланта не жизнь, а мечта, и что поэтому онъ не имѣетъ никакого отношенія къ жизни и бѣденъ поэзіей». Добролюбовъ, передъ которымъ, впрочемъ, были не первые только опыты, но сборникъ стиховъ вполнѣ уже опредѣлившагося дарованія, отнесся къ поэтессѣ съ большимъ вниманіемъ. Данная имъ оцѣнка простой и задушевной музы Жадовской цѣликомъ принята исторіей нашей литературы.

Беллетристъ и драматургъ А. А. Потѣхинъ (1829—1902), переживший Добролюбова на 40

слишкомъ лѣтъ, попалъ въ поле зрѣнія критика на зарѣ своей литературной дѣятельности. И хотя критикъ подвергнулъ анализу только одну комедію Потѣхина «Мишура», тѣмъ не менѣе ему удалось въ своей статьѣ отмѣтить наиболѣе характерныя черты литературной физіономіи автора, показать и сильныя и слабыя стороны его творчества. Тенденціозный либерализмъ пьесъ Потѣхина сдѣлалъ этого писателя настоящимъ пасынкомъ драматической цензуры, такъ что нѣкоторыя его пьесы по десяти и болѣе лѣтъ находились подъ запрещеніемъ для постановки на сценѣ. Въ частности комедія «Мишура» находилась подъ такимъ запрещеніемъ четыре года. Воздавъ должное обличительному содержанію пьесы, Добролюбовъ нимало, однако, не былъ подкупленъ благородными намѣреніями автора. Онъ показалъ, что пьеса отъ начала до конца *сочинена* авторомъ, «поставлена на пружинкахъ», которыми авторъ произвольно двигаетъ, чтобы характеризовать своего основного героя. Цѣли своей онъ достигъ, но достигъ какъ діалектикъ, какъ моралистъ, какъ юридическій обвинитель, но не какъ художникъ. Затѣмъ критикъ отмѣчаетъ и еще одинъ недостатокъ, касающійся сущности пьесы, — это недостатокъ *смѣха*, недостатокъ, превращающій его комедію въ мелодраму. По поводу этого послѣдняго недостатка критикъ высказываетъ нѣсколько интересныхъ соображеній объ освобождающемъ значеніи смѣха, и въ результатѣ критическаго анализа одной пьесы Потѣхина передъ вами вырастаетъ типичная фигура писателя, одушевленнаго самыми добрыми намѣреніями, но едва ли поднявшагося надъ массой средняго читателя и средняго зрителя.

„Современникъ“ 1858 г.

Жизнь Магомета.

Сочиненіе *Вашингтона Ирвинга*. Перев. съ англійскаго, *Петра Кирѣевскаго*. Москва 1857.

Сочиненіе Ирвинга не нуждается въ томъ, чтобы мы стали хвалить его, а о переводѣ г. Кирѣевскаго довольно сказать, что онъ читается очень легко. За его добросовѣстность и вѣрность съ подлинникомъ ручается имя переводчика. Слѣдовательно, съ этой стороны намъ нечего распространяться, равно какъ не нужно, мы думаемъ, дѣлать подробный обзоръ содержанія книги Ирвинга. Кому же не извѣстна исторія жизни Магомета въ главнѣйшихъ ея фактахъ? Поэтому мы рѣшаемся ограничиться здѣсь нѣсколькими размышленіями о частныхъ обстоятельствахъ, касающихся отчасти нашей исторической науки.

Странный видъ принимаютъ историческія знанія подъ перомъ нашихъ историковъ!.. Точно скучная, нелѣпая сказка для дѣтей, изъ числа тѣхъ, которыя такъ нескусно составляются къ празднику и издаются г. Генкелемъ! Начинается обыкновенно съ того, что такое-то царство основано такимъ-то царемъ, который завоевалъ такія-то страны и основалъ свою столицу въ такомъ-то городѣ. А тамъ и пойдетъ писать, все въ томъ же родѣ, до тѣхъ

самыхъ поръ, какъ государство падетъ, непремѣнно отъ роскоши и развращенія нравовъ. Откуда вдругъ взялась эта роскошь и развращеніе, ученикъ никакъ не можетъ добиться въ нашихъ доморощенныхъ курсахъ исторіи. На историческое развитіе народа, на естественную, живую связь событій никогда не хотятъ обратить ни малѣйшаго вниманія наши историки. Ихъ исторія представляетъ обыкновенно не исторію, а какую-то плохо составленную «Всеобщую біографію великихъ людей». Это — Плутархъ для юношества, написанный въ дурномъ духѣ и безъ всякаго такта. Все въ нашихъ исторіяхъ предоставляется вліянію личностей: государство основалось оттого, что нашелся великій человѣкъ, который основалъ его; пало государство — оттого, что пять-шесть государей дурно имъ правили и допустили развращеніе нравовъ; новая религія явилась — оттого, что явился человѣкъ, который ее выдумалъ; война проиграна — оттого, что полководцы были неискусные; возстаніе произошло — оттого, что нѣсколько неблагонамѣренныхъ человѣкъ раздражили народъ... И такъ далѣе, и такъ далѣе, за что ни возьмитесь. Но вѣдь былъ же какой-нибудь матеріалъ, надъ которымъ всѣ эти полководцы, правители и прочіе великіе люди производили свои упражненія? Вѣдь не одинъ же, самъ собою, полководецъ велъ войну, не самъ же собою какой-нибудь молодецъ ни съ того, ни съ сего основалъ вдругъ цѣлое «гражданское общество», какъ выражаются наши историки. Вѣрно, кто-нибудь помогалъ ему, служилъ орудіемъ его плановъ, и, вѣрно, его замыслы потому и удались, что удовлетворяли потребностямъ тѣхъ, которые согласились содѣйствовать ему? Что же это были за люди,

каково было ихъ положеніе? отчего они слушались людей неблагонамѣренныхъ, а не слушались благонамѣренныхъ? и какія были въ нихъ самихъ качества и недостатки, которыми великая личность могла воспользоваться для того, чтобы употребить ихъ орудіемъ въ своихъ замыслахъ? Всѣ эти вопросы рождаются непремѣнно въ головѣ всякаго ребенка, не совсѣмъ еще забитаго схоластикой; но отвѣтовъ нѣтъ на эти вопросы. Наши историческіе учебники совсѣмъ не хотятъ обращать вниманія на эти вопросы. Ужъ лучше бы они сказали прямо: «вы хотите знать, что за народъ были греки и римляне? Это были народы, не стоящіе ни малѣйшаго вниманія; о нихъ и говорить нечего. А было между ними десятка два порядочныхъ людей; о нихъ, пожалуй, мы вамъ разскажемъ съ великою охотою». Тогда мы знали бы, по крайней мѣрѣ, что обязательные историки хотятъ дать намъ «Bibliothèque amusante pour les enfants», — и не стали бы ожидать отъ нихъ исторіи. Такъ нѣтъ, не хотятъ. скропаютъ кое-какъ десятка два-три біографій, большею частью воинственнаго характера, да и говорятъ, что сочинили исторію. Помилуйте, какая исторія! Біографіи-то, — и тѣ плохо сшиты, и еще хуже приставлены къ общему ходу дѣлъ историческихъ! По мнѣнію нашихъ историковъ — захотѣла великая личность совершить что-нибудь — и совершила: ей честь и слава! Если же она произвела что-нибудь не по нраву нашимъ историкамъ, бѣда исторической личности! Окажется, что это былъ обманщикъ, безнравственный человѣкъ, злодѣй и т. д. Не хотятъ понять, что вѣдь историческая личность, даже и великая, составляетъ не болѣе какъ искру, которая можетъ взорвать порохъ,

но не воспламенитъ камней, и сама тотчасъ потухнетъ, если не встрѣтитъ матеріала, скоро загорающагося. Не хотятъ понять, что этотъ матеріалъ всегда подготовляется обстоятельствами историческаго развитія народа и что вслѣдствіе историческихъ-то обстоятельствъ и являются личности, выражающія въ себѣ потребности общества и времени

Вотъ, напр., хоть бы Магометъ: какъ онъ рисуется въ нашихъ исторіяхъ? Во-первыхъ, — какъ обманщикъ, ни съ того, ни съ сего вдругъ сочинившій новую вѣру и морочившій людей ложными чудесами; во-вторыхъ — какъ завоеватель, внезапно принесшій, неизвѣстно изъ какихъ тайныхъ источниковъ, новыя силы народу слабому и лѣнивому и мгновенно превратившій мирныхъ пастуховъ въ хищныхъ завоевателей. Почтеннымъ историкамъ не представляется ни малѣйшей надобности подумать серьезно, какъ же это, однако, обманщикъ могъ увлечь столько милліоновъ людей и не быть уличеннымъ въ обманѣ? Что же это за сверхъестественныя силы могъ онъ вдругъ сообщить народу? Откуда взялись въ немъ-то самомъ такія силы? Читающій исторію долженъ думать, что все это произошло отъ какихъ-нибудь каликъ перехожихъ точно такъ, какъ богатырскія силы Ильи Муромца. Въ самомъ дѣлѣ, если Илья Муромецъ, напившись пива крѣпкаго, вдругъ пошелъ совершать славные подвиги, то почему же и съ Магометомъ не могло случиться того же самаго?

Но туманъ мало-по-малу проясняется. У насъ начинаютъ переводить хорошія историческія сочиненія, и можно надѣяться, что это будетъ имѣть вліяніе вообще на изложеніе исторіи въ нашихъ курсахъ. Въ разсматриваемомъ нами сочиненіи

Вашингтонъ Ирвингъ изображаетъ личность Магомета, его характеръ, его ученіе и дѣлаетъ очеркъ состоянія страны и народа, въ которыхъ онъ появился. Изъ этого изображенія ясно видно и естественное происхожденіе магометовой религіи и развитіе мусульманскаго могущества, сообразное съ характеромъ самаго ученія и съ характеромъ народовъ, которые его приняли. И во-первыхъ, былъ ли Магометъ грубымъ обманщикомъ, какъ думаютъ о немъ нѣкоторые историки? Для разрѣшенія этого вопроса Ирвингъ прежде всего спрашиваетъ: была ли Магомету выгода обманывать, была ли какая-нибудь надобность изобрѣтать религію? Подробный обзоръ фактовъ приводитъ къ отрицательному заключенію. Чего бы онъ могъ искать, стараясь привлечь къ себѣ поклонниковъ? Могъ бы онъ имѣть въ виду вещественныя выгоды, которыя дали бы ему средства жить пышно и безпечно: — но онъ и безъ того былъ очень богатъ. Имѣніе, пріобрѣтенное имъ женитьбою на Кидиджѣ, дѣлало его однимъ изъ богатѣйшихъ людей Мекки и давало возможность дѣлать большіе обороты. Но онъ выказалъ въ этомъ отношеніи большую умѣренность: онъ скоро вовсе отсталъ отъ торговли, чтобы вполнѣ предаться своимъ таинственнымъ созерцаніямъ. Слѣдовательно, богатства онъ не искалъ. Онъ могъ увлекаться тщеславнымъ желаніемъ заслужить общее уваженіе; но и этого не нужно ему было желать. По своему происхожденію изъ знаменитаго рода Корейшъ, по своему богатству, по умственнымъ и нравственнымъ своимъ качествамъ, онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ своихъ согражданъ. Одинъ изъ его историковъ, Абульфеда, говоритъ, что Магометъ по своей честности и прямодушію

былъ извѣстенъ всѣмъ и даже получилъ прозвище «Аль-Аминъ», т. е. вѣрный. Могъ онъ искать еще власти и могущества, но въ такомъ случаѣ онъ могъ избрать множество другихъ, болѣе легкихъ путей. Въ его родѣ преемственно переходилъ, уже нѣсколько поколѣній, санъ блюстителя Каабы и вмѣстѣ съ тѣмъ главенство надъ священнымъ городомъ; Магометъ могъ добиваться этого сана и, при своемъ богатствѣ, прекрасныхъ душевныхъ качествахъ и всеобщемъ уваженіи къ нему, безъ сомнѣнія успѣлъ бы въ своихъ исканіяхъ. Но онъ пренебрегъ всѣмъ этимъ и избралъ другой путь. Могло быть наконецъ то, что Магометъ страдалъ ненасытнымъ честолюбіемъ и хотѣлъ непремѣнно совершить что-нибудь громкое, необычайное, чтобы прославить свое имя во всемъ человѣчествѣ. Но и тутъ, если бъ онъ былъ хитрый обманщикъ, то скоро бы оставилъ свое дѣло, видя начало совершенно неблагопріятное. У насъ въ учебникахъ говорится обыкновенно, что ученіе Магомета *быстро* распространилось при посредствѣ огня и меча. Но на самомъ дѣлѣ происходило это не такъ быстро. Магометъ долженъ былъ вытерпѣть много испытаній, переносить порицанія, насмѣшки, отчужденіе ближнихъ и родныхъ, наконецъ гоненіе, пока ученіе его не стало торжествовать. Въ первое время послѣ того какъ онъ объявилъ о своемъ призваніи преобразовать вѣру, ему нельзя было показаться на улицахъ Мекки: толпа бѣгала за нимъ съ бранью и грубыми насмѣшками, распѣвая злые пасквили, сложенные про него молодымъ поэтомъ Амру Ибнъ-эль-Аассомъ. Даже во время молитвы Магомета въ Каабѣ не давали ему покою, бросали въ него грязью, а одинъ разъ даже чуть не задушили его. Въ

четыре года своей проповѣди онъ пріобрѣлъ только пятнадцать явныхъ приверженцевъ: одиннадцать мужчинъ и четырехъ женщинъ; и тѣхъ на пятый годъ принужденъ былъ отправить въ Абиссинію, чтобы спасти отъ ярости своихъ враговъ. Противъ него самого вѣшаютъ въ Каабѣ приговоръ отчужденія, и въ продолженіе трехъ лѣтъ существуетъ запрещеніе входить въ какія бы то ни было сношенія съ нимъ и съ его приверженцами. Наконецъ онъ принужденъ былъ спасать свою жизнь бѣгствомъ въ Медину, скрываясь на пути въ пещерахъ и пустыняхъ. Всѣ эти факты очень ясно говорятъ противъ мнѣнія о Магометѣ какъ о безчестномъ обманщикѣ. «Зачѣмъ же онъ, — замѣчаетъ Ирвингъ, — сталъ бы стоять столько лѣтъ за свои обманы, которые у него отняли все земное, что у него было, и въ ту пору жизни, когда уже поздно было изобрѣтать что-либо сызнова» (стр. 255).

Какъ доказательство шарлатанства въ Магометѣ, приводятъ обыкновенно его мнимыя чудеса. Но въ этомъ случаѣ наши историки оказываются дѣтски легковѣрными, несравненно легковѣрнѣе даже многихъ изъ поклонниковъ пророка. Невѣжественная часть его почитателей сложила про него преданія, изукрашенныя всѣми чудесами восточной фантазіи. Противники его вѣры стали злостнымъ образомъ объяснять его чудеса, увѣряя, что онъ пріучалъ голубя клевать изъ своего уха, чтобы сказать народу, что это ангелъ прилеталъ къ нему; что онъ зарылъ тихонько въ землю горшки съ молокомъ и медомъ, чтобы потомъ всенародно вырыть ихъ, будто посланное небомъ, по его молитвѣ, и пр. Умнѣйшіе изъ мусульманскихъ писателей сдѣлали

гораздо проще: они сказали, что всѣ эти чудеса — позднѣйшія выдумки невѣжества, и что самъ Магометъ признавалъ одно только чудо — Коранъ. Это рѣшеніе мусульманскихъ писателей доказывается словами самого Магомета въ Коранѣ, приводимыми Ирвингомъ. «Какого вамъ нужно чуда больше, чѣмъ самъ Коранъ? — говоритъ Магометъ.— Книга откровеній, начертанная безграмотнымъ человѣкомъ, такая высота языка и неопровержимость доводовъ, что совокупное искусство людей и дьяволовъ не могло бы написать ничего подобнаго! Чего же еще больше въ доказательство того, что дать Коранъ могъ одинъ только Богъ? Самъ Коранъ — уже чудо». — Въ этихъ словахъ замѣчательно рѣзко выражается предпочтеніе, оказываемое Магометомъ внутреннимъ и нравственнымъ ручательствамъ дѣла предъ внѣшними, какъ бы посторонними признаками. Основываясь на такихъ свидѣтельствахъ и самого Магомета и лучшихъ его послѣдователей, Ирвингъ имѣлъ полное право сказать положительно: «Нѣтъ доказательствъ, чтобы Магометъ унизился до подобныхъ хитростей, подкрѣплялъ ими свое ученіе и утверждалъ притязаніе свое на апостольство. Онъ, кажется, вполнѣ опирался на свой умъ и краснорѣчіе, а въ первую, еще шаткую эпоху своего поприща поддержанъ былъ и религіознымъ одушевленіемъ» (стр. 59). Если же кто усомнился бы въ томъ, могли ли сложиться преданія о подобныхъ чудесахъ сами собою, можно привести разсказы о множествѣ чудесъ, совершившихся будто бы при самомъ рожденіи и въ малолѣтство Магомета. Разсказываютъ, что мать его не страдала муками рожденія, что необыкновенное сіяніе явилось на небѣ въ самую минуту его рожде-

нія, небо и земля колебались, озеро Сава потекло вспять, Тигръ вышелъ изъ береговъ, священный огонь Зороастровъ, хранившійся неугасимымъ уже болѣе тысячи лѣтъ, внезапно потухъ, и пр., и пр. Мулъ, на которомъ везли его, еще младенца, получилъ вдругъ даръ слова; когда онъ, еще мальчикомъ, легъ отдохнуть подъ скудной тѣнью засохшаго дерева, оно мгновенно покрылось свѣжей зеленью . . . Такихъ чудесныхъ разсказовъ необыкновенно много сохранилось въ преданіяхъ мусульманъ; суевѣрная толпа вѣритъ имъ, но болѣе умные послѣдователи умѣютъ смотрѣть на нихъ надлежащимъ образомъ.

Чѣмъ же объясняетъ Ирвингъ дѣятельность Магомета? Онъ очень просто считаетъ ее естественнымъ слѣдствіемъ его природныхъ наклонностей, воспитанія, характера страны, въ которой онъ жилъ, — всѣхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложился его характеръ и взглядъ на вещи. Просто, какъ умный человѣкъ, онъ понялъ нелѣпость сабеистическаго поклоненія звѣздамъ и идоламъ и гебрскаго обожанія огненнаго начала, — двухъ вѣръ, которыя въ его время господствовали въ Аравіи. Затѣмъ, въ своихъ путешествіяхъ съ караванами, въ которые пустился онъ съ 12-лѣтняго возраста, сходился онъ съ людьми разныхъ вѣръ и, между прочимъ, съ евреями и христіанами, отъ которыхъ узналъ о принципѣ единобожія. Получивъ потомъ возможность жить независимо, не занимаясь дѣлами торговли, Магометъ предался размышленіямъ о предметахъ богопочитанія, часто удалялся въ пещеры, въ которыхъ проводилъ по нѣскольку дней, изнурялъ себя постомъ, сосредоточивалъ духъ свой въ молитвѣ и наконецъ дошелъ

до такого состоянія, въ которомъ ему начали мерещиться разныя видѣнія, слышаться голоса и пр. Міръ собственной души принялъ для него такую осязательность, что онъ не могъ не приписать ему дѣйствительности явленій внѣшняго міра.

Все это вполнѣ естественно и тысячу разъ повторялось другими людьми, которые вовсе не хотѣли обманывать, а сами бывали обмануты галлюцинаціями собственнаго воображенія. Тѣмъ болѣе естественно это было въ Магометѣ, отличавшемся пылкостью чувствъ и воображенія даже предъ своими восточными соплеменниками. Точно также весьма естественно физіологически и то явленіе, что Магометъ всегда приходилъ въ нѣкоторый родъ изступленія предъ тѣмъ какъ хотѣлъ высказать вновь открытую ему волю Божію. У него были припадки падучей болѣзни, при которыхъ нервное раздраженіе увеличивалось, и видѣнія представлялись ему яснѣе, чѣмъ когда-нибудь. Онъ объяснялъ однажды своимъ приверженцамъ, что знаетъ о приближеніи откровенія по особенному звону, который слышитъ у себя въ ушахъ; а это есть одинъ изъ симптомовъ, обыкновенно означающихъ приближеніе припадка падучей болѣзни. По всѣмъ этимъ соображеніямъ нельзя не видѣть въ Магометѣ энтузіаста, одушевленнаго горячимъ негодованіемъ противъ идолопоклонства и старающагося обратить своихъ соплеменниковъ къ новой вѣрѣ, которая, послѣ его созерцанія, составилась у него въ головѣ — отчасти изъ собственныхъ соображеній, отчасти же изъ вещей, узнанныхъ имъ отъ евреевъ и разныхъ христіанскихъ сектъ, существовавшихъ тогда въ Аравіи. Что онъ всѣ свои мысли выдавалъ за боговдохно-

венныя—это опять объясняется его мистическимъ самообольщеніемъ и вовсе не служитъ доказательствомъ того, что онъ былъ злонамѣренный обманщикъ.

Какимъ же образомъ вышелъ завоеватель изъ этого энтузіаста, искавшаго только распространенія своей вѣры? Какими силами придалъ онъ воинственность *номадамъ* Аравіи? Вотъ здѣсь-то особенно и видно ничтожество личности предъ общимъ ходомъ исторіи. Дѣло въ томъ, что онъ самъ былъ вызванъ на это своими послѣдователями. Принятый хорошо въ Мединѣ, онъ продолжалъ открыто проповѣдывать и пріобрѣталъ множество поклонниковъ между богомольцами, приходившими въ Медину. Въ числѣ ихъ было много молодыхъ, отважныхъ арабовъ, привыкшихъ къ хищничеству, постоянно упражнявшихся въ войнѣ и доселѣ не производившихъ значительныхъ завоеваній только потому, что не было общаго интереса, который бы связалъ ихъ въ одномъ дѣлѣ . . . Племена были разъединены и безпрестанно воевали одно съ другимъ: никто не думалъ обратить свое оружіе на служеніе какому-нибудь другому дѣлу, кромѣ племенной вражды. Эта племенная вражда выразилась и теперь, когда они соединились въ вѣрѣ магометовой. Они вызвали его на мщеніе корейшанамъ, потомкамъ одного съ нимъ племени, но изъ другой отрасли, враждебной гашемидамъ. И первыя воинскія предпріятія мусульманъ обращены были, дѣйствительно, противъ мекккскихъ каравановъ, принадлежавшихъ корейшанамъ. Это былъ тотъ же степной разбой, къ какому давно привыкли арабы, но теперь Магометъ долженъ былъ узаконить его, сказавши, что Аллахъ послалъ его съ мечомъ въ

рукахъ утвердить господство истинной вѣры, и что поэтому нападать на враговъ пророка есть дѣло похвальное. Долго всѣ предпріятія Магомета не выходили изъ предѣловъ этой племенной вражды, соединенной съ ревностью о распространеніи вѣры. Даже взятіе Мекки, предавшее въ руки его почти всю Аравію, было предпринято не безъ разсчета уничтожить господство кореишанъ, въ рукахъ которыхъ находилось тогда храненіе Каабы. Но такова обольстительная сила власти: чѣмъ Магометъ становился могущественнѣе, тѣмъ дальше простирались его замыслы, и мало-по-малу самая пропаганда вѣры принимаетъ у него завоевательный характеръ. Послѣ одной неудачной битвы (при Оходѣ), когда всѣ были поражены отчаяніемъ, Магометъ открылъ всѣмъ положеніе о предопредѣленіи, будто бы ниспосланное ему Богомъ въ это самое время. Извѣстно, какъ много задержало оно развитіе мусульманскаго Востока впослѣдствіи; но нельзя обвинять въ этомъ только Магомета. Мысль о предопредѣленіи, явившаяся въ головѣ Магомета со всей опредѣленностью, была вполнѣ естественна въ головѣ каждаго араба того времени, да и вообще всякаго восточнаго человѣка, столь лѣниваго на дѣятельность мысли. На первый же разъ, пока продолжались завоеванія, она была очень полезна исламу. Ирвингъ замѣчаетъ, что ту же самую мысль о предопредѣленіи Наполеонъ старался внушать своимъ солдатамъ — и не безъ успѣха.

Такіе результаты извлекаются, между прочимъ, изъ данныхъ, представленныхъ въ книгѣ Ирвинга. Она можетъ представить еще много подобныхъ фактовъ и соображеній; но мы не касаемся ихъ, потому что это могло бы далеко завести насъ. Мы

хотѣли только сдѣлать нѣсколько указаній на тѣ стороны историческаго явленія, которыя особенно въ ложномъ свѣтѣ представляются обыкновенно въ нашихъ курсахъ исторіи, не вѣрящихъ, какъ видно, возможности естественнаго объясненія историческихъ событій.

Стихотворенія Н. М. Языкова.

При нихъ приложены: его портретъ, fac-simile, свѣдѣнія о его жизни и значеніи и написанное о немъ въ разныхъ періодическихъ и другихъ изданіяхъ. Двѣ части. Спб. 1858 г.

Языковъ — тоже славянофилъ въ своемъ родѣ, и вотъ почему нисколько неудивительно, что г. Перевлѣсскій, издавшій уже славянскую грамматику и хрестоматію (въ которую, впрочемъ, не попалъ Языковъ), издаетъ между прочимъ и Языкова. Стихотворенія этого «пѣвца вина и страсти нѣжной» до того нравятся г. Перевлѣсскому, что онъ, не довольствуясь однимъ разомъ, считаетъ нужнымъ для удовольствія читателей напечатать нѣкоторыя изъ нихъ два раза въ одной и той же книжкѣ. Такъ, напр., въ первой части, на стр. 4, напечатаны три элегіи, а на стр. 94—95 той же части — тѣ же элегіи, только ужъ каждая порознь. На стр. 96 первой части посланіе «Т—ву»; а на стр. 296 второй части то же посланіе съ заглавіемъ: «Татаринову». Изъ этого видно, что желаніе нѣкотораго библіографа, чтобы всѣ русскіе поэты изданы были такъ же тщательно, какъ теперь Языковъ, не совсѣмъ справедливо. Впрочемъ, изданіе г. Перевлѣсскаго хорошо тѣмъ, что въ немъ помѣщены всѣ статьи, какія были

написаны по поводу стихотвореній Языкова. Вмѣстѣ съ статьями гг. Погодина, Шевырева, Ксенофонта Полевого, тутъ же есть и отзывъ Бѣлинскаго, который повторять нѣтъ нужды. Для любителей веселаго чтенія тутъ же находится и рецензія «Библіотеки для Чтенія», весьма остроумная.

Не считая нужнымъ входить въ разсужденія по поводу значенія Языкова въ исторіи русской литературы, мы рѣшаемся указать только на одну сторону таланта Языкова, болѣе другихъ почтенную, но менѣе извѣстную русской публикѣ. На Языкова смотрятъ обыкновенно какъ на пѣвца разгула, вина, сладострастія, или какъ на возвышеннаго патріота, бранившаго всѣхъ нѣмцевъ нехристью, прославившаго Москву, старину, и хваливщаго.

Метальный, звонкій, самогудный,
Разгульный, мѣткій нашъ языкъ...

Все это было въ своемъ родѣ превосходно. Но мы считаемъ нелишнимъ указать также и на первое время поэтической дѣятельности Языкова, когда «шалости любви нескромной, пиры и разгулъ» воспѣвалъ онъ только между прочимъ, а лучшую часть своей дѣятельности посвящалъ изображенію чистой любви къ родинѣ и стремленій чистыхъ и благородныхъ. Въ то время муза его была еще свободна отъ многихъ предразсудковъ кружка, которые замѣтны въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ послѣднихъ годовъ его жизни. Тогда онъ воспѣвалъ родину — не какъ безусловно-совершенную страну, которой одно имя должно повергать въ священный трепетъ, не говоря уже о ея пространствѣ, ея рѣкахъ, морозахъ, кулакахъ и прочихъ затѣяхъ русской остроты. Нѣтъ, источникъ его тогдашняго сочувствія

къ родинѣ былъ гораздо выше: онъ славилъ ея подвиги, ея благородные порывы безъ всякаго затаеннаго желанія приписать ихъ именно извѣстному времени или странѣ. Онъ потому любилъ родину, что видѣлъ въ ней много великаго или по крайней мѣрѣ способности къ великому и прекрасному; а вовсе не находилъ прекраснымъ и великимъ все русское — только потому, что оно народное — русское. Впослѣдствіи времени Языковъ уклонился отъ своего первоначальнаго, чистаго направленія и сначала призналъ разгулъ очень хорошею вещью, воображая, что тутъ сидитъ русская народность.

Не призывай чужого Бога,
Живи и *пей по своему,*

совѣтовалъ онъ одному изъ своихъ пріятелей.

Такъ точно впослѣдствіи увлекся онъ другими особенностями русской природы и жизни, и, воображая, что въ нихъ-то и есть чистая народность, издѣвался надъ нѣмцами, не умѣющими ходить по гололедицѣ, увѣрялъ съ увлеченіемъ, что картины Волги краше, чѣмъ распрекрасный Кавказъ, да побранивалъ, и очень безцеремонно, — тѣхъ, кому не нравились публичныя лекціи г. Шевырева, въ которыхъ, по выраженію поэта, ожила —

Святая Русь — и величава,
И православна, какъ была...

Всего этого не было въ произведеніяхъ ранней молодости поэта, въ періодъ 1822—1825 гг. Тогда онъ обращался къ временамъ бѣдствій Россіи, среди которыхъ именно могъ проявиться великій духъ народа. Таковы, напр., пѣсни барда изъ временъ монгольскаго ига. Вотъ что поетъ бардъ, обращаясь

къ Дмитрію Донскому, предъ битвой съ Мамаемъ (стих. Языкова, ч. I, стр. 25):

„Твои отцы — славяне были,
Желѣзомъ страшные врагамъ;
Чужія руки ихъ рукамъ
Не цѣпи — злато приносили,
И не свобода ль имъ дала
Ихъ знаменитыя дѣла?

Когда съ толпой отважныхъ братій
Ты грозно кинешься на бой, —
Кто, сильный, сдержитъ предъ тобой
Враговъ тьмочисленныя рати?
Кто сгонитъ блѣдность съ ихъ лица,
При видѣ гнѣвнаго бойца?

Рука свободнаго сильнѣе
Руки, измученной ярмомъ:
Такъ съ неба падающій громъ
Подземныхъ грохотовъ звучнѣе;
Такъ пѣснь побѣдная громчѣй
Глухаго скрежета цѣпей!..

Освобожденіе Руси отъ ига монгольскаго внушило Языкову нѣсколько стихотвореній, которыя, по силѣ выраженія и по чистотѣ выражаемаго въ нихъ чувства — любви къ отечеству, должны быть отнесены къ числу лучшихъ его произведеній. Нельзя безъ удовольствія перечитывать даже въ настоящее время его «Пѣсни барда во время владычества татаръ въ Россіи» (стр. 18). Она сопровождается у Языкова примѣчаніями, взятыми изъ исторіи Карамзина и поясняющими его выраженія (Стих. Языкова, ч. I, стр. 18—19); но мы полагаемъ, что читатели наши не нуждаются въ этихъ примѣчаніяхъ, и потому приведемъ только самые стихи, ярко рисующіе бѣдствія Руси при татарахъ.

И вы сокрылися, вѣка полночной славы,
Побѣдъ и вольности вѣка!
Такъ сокрывается ликъ солнца величавый
За громовыя облака.
Но завтра солнце вновь возстанетъ...
А мы... намъ долго цѣпи влечь;
Столѣтья протекутъ, и русскій мечъ не грянетъ
Тиранства гордаго о мечъ.
Неутомимыя страданья
Погубятъ память объ отцахъ,
И геній рабскаго молчанья
Возсядетъ, вѣчный, на гробахъ.
Теперь вотще младой баянъ
На голосъ предковъ запѣваетъ:
Жестокихъ бѣдствій ураганъ
Рабовъ полмертвыхъ оглашаетъ;
И онъ, дрожащею рукой
Подявъ холодные желѣзы.,
Мотчитъ, смотря на нихъ сквозь слезы.

Тѣ же чувства выражаются и въ другихъ стихотвореніяхъ ранней поры Языкова. Но, къ сожалѣнію, источникъ ихъ былъ не въ твердомъ, ясно-сознанномъ убѣжденіи, а въ стремительномъ порывѣ чувства, не находившаго себѣ поддержки въ просвѣщенной мысли. Въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, главный недостатокъ всѣхъ поэтовъ пушкинскаго кружка. Языковъ не могъ удержаться сознательно на этой высотѣ, на которую его поставило непосредственное чувство; у него недоставало для этого зрѣлыхъ убѣжденій и просвѣщеннаго умѣнья опредѣлить себѣ ясно и твердо свои стремленія и требованія отъ своей музы. Оттого-то во всей его поэтической дѣятельности выражается какое-то намѣреніе, никогда не исполняемое, потому что поэтъ безсиленъ его исполнить. Онъ восклицаетъ иногда довольно рѣшительно:

Во прахъ надежды мелочныя,
И дѣлъ и мыслей мишура!
У насъ надежды золотыя
Сердца насытить молодыя —
Дѣлами чести и добра! ..

И въ то же самое время тотъ же поэтъ восклицаетъ съ неменьшею рѣшительностью:

Послѣдній громъ ребромъ поставлю,
Упьюсь во имя прошлыхъ дней
И поэтически отправлю
Помники юности моей!

Такъ вотъ чѣмъ насыщаются молодыя надежды относительно чести и добра! Вотъ гдѣ поэзія находитъ полное осуществленіе!

Немного спустя Языковъ опять говоритъ въ стихотвореніи «Поэту»:

Иди ты въ міръ, да слышитъ онъ пророка, –
Но въ мірѣ будь величествен и святъ!
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси и не бери наградъ.
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ;
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ!..

Переверните страницу (7-ю) въ нынѣшнемъ изданіи стихотвореній Языкова, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, и вы прочтете въ стихотвореніи «Кубокъ»:

Горделивый и свободный,
Чудно пьянствуетъ поэтъ!

Кубокъ взялъ; душѣ угодны
Этотъ образъ, этотъ цвѣтъ;
Сѣлъ и налилъ; ихъ ласкаетъ
Взоромъ, словомъ и рукой... И пр.

Вотъ каковъ этотъ смѣлый и отважный орелъ, этотъ пророкъ, грядущій въ міръ! Вотъ каковы его поэтическіе звуки, стройные и сладостные.

Въ которыхъ рабъ свои забудетъ муки
И царь Саулъ заслушается ихъ.

Поэтъ напрасно ищетъ во всемъ мірѣ этого чуднаго забвенія; онъ находитъ его только въ винѣ.

Съ теченіемъ времени остепенился и Языковъ. Г. Перевлѣсскій говоритъ объ этомъ съ откровеннымъ простодушіемъ, можетъ быть даже не чуждымъ ироніи, — по крайней мѣрѣ оборотъ рѣчи, употребленный издателемъ Языкова, не особенно благопріятенъ для послѣдняго періода дѣятельности поэта. «Во время странствованій Языкова по цѣлебнымъ водамъ, — пишетъ г. Перевлѣсскій, — въ годы тяжкихъ страданій отъ сокрушительнаго недуга, разгульный строй его лиры нерѣдко мѣнялся на важный и торжественный; вмѣсто игривыхъ, разудалыхъ пѣсенокъ слышались спокойныя, величавыя и благоговѣйныя пѣснопѣнія отчизнѣ и религіи». Итакъ, нужны были страданія сокрушительнаго недуга, чтобы отучить Языкова отъ его пѣсенокъ! Но, отучивши отъ пѣсенокъ, къ чему же болѣзнь пріучила его? Ни къ чему рѣшительно. Въ это время, какъ и прежде подъ вліяніемъ важнаго настроенія духа, Языковъ могъ написать двѣ-три возвышенныхъ пьесы; но общій характеръ, содержаніе поэзіи до конца жизни осталось у Языкова одно и то же. Измѣненіе только въ томъ, что поэтъ безпрестанно *сожалѣетъ* о томъ, что прежде

воспѣвалъ съ такимъ восторгомъ. Изъ пьесъ серьезнаго направленія, написанныхъ Языковымъ въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ его жизни, есть одна дѣйствительно замѣчательная вещь — «Стихи на памятникъ Карамзину». Особенною живостью и силою отличается здѣсь изображеніе временъ Грознаго. Но, вообще говоря, безсиліе Языкова предъ серьезными вопросами и идеями было въ концѣ жизни, можетъ быть, еще больше, чѣмъ въ началѣ его поэтической дѣятельности. Въ стихотвореніи «Землетрясеніе» онъ задаетъ поэту задачу, которою, какъ извѣстно, восхищался Гоголь:

Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли,
Несись душой превыше страха
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердцѣ примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

И прежде, какъ мы видѣли, Языковъ призывалъ поэта къ проповѣданію истинъ людямъ; теперь онъ только иначе мотивируетъ свое требованіе. Какъ же это призваніе выражается у него въ тотъ періодъ его поэзіи, къ которому относится «Землетрясеніе»? Вотъ какъ:

Въ Москвѣ тамъ васъ, — я помню, я
Не разъ, не два, и всенародно,
Пѣлъ горячо и превосходно,
Громко-хвалебными стихами
Усердно поклонялся вамъ.
И подобаетъ тѣмъ стихамъ
Хвала моя...

...Смотрите вотъ:
Лишь мало-мальски успокоенъ

Въ моемъ житьѣ, еще разстроенъ
Толпой болѣзненныхъ заботъ
Почти весь день, еще надеждѣ
Почти не смѣю довѣрять,
Что буду никогда опять
Такимъ, какимъ бывалъ я прежде.

Смѣемъ думать, что послѣдніе стихи относятся не къ одному только возстановленію здоровья поэта, а и къ его поэтическому характеру. То же можетъ подтвердить и другое посланіе, относящееся къ тому же времени и начинающееся стихами:

Въ достопамятные годы
Милой юности моей,
Вы меня, пѣвца свободы
И студентскихъ кутежей,
Восхитительно ласкали,

и продолжающееся такъ:

Поэтически-живая,
Отцвѣла весна моя,
И дана мнѣ жизнь иная,
Жизнь тяжелая, — но я...
Тотъ же я...

Оба эти стихотворенія писаны, какъ видно, тогда, когда Языковъ немножко выздоравливалъ. Они объясняютъ намъ, какъ смотрѣть на его грустныя сожалѣнія о томъ, что онъ вину и кутежу

Уже не можетъ, какъ бывало,
Пѣть вольнодумную хвалу...

Да, въ натурѣ Языкова были, конечно, нѣкоторые задатки хорошаго развитія; но у него мало было внутреннихъ силъ для разумнаго поддержанія своихъ добрыхъ инстинктовъ. Онъ погубилъ свой талантъ, воспѣвая пирушки да побранивая нѣмецкую нехристь, тогда какъ онъ могъ обратиться къ пред-

метамъ, гораздо болѣе высокимъ и благороднымъ. Такъ, впрочемъ, погибъ не одинъ онъ: участь его раздѣляютъ, въ большей или меньшей степени, всѣ поэты пушкинскаго кружка. У всѣхъ ихъ были какіе-то неясные идеалы, всѣмъ имъ виднѣлась «тамъ, за далью непогоды» какая-то блаженная страна. Но у нихъ недоставало силъ неуклонно стремиться къ ней. Они были слабы и робки . . .

А туда выносятъ волны
Только сильнаго душой!...

Сочиненія С. Аксакова.

I.

Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы.

„Дѣтскіе годы Багрова-внука“, служащіе продолженіемъ „Семейной хроники“ *С. Аксакова.* Москва. 1851 г.

Рѣшаясь говорить о книгѣ г. Аксакова, мы прежде всего отстраняемъ отъ себя всякое сужденіе о художественныхъ достоинствахъ этой книги. Распространяться о нихъ мы считаемъ излишнимъ по многимъ причинамъ, изъ которыхъ главныя состоятъ въ томъ, что, во-первыхъ, это было бы крайне скучно, а во-вторыхъ, что мы слишкомъ уважаемъ фактическую правду мемуаровъ г. Аксакова, чтобы силиться отыскать въ нихъ еще правду художественную. Мы согласны, конечно, что и въ самыхъ правдивыхъ воспоминаніяхъ можетъ быть много художественныхъ достоинствъ, состоящихъ въ способѣ представленія предметовъ и даже въ самомъ изложеніи. Но кому же было бы интересно слѣдить за ними, если бы мы стали отыскивать подобныя достоинства въ «Дѣтскихъ годахъ» г. Аксакова? Ровно два года тому назадъ всѣ журналы полны

были восторженными похвалами художественному таланту г. Аксакова, обнаруженному имъ въ «Семейной хроникѣ» Авторитетъ С. Т. Аксакова установился съ тѣхъ поръ незыблемо. Его нѣкоторые поставили главою современной русской литературы, и этому никто не думалъ противорѣчить, исключая г. К. С. Аксакова, который въ началѣ прошлаго года, обозрѣвая въ «Русской Бесѣдѣ» современную нашу литературу, выразилъ мнѣніе, діаметрально противоположное взглядамъ поклонниковъ С. Т. Аксакова. Именно, г. К. С. Аксаковъ объявилъ, что С. Т. Аксаковъ не только не есть глава современной русской литературы, но даже вовсе и не принадлежитъ къ ней, а стоитъ какъ-то «совершеннымъ особнякомъ». Должно полагать, впрочемъ, что и этотъ, столь неблагопріятный, отзывъ вызванъ былъ болѣе потребностью сказать и здѣсь хоть что-нибудь въ пику западникамъ, превозносившимъ «Семейную хронику», нежели дѣйствительнымъ желаніемъ отнять С. Т. Аксакова у современной русской литературы. Какъ бы то ни было, въ послѣдніе два года С. Т. Аксаковъ, по призванію всѣхъ своихъ поклонниковъ, занялъ безспорно первое мѣсто въ ряду русскихъ писателей. Этого мало: художественныя достоинства произведеній С. Т. Аксакова были такъ ярки, что обратили вниманіе многихъ на нравственныя качества самого автора и доставили ему всеобщее уваженіе уже просто — какъ человѣку; — поразительное доказательство этого уваженія мы видѣли недавно въ студентахъ казанскаго университета, праздновавшихъ свой университетскій юбилей. Но еще болѣе разительный примѣръ представили петербургскіе студенты: задумавши издавать «Сборникъ» своихъ

ученыхъ трудовъ, они сочли долгомъ испросить на это одобреніе г. Аксакова и были въ великомъ восторгѣ, когда авторъ «Современной хроники» одобрилъ ихъ намѣреніе издавать ученый сборникъ. Вскорѣ послѣ того одинъ студентъ, писавшій въ «Молву» письма о томъ, что онъ «Молвѣ» очень сочувствуетъ, а петербургскихъ журналовъ не терпитъ за то, что они ограничиваются случайными возврѣніями своихъ случайныхъ сотрудниковъ, — этотъ самый студентъ, отъ лица всего петербургскаго университета, называлъ С. Т. Аксакова другомъ человѣчества и русскаго народа и даже «*мѣриломъ истины и справедливости*». Все это мы припоминаемъ затѣмъ, чтобы показать, до какой степени великъ авторитетъ С. Т. Аксакова въ глазахъ многочисленныхъ его поклонниковъ. Нашъ голосъ ничего не могъ бы прибавить къ извѣстности автора «Дѣтскихъ годовъ», какъ бы мы ни разсыпались въ похвалахъ имъ; точно также какъ безплодны были бы всѣ наши усилія, если бы мы вздумали доказывать, что новая книга г. Аксакова не имѣетъ такихъ достоинствъ, какъ его прежнія воспоминанія. Поэтому мы рѣшили, что гораздо благоразумнѣе будетъ съ нашей стороны не утомлять читателей подробнымъ анализомъ художественныхъ совершенствъ или недостатковъ «Дѣтскихъ годовъ». Авторитетъ г. Аксакова утвердился въ общественномъ мнѣніи, а разъ утвердившіеся авторитеты держатся въ немъ до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ значительной перемѣны вообще въ понятіяхъ и направленіи общества. Возставать же противъ общественнаго мнѣнія благонамѣренная критика можетъ и должна только тогда, когда вліяніе авторитета оказывается вреднымъ для общества. Но ли-

тературная дѣятельность С. Т. Аксакова такъ чиста и благородна, что критикѣ остается съ радостью принять общій приговоръ публики. Значеніе прежнихъ разсказовъ г. Аксакова было утверждено публикою; она же рѣшитъ и значеніе новой его книги. Намъ остается сказать немного о содержаніи «Дѣтскихъ годовъ», а потомъ мы намѣрены обратить вниманіе читателей на одну сторону воспоминаній г. Аксакова [1], особенно насъ заинтересовавшую,

---

[1] Мы называемъ „Дѣтскіе годы" воспоминаніями г. Аксакова, несмотря на то, что онъ самъ прикрылся здѣсь именемъ Багрова, отъ лица котораго ведетъ „Семейную хронику". Не понимая, къ чему можетъ служить дальнѣйшее удержаніе псевдонима, раскрытаго уже самимъ авторомъ, мы не считаемъ нескромностью называть здѣсь С. Т. Аксакова собственнымъ именемъ. Мы, конечно, не осмѣлились бы сдѣлать этого, если бы предъ нами не было „Воспоминаній" г. Аксакова, изданныхъ имъ два года тому назадъ отъ своего имени и служащихъ непосредственнымъ продолженіемъ „Дѣтскихъ годовъ". Послѣдняя глава „Дѣтскихъ годовъ" оканчивается тѣмъ, что родители Багрова, Алексѣй Степановичъ и Софья Алексѣевна, отправляются вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Сережей въ Казань помолиться тамошнимъ чудотворцамъ изъ села Чурасова, Симбирской губерніи, гдѣ они гостили у тетушки Прасковьи Ивановны. Съ ними отправилась Параша, нянька Сережи, а младшій братъ и сестра его остались въ Чурасовѣ. Это было въ январѣ мѣсяцѣ. „Я поѣхалъ — говоритъ Сережа Багровъ, — не мечтая о томъ, что ожидало меня впереди. А впереди ожидало меня начало важнѣйшаго событія въ моей жизни"... При этомъ г. Аксаковъ замѣчаетъ: „Здѣсь прекращается повѣствованіе Багрова-внука о своемъ дѣтствѣ. Онъ утверждаетъ, что дальнѣйшіе разсказы относятся уже не къ дѣтству его, а къ отрочеству". Эти самые разсказы, относящіеся къ отрочеству, находимъ мы въ „Воспоминаніяхъ" самого г. Аксакова, которые начинаются такимъ образомъ: „Въ серединѣ зимы 1790 г. мы пріѣхали въ губернскій городъ К. Мнѣ было восемь лѣтъ... Сестра моя и братъ, оба меня моложе, остались въ Симбирской губерніи, въ богатомъ селѣ Чуфаровѣ, у двоюродной тетки моего отца, отъ которой въ будущемъ ожидали мы наслѣдства... Отецъ и мать ѣздили въ соборъ помолиться и еще куда то, по своимъ дѣламъ, но меня не брали съ собою, боясь жестокихъ крещенскихъ морозовъ. Обѣдали они дома, но послѣ опять уѣхали; утомленный новыми впечатлѣніями, я заснулъ ранѣе обыкновеннаго, болтая и слушая болтовню пріѣхавшей съ нами женщины Параши". Уже одного это о начала достаточно было бы для убѣжденія внимательнаго читателя въ тождествѣ Аксакова и Багрова. Но далѣе, въ продолженіе собственныхъ воспоминаній г. Аксакова, безпрестанно попадаются такія вещи, которыя, наконецъ, уничтожаютъ всякое сомнѣніе въ головѣ самаго недогадливаго читателя. Село Багрово, описанное въ „Дѣтскихъ годахъ", совершенно

именно на то, какою является въ его разсказахъ жизнь нашихъ старинныхъ помѣщиковъ въ ихъ деревняхъ.

Всѣ воспоминанія, находящіяся въ «Дѣтскихъ годахъ», относятся къ деревенской жизни помѣщиковъ, — родныхъ Багрова, въ Багровѣ и Чурасовѣ, и къ переѣздамъ изъ одного села въ другое. Немного страницъ посвящено описанію жизни въ Уфѣ. Въ изображеніяхъ природы и своихъ личныхъ впечатлѣній авторъ отличается тою же обстоятельностью, какая замѣтна была и въ прежнихъ его произведеніяхъ. Намъ кажется даже, что здѣсь эта обстоятельность выразилась еще болѣе, нежели въ прежнихъ произведеніяхъ г. Аксакова. Причина этого очень понятна: воспоминанія дѣтства всегда живѣе представляются человѣку, нежели воспоминанія о послѣдующихъ годахъ его жизни.

то же, что и Аксаково въ „Воспоминаніяхъ“: и въ томъ и другомъ селѣ — тотъ же Бугуруславъ, тѣ же Антошкины мостки, Мордовскій врагъ, тѣ же слуги — Никаноръ Танайченокъ, Иванъ Мазанъ, тотъ же дядька Ефремъ Евсеичъ та же ключница Палагея съ тою же сказкою объ „аленькомъ цвѣточкѣ“; въ окрестностяхъ — тѣ же селы: Неклюдово и Мордовскій Бугуруславъ. Даже самыя ничтожныя подробности сходятся слишкомъ близко, чтобы не замѣтить ихъ тождества. Вотъ примѣръ. Въ Багровѣ описывается маленькій островокъ на Бугуруславѣ такимъ образомъ: „Тамъ было очень хорошо: берега были обсажены березами, которыя разрослись, широко раскинулись и давали густую тѣнь; липовая аллея пересѣкала островъ по серединѣ; она была тѣсно насажена, и подъ нею вѣчно былъ сумракъ и прохлада. . На островъ нерѣдко съ нами хаживала тетушка Татьяна Степановна Сидя подъ освѣжительной тѣнью на берегу широко и рѣзво текущей рѣки, иногда съ удочкой въ рукѣ, охотно слушала она мое чтеніе... Тетушка любила дѣлать надписи на бѣлой и гладкой кожѣ березъ и даже вырѣзывала иногда ножичкомъ или накалывала толстой булавкой разные стишки изъ своего пѣсенника“ („Дѣтскіе годы“, стр. 375—7). А вотъ описаніе подобнаго же островка уже не въ Багровѣ, а въ Аксаковѣ. „Это было любимое мѣсто моей тетки Евгеніи Степановны, все засаженное по берегу рѣки березами и пересѣченное по серединѣ липовой аллеей... Евгенія Степановна, хотя и не получила никакого воспитанія, какъ и всѣ ея сестры, но имѣла въ душѣ какое-то влеченіе къ образованности и любовь къ природѣ. У ней водились

Тѣмъ болѣе должно было проявиться это въ г. Аксаковѣ, который, какъ видно изъ его воспоминаній, всегда отличался болѣе субъективной наблюдательностью, нежели испытующимъ вниманіемъ въ отношеніи къ внѣшнему міру. Эта субъективная наблюдательность началась въ немъ весьма рано. Онъ разсказываетъ, что помнитъ себя, когда отнимали его отъ кормилицы, и даже нѣсколько раньше. «Я помню себя,—говоритъ онъ,—лежащимъ ночью то въ кроваткѣ, то на рукахъ матери и горько плачущимъ: съ рыданіемъ и воплями повторялъ я одно и то же слово, призывая кого-то, и кто-то являлся въ сумракѣ слабо освѣщенной комнаты, бралъ меня на руки, клалъ къ груди, и мнѣ становилось такъ хорошо». Такимъ простодушно-правдивымъ характеромъ отличаются всѣ записки о дѣтскихъ годахъ Багрова, и мы ни на одной страницѣ ихъ не нашли,

---

кое-какія книжечки: старинные романы (вѣроятно доставленные ей братомъ) и театральныя пьески. Тетка любила читать книжку на островѣ и удить рыбку въ глубокой Старицѣ. На многихъ березахъ вырѣзала она свое имя и числа разныхъ годовъ и мѣсяцевъ, даже какіе-то стишки изъ нѣсенника". („Сем. Хр." и „Восп.", стр. 250). Примѣровъ такого сходства всего багровскаго съ аксаковскимъ мы могли бы найти очень много: но — полагаемъ — довольно и одного для полнаго убѣжденія, что подъ именемъ Багрова С. Т. Аксаковъ разсказываетъ свои собственныя воспоминанія. Мы особенно настаиваемъ на этомъ тождествѣ именно потому, что хотимъ разсматривать не художественную, а фактическую сторону „Дѣтскихъ годовъ". Какъ бы факты ни были согласны съ самою природой вещей, какъ бы рельефно и осязательно ни были они представлены, но все же то, что случилось съ неизвѣстнымъ намъ миѳическимъ Багровымъ, никогда не можетъ имѣть такого реальнаго, историческаго значенія, какъ то, о чемъ разсказываетъ намъ, какъ очевидецъ, С. Т. Аксаковъ. Его воспоминаніями мы будемъ пользоваться какъ мемуарами, заключающими въ себѣ дѣйствительно случившіяся событія, безъ всякой примѣси поэтическаго вымысла. Вотъ почему постарались мы прежде всего обратить вниманіе на тождество Багрова съ авторомъ „Воспоминаній", тождество, уже раскрытое, но не объясненное прямо самимъ авторомъ. Сдѣлавши эти необходимыя замѣчанія, мы уже, нисколько не стѣсняясь, будемъ употреблять имя г. Аксакова вмѣсто вымышленнаго имени Багрова, — гдѣ это будетъ нужно.

чтобы авторъ ихъ усиливался возвысить какою-нибудь художественною прибавкою простую правду своихъ воспоминаній. Видно, что онъ безыскусственно повѣрялъ бумагѣ все, что ему рисовала его память, не стѣсняясь даже, что въ дѣтской жизни его было много моментовъ, до извѣстной степени повторявшихъ другъ друга. Онъ дорожилъ каждою подробностью и записывалъ ее столько разъ, сколько разъ она припоминалась. Такъ много разъ описываетъ онъ дорогу, уже знакомую читателямъ, много страницъ занимаетъ подробнымъ изображеніемъ своихъ чувствъ, уже не въ первый разъ появляющихся въ его душѣ [2].

---

[2] Чтобы не дѣлать длинныхъ выписокъ, мы ограничимся здѣсь, для подтвержденія своихъ словъ, тѣмъ, что выпишемъ изъ „Дѣтскихъ годовъ" изображеніе того, какъ встрѣчаютъ молодыхъ Багровыхъ каждый разъ, какъ они пріѣзжаютъ въ это село.

(Стр. 77.) „Бабушка и тетушка встрѣтили насъ на крыльцѣ. Онѣ съ восклицаніями и, какъ мнѣ показалось, со слезами обнимались и цаловались съ моимъ отцомъ и матерью, а потомъ и насъ съ сестрой перецаловали..."

(Ст. 107.) „Двери были растворены настежь; въ сѣняхъ уже стояли бабушка, тетушка и двоюродныя сестрицы. Дождь лилъ какъ изъ ведра, такъ что на крыльцо нельзя было выдти, подъѣхала карета, въ окошкѣ мелькнулъ образъ моей матери и, съ этой минуты я ничего не помню..."

(Стр. 202.) „Насъ ожидали, догадались, что это мы ѣдемъ, и потому, несмотря на ночное время и стужу, бабушка и тетушка Татьяна Степановна встрѣтили насъ на крыльцѣ: обѣ плакали навзрыдъ.."

(Стр. 256.) „Когда мы подъѣхали къ дому, бабушка, въ погода очень постарѣвшая, и тетушка Татьяна Степановна стояли уже на крыльцѣ. Бабушка съ искренними, радостными слезами обняла моего отца и мать".

(Стр. 327.) „Тетушка выбѣжала на крыльцо и очень намъ обрадовалась, а бабушка еще больше: изъ мутныхъ, безцвѣтныхъ и какъ будто потухшихъ глазъ ея катились крупныя слезы. Она благодарила отца и особенно мать...". И проч.

(Стр. 450.) „Нашу карету увидѣли издали, когда она начала спускаться съ горы, а потому не только тетушки и дяди, но вся дворня и множество крестьянъ и крестьянокъ собрались у крыльца. Можно себѣ вообразить, сколько тутъ было слезъ, рыданій причитаній, обниманья и цалованья..."

Въ этихъ шести встрѣчахъ есть нѣкоторая разница; но она понятна болѣе для автора, нежели для читателя, который, при однооб-

Каждый изъ этихъ частныхъ моментовъ, изъ этихъ особенныхъ состояній, внесенъ авторомъ въ «Записки» конечно, потому, что для него самого они имѣютъ все-таки свои оттѣнки, свои различія, хотя различія эти неуловимы для читателя. Но зато тѣмъ болѣе довѣрія внушаютъ разсказы г. Аксакова, тѣмъ живѣе является передъ нами эта жизнь, не составленная художественнымъ образомъ изъ обломковъ и лоскутковъ, а просто изображенная въ своей фактической вѣрности. Видно, что авторъ дорожилъ всѣмъ, что только сохранила его память: много страницъ посвящаетъ онъ описанію кормежекъ лошадей и ночевокъ въ дорогѣ; на многихъ страницахъ изображаетъ свои удочки и уженье, свое засыпаніе и пробужденіе, свои книжки, свои болѣзни и пр.[3]. Для иныхъ изъ читателей можетъ показаться излишнимъ и утомительнымъ безпрестанное описаніе одной и той же дороги — то весной, то лѣтомъ, то осенью, то зимою; одного и то-

---

разіи общей формы, легко можетъ перемѣшать ихъ. Если бы С. Т. Аксаковъ составлялъ изъ своихъ воспоминаній какое-нибудь художественное цѣлое, то, конечно онъ сумѣлъ бы, съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ, избѣгнуть всѣхъ повтореній и ненужныхъ подробностей. Но его разсказъ постоянно поражаетъ насъ безыскусственною, наивною простотою лѣтописи, и это обстоятельство еще болѣе возвышаетъ въ нашихъ глазахъ значеніе его „Записокъ", какъ несомнѣннаго памятника временъ минувшихъ. Для того, чтобы ярче выставить это значеніе „Дѣтскихъ годовъ", мы и останавливаемся нѣсколько на той подробности съ которою авторъ передаетъ каждый отдѣльный моментъ своихъ дѣтскихъ впечатлѣній.

[3] Для образца того, съ какою подробностью авторъ описываетъ всѣ самыя мелочныя обстоятельства своей дѣтской жизни, приведемъ здѣсь описаніе приготовленія миндальнаго пирожнаго.

(Стр. 118 -119) „Миндальное пирожное всегда приготовляла она сама (мать Багрова), и смотрѣть на это приготовленіе было однимъ изъ любимыхъ моихъ удовольствій. Я внимательно наблюдалъ, какъ она обдавала миндаль кипяткомъ, какъ счищала съ него разбухшую кожицу, какъ выбирала миндалины только самыя чистыя и бѣлыя, какъ заставляла толочь ихъ, если пирожное приготовлялось изъ миндальнаго тѣста, или какъ сама рѣзала ихъ ножницами и, замѣнивъ

го же ученья—то на Мещѣ, то на Демѣ, то на Бѣлой, то на Бугурусланѣ. Но мы увѣрены, что такое мнѣніе можетъ явиться только у тѣхъ читателей, которые совершенно несправедливо захотятъ видѣть въ «Дѣтскихъ годахъ» простое произведеніе легкой литературы. Напротивъ, кто обратитъ вниманіе на историческое значеніе «Записокъ С. Т. Аксакова», тотъ не посѣтуетъ на автора за излишнюю растянутость его «Воспоминаній». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такія же требованія предъявлялись нѣкоторыми по поводу «Записокъ Болотова», печатавшихся въ одномъ изъ нашихъ журналовъ: говорили, что онѣ слишкомъ длинны, и требовали сокращенія. Намъ тогда еще казались не совсѣмъ справедливыми жалобы на растянутость мемуаровъ, и мы не понимали, какъ можно сокращать ихъ по тому уваженію, что то или другое можетъ показаться скучнымъ для большинства читателей. Такого рода сокращенія можно дѣлать въ посредственныхъ драмахъ для сцены да въ легкихъ произведеніяхъ беллетристики. Но въ истинномъ историческомъ повѣствованіи каждая подробность можетъ при случаѣ пригодиться если не тому, такъ другому. Напримѣръ, для людей, спеціально занимающихся педагогическими вопросами, будутъ, вѣроятно, интересны въ «Дѣтскихъ годахъ» многія мелочи, кото-

---

эти обрѣзки на яичныхъ бѣлкахъ, сбитыхъ съ сахаромъ, дѣлала изъ нихъ чудныя фигурки: то вѣники, то короны, то какія-то шапки или звѣзды; все это сжалось на желѣзный листъ, усыпанный мукою, и посылалось въ кухонную печь, откуда приносилось уже передъ самымъ обѣдомъ совершенно готовымъ и поджарившимся. Мать, шепотьски разодѣтая, по данному ей отъ меня знаку, вибѣгала изъ гостиной, надѣвала на себя высокій бѣлый фартукъ, снимала бережно ножичкомъ чудное пирожное съ желѣзнаго листа, каждую фигурку окропляла малиновымъ сиропомъ, красиво накладывала на большое блюдо и возвращалась къ гостямъ."

рыя могутъ показаться скучными для охотниковъ и рыболововъ; а эти послѣдніе въ свою очередь найдутъ здѣсь много частныхъ замѣтокъ о птицахъ и рыбахъ, лѣсахъ, поплавкахъ и удочкахъ, — замѣтокъ, неинтересныхъ для большинства, но для нихъ, можетъ быть, очень важныхъ. Точно такъ — для врачей могутъ быть не лишены любопытства многія подробности о болѣзняхъ и о нервныхъ раздраженіяхъ Сережи, для психологовъ — его субъективныя наблюденія, для историковъ литературы — замѣчанія о книжкахъ, какія онъ читалъ и какія были тогда въ ходу, и пр., и пр. Такъ точно для насъ показались особенно интересными тѣ части воспоминаній г. Аксакова, въ которыхъ рисуется деревенская жизнь нашихъ старинныхъ помѣщиковъ, и мы весьма благодарны автору, что онъ не скрывалъ и не сокращалъ ничего въ тѣхъ фактахъ, которые сохранились въ его памяти. Мы даже сожалѣли, что нашли въ книгѣ г. Аксакова менѣе подробностей объ этомъ предметѣ, нежели сколько ожидали, судя по тому, что дѣтскіе годы Багрова проходятъ среди тѣхъ людей, воспоминанія о которыхъ доставили г. Аксакову такой богатый матеріалъ для созданія нѣкоторыхъ типовъ «Семейной хроники». Скудость изображеній, относящихся къ жизни людей, окружавшихъ ребенка, объясняется, впрочемъ, весьма удовлетворительно отчасти тѣмъ, что въ этой жизни не было почти ничего рѣзкаго и поражающаго, отчасти же особенностями личнаго характера автора. По природѣ своей и по первоначальному воспитанію, подъ вліяніемъ матери, съ которой, конечно, хорошо знакомы читатели «Семейной хроники», авторъ вовсе не принадлежалъ къ числу дѣтей, рано втягивающихся въ практическую

жизнь и съ первыхъ дней жизни изощряющихъ всѣ свои способности для живого и пытливаго наблюденія ея явленій. Кругъ интересовъ маленькаго Сережи долгое время былъ ограниченъ только міромъ внутренняго чувства, а изъ внѣшняго міра онъ обращалъ вниманіе только на то, какое ощущеніе, — пріятное, или непріятное — производили на него предметы. Восхищеніе пріятными предметами и отвращеніе отъ непріятныхъ, доходящее часто до первической болѣзни, выражается вездѣ у автора весьма ярко. Но пытливаго вопроса, наклонности къ работѣ мысли почти вовсе не замѣтно, точно такъ какъ и въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ автора изъ періода гимназіи. Нѣсколько разъ, правда, уклоненія отъ логики, естественной каждому человѣку и еще не поврежденной въ ребенкѣ, вызываютъ и его размышленіе и вопросъ. Напримѣръ, когда мать Сережи упрашивала его отца смѣнить старосту Мироныча въ селѣ, принадлежащемъ ихъ тетушкѣ, за то, что онъ обременяетъ крестьянъ, и, между прочимъ, одного больного старика, и когда отецъ говорилъ ей, что этого нельзя сдѣлать, потому что Миронычъ родня Михайлушкѣ, а Михайлушка въ большой силѣ у тетушки, то Сережа никакъ не могъ сообразить этого и задавалъ себѣ вопросы: «за что страдаетъ больной старичекъ, что такое злой Миронычъ, какая это сила Михайлушка и бабушка? Почему отецъ не позволилъ матери сейчасъ же прогнать Мироныча? Стало, отецъ можетъ это сдѣлать? Зачѣмъ же онъ не дѣлаетъ? Вѣдь онъ добрый, вѣдь онъ никогда не сердится» (58 стр.). Для разрѣшенія своихъ сомнѣній мальчикъ прибѣгаетъ къ родителямъ; тѣ стараются объяснить дѣло какъ умѣютъ. Но легко понять, что

ихъ объясненія остаются крайне несостоятельными предъ чистой дѣтской логикою, и дѣло оканчивается тѣмъ, что ребенку велятъ читать книжку или заняться игрушками. Такъ почти каждый разъ останавливается пытливость мальчика, особенно со стороны матери, которая часто находитъ случаи сказать ему: «ты еще, другъ мой, малъ и ничего не понимаешь». Не мудрено, если ребенокъ не умѣлъ и не хотѣлъ бродить одинъ въ лабиринтѣ запутанныхъ отношеній, среди которыхъ прошло его дѣтство и которыя трудно разобрать и опытному взгляду, свободному отъ все примиряющей и все обезсмысливающей рутины. Не мудрено, что живой, воспріимчивый мальчикъ обратился исключительно къ природѣ и своему внутреннему чувству и сталъ жить въ этомъ мірѣ, въ которомъ не встрѣчалъ столько противорѣчій, какъ въ окружающихъ его житейскихъ явленіяхъ. Впрочемъ, все это объяснится всего лучше тогда, когда мы разсмотримъ эту самую жизнь, какъ изображаютъ ее намъ воспоминанія г. Аксакова, хотя его наблюденія по этой части и не столько обильны, какъ мы бы желали.

Прежде всего мы должны замѣтить, что жизнь, которую хотимъ мы представить читателямъ по «Запискамъ», относящимся, по своему содержанію, къ концу прошедшаго столѣтія, вовсе не похожа на жизнь нынѣшнихъ помѣщиковъ. Нынѣ распространившееся образованіе измѣнило во многомъ даже деревенскую жизнь. Помѣщики конечно поняли нынѣ свои отношенія къ крестьянамъ гораздо лучше, чѣмъ прежде: доказательствомъ этого можетъ служить то радостное чувство, съ которымъ принимается ими, за исключеніемъ самыхъ грубыхъ и

необразованныхъ, Высочайшая воля объ освобожденіи крестьянъ. Нынѣ уже рѣдки помѣщики, которые живутъ одними только трудами своихъ крестьянъ и сами ничего не дѣлаютъ; нынѣ дворяне считаютъ своей обязанностью служить, или и внѣ службы имѣть какія-нибудь полезныя занятія. Съ теченіемъ времени все большее и большее количество дворянъ начинаютъ заводить у себя улучшенія по сельскому хозяйству, принимать участіе въ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ и т. п. Рѣдкій помѣщикъ, живущій въ деревнѣ, въ наше время не выписываетъ журналовъ и хорошихъ книгъ... Слѣдовательно, у нихъ есть куда дѣвать свое время не безъ пользы и кромѣ того есть сознаніе необходимости трудиться самому и, при помощи просвѣщающаго вліянія новыхъ книгъ, есть уваженіе къ человѣческому достоинству и въ лицѣ крестьянина. Съ перемѣною крѣпостныхъ отношеній исчезнетъ, безъ всякаго сомнѣнія, и послѣдняя возможность такихъ явленій, какія бывали въ помѣщичьемъ быту въ старину, и тогда разсказы о Степанѣ Михайловичѣ Багровѣ и Михайлѣ Максимовичѣ Куролесовѣ покажутся неправдоподобной выдумкой. Впрочемъ, они и теперь существуютъ уже только въ воспоминаніяхъ старыхъ людей, и къ нимъ-то относятся «Дѣтскіе годы Багрова-внука».

Отецъ маленькаго Сережи жилъ сначала въ Уфѣ и служилъ тамъ. Мать его зналъ цѣлый городъ, какъ дочь бывшаго товарища намѣстника, и потому знакомство у нихъ было обширное; ихъ безпрестанно посѣщали гости, и, значитъ, для всего семейства было развлеченіе отъ скуки. Но таково было вліяніе воспитателей того времени, непривычки къ серьезному труду и неумѣнія найти высшіе

интересы жизни; такова была сила ложныхъ отношеній, въ какихъ стояли тогда Багровы и всѣ ихъ родственники и знакомые, что даже и въ городской жизни выражалась та же праздность и апатія, въ какую они погружались въ деревнѣ. Такъ, два дяди Сережи и ихъ пріятель, адъютантъ Волковъ, забавлялись тѣмъ, что дразнили столяра Михея, желая видѣть, какъ онъ разсердится; потомъ ту же забаву перенесли на нервнаго, раздражительнаго Сережу и его дразнили, сочиняя указы о солдатствѣ, по которымъ будто бы возьмутъ его въ рекруты, или рядныя записи, по которымъ Волковъ женится на маленькой сестрѣ его... Забавы, какъ видите, очень филантропическія и благоразумныя. Когда же ребенокъ одинъ разъ вышелъ изъ терпѣнія и пустилъ молоткомъ въ одного изъ своихъ мучителей, его оставили безъ обѣда, заперли въ пустой комнатѣ, велѣли просить прощенія у обиженнаго имъ и довели, наконецъ, до того, что мальчикъ захворалъ. Все это казалось необходимымъ по правиламъ тогдашняго воспитанія для того, чтобы *переломить характеръ* ребенка. Вообще, на воспитаніе дѣтей никто въ домѣ, какъ видно, не обращалъ большого вниманія. Отецъ каждый день поутру уѣзжалъ въ гости. Даже мать, хоть очень любила своего сына и часто говорила съ нимъ, но болѣе ограничивалась ухаживаніемъ за нимъ, оставляя его воспитаніе на рукахъ Параши и Евсеича; часто разспросы ребенка прекращала она словами: «ты еще малъ», или: «объ этомъ мы поговоримъ послѣ». Для первоначальнаго ученія мальчика приглашенъ былъ учитель изъ народнаго училища, и одинъ разъ даже посылали Сережу самого въ училище. Здѣсь воспоминанія автора рисуютъ намъ картину, отврати-

тельную не столько вообще по своей грубости, сколько по той ужасной противоположности, какая представляется въ обращеніи школьнаго учителя съ Сережей, сыномъ достаточнаго и значительнаго барина, приглашавшаго его къ себѣ на домъ для уроковъ, и съ бѣдными мальчиками, порученными его смотрѣнію въ училищѣ. Вотъ сцена, оставшаяся въ памяти Сережи и представленная имъ съ удивительной яркостью.

Въ одинъ, очень памятный для меня, день, отвезли насъ съ Андрюшей въ саняхъ, подъ надзоромъ Евсеича, въ народное училище, находившееся на другомъ краю города и помѣщавшееся въ небольшомъ деревянномъ домикѣ. Евсеичъ отдалъ насъ съ рукъ на руки Матвѣю Васильичу, который взялъ меня за руку и ввелъ въ большую, неопрятную комнату, изъ которой неслся шумъ и крикъ, мгновенно утихнувшій при нашемъ появленіи, — комнату, всю установленную рядами столовъ со скамейками, какихъ я никогда не видывалъ; передъ первымъ столомъ стояла утвержденная на какихъ то подставкахъ большая черная четвероугольная доска; у доски стоялъ мальчикъ съ обостреннымъ мѣломъ въ одной рукѣ и съ грязной тряпицей въ другой. Половина скамеекъ была занята мальчиками разныхъ возрастовъ; передъ ними лежали на столахъ тетрадки, книжки и аспидныя доски; ученики были пребольшіе, превысокіе и очень маленькіе, многіе въ одинѣхъ рубашкахъ, а многіе одѣты какъ нищіе. Матвѣй Васильичъ подвелъ меня къ первому столу, велѣлъ ученикамъ потѣсниться и посадилъ съ краю, а самъ сѣлъ на стулъ передъ небольшимъ столикомъ, недалеко отъ черной доски; все это было для меня совершенно новымъ зрѣлищемъ, на которое я смотрѣлъ съ жаднымъ любопытствомъ. При входѣ въ классъ Андрюша пропалъ. Вдругъ Матвѣй Васильичъ заговорилъ такимъ сердитымъ голосомъ, какого у него никогда не бывало, — и съ какимъ-то напѣвомъ: „не знаешь? на колѣни!“, и мальчикъ, стоявшій у доски, очень спокойно положилъ на столъ мѣлъ и грязную тряпицу и сталъ на колѣни позади доски, гдѣ уже стояло трое мальчиковъ, ко-

торыхъ я сначала не замѣтилъ, и которые были очень веселы: когда учитель оборачивался къ нимъ спиной, они начинали возиться и драться. Классъ былъ ариѳметическій. Учитель продолжалъ громко вызывать учениковъ по списку, одного за другимъ, — это была въ то же время перекличка; оказалось, что половины учениковъ не было въ классѣ. Матвѣй Васильичъ отмѣчалъ въ спискѣ, кого нѣтъ, приговаривая иногда: „въ третій разъ нѣтъ; въ четвертый нѣтъ, такъ розги!“ Я оцѣпенѣлъ отъ страха. Вызываемые мальчики подходили къ доскѣ и должны были писать мѣломъ требуемыя цифры и считать ихъ какъ-то отъ правой руки къ лѣвой, повторяя: „единицы, десятки, сотни“. При этомъ счетѣ многіе сбивались, и мнѣ самому казался онъ непонятнымъ и мудренымъ, хотя я давно уже выучился самоучкой писать цифры. Нѣкоторые ученики оказались знающими; учитель хвалилъ ихъ; но и самыя похвалы сопровождались бранными словами, по большей части неизвѣстными мнѣ. Иногда бранное слово возбуждало общій смѣхъ, который вдругъ вырывался и вдругъ утихалъ. Перекликавъ всѣхъ по списку и испытавъ въ степени знанія, Матвѣй Васильичъ задалъ урокъ на слѣдующій разъ: дѣло шло тоже о цифрахъ, о ихъ мѣстахъ и о значеніи нуля. Я ничего не понялъ сколько потому, что вовсе не зналъ, о чемъ шло дѣло, столько и потому, что сидѣлъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ, пораженный всѣмъ видѣннымъ. Задавъ урокъ, Матвѣй Васильичъ позвалъ сторожей; пришли трое, вооруженные пучками прутьевъ, и принялись сѣчь мальчиковъ, стоявшихъ на колѣняхъ. При самомъ началѣ этого страшнаго и отвратительнаго для меня зрѣлища я зажмурился и заткнулъ пальцами уши. Первымъ моимъ движеніемъ было убѣжать, но я дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не смѣлъ пошевелиться. Когда утихли крики и звѣрскія восклицанія учителя, долетавшія до моего слуха, несмотря на заткнутыя пальцами уши, я увидѣлъ живую и шумную вокругъ меня суматоху: забирая свои вещи, всѣ мальчики выбѣгали изъ класса, и вмѣстѣ съ ними наказанные, такъ же веселые и рѣзвые, какъ и другіе. Матвѣй Васильичъ подошелъ ко мнѣ съ обыкновеннымъ ласковымъ видомъ, взялъ меня за руку и прежнимъ тихимъ голосомъ просилъ „засвидѣтельствовать его нижайшее почтеніе батюшкѣ и матушкѣ“ (стр. 140—43).

Испытавши такія впечатлѣнія, Сережа, разумѣется, явился домой разстроенный и взволнованный. Но его стали увѣрять, что это ничего, что такъ и должно быть, что въ томъ и состоитъ обязанность Матвѣя Васильича, чтобы сѣчь мальчиковъ, не знающихъ урока. Такъ въ то время понимали задачу воспитанія. Но мальчикъ никакъ не могъ удовлетвориться такими понятіями; онъ не могъ примириться съ мыслью, что, по его выраженію, «видѣнное имъ не было исключительнымъ злодѣйствомъ, за которое слѣдовало бы казнить Матвѣя Васильича; что такіе поступки не только дозволяются, но требуются отъ него какъ исполненіе его должности; что сами родители высѣченныхъ мальчиковъ благодарятъ учителя за строгость, а мальчики будутъ благодарить современемъ; что Матвѣй Васильичъ могъ браниться звѣрскимъ голосомъ, сѣчь своихъ учениковъ и оставаться въ то же время честнымъ, добрымъ и тихимъ человѣкомъ». Несмотря на всѣ увѣренія въ невинности Матвѣя Васильича, Сережа получилъ къ нему такое отвращеніе, что уже не могъ болѣе у него учиться. Черезъ мѣсяцъ учителю отказали, и такъ какъ другого учителя во всемъ городѣ не было, то отецъ и мать сами замѣнили его. Но ихъ заботы ограничились немногимъ: всего больше они смотрѣли за тѣмъ, чтобы мальчикъ писалъ какъ можно похожѣе на прописи. А между тѣмъ мать автора принадлежала, по своей образованности и уму, къ числу женщинъ, рѣдкихъ въ то время, и удивляла высотою своего просвѣщенія лучшихъ людей своего времени, какъ, напр., Новикова. Она съ крайней неохотой отправлялась на житье въ Багрово именно потому, что тамъ «все люди грубые и необразованные, съ которыми слова

сказать нельзя», и что жизнь въ деревенской глуши, безъ общества умныхъ людей, ужасна. Къ сожалѣнію, авторъ не сохранилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что это было за общество умныхъ людей и что дѣлали молодые Багровы въ своемъ избранномъ обществѣ. По своимъ лѣтамъ и по степени своего развитія, авторъ не могъ еще тогда обратить надлежащее вниманіе на это обстоятельство. Впрочемъ, одинъ особенный случай, разсказанный авторомъ, показываетъ, что жизнь большей части уфимскихъ жителей ограничивалась тогда скорѣе кругомъ личныхъ интересовъ, нежели сочувствіемъ къ явленіямъ, важнымъ въ общественномъ смыслѣ. Случай этотъ — полученіе въ Уфѣ извѣстія о кончинѣ императрицы Екатерины. Всѣхъ оно огорчило; но губернаторъ В. «публично показывалъ свою радость, что скончалась государыня, цѣлый день велѣлъ звонить въ колокола и вечеромъ пригласилъ всѣхъ къ себѣ на балъ и ужинъ» (стр. 190). Все это дѣлалось «потому, что новый государь его очень любилъ, и онъ надѣялся при немъ сдѣлаться большимъ человѣкомъ». Всѣ были въ негодованіи на явное выраженіе радости губернаторомъ, и всѣ соглашались, когда мать Сережи убѣждала, что не надо ѣхать на балъ къ В. Но тутъ выразилось безсиліе всѣхъ этихъ людей предъ принятой формой, передъ привычкой — являться на каждое приглашеніе губернатора. Убѣжденные, что ѣхать на балъ къ В. не должно и стыдно, всѣ рѣшили, что, однако, *нельзя не ѣхать,* и даже отецъ Сережи отправился туда; «но скоро воротился и сказалъ, что балъ похожъ на похороны, и что веселъ только В., двое его адъютантовъ и старый депутатъ С. И. Аничковъ, который не могъ простить покойной государынѣ,

зачѣмъ она распустила депутатовъ, собранныхъ для совѣщанія о законахъ, и говорилъ, что «пора мужской рукѣ взять скипетръ власти» (стр. 191). Случай этотъ, показывая, до какой степени общіе интересы и убѣжденія уступали мѣсто частнымъ разсчетамъ, не представляетъ въ особенно хорошемъ свѣтѣ избранное уфимское общество. Равнымъ образомъ не видимъ мы доказательства особенной развитости этого общества въ томъ обстоятельствѣ, что здѣсь «всегда говорили потихоньку» объ извѣстіяхъ, получавшихся изъ Петербурга и всѣхъ приводившихъ въ смущеніе. Скрытность даже въ семействѣ была такъ велика, что не смѣли говорить вслухъ даже при шестилѣтнемъ Сережѣ. «Одного только нельзя было скрыть, — замѣчаетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ: — государь приказалъ, чтобы всѣ, кто служитъ, носили какіе-то сюртуки особеннаго покроя съ гербовыми пуговицами (сюртуки назывались *оберроками);* и кромѣ того — чтобы жены служащихъ чиновниковъ носили сверхъ своихъ парадныхъ платьевъ что-то въ родѣ курточки, съ такимъ же шитьемъ, какое носятъ ихъ мужья на своихъ мундирахъ. Мать была мастерица на всякія вышиванія и сейчасъ принялась шить по картѣ серебряныя петлицы, которыя очень были красивы на голубомъ воротникѣ бѣлаго спензера или курточки» (стр. 234).

Таковы въ «Дѣтскихъ годахъ» немногія свѣдѣнія о томъ, какъ проходила жизнь родныхъ Сережи въ городѣ. Но бо́льшая часть книги занята изображеніемъ деревенской жизни то въ Багровѣ, то въ Чурасовѣ. Изъ этой-то жизни мы и представимъ теперь нѣкоторыя черты, наиболѣе характеристичныя.

Въ первый разъ Сережа былъ въ Багровѣ еще при жизни дѣдушки, Степана Михайловича, уже извѣстнаго читателямъ изъ «Семейной хроники». Степанъ Михайловичъ вовсе не былъ дурнымъ исключеніемъ изъ изъ своихъ собратій; напротивъ, если онъ и отличался отъ другихъ, подобныхъ ему помѣщиковъ, то именно отличался своими хорошими качествами. Онъ обладалъ твердою волей, неизмѣнною правдивостью, практическою сообразительностью; онъ требовалъ только должнаго (по крайней мѣрѣ согласно его понятіямъ); онъ благодѣтельствовалъ крестьянамъ въ голодные годы, разсуждая, что благосостояніе крестьянъ есть вмѣстѣ и его собственное благосостояніе. Все это — такія качества, которыя не у всѣхъ помѣщиковъ можно было найти въ то время. Своими добродѣтелями Степанъ Михайловичъ заслужилъ общее уваженіе и даже любовь, что опять не всякому помѣщику удается. Но при всемъ этомъ — посмотрите, что сдѣлало изъ этой твердой, доброй и благородной натуры то положеніе, въ какомъ онъ находился. Его понятія о чести, добрѣ и правдѣ перепутаны, его стремленія мелки, кругъ зрѣнія узокъ, страсти никогда не сдерживаются разсудкомъ, внутренняя сила, не находя себѣ правильнаго, естественнаго исхода, разражается только домашнею грозою. Мы не говоримъ уже объ этихъ дикихъ вспышкахъ, когда Степанъ Михайловичъ стаскивалъ волосникъ съ своей старухи жены и таскалъ ее за косы, — если только она осмѣливалась попросить за свою дочь, на которую старикъ разсердился: въ этихъ вспышкахъ ясно выражается произволъ, къ которому всегда приводило человѣка полное, безотвѣтное обладаніе людьми, безгласными противъ его воли. Мож-

но, конечно, объяснить припадки гнѣва въ старикѣ Багровѣ тѣмъ, что таковъ ужъ его характеръ былъ, что онъ не могъ сдержать себя. Но отчего же — спросимъ мы — съ распространеніемъ образованія перевелся въ дворянствѣ и обычай бить своихъ женъ? Развѣ теперь уже вспыльчивыхъ характеровъ нѣтъ? И неужели русскій человѣкъ имѣетъ болѣе пылкія страсти, нежели всѣ другіе образованные народы? Отчего же бы русскому человѣку имѣть непремѣнно большую наклонность къ собственноручной расправѣ, чѣмъ напримѣръ хоть бы итальянцу, который, какъ извѣстно, тоже не отличается особенной холодностью крови? А между тѣмъ одинъ изъ русскихъ путешественниковъ недавно напечаталъ толстую книгу, въ которой поноситъ Италію именно за то, что тамъ ему не позволили драться, не взирая даже на то, что онъ состоялъ, кажется, въ четвертомъ классѣ. Драться, по его мнѣнію, необходимо *для порядка*. Къ такимъ мнѣніямъ, выражаемымъ, конечно, на дѣлѣ еще чаще, чѣмъ на словахъ, приводитъ именно возможность давать просторъ своей страсти, какъ замѣчаетъ самъ г. Аксаковъ, говоря о Куролесовѣ, въ «Семейной хроникѣ»: «избалованный страхомъ и покорностью всѣхъ его окружающихъ людей, онъ скоро забылся и пересталъ знать мѣру своему бѣшеному своеволію». Дѣйствительно, дѣйствіе этого психологическаго закона, имѣющаго такое громадное практическое приложеніе, каждый человѣкъ, даже самый кроткій, испытывалъ, вѣроятно, на себѣ. Когда вы раздражены, — хотя бы и справедливо, — и начинаете выражать свое неудовольствіе, то сначала вы слѣдите за собой, соображаете свои выраженія, умѣете сказать именно то и столь-

ко, сколько считаете нужнымъ и возможнымъ. Но, видя, что отпора нѣтъ, что вашему гнѣву не полагается преградъ, вы, — даже и въ несправедливомъ гнѣвѣ, — ободряетесь, вашъ собственный голосъ своимъ звукомъ, все болѣе крѣпкимъ и высокимъ, подстрекаетъ васъ, и вы кончаете тѣмъ, что забываете всякую мѣру и даете полную волю страсти. Въ нашей общественной жизни это явленіе еще не такъ рѣзко кидается въ глаза, потому что опасеніе отвѣтственности предъ закономъ или сознаніе принятыхъ приличій часто останавливаетъ насъ, несмотря на отсутствіе видимаго противодѣйствія со стороны тѣхъ, на кого падаетъ нашъ гнѣвъ. Но отнимите это сознаніе всякой отвѣтственности, поставьте предъ нами существа беззащитныя, безотвѣтныя, состоящія въ полномъ нашемъ распоряженіи, — и замѣтка г. Аксакова о Куролесовѣ вполнѣ оправдается на каждомъ человѣкѣ, который долгою работою надъ самимъ собою не пріобрѣлъ нравственной независимости отъ внѣшнихъ развращающихъ вліяній. Мысль эта оправдывалась и на практикѣ во всѣ времена. Характеры, подобные старому Багрову и Куролесову, неизбѣжны при тѣхъ бытовыхъ отношеніяхъ, при той нравственной обстановкѣ, въ какой находились эти люди. По общему психологическому закону, при недостаточномъ развитіи однѣхъ способностей души сила развитія обращается на другія, которыя встрѣчаютъ менѣе препятствій, и слѣдствіемъ неравномѣрности вліяній бываетъ всегда одностороннее развитіе. Какія же вліянія могли благопріятствовать развитію нравственныхъ началъ и здравыхъ понятій въ людяхъ, находившихся въ положеніи Багрова и Куролесова? Оба они служили въ полку. Степанъ Ми-

хайловичъ даже русскую грамоту зналъ плохо и любилъ хвалиться тѣмъ, что умѣлъ считать на счетахъ; Куролесовъ же, хотя умѣлъ писать бойко и зналъ кое-что, но никакого солиднаго образованія тоже не получилъ. Да и на что жъ имъ было образованіе, когда они съ малолѣтства чуяли возможность простымъ и даровымъ способомъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ жизни? На что имъ были какія-то нравственныя начала, когда они видѣли впереди сферу, въ которой никакая нравственность ихъ стѣснять не будетъ, въ которой они будутъ полными, безсудными господами, и ихъ воля будетъ закономъ для окружающихъ? Произволъ, господствовавшій встарь въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ и особенно дворовымъ, существовалъ совершенно независимо отъ того, вспыльчивъ былъ баринъ или нѣтъ. Произволъ этотъ былъ общимъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тогдашняго положенія землевладѣльцевъ. Еще болѣе же онъ увеличивался ихъ необразованностью, которая, опять, какъ извѣстно, обусловливалась ихъ положеніемъ. Какое сознаніе правъ человѣка могло развиться въ томъ, кого съ малыхъ лѣтъ воспитывали въ той мысли, что у него есть тысяча, или сотня, или десятокъ (все равно) людей, которыхъ назначеніе — служить ему, выполнять его волю и съ которыми онъ можетъ сдѣлать все, что хочетъ? Естественно, что человѣкъ, пропитанный такими внушеніями, привыкалъ ставить самого себя центромъ, къ которому все должно стремиться, и своими интересами, своими прихотями мѣрилъ пользу и законность всякаго дѣла. Еще въ недавнее время жили такія понятія, и даже нашъ знаменитый писатель, отъ котораго ведетъ свое начало современ-

ное направленіе литературы, писалъ къ помѣщику совѣты о томъ, какъ ему побольше наживать отъ мужиковъ денегъ, и совѣтовалъ для этого называть мужика бабою, неумытымъ рыломъ и т. п. Бить не совѣтовалъ только потому, что «мужика этимъ не проймешь: онъ къ этому уже привыкъ!». Но въ то время когда эти мысли были высказаны, энергическое обличеніе уже встрѣтило ихъ со всѣхъ сторонъ, и весь авторитетъ писателя, какъ онъ ни былъ великъ, не спасъ его отъ сарказмовъ, крайне ядовитыхъ по своей справедливости. — Не то было въ старину. Тогда многіе помѣщики считали единственнымъ здравымъ началомъ въ управленіи крестьянами — стараніе получить отъ нихъ сколько возможно болѣе выгоды. Подъ этотъ уровень подходили всѣ помѣщичьи натуры, за весьма немногими исключеніями. Звѣрски жестокій, буйный и пьяный Михаилъ Максимычъ Куролесовъ сходился въ этомъ съ благодѣтельнымъ, правдивымъ, строго нравственнымъ по-своему Степаномъ Михайловичемъ Багровымъ. Куролесовъ въ два-три года поправилъ разстроенное хозяйство, оставивъ по себѣ память, что онъ *крутешекъ*. Главнымъ изъ употребленныхъ имъ средствъ улучшенія хозяйства было переселеніе крестьянъ на новыя мѣста. Багровъ сдѣлалъ то же самое съ своими крестьянами, по тому же разсчету собственныхъ выгодъ. Его не остановилъ вопль и плачъ крестьянъ, «прощавшихся навсегда съ старинною, съ церковью, въ которой крестились и вѣнчались, и съ могилами дѣдовъ и отцовъ». Его не удержала мысль о трудностяхъ, которыя должны встрѣтить крестьяне, переселяясь слишкомъ за четыреста верстъ со всѣмъ своимъ хозяйствомъ. Онъ не подумалъ о томъ, что, какъ замѣчаетъ авторъ «Запи-

сокъ» о немъ, «переселеніе, тяжкое вездѣ, особенно противно русскому человѣку; но переселеніе тогда въ извѣстную бусурманскую сторону, про которую, между хорошими, ходило много недобрыхъ слуховъ, гдѣ, по отдаленности церквей, надо было и умирать безъ исповѣди, и новорожденнымъ младенцамъ долго оставаться не крещенными, — казалось дѣломъ страшнымъ» («Сем. хр.», стр. 18). Степанъ Михайлычъ не думалъ ни о чемъ этомъ, точно также какъ не думалъ о нравственномъ значеніи своихъ поступковъ, когда осматривалъ свое паровое поле, обработанное крестьянами, и употреблялъ слѣдующую хозяйственную мѣру: «Онъ приказывалъ возить себя взадъ и впередъ по вспаханнымъ десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни: всякая цѣлизна, всякое не тронутое сохою мѣстечко сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если онъ бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посылалъ за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно» («Сем. хр.», стр. 38). Принципъ, управляющій его дѣйствіями, очевиденъ: надо дѣйствовать строгостью, чтобъ хозяйство хорошо шло. При этомъ принципѣ никакія философскія размышленія о правахъ человѣка, никакія экономическія соображенія о трудѣ, задѣльной платѣ и т. п. не могли имѣть мѣста. «Есть люди, которые должны трудиться для того, чтобы я могъ жить въ довольствѣ и спокойствіи; если они этого не дѣлаютъ, я долженъ принудить ихъ, а самая лучшая принудительная мѣра — собственноручная расправа съ личностью, или же тѣлесное наказаніе болѣе солиднаго характера, иногда даже съ «*кошечками*, какъ у Михаила Максимы-

ча» [1]. Такая логика не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго. Разъ сознавши основную посылку, т. е. что есть люди, назначенные къ тому, чтобы работать для чужого, а не для своего счастья, человѣкъ чрезвычайно логически доходитъ уже до самыхъ крайнихъ выводовъ изъ этого безнравственнаго положенія. Прекрасно выражены подобные выводы въ одной изъ статей Новиковскаго «Живописца». Хотя это сатирическая, слѣдовательно все-таки вымышленная вещь, но мы приведемъ ее здѣсь, наряду съ чисто историческими свѣдѣніями — и вотъ на какихъ основаніяхъ. Новиковъ, какъ извѣстно, былъ первый и, можетъ быть, единственный изъ русскихъ журналистовъ, умѣвшій взяться за сатиру смѣлую и благородную, поражавшую порокъ сильный и господствующій. Сатира его, какъ и вообще русская сатира, не произвела своего вліянія, такъ что нѣкоторыя изъ его нападеній могутъ относиться даже къ нравамъ настоящаго времени. При томъ и сатиръ Новикова недоставало литературныхъ достоинствъ и той прямоты и откровенности, какая неизбѣжна въ обличеніи порока. Онъ затрогивалъ такіе вопросы и интересы, которые только еще въ настоящее время находятъ свое разрѣшеніе и о которыхъ поэтому во времена Новикова нельзя еще было говорить всего, что нужно. При всемъ томъ

[1] Объ этихъ кошкахъ Куролесовъ говорилъ: „не люблю палокъ и кнутьевъ: что въ нихъ? Какъ разъ убьешь человѣка. То ли дѣло кошечка: и больно и не опасно". Несмотря на то, онъ сѣкъ ими такъ, что жизнь наказанныхъ людей спасали только, завертывая ихъ въ теплыя, только что снятыя шкуры барановъ, тутъ же зарѣзанныхъ .. Кошками назывались у Куролесова „ременныя плети, оканчивающіяся семью хвостами изъ сыромятной кожи, съ узлами на концѣ каждаго хвоста". „Въ порошинѣ, прибавляетъ г. Аксаковъ, долго хранились въ кладовой, разумѣется безъ употребленія, эти отвратительныя орудія, и я самъ ихъ видѣлъ".

жизнь и сила составляютъ отличительныя достоинства «Трутня» и «Живописца». Лучшее время Новикова было первое десятилѣтіе царствованія Екатерины, когда онъ еще не пускался въ мистицизмъ и не навлекъ на себя подозрѣній правительства. Это было вообще золотое время русской сатирической литературы, которое только теперь обѣщаетъ, наконецъ, повториться, если опять не встрѣтитъ препятствій въ невѣжествѣ и малодушной подозрительности нѣкоторыхъ личностей. Широко и бодро расправили тогда крылья русскіе сатирики, во главѣ которыхъ стояла сама императрица. Новиковъ посвятилъ ей (по-тогдашнему *приписалъ)* свой «Живописецъ», говоря въ предисловіи, что когда на престолѣ возсѣдаетъ сама мудрость, покровительствующая истинѣ во всемъ, то можно обличать смѣло и свободно всѣ пороки и предразсужденія, не опасаясь негодованія знатныхъ людей. Негодованіе знатныхъ было въ то время единственной, но крѣпкой преградой для сатиры: вспомнимъ, какъ Державинъ страшился за свою «Фелицу» и за переложеніе псалма: «Властителямъ и судіямъ». Въ то время, какъ и долго еще спустя, были тупоумные и злонамѣренные люди, которые во всякомъ литературномъ обличеніи, особенно если оно немножко рѣзко, искали какихъ-то намековъ, вредныхъ мыслей, указаній на себя и на своихъ знакомыхъ. Противъ такихъ злонамѣренныхъ тупоумцевъ вооружается Новиковъ всей силою своей логики въ одной изъ статей «Живописца». Смыслъ этой длинной статьи таковъ. Непонятно, какъ могутъ быть люди — тупые и безсовѣстные настолько, чтобы рѣшаться высказать свое неудовольствіе по поводу статей, въ которыхъ представляются дурные помѣщики и во-

обще дворяне. Неужели они не видятъ, что своимъ неудовольствіемъ только доказываютъ, что узнали самихъ себя въ этихъ изображеніяхъ? Но они говорятъ, что вступаются за честь дворянскаго сословія. Это еще хуже, еще нелѣпѣе. Если изображеніе жестокости, невѣжества, глупой спеси помѣщика оскорбляетъ честь дворянскаго сословія, то, видно, оно поставляетъ свою честь и преимущества въ возможности совершать, безъ страха суда и обличенія, всякія жестокости, насилія, дурачества и т. п. «Можно бы еще нападать на меня,—говоритъ Живописецъ, если бы я лгалъ». Но—«кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному? Кто посмѣетъ утверждать, что сіе злоупотребленіе не достойно осмѣянія? И кто скажетъ, что худое раченіе помѣщиковъ о крестьянахъ не наноситъ вреда всему государству?». Если же это такъ, то можно ли человѣку, имѣющему здравый смыслъ и хоть сколько-нибудь честности и благородства, обижаться правдивымъ представленіемъ всего, что есть? «Пусть скажутъ господа критики, кто больше оскорбляетъ почтенный дворянскій корпусъ, я еще важнѣе скажу: кто дѣлаетъ стыдъ человѣчеству: дворяне ли, преимущество свое во зло употребляющіе, или сатира на нихъ?». Въ заключеніе говорится, что нѣкоторые порицали листки «Живописца» « по слѣпому пристрастію ко преимуществу дворянскому», и утверждали, что хотя нѣкоторые дворяне и имѣютъ слабость забывать честь и человѣчество, однакожъ, будто они, яко благорожденные люди, отъ порицанія всегда должны быть свободны, и что будто точно о крестьянахъ сказано: «накажу ихъ жезломъ беззаконія» . . . ». И подлинно они часто наказываются беззаконіемъ». Но со стороны лю-

дей порядочныхъ, коль чудно и странно, — замѣчаетъ Новиковъ, — защищать упорно такое преимущество, которымъ сами они и всѣ честные и добросердечные дворяне никогда не пользуются!» (См. «Живописецъ», изд. 5, стр. 76—77.)

Такъ говорилъ «Живописецъ», и послѣ такой его защиты можно, кажется, приводить описанныя имъ явленія какъ несомнѣнно существовавшія. Не можемъ сказать, какъ долго продолжались тѣ мнѣнія и тотъ образъ дѣйствій помѣщиковъ, о которомъ онъ упоминаетъ; потому что, по несчастью, голосъ обиженныхъ сатирою тупоумцевъ успѣлъ заглушить голосъ правды, и скоро самъ Новиковъ, въ своей сатирѣ, пустился въ ту же мелочь, какой занимались и другіе. Съ тѣхъ поръ слишкомъ полвѣка нужно было, чтобы русская литература, и въ особенности сатира, могла убѣдить «знатныхъ господъ», какъ выражался «Живописецъ», въ своей благонамѣренности, правдивости и пользѣ. Въ недавнее время они еще существовали: на нихъ жаловался и надъ ними смѣялся Гоголь. Существуютъ, конечно, и въ наше время такіе невѣжественные противники литературы, которые желали бы запретить все, что хоть сколько-нибудь рѣзко и колко. Но теперь такіе запретители встрѣчаются уже общимъ презрѣніемъ и изумленіемъ; общество смотритъ на нихъ какъ на что-то необычайное, едва вѣря возможности ихъ существованія. И если бы въ наше время нашлись люди, полагающіе, что теперь нельзя печатать, напр., того, что, напр., печаталъ Новиковъ въ пяти изданіяхъ своего «Живописца» [5],

[5] Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы „Живописецъ" былъ ужъ очень распространенъ, при своихъ пяти изданіяхъ: въ тѣ времена—

то всѣ, кажется, съ горькимъ недоумѣніемъ обратились бы на нихъ и стали показывать пальцами, спрашивая другъ друга: правда ли? правда ли? Неужели это правда?

Читатель извинитъ насъ за длинное отступленіе, относящееся къ Новикову и его сатирѣ. Мы должны были его сдѣлать для того, чтобы оправдать себя въ томъ, что обращаемся къ сатирическимъ изображеніямъ, какъ будто къ фактическимъ даннымъ. Теперь, объяснивши въ чемъ дѣло, приведемъ нѣсколько выписокъ изъ «Живописца» и «Трутня» въ подтвержденіе той же мысли, что произволъ и своекорыстные разсчеты были весьма обыкновеннымъ явленіемъ въ отношеніяхъ старинныхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ. Вотъ, напр., отрывокъ изъ одного письма одного помѣщика изъ деревни къ сыну («Живописецъ», ч. I, стр. 80—90):

Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ большихъ не бери: такъ отъ чего же разбогатѣть? Вѣдь не всякому Богъ кладъ даетъ. А съ мужиковъ ты хоть кожу сдери, такъ не много прибыли. Я, кажется, таки и такъ не плошаю, да что ты изволишь сдѣлать? Пять дней ходятъ они на мою работу, да много ли въ пять дней сдѣ-

---

книги, на расходъ которыхъ сильно разсчитывали, печатались въ числѣ 200 экземпляровъ, о чемъ упоминаетъ самъ Новиковъ. Отъ этого малаго круга дѣйствія сатира Новикова, несмотря на свою живость и смѣлость, мало имѣла вліянія. Она могла поддерживаться только покровительствомъ государыни, служа какъ бы отголоскомъ ея просвѣщенныхъ мнѣній и намѣреній. Но какъ скоро Новиковъ лишился этой поддержки, и сатира его не могла удержаться въ своемъ независимомъ твердомъ положеніи: она скоро измельчала. Вир чемъ. силы у нея не могло быть и въ цвѣтущее ея время, и къ ней справедливо приложить то, что писалъ къ „Живописцу“ одинъ раздраженный приказный (стр. 109): „Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную жены моей собачку, которая брешетъ на всѣхъ и никого не кусаетъ, а это называется брехать на вѣтеръ По-нашему, коли брехнуть, такъ ужъ и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другія собаки. А постельнымъ, хотя и дана воля брехать на всѣхъ, только никто ихъ не боится“.

лаютъ? Сѣку ихъ нещадно, а все прибыли нѣтъ; годъ отъ году все больше нищаютъ мужики: Господь на насъ прогнѣвался!.. Пріѣхалъ къ намъ сосѣдъ Брюжжаловъ и привезъ съ собою какіе-то печатные листочки, и, будучи у меня, читалъ ихъ... Что это за „Живописецъ“ такой у васъ проявился? — какой-нибудь нѣмецъ, а православный этого не написалъ бы. Говоритъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, и называетъ ихъ тиранами; а того, проклятый, и не знаетъ, что въ старину тираны бывали некрещеные и мучили святыхъ. А наши мужики вѣдь не святые, какъ намъ быть тиранами? Изволитъ умничать, что мужики бѣдны: этакая бѣда! неужто хочетъ онъ, чтобъ мужики богатѣли, а мы бы, дворяне, скудѣли? Да этого и Господь не приказалъ: кому-нибудь одному богатому быть надобно, либо помѣщику, либо крестьянину; вѣдь не всѣмъ старцамъ въ игуменахъ быть. Да на что они и крестьяне: его такое дѣло, что работай безъ отдыху. Дай-ка имъ волю, такъ они и невѣдь что затѣютъ... Вотъ-те на! до чего дожили! Только я на это смотрѣть не буду. Ври себѣ онъ что хочетъ, а я знаю что съ мужиками дѣлать... Кабы я былъ большимъ бояриномъ, такъ управилъ бы его въ Сибирь. Этакіе люди — за себя не вступятся! Вѣдь и бояре съ мужиками-то своими поступаютъ не по-нѣмецки, а все также по-русски, и ихъ крестьяне не богатѣе нашихъ. Да что ужъ и говорить! И они свихнулись!.. Недалеко отъ меня деревня Григорья Григорьевича Орлова; такъ знаешь ли, по чему онъ съ нихъ беретъ? Стыдно и сказать: по полгора рубля съ души! А угодьевъ-то сколько! и мужики какіе богатые! живутъ себѣ да и годки не маютъ, богатѣе иного дворянина. Ну, а ты разсуди самъ, какая ему отъ этого прибыль, что мужики богаты? Кабы перетаскалъ въ свой карманъ, такъ это бы получше было. Этакій умъ!.. То-то не къ рукамъ этакое добро досталось! Кабы эта деревня была моя, такъ бы я по тридцати рублей съ нихъ бралъ, да и тутъ бы ихъ въ міръ еще не пустилъ. Только-что мужиковъ балуютъ. Эхъ, перевелись-ста старые наши большіе бояре: то-то были люди, — не только-что со своихъ, да и съ чужихъ кожи драли!

Въ томъ же письмѣ къ сыну, разсудительный папенька извѣщаетъ, что его собаку Налетку уку-

сила другая бѣшеная собака, и что людямъ за это досталось хорошо. «Сидоровна твоя (мать) всѣмъ кожу спустила. То-то проказница! Я за то ее и люблю, что ужъ коли примется сѣчь, такъ отдѣлаетъ!». О самомъ сынкѣ батюшка вспоминаетъ такія пріятныя вещи: «Помнишь ли, — говоритъ, — какъ ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся: вмѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которыя худо гонялись за заіцами, и сѣкалъ охотниковъ за то, когда собаки ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ смолоду! Какъ, бывало, примешься пороть людей, такъ поіідетъ крикъ такой и хлопанье, какъ будто за угломъ въ застѣнкѣ сѣкутъ. Молись, мой другъ, Богу, — ничего, — правду сказать, — ума у тебя довольно, можно вѣкъ прожить!» (стр. 24).

Въ такомъ же родѣ находимъ мы въ «Трутнѣ» «Отписку старосты Андрюшки» и приказъ барина, въ отвѣтъ на отписку. Староста доноситъ о сборѣ оброка съ крестьянъ и извиняетъ недоимки тѣмъ, что «крестьяне скудны, взять негдѣ нынѣшнимъ годомъ, хлѣбъ не родился, насилу могли сѣмена въ гумны собрать, да Богъ посѣтилъ насъ скотскимъ паденіемъ». Затѣмъ увѣдомляетъ, что неплательщиковъ, «по указу твоему господскому, сѣкъ нещадно», но что они все-таки денегъ не дали, потому что взять негдѣ. Далѣе дѣло идетъ о Филаткѣ, за которымъ числятся недоимки, потому что онъ самъ хворалъ все лѣто, и старшій сынъ у него умеръ, а остались малые ребятишки. Двѣ клѣти у него проданы для уплаты недоимки, лошади пали, одну корову продали, а другую оставили для ребятишекъ. «Міромъ сказали: буде ты его въ томъ не простишь, то они за ту корову деньги отдадутъ, а ребятишекъ поморитъ и его въ конецъ разоритъ

не хотятъ». Плохо уже и то, теперь безъ лошади никуда не годится: господскихъ работъ исправлять не можетъ. Далѣе идетъ рѣчь о томъ, что крестьянъ сосѣди обижаютъ, что имъ оброкъ тяжелъ, что староста каждое воскресеніе сборъ дѣлаетъ и неплательщиковъ сѣчетъ нещадно, но что толку отъ этого нѣтъ вовсе. Потомъ староста увѣдомляетъ о хозяйственныхъ распоряженіяхъ: лѣсу господскаго продано крестьянами на дрова на семь рублей съ полтиной, да на двѣ избы по пяти рублей за избу; да съ Антошки взято пять рублей за то, что осмѣлился назвать барина въ челобитной отцомъ, а не господиномъ. «И онъ на сходѣ высѣченъ. Онъ сказалъ: я-де это сказалъ съ глупости, — и напредки онъ тебя, государя, отцомъ называть не будетъ». — Въ отвѣтъ на эту отписку въ одномъ изъ слѣдующихъ листовъ «Трудня» (стр. 236 и слѣд.) помѣщена «копія съ помѣщичьяго указа, — человѣку нашему Семену Григорьеву», который посылается въ деревню для ревизіи. Вотъ нѣкоторыя статьи указа:

1) Проѣздъ отсюда до деревень нашихъ и оттуда обратно имѣть на счетъ старосты Андрея Лазарева.

2) Пріѣхавъ туда, старосту при собраніи всѣхъ крестьянъ высѣчь нещадно за то, что онъ за крестьянами смѣлъ худое смотрѣніе и запускалъ оброкъ въ недоимку, и послѣ изъ старостъ его смѣнить, а сверхъ того взыскать съ него штрафу сто рублей.

3) Сыскать въ самую истинную правду, какъ староста и за какія взятки насъ оболгалъ (обманулъ) ложнымъ доносомъ? За то прежде всего его высѣчь, а потомъ начинать слѣдствіемъ порученное тебѣ дѣло.

6) И какъ нѣтъ сомнѣнія, что староста доносъ учинилъ ложный, то за оный перевесть его къ намъ на житье въ село; буде же онъ за дальнимъ разстояніемъ перевозиться и

разорять себя не похочетъ, то взыскать съ него за оное еще пятьдесятъ рублей.

8) Крестьянъ въ раздѣлѣ земли, по просьбѣ ихъ, поровнять, по твоему благоразсужденію; но при томъ однакожъ объявить имъ, что сбавки съ нихъ оброку не будетъ, и чтобы они, не дѣлая никакихъ отговорокъ, платили бездоимочно, неплательщиковъ же, при собраніи всѣхъ крестьянъ, сѣчь нещадно.

9) Объявить всѣмъ крестьянамъ, что къ будущему размежеванію земель потребно взять выпись; и для того на оное собрать тебѣ съ крестьянъ, сколько потребно будетъ на взятье выписи.

10) Въ начавшійся рекрутскій наборъ съ нашихъ деревень рекрута не ставить; ибо здѣсь за нихъ поставленъ въ рекруты Гришка Ѳедоровъ, за чиненныя имъ неоднократно пьянство и воровства, вмѣсто наказанія, а съ крестьянъ за поставку того рекрута собрать по два рубля съ души.

12) По просьбѣ крестьянъ, у Филатки корову оставить, а взыскать за нее деньги съ нихъ; а чтобы они впредь такимъ лѣнивцамъ потачки не дѣлали, то купить Филаткѣ лошадь на мірскія деньги; а Филаткѣ объявить, чтобы онъ впредь пустыми своими челобитными не утруждалъ и платилъ бы оброкъ бездоимочно.

13) Старосту выбрать міромъ и подтвердить ему, чтобы онъ о сборѣ оброчныхъ денегъ имѣлъ неусыпное попеченіе и неплательщиковъ бы сѣкъ нещадно; буде же какія впредь явятся недоимки, то оное взыскано будетъ все со старосты.

16) По исправленіи всего вышеписаннаго ѣхать тебѣ обратно; а старостѣ накрѣпко приказать неусыпное имѣть попеченіе о сборѣ оброчныхъ денегъ.

Если это письмо вымышлено, то, нужно признаться, оно вымышлено съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла и недостатковъ того времени. Какъ ярко проглядываетъ здѣсь старинный произволъ помѣщичьей власти, не имѣющей въ виду ничего, кромѣ собственнаго обогащенія! Какъ сильно и ярко выражается полное, невѣжественное пренебреженіе ко всѣмъ человѣческимъ правамъ и требованіямъ

крестьянъ! И все это безъ ожесточенія, безъ злобы, а совершенно спокойно: внушить имъ, чтобы платили; а не станутъ платить, такъ сѣчь нещадно! Переселить его въ отдаленное село; а не захочетъ разоряться, такъ взять съ него 50 рублей! И замѣчательно, что, не умѣя самъ опредѣлить границъ своихъ правъ въ отношеніи къ крестьянамъ, самъ не зная мѣры своему произволу, помѣщикъ передаетъ тотъ же произволъ и человѣку своему. «Поровняй,—говоритъ,—ихъ по твоему благоразсужденію; возьми съ нихъ сколько потребно будетъ», т. е. сколько тебѣ покажется нужнымъ. Тутъ уже «человѣкъ» Семенъ Григорьевъ получилъ участіе въ интересахъ своего господина и, вслѣдствіе того, получаетъ такую же произвольную власть. Этотъ просторъ произвола грубаго и невѣжественнаго виденъ почти во всѣхъ типахъ большихъ господъ прошедшаго столѣтія, сохраненныхъ воспоминаніями современниковъ или литературными созданіями. Въ «Дѣтскихъ годахъ» мы видимъ двѣ такія личности кромѣ старика Багрова, который тутъ также является съ своимъ обычнымъ характеромъ.

Важное мѣсто въ воспоминаніяхъ г. Аксакова занимаетъ Прасковья Иванова Куроѣдова, его двоюродная бабушка. Это была женщина, много испытавшая на своемъ вѣку, имѣвшая доброе сердце и свѣтлый взглядъ на вещи. Она хотѣла, между прочимъ, чтобы мужики ея были богаты. Но при всемъ томъ, и она избаловалась отъ постоянной раболѣпной покорности всѣхъ окружающихъ. Вся цѣль жизни опредѣлилась для нея тѣмъ, чтобы ничѣмъ не озабочивать себя и не имѣть никакихъ преградъ для своихъ желаній. Поэтому она поручила все управленіе крестьянами Михайлушкѣ, хо-

тя и знала, что онъ плутъ. Главное для нея было то, чтобъ ее ничѣмъ не безпокоили; съ Михайлушкой она этого достигала, и съ нея было довольно. Многочисленная дворня ея была безобразно избалована и безнравственна; она не хотѣла ничего замѣчать. Если же какъ-нибудь случайно наткнется она на пьянаго лакея или какого-нибудь дворового, то сейчасъ прикажетъ Михайлушкѣ отдать виноватаго въ солдаты; не годится — спустить въ крестьяне. Замѣтитъ нескромность поведенія въ женскомъ полѣ — опять прикажетъ отослать такую-то въ дальную деревню ходить за скотиной и потомъ отдать за крестьянина.

«Но,—замѣчаетъ г. Аксаковъ въ своихъ «Запискахъ», — для того чтобы могли случиться такія строгія и возмутительныя наказанія, надобно было самой барынѣ *нечаянно* наткнуться, такъ сказать, на виноватаго или виноватую. А какъ это бывало очень рѣдко, то все вокругъ нея утопало въ безнутствѣ, потому что она ничего не знала и очень не любила, чтобъ говорили ей о чемъ-нибудь подобномъ» (стр. 314). Привычка ничѣмъ не стѣснять себя, ничего не дѣлать для общества, а, напротивъ, требовать, чтобы другіе все дѣлали для нея, постоянно выражается во всѣхъ поступкахъ Прасковьи Ивановны; гостями своими она забавляется, какъ ей вздумается, или ругаетъ ихъ въ глаза, если захочетъ; отъ родныхъ она требуетъ повиновенія и никогда не встрѣчаетъ противорѣчій, даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Такъ Алексѣя Степаныча Багрова, гостившаго у нея, она не хотѣла отпустить къ умирающей матери, сказавши, что «вздоръ! она еще не такъ слаба»; — и Алексѣй Степанычъ не смѣлъ ея ослушаться, пробылъ у нея лишнее время,

и не засталъ въ живыхъ матери. Такъ она не захотѣла, чтобы дѣти обѣдали съ большими, и Софья Николаевна, никогда не обѣдавшая врозь съ своимъ милымъ Сережей, не смѣла даже заикнуться о томъ, чтобы посадить дѣтей за общій столъ. Неограниченный произволъ, съ одной стороны, и полное безгласіе—съ другой развивались въ ужасающихъ размѣрахъ среди этой беззаботной, пышной жизни на трудовые крестьянскіе гроши. Даже въ тѣхъ поступкахъ, которые происходили просто отъ радушія, веселости, отъ доброты сердца наконецъ, и въ нихъ этотъ грубый произволъ, это незнаніе мѣры своеволію въ обхожденіи съ людьми, которыхъ и за людей не считали, выглядываетъ подобно безобразному пятну на хорошей картинѣ. Въ воспоминаніяхъ г. Аксакова находимъ мы, между прочимъ, изображеніе сценъ такого рода. Между гостями Прасковьи Ивановны бывалъ часто Александръ Михайловичъ Карамзинъ, котораго всѣ называли богатыремъ за его огромный ростъ и необыкновенную силу. «Однажды, въ припадкѣ веселости, схватилъ онъ толстую и высокую Дарью Васильевну (прижи-валку Прасковьи Ивановны) и началъ метать ею, какъ ружьемъ, солдатскій артикулъ. Отчаянный крикъ испуганной старухи, у которой свалился платокъ и волосникъ съ головы, и сѣдые косы растрепались по плечамъ, поднялъ изъ-за картъ всѣхъ гостей, *и долго общій хохотъ раздавался по всему дому*» (стр. 426). Эти добрые, благородные люди, гости Прасковьи Ивановны, могли смѣяться, смотря на такую сцену! Да отчего же имъ было и не смѣяться, когда они тысячу разъ видали сцены гораздо посерьезнѣе. «Но мнѣ жалко было бѣдную Дарью Васильевну», прибавляетъ г. Аксаковъ, и ра-

зумѣется, какъ всегда, непосредственное чувство ребенка, еще чистаго и неиспорченнаго, служитъ и здѣсь горькою уликою взрослымъ.

Другая изъ личностей, упоминаемая г. Аксаковымъ и относящаяся къ тому же разряду, о которомъ мы говорили выше, есть богатый помѣщикъ Д., употребившій свое богатство очень хорошо: на оранжереи, мраморы, статуи, оркестръ, удивительныхъ заморскихъ свиней, величиною съ корову, и т. п. Мать Сережи отозвалась о Д., что онъ человѣкъ добрый. То же самое говорилъ о немъ и одинъ изъ крестьянъ, который, между прочимъ, вотъ что разсказывалъ о немъ:

„Когда умерла одна изъ великолѣпныхъ свиней (которыхъ было двѣ у Д.), то-то горе-то у насъ было, говорилъ мужикъ. Баринъ у насъ, дай ему Богъ много лѣтъ здравствовать, добрый, милостивый, до всякаго скота жалостливый, такъ печаловался, что уѣхалъ изъ Никольскаго; ужъ и мы ему не взмилились. Оно и точно такъ: насъ-то у него много, а чушекъ-то всего было двѣ, и тѣ изъ-за моря, а мы доморощина. А добрый баринъ, ужъ сказать нельзя какой добрый; да и затѣйникъ! У насъ на выѣздѣ изъ села было два колодца: вода преотмѣнная, родниковая, холодная. Мужички, выѣзжая на поле, завсегда ею пользовались. Такъ онъ приказалъ надъ каждымъ колодцемъ по деревянной дѣвкѣ поставить, какъ есть — одѣтыя въ кумашные сарафаны, подпоясаны золотымъ поументомъ, только босыя; одной ногой стоитъ на колодцѣ, а другую подняла, ровно прыгнуть хочетъ. Ну, всякъ, кто ни ѣдетъ, и конный, и пѣшій, остановится и заглядится. Только крестьяне-то воду изъ колодцевъ брать перестали: говорятъ, что непригоже!“ (стр. 474).

Видите, какъ прихотливая затѣя тогдашняго богатаго помѣщика, затѣя самая невинная и добродушная, выказываетъ, однако, полное неуваженіе обычаевъ, взглядовъ и нуждъ его крестьянъ. Ему

нѣтъ нужды, что его деревянныя нимфы лишаютъ крестьянъ воды; зато проѣзжіе останавливаются и дивятся! Это такая же невинная штучка, какъ выкидываніе артикула посредствомъ Дарьи Васильевны. Въ этомъ же родѣ были и затѣи старика Баграва, когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ послѣ ужина заставлялъ, напримѣръ, двухъ слугъ своихъ, Мазана и Танайченка, драться на кулачки и бороться. При этомъ онъ самъ, смѣха ради, ихъ подразнивалъ до того, что они не-шутя начинали колотить другъ друга и даже вцѣплялись другъ другу въ волосы. Такая забава, дѣйствительно, не должна была казаться дикою и безнравственною тому человѣку, въ которомъ считалось большою милостью, когда онъ, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, позволилъ, мужику «жениться, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвкѣ, которую назначилъ самъ» («Сем. хр.», стр. 43).

Само собою разумѣется, что многое изъ того, что намъ кажется теперь безчеловѣчнымъ и безнравственнымъ, происходило и отъ общей тому времени недостаточности здравыхъ понятій обо всемъ на свѣтѣ. Сближеніе съ Европою для многихъ важныхъ бояръ послужило только средствомъ получать изъ-за границы болѣе предметовъ, служащихъ къ роскошной жизни, а роскошь была причиною многихъ безнравственныхъ поступковъ. Князь Щербатовъ въ своемъ сочиненіи «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» главною причиною всего зла полагаетъ *сластолюбіе*[6]. Приводимые имъ примѣры сильно

[6] См. разборъ сочиненія кн. Щербатова, написанный С. В. Ешевскимъ и помѣщенный въ „Атенеѣ", 1858 г. № 3. Статья эта, и особенно выписки изъ Щербатова, сдѣланныя въ ней, чрезвычайно любопытны для объясненія многихъ явленій въ государственной дѣятельности Россіи прошлаго вѣка.

свидѣтельствуютъ въ пользу его мнѣнія. Но ясно, что *сластолюбіе* могло быть только ближайшею причиною развращенія. Остается вопросъ: откуда бралось такое сластолюбіе и, главное, откуда получало оно средства для удовлетворенія своихъ прихотей? Человѣкъ, обязанный пріобрѣтать средства для жизни своими трудами, не скоро можетъ предаться вліяніямъ «сластолюбія». Напротивъ, человѣкъ, получающій огромные доходы безъ всякихъ съ своей стороны усилій, естественно предается всѣмъ излишествамъ, всякой роскоши, зная, что на него работаютъ другіе, и что, благодаря этимъ другимъ, средства его неистощимы. Конецъ концовъ — вся причина опять сводится къ тому же главному источнику всѣхъ бывшихъ у насъ внутреннихъ бѣдствій — крѣпостному владѣнію людьми. Оно-то и внушало владѣльцу его безпечность, его лѣнь, спесь и презрѣніе къ тѣмъ, которое были осуждены служить для его прихотей. Общему будто бы непониманію человѣческаго достоинства въ тотъ вѣкъ — приписать поступки, подобные вышеприведеннымъ, нельзя. Правда, что въ то время и вообще нравы были грубѣе; но вспомнимъ только, что голосъ евангельскаго ученія о братской любви къ человѣчеству раздался въ нашемъ отечествѣ за восемьсотъ лѣтъ предъ тѣмъ... Что въ вѣкъ Екатерины достинство и право человѣка понимались уже очень ясно, доказательствомъ можетъ служить ея Наказъ. Мало того, даже въ литературѣ раздавались голоса противъ неуваженія человѣческихъ правъ. Въ «Живописцѣ» есть одна статья, называющая безразсудствомъ мнѣніе о какой-то неблагорожденности крестьянъ и приписывающая его именно помѣщичьему положенію

и привычкамъ. Мы приведемъ эту статью («Живописецъ», стр. 137).

Безразсудъ боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне, а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы. Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую дань, называемую *оброкъ*. Никогда съ ними не только что не говоритъ ни слова, но и не удостаиваетъ ихъ наклоненія своей головы, когда они, по восточному обыкновенію, предъ нимъ по землѣ распростираются. Онъ тогда думаетъ: „Я господинъ, они мои рабы; они для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка; они, памятуя мое и свое состояніе, должны трепетать моего взора". Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о крестьянахъ сказано: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой. Бѣдные крестьяне любить его какъ отца не смѣютъ; но, почитая въ немъ своего тирана, его трепещутъ. Они работаютъ день и ночь, но со всѣмъ тѣмъ едва-едва имѣютъ дневное пропитаніе затѣмъ, что на-силу могутъ платить господскіе поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ есть что-нибудь собственное, но говорятъ: „это не мое, но Божіе и господское!" Всевышній благословляетъ ихъ труды, а Безразсудъ обираетъ ихъ. Безразсудный! развѣ не знаешь ты, что между твоими рабами и человѣками гораздо болѣе сходства, нежели между тобою и человѣкомъ? Вообрази рабовъ твоихъ состояніе: оно и безъ отягощенія тягостно. Когда жъ ты гнушаешься тѣми, которые для удовольствованія страстей твоихъ трудятся почти безъ отдохновенія, то подумай, какъ должны гнушаться тобою невинные человѣки!

Заключеніемъ этой статьи служитъ «Рецептъ», въ которомъ Безразсуду предписывется, какъ средство для излѣченія отъ безразсудства, упражненіе въ разсматриваніи костей господскихъ и крестьянскихъ до тѣхъ поръ, пока онъ найдетъ между ними различіе («Живописецъ», ч. I, стр. 140).

Что подобныя «безразсудства» не вымышлены

«Живописцемъ», а дѣйствительно существовали, очевидно изъ фактовъ, уже представленныхъ нами, и множества другихъ, которые мы могли бы представить изъ записокъ современниковъ. Даниловъ, напр., разсказываетъ одинъ случай изъ своего отрочества («Записки Данилова», М. 1824, стр. 42—44), фактически доказывающій, какъ смотрѣли иные помѣщики на крестьянъ. Даниловъ былъ одно время въ деревнѣ у родственницы своей, какой-то вдовы, у которой былъ племянникъ Ванюша. Разъ этотъ племянникъ затащилъ Данилова и еще одного «молодого слугу» тихонько обивать яблоки. Но какъ тѣ не хотѣли приниматься за это, то онъ одинъ управился съ яблонью. Тетушкѣ донесли о такомъ поступкѣ; она велѣла призвать виновныхъ, и, въ страхъ племяннику, велѣла «поднять слугу на козелъ, и сѣкли его очень долгое время немилостиво». Племяннику же сдѣлали выговоръ. — О той же вдовѣ Даниловъ разсказываетъ, что она каждый день рѣшительно призывала во время обѣда кухарку и тутъ же, въ столовой, приказывала сѣчь ее. «И потуда сѣкутъ, и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать; это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно для хорошаго аппетита» (стр. 43). Въ такихъ развлеченіяхъ нельзя не видѣть той самой мысли, какую подмѣтилъ «Живописецъ» у Безразсуда.

Интересно видѣть, какъ произволъ и грубость въ обращеніи съ своими подвластными переходили въ старину у помѣщиковъ и въ ихъ собственныя семейныя отношенія. Степанъ Михайловичъ, привыкшій, чтобы его трепетали въ полѣ, на гумнѣ, на мельницѣ, не могъ уже не требовать страха и трепета и отъ домашнихъ. Свою Арину Васильевну онъ

таскалъ за косы такъ, что она по цѣлому году съ пластыремъ на головѣ ходила. Дочери боялись и почитали его какъ своего господина, а не какъ отца. Отсутствіе живыхъ семейныхъ связей и тупая покорность передъ силою очень ярко выразились въ семействѣ Багровыхъ послѣ смерти дѣдушки. Описаніе сценъ, послѣдовавшихъ за смертью Степана Михайловича, принадлежитъ къ числу самыхъ живыхъ и интересныхъ страницъ «Дѣтскихъ годовъ» г. Аксакова. Любопытно, какъ относятся теперь мать и старшія сестры къ Алексѣю Степановичу и къ невѣсткѣ, которую прежде столько преслѣдовали. Старуха-мать не смѣетъ сѣсть за столъ, пока не явится младшій сынъ, ставшій теперь *хозяиномъ* въ домѣ. Напрасно невѣстка ее упрашиваетъ не дожидаться; старуха отвѣчаетъ: «нѣтъ, нѣтъ, невѣстынька: по-нашему не такъ, а всякъ сверчокъ знай свой шестокъ». Когда сынъ входитъ, она встаетъ и идетъ къ нему навстрѣчу съ поклономъ, а сестры даже падаютъ въ ноги брату, съ вытьемъ и просьбами — не оставить ихъ. Потомъ съ тѣми же униженными просьбами обращаются къ невѣсткѣ, какъ хозяйкѣ въ домѣ. Сцены эти могутъ нѣкоторымъ нравиться, какъ живой памятникъ патріархальныхъ отношеній домочадцевъ къ владыкѣ дома. Но мы, признаемся, не видимъ въ нихъ ничего, кромѣ чрезвычайной неразвитости и спутанности нравственныхъ понятій и кромѣ привычки быть подъ началомъ, при отсутствіи всякихъ духовныхъ связей любви и истиннаго уваженія. Интересно, какъ выражается за обѣдомъ печаль по только что умершемъ главѣ семейства. «За столомъ всѣ принялись такъ кушать, говоритъ г. Аксаковъ, что я съ удивленіемъ смотрѣлъ на

всѣхъ». Между прочимъ, одна изъ дочерей покойника, разливая уху и накладывая всѣмъ груды икры и печенокъ, просила покушать ихъ въ память того, что батюшка-то любилъ ихъ. И при этомъ слезы капали у ней въ тарелку. Несмотря на то, она, какъ и другіе, кушала съ удивительнымъ аппетитомъ. Послѣ обѣда же всѣ отправились спать и проспали до вечерняго чая. Въ девятый день опять былъ обѣдъ, и тутъ уже всѣ были спокойны, пока не подали блиновъ. Но какъ только явились на столъ блины, всѣ принялись кушать ихъ со слезами и даже съ рыданіями. Это выраженіе любви посмертное. А вотъ что было при жизни. Во время житья въ Багровѣ, уже послѣ смерти дѣдушки, Сережа зашелъ въ одинъ амбаръ, отдѣланный для тетушки Татьяны Степановны, оставшейся незамужнею и жившей при родителяхъ. Тамъ увидѣлъ онъ сундучки, ларчики, ящики, посуду, даже бутылки съ новыми пробками и наконецъ кадушку съ колотымъ сахаромъ. Онъ обратился за объясненіемъ такого страннаго явленія къ своей нянѣ Парашѣ, и та, увлеченная благороднымъ негодованіемъ, объяснила, что барышня все это потихоньку натаскала у покойнаго дѣдушки, а бабушка ей потакала. Такова была семейная нравственность, таковы отношенія между людьми, въ сущности не злыми и не безчестными. Г. Аксаковъ замѣчаетъ (въ «Семейной хроникѣ»), что вообще, несмотря на свой трепетъ предъ Степаномъ Михайловичемъ, и жена, и дочери пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ надуть его, и постоянно съ нимъ хитрили. Этого, разумѣется, и слѣдовало ожидать отъ людей, которые связываются между собою единственно узами страха и изъ которыхъ одинъ привыкъ своевольно

распоряжаться, а другіе — безсловесно и неразумно трепетать предъ его волей.

Впрочемъ, и эти покорныя существа имѣли свою сферу, въ которой являлись уже сами распорядительницами. Во владѣніи бабушки Арины Васильевны находился свой особый міръ деревенскихъ дѣвокъ и дѣвченокъ. Г. Аксаковъ разсказываетъ одну изъ сценъ бабушкина управленія, которой ему привелось быть свидѣтелемъ. Послѣ смерти мужа Арина Васильевна, уже ослабѣвшая и отставшая отъ хозяйства, занималась главнымъ образомъ пряжей козьяго пуха. Множество дѣвочекъ, сидя вокругъ нея, должны были выбирать волосья изъ клочковъ козьяго пуха. Если выбрано было нечисто, то бабушка бранилась. Одинъ разъ бабушка сидѣла такимъ образомъ за пряжей и весело разговаривала съ внучкомъ, слѣдовательно, была въ самомъ шелковомъ расположеніи духа, когда одна дѣвочка подала ей свой клочекъ пуху, уже разъ возвращенный назадъ. «Бабушка посмотрѣла на свѣтъ и увидя, что есть волосья, схватила одной рукою дѣвочку за волосы, а другою вытащила изъ подъ подушекъ ременную плетку и начала хлестать бѣдную дѣвочку» (стр. 269). Внучекъ былъ возмущенъ этимъ зрѣлищемъ и убѣжалъ отъ него; но для бабушки это была обыкновенная семейная расправа: на то ужъ и плетка лежала подъ подушками. Это даже не было собственно назначено для дворовыхъ и крестьянскихъ дѣвченокъ: справедливость требуетъ сказать, что и съ родными дѣтьми такія потасовки были тогда не въ рѣдкость. Руки, привыкшія къ размашистому управленію, требовали и въ семействѣ такой же дѣятельности, какъ на господскомъ дворѣ и запашкѣ. Не только у та-

кихъ людей, какъ старики Багровы, но и у болѣе кроткихъ господъ воспитаніе дѣтей шло постоянно съ помощью собственноручной расправы. Болотовъ, напримѣръ, разсказываетъ о своей матери, что она была весьма кроткая и разумная женщина. О ея кротости, даже трусости, свидѣтельствуютъ многія обстоятельства въ «Запискахъ Болотова». Когда, напримѣръ, одинъ сосѣдъ подалъ на нее въ судъ жалобу, что къ ней въ имѣнье убѣжала когда-то его крѣпостная баба и вышла тамъ замужъ за крѣпостного Болотовыхъ, мужика, то мать Болотова крайне перепугалась, собрала домашнее совѣщаніе и, убѣдившись, что сосѣда требованіе правое, что онъ свою бабу требовать назадъ во всякое время и по всѣмъ законамъ можетъ, помѣщица рѣшилась стараться только объ одномъ: склонить сосѣда къ миру, хотя бы и съ большими уступками съ ея стороны. Другое обстоятельство: Болотова свихнула себѣ ногу, оттого что очень скоро побѣжала и какъ-то второпяхъ неловко повернула ногу при вѣсти о пріѣздѣ въ домъ ея брата, который извѣстенъ былъ крутымъ своимъ нравомъ. И эта столь боязливая и нерѣшительная женщина находила однакоже силы собственноручно наказывать сына. «Нерѣдко случалось, — говоритъ Болотовъ (стр. 105), — что она, поставивъ меня въ ногахъ у своей кровати, предпринимала меня всячески тазать, и иногда продолжала тазанье таковое съ цѣлый часъ времени». Какъ она обращалась съ своими людьми, Болотовъ не упоминаетъ; но объ этомъ можно догадываться изъ его же словъ, что «ее легко было подвигнуть на гнѣвъ, и въ семъ случаѣ должны были всѣ молчать и повиноваться ея волѣ». Подобныхъ лицъ и случаевъ можно было бы

привести множество изъ разныхъ сочиненій, относящихся къ тогдашнему быту; но предметъ этотъ такъ общеизвѣстенъ, что распространяться о немъ, кажется, нѣтъ надобности.

Такимъ воспитаніемъ поддерживалось, конечно, продолженіе стараго порядка и въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, и такимъ образомъ прогрессъ нравственныхъ понятій былъ весьма сомнителенъ. Съ теченіемъ времени исчезла мало-по-малу прежняя грубость, самодовольство выражалось уже въ другихъ, менѣе оскорбительныхъ формахъ; но вовсе не выражаться оно не могло. О сочувствіи къ простому народу, о любви къ нему, о пониманіи его нуждъ и интересовъ не могло быть и рѣчи. Сильнѣйшее доказательство этого находимъ мы въ матери Сережи, Софьѣ Николаевнѣ. Ей было легче другихъ помѣщиковъ проникнуться любовью къ бѣднымъ земледѣльцамъ. Ея дѣдушка былъ уральскій казакъ, а мать изъ купеческаго званія; преслѣдуемая мачехой, она сама, въ годы нѣжной юности, испытала всю тяжесть принужденной работы; ея природный умъ былъ ясенъ и крѣпокъ; образованіе было выше, чѣмъ у другихъ. Но и она, въ отношеніи къ своимъ слугамъ и крестьянамъ, не могла стать на ту высоту, какая нынѣ требуется отъ человѣка истинно просвѣщеннаго. Она не дѣлала и не говорила ничего дурного прислугѣ, припоминаетъ г. Аксаковъ; при всемъ томъ ее не любили. Безъ сомнѣнія, прислуга видѣла въ ней этотъ величавый, безмолвно-подавляющій взглядъ, съ которымъ она относилась ко всему окружающему. Она запретила своимъ дѣтямъ всякое сношеніе съ прислугой въ Багровѣ и Чурасовѣ. Положимъ, что она была права, полагая, что багровская и чурасовская дворня

ничему не можетъ научить дѣтей, кромѣ худого. Но вѣдь не запретила же она дѣтямъ разговаривать съ двоюродными ихъ сестрицами, которыя объяснили Сережѣ, что онѣ безпрестанно лгутъ и во всемъ обманываютъ родителей, что безъ того нельзя, и пр. Тутъ, значитъ, кромѣ дѣтской нравственности, были и другія соображенія. Но это еще не важно; есть другія обстоятельства, болѣе значительныя. Узнавъ, что няня Сережи, Параша, сказала ему что-то нехорошее про тетушекъ (которыхъ Софья Николаевна сама не любила), мать его, хотя и знала, что все сказанное справедливо, тѣмъ не менѣе погрозила, если впередъ что-нибудь подобное услышитъ, сослать Парашу въ деревню за скотиной ходить, разлучивши съ мужемъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ внутреннее побужденіе такой угрозы: это могло быть и неудовольствіе на то, что прислуга смѣетъ разсуждать о господахъ, и самолюбивое желаніе выставить себя ангеломъ, не позволяющимъ другимъ бранить враговъ своихъ, и материнская боязнь за сына, чтобы онъ не проникся враждой къ своимъ роднымъ. Можетъ быть, все это вмѣстѣ участвовало въ негодованіи на Парашу. Но каково проявленіе этого негодованія? «Я, дескать, сошлю тебя въ дальнюю деревню за скотиной ходить, а не за сыномъ моимъ»! Не правда ли, что здѣсь довольно сильно обнаруживается, какъ трудно человѣку не принять нѣкоторыхъ нехорошихъ замашекъ, оградить себя отъ нѣкоторыхъ излишествъ, къ которымъ его положеніе даетъ ему поводъ и даже какъ будто нѣкоторое право! Самое отстраненіе Софьи Николаевны отъ дѣлъ хозяйства и отъ крестьянъ происходитъ, очевидно, не отъ сознанія ложности своего положенія въ отно-

шеніи къ нимъ, не отъ робкой застѣнчивости, думающей: что я имъ такое? Это вовсе не простодушіе Сережи, который, увидавъ, какъ въ Парашинѣ мужики кланяются его отцу и привѣтствуютъ его, спрашиваетъ съ изумленіемъ: «За что это они такъ насъ любятъ? Что мы имъ сдѣлали?». Нѣтъ, тутъ скрывалось совсѣмъ другое чувство. Когда Алексѣя Степаныча ввели во владѣніе отцовскимъ имѣніемъ, онъ, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, долженъ былъ, по обычаю, выйти къ крестьянамъ. Но Софья Николаевна никакъ не хотѣла согласиться на это, несмотря на всѣ упрашиванья мужа и старухи свекрови, которую она должна была теперь замѣнить въ хозяйствѣ. Крестьяне были очень недовольны, что не видятъ молодой барыни, и Алексѣй Степанычъ долженъ былъ имъ сказать, что она нездорова. Узнавъ объ этомъ, она принялась выговаривать мужу за то, что онъ солгалъ, такъ что онъ принужденъ былъ отвѣтить ей: «Совѣстно было сказать, что ты не хочешь быть ихъ барыней и не хочешь ихъ видѣть; въ чемъ же они передъ тобой виноваты?». Потомъ, на вопросъ сына, отчего она не вышла къ крестьянамъ, мать отвѣчала, что отъ этого бабушкѣ и тетушкѣ было бы грустно. «При томъ же я терпѣть не могу . . . ну, да ты еще малъ и понять меня не можешь». Послѣднія слова заставили сына долго ломать голову надъ тѣмъ, чего мать терпѣть не можетъ? Неужели добрыхъ крестьянъ, которые сами говорятъ, что ихъ такъ любятъ? (стр. 263). Предположенія мальчика были справедливы только отчасти; скорѣе нужно думать, что Софья Николаевна, не терпѣвшая всякой лжи, не могла терпѣть парадныхъ изъявленій восторга и любви отъ людей, для которыхъ она ничего не сдѣ-

лала, которыхъ не знала и которымъ нимало не могла симпатизировать. Намъ грустно за искаженіе естественныхъ человѣческихъ отношеній, когда мы думаемъ обо всѣхъ, принимавшихъ участіе въ этомъ случаѣ. Жаль видѣть бѣдную женщину, смутно сознающую ложность отношеній, въ которыя она поставлена къ извѣстнымъ ей людямъ. Выйти ей и принять привѣтъ крестьянъ? Да чѣмъ же она его заслужила? Что она для нихъ такое? И что дѣлать, когда она не можетъ, не лицемѣря, показать имъ свое сочувствіе, потому что въ сердцѣ у нея живого сочувствія къ нимъ нѣтъ и не можетъ быть. Не выйти? Но тутъ опять встрѣчаютъ ее ложныя отношенія, отъ которыхъ становится еще болѣе грустно. Мужъ ея говоритъ: «развѣ они виноваты передъ тобой, что ты не хочешь быть ихъ барыней?». То есть, по его понятію, барыня дается мужикамъ какъ бы въ награду за хорошее поведеніе. Сами мужики едва ли не раздѣляютъ этой мысли: они такъ смиренны, такъ привыкли къ своему положенію, что ихъ желанія дѣйствительно не простираются далѣе господской милости. При такомъ положеніи дѣла, дѣйствительно, всѣ здравыя понятія перепутываются, даже въ душѣ самой неиспорченной. Маленькій Сережа признается, что уже не спрашивалъ въ это время, за что ихъ такъ любятъ крестьяне: «Я убѣдился, что это непремѣнно такъ быть должно» (стр. 261).

Взглядъ Софьи Николаевны на крестьянъ объясняется аристократическимъ складомъ всѣхъ ея убѣжденій и чувствъ. Она любитъ изящное, доброе и благородное, но мысль поискать всего этого между крестьянами не приходитъ ей въ голову. Ей сильно препятствуетъ здѣсь то ложное положеніе,

въ которомъ стоитъ она къ этому народу. Она, конечно, не стоитъ на степени развитія Простаковой, которая, узнавши, что Палашка лежитъ больная и бредитъ, восклицаетъ съ негодованіемъ: «лежитъ, бестія, — бредитъ какъ будто благородная!» Но все-таки и Софья Николаевна не могла еще дойти до понятія о томъ благородствѣ, которое равно свойственно и помѣщику и крестьянину и которое нерѣдко можетъ быть въ совершенно обратномъ отношеніи къ общественному положенію лица. Она желала бы вовсе не знать о существованіи крестьянъ, которыхъ положеніе вовсе ее не занимаетъ. Проѣзжая черезъ Парашино и видя крестьянскіе запасы хлѣба, Алексѣй Степанычъ, по чувству ли хозяина, или просто по добротѣ сердца, восклицаетъ: «Вотъ такъ крестьяне! молодцы! сердце, глядя на нихъ, радуется». Но Софья Николаевна не только не радуется, а даже не обращаетъ вниманія на слова мужа. Проѣзжая мимо хлѣбовъ, Багровъ опять жалѣетъ, что не успѣютъ мужики убраться; жена его и тутъ слушаетъ его безъ малѣйшаго участія. Маленькій сынъ прибѣгаетъ къ ней съ восторженными разсказами о томъ, что онъ видѣлъ на полѣ, какъ крестьяне пашутъ, сѣютъ, косятъ: она не только безъ участія, но даже съ неудовольствіемъ слушаетъ его разсказы... Сыну хочется идти, вмѣстѣ съ отцомъ, посмотрѣть на заимку пруда: она его не пускаетъ, потому что «нечего ему дѣлать въ толпѣ мужиковъ и не для чего слушать ихъ грубыя и непристойныя шутки, прибаутки и брань между собою». Мужъ напрасно старается увѣрить ее, что ничего подобнаго не бываетъ (стр. 365—366). Въ ея присутствіи багровскія дворовыя дѣвушки должны отка-

заться отъ своихъ пѣсенъ и съ сожалѣніемъ говорятъ ея сыну: «матушка ваша не любитъ нашихъ деревенскихъ пѣсенъ» (стр. 391). Словомъ, полное отчужденіе отъ простого быта крестьянъ, высокомѣрное пренебреженіе къ нему — выражается почти въ каждомъ поступкѣ Софьи Николаевны, хотя она не позволяетъ себѣ никакихъ жестокостей и грубостей.

Отчего же такое отчужденіе въ ней именно? У нея должно быть все-таки больше развито чувство любви и уваженія къ человѣчеству, нежели, напримѣръ, хоть въ старикахъ Багровыхъ; почему же они не чуждаются крестьянъ, а она чуждается? Если мы вдумаемся въ сущность этого явленія, то неизбѣжно должны, кажется, придти къ заключенію, вовсе не отрадному. Какія точки соприкосновенія съ крестьянами видимъ мы въ старинномъ быту помѣщиковъ? Во-первыхъ — корысть. Хозяйственныя распоряженія неизбѣжно сближали помѣщика, живущаго въ деревнѣ, съ крестьянами, которые должны исполнять его распоряженія съ соблюденіемъ его выгодъ. Вторымъ обстоятельствомъ, сближавшимъ помѣщиковъ съ крестьянами, были тогда — равно низкая степень образованности тѣхъ и другихъ. Нравы большинства помѣщиковъ того времени были грубы и невѣжественны, какъ мы уже видѣли изъ множества примѣровъ; слѣдовательно, нечего было опасаться, чтобы какое-нибудь жестокое выраженіе или грубый поступокъ не оскорбилъ нравственнаго чувства господина. Куролесовы, Багровы и тому подобные потому не боялись сближаться съ своими крѣпостными людьми, что не видѣли въ себѣ нравственной разницы съ ними. При томъ же, входя въ хозяйственныя сношенія съ кре-

стьянами и даже пускаясь въ интимности съ домашней прислугой, они знали, что ни къ чему себя этимъ не обязываютъ. Они знали, что все-таки эти люди находятся въ ихъ рукахъ. Куролесовъ, кутившій съ пьяной ватагой всякихъ сорванцовъ, тѣмъ не менѣе пробовалъ свои «кошечки» на томъ изъ нихъ, кто ему не нравился. Дочь Багрова, Татьяна Степановна, ничуть не считала неловкимъ бить свою Матрешку, вѣрную хранительницу ея заповѣднаго амбара со всѣми его секретами. Дѣло очень естественное: помощь, услуги, сообщничество этихъ людей, — все считалось обязательнымъ, они не могли и не смѣли не сдѣлать такъ, какъ это имъ приказано; слѣдовательно, принимая услуги ихъ, повѣряя имъ свои нужды, господинъ все-таки не терялъ своихъ правъ: могъ ихъ наказывать, ссылать, сѣчь, сколько его душѣ угодно было. При такихъ понятіяхъ отчего же было и не сходиться съ крестьянами и дворовыми, отчего не сближаться съ ними по наружности? Вѣдь существенное-то разстояніе все-таки оставалось и не могло быть забыто ни тѣмъ, ни другимъ... Этихъ-то воззрѣній не могла, конечно, понять Софья Николаевна; а до другихъ она не могла еще возвыситься, и потому остановилась на распутьѣ — на пренебреженіи къ простому народу и къ простому быту.

Вотъ въ какомъ видѣ представляются намъ, по «Запискамъ» г. Аксакова, отношенія къ крестьянамъ въ разныхъ лицахъ семейства Багровыхъ. Выписки изъ подлинныхъ воспоминаній другихъ современниковъ того вѣка и изъ тогдашнихъ сатирическихъ нападеній могли бы совершенно подтвердить вѣрность и обыкновенность всего, что описываетъ намъ г. Аксаковъ. Надо признаться, что результаты

этихъ фактовъ не слишкомъ отрадны. Неразвитость нравственныхъ чувствъ, извращеніе естественныхъ понятій, грубость, ложь, невѣжество, отвращеніе отъ труда, своеволіе, ничѣмъ не сдержанное, — представляются намъ на каждомъ шагу въ этомъ прошедшемъ, теперь уже странномъ, непонятномъ для насъ и, скажемъ съ радостью, невозвратномъ.

Но вѣдь не постоянно же крѣпостныя отношенія вторгались въ деревенскую жизнь помѣщика, — замѣтитъ читатель. Изъ очерка этихъ отношеній мы все еще не составляемъ себѣ опредѣленнаго понятія о томъ, какъ именно проходила домашняя жизнь нашихъ предковъ-помѣщиковъ, чѣмъ они занимались въ деревнѣ, вообще какъ проводили свое время. Можетъ быть, здѣсь найдется и свѣтлая сторона нравовъ того времени, можетъ быть, семейныя добродѣтели старинныхъ помѣщиковъ и примирятъ насъ съ ними за тѣ ложныя и невѣжественныя отношенія, которыя развивали они въ своей жизни и которыя, впрочемъ, и не зависѣли отъ воли отдѣльныхъ личностей.

Мы должны сознаться, что требованіе читателя вполнѣ справедливо и что даже, судя по заглавію статьи, читатель могъ ожидать отъ насъ не того, что мы изложили. Мы обѣщали очеркъ деревенской жизни старинныхъ помѣщиковъ, а говорили объ ихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ и крѣпостной прислугѣ. Но, для своего оправданія, мы должны сказать, что такой оборотъ дѣла составляетъ не нашу вину. Что же дѣлать, когда крѣпостныя отношенія проникали собою всю жизнь старинныхъ помѣщиковъ, особенно жившихъ въ деревняхъ, и обнаруживали свое вліяніе даже тамъ, гдѣ всего менѣе

можно было бы ожидать: въ домашнихъ забавахъ, въ родственныхъ отношеніяхъ, въ воспитаніи дѣтей помѣщиковъ. Изъ многихъ фактовъ, приведенныхъ нами въ продолженіи статьи, можно видѣть отчасти, какъ протекало время для старинныхъ деревенскихъ жителей, владѣвшихъ крестьянами. Но нужно сознаться, что точнаго и опредѣленнаго очерка *жизни* тогдашней не даетъ ни одинъ изъ авторовъ, писавшихъ мемуары о томъ времени. Должно быть, *жизни* собственно и не было въ этой темной, удушливой средѣ; было какое-то прозябаніе, не оставлявшее по себѣ никакого слѣда и потому не могшее быть уловленнымъ воспоминаніями тѣхъ, кто старался изобразить этотъ бытъ. Подобно другимъ мемуарамъ, и «Записки» г. Аксакова не представляютъ въ этомъ отношеніи удовлетворительнаго очерка. Прочитавъ эту толстую книгу, невольно спрашиваешь себя: «Что же, однако, дѣлали эти люди всю свою жизнь? Какъ они ее прожили? Чѣмъ занималась все время своего тридцатилѣтняго дѣвичества — хоть тетушка Татьяна Степановна? Какое занятіе было у самой матери Сережи?». На все это даются отвѣты очень смутные, отрывочные, неудовлетворительные. Для разъясненія дѣла можетъ отчасти служить «Добрый день Степана Михайловича», описанный въ «Семейной хроникѣ». Онъ даетъ нѣкоторое понятіе о той праздности и лѣни, въ которую погружено было цѣлое семейство, внѣ хозяйственныхъ заботъ, лежавшихъ почти вполнѣ на одномъ только главѣ дома Просыпается Степанъ Михайловичъ рано, даже раньше слугъ своихъ, которыхъ будитъ въ добрый день — не калиновымъ подожкомъ, не пинкомъ и не стуломъ, какъ въ другіе дни, а просто — по-че-

ловѣчески. Только что онъ всталъ, и весь домъ на ногахъ: вся семья почтительно идетъ къ старику здороваться. Потомъ пьютъ чай, и затѣмъ отецъ отправляется на поле, гдѣ испытываетъ доброту пашни извѣстнымъ уже намъ способомъ. Съ поля онъ возвращается прямо къ обѣду, который ужъ непремѣнно долженъ быть готовъ къ его возвращенію. За стуломъ хозяина стоитъ, во все время обѣда, Николка Рузанъ, съ цѣлымъ пучкомъ березы, и обмахиваетъ его отъ мухъ. Въ столовую собираются дворовые мальчишки и дѣвчонки «за подачками»; они знаютъ, что Степанъ Михайловичъ веселъ и будетъ обдѣлять ихъ кусками съ своего стола. Послѣ обѣда, бывшаго всегда въ полдень, всѣ ложатся спать, и спятъ часа четыре. Затѣмъ отецъ ѣдетъ на мельницу и беретъ съ собою всю семью. Оттуда возвращаются домой, и баринъ толкуетъ со старостой, затѣмъ ужинаетъ; послѣ ужина старикъ прохлаждается нѣсколько времени на крыльцѣ, забавляясь дракою своихъ слугъ, и наконецъ мирно ложится спать.

Вотъ вамъ цѣлый день, одинъ изъ лучшихъ дней. Какая дѣятельность выпадаетъ тутъ на долю Арины Васильевны и дочерей? и что дѣлаетъ самъ Степанъ Михайловичъ, ежели онъ не ходитъ въ поле и не ѣздитъ на мельницу? — этого, право, мы не умѣемъ сказать. Должно быть, ничего не дѣлаетъ. Подтвержденіе этой мысли находимъ мы въ замѣчаніи г. Аксакова о Куролесовѣ, который умѣлъ вести себя хорошо въ первые два или три года, пока у него было дѣло на плечахъ, пока онъ занятъ былъ устройствомъ имѣнія. Но потомъ праздность одолѣла его: натура была у него широкая, а дѣла себѣ никакого не находила: и пустился Михаилъ

Максимовичъ въ пьянство и буйство. Другіе не пускались въ такія художества, но прозябали безъ шума и слѣда, не думая ни о чемъ, и ни въ чемъ не пытая своихъ силъ. Богачъ Д* занимался своимъ крѣпостнымъ оркестромъ и заморскими чушками, Прасковья Ивановна — пріемомъ гостей и картами; Арина Васильевна — пряжей козьяго пуху, въ промежутки между сномъ и процессомъ наполненія желудка. Экстраординарными занятіями были — уженье, охота, собираніе грибовъ и ягодъ... Въ зимнее время, вѣроятно, увеличивались тѣ забавы и развлеченія, образцы которыхъ представили мы выше, въ выкидываньи артикула — Дарьей Васильевною, вмѣсто ружья. Тутъ же, конечно, помогали много и благодѣтельныя карты, служившія — то для игры въ дурачки, то для гаданья. Съ теченіемъ времени, т. е. въ поколѣніи, слѣдовавшемъ уже за Степаномъ Михайловичемъ, развивалась любовь къ чтенію: такъ у Татьяны Степановны былъ уже свой любимый пѣсенникъ... Чего же больше?

Если мы сдѣлаемъ надъ собою усиліе и вообразимъ себя на мѣстѣ какой-нибудь Арины Васильевны или богача Д**, съ ихъ понятіями, съ ихъ матеріальными средствами, со всею обстановкою ихъ жизни, то мы удивимся ихъ праздности. Вѣдь всякая дѣятельность непремѣнно чѣмъ-нибудь вызывается и поддерживается; всякій работаетъ прежде всего потому, что сознаетъ *потребность* труда нравственную или физическую, чаще всего и ту и другую, нераздѣльно. Скажите, отчего же потребность труда могла бы родиться въ Прасковьѣ Ивановнѣ или въ богачѣ Д*? Что имъ была за надобность работать?.. Съ незапамятныхъ временъ, поколѣніе за поколѣніемъ, приходятъ люди-счастлив-

цы на готовое. Кто-то прежде ихъ, для нихъ невѣдомо, приготовилъ все это, пожилъ, умеръ, оставилъ другимъ, другіе третьимъ. Наконецъ доходитъ до послѣднихъ; имъ даютъ состояніе и говорятъ: «Пользуйтесь! тутъ есть неистощимый капиталъ, который можетъ давать столько процентовъ, сколько вы захотите, не выходя за предѣлы человѣческой возможности. Вамъ ничего не нужно для того, чтобы пользоваться этимъ капиталомъ и процентами; довольно того, что я вамъ вручаю его». И неужели отъ счастливца, получающаго этотъ кладъ, можно ожидать, что онъ отъ него откажется и скажетъ: «нѣтъ, — я лучше хочу самъ трудиться, самъ пріобрѣтать себѣ хлѣбъ свой». Нѣтъ, только Геркулесъ способенъ былъ къ такому самоотверженію, когда его встрѣтили съ своими предложеніями Нѣга и Трудъ. Зато Геркулесъ и относится къ области миѳологіи. Люди историческихъ временъ поступаютъ уже не такъ. Въ этомъ отношеніи свойство дѣйствительныхъ людей изображаетъ намъ разсказъ Данилова о своемъ зятѣ Астафьевѣ. Астафьевъ этотъ служилъ въ полку; но потомъ, получивши богатое наслѣдство, неприлежно сталъ служить и наконецъ выпросился въ отпускъ, такъ какъ въ то время отставки получить нельзя было. При этомъ случаѣ онъ нашелъ *милостивца* въ полковомъ секретарѣ, который каждый годъ выправлялъ ему отпускъ за малые деревенскіе гостинцы: «душекъ двѣнадцать мужеска пола, съ женами и дѣтьми», съ тѣмъ, чтобы они были выведены, куда было имъ назначено (Данил., стр. 34). Вотъ это очень понятно и очень близко къ естественнымъ наклонностямъ большинства человѣковъ!..

Грустно становится, когда раздумаешься объ

этихъ времснахъ, которыхъ остатки существовали еще такъ недавно. Но и тутъ, какъ вездѣ, есть одна сторона отрадная, успокаивающая: это видъ добраго, свѣжаго крестьянскаго населенія, твердо переносящаго всѣ испытанія, безъ отчаяннаго уныпія, но съ постоянной надеждой на милость Божью и царскую. Много силъ должно таиться въ томъ народѣ, который не опустился нравственно среди такой жизни, какую онъ велъ много лѣтъ, работая на Багровыхъ, Куролесовыхъ, Д** и т. п. . . . Весело смотрѣлъ маленькій Сережа на дружную работу косцовъ и потомъ съ восхищеніемъ разсказывалъ, какъ это хорошо — косить. Ему отвѣтили, что смотрѣть-то хорошо, а работа очень тяжела, и онъ долго не могъ помириться съ мыслью, чтобы такая веселая и красивая работа могла быть тяжела. Въ другой разъ онъ видѣлъ жнитво, при которомъ, на вопросъ отца его, — «не тяжело ли», — крестьяне отвѣчали: «тяжеленько, да какъ же быть, рожь сильна, — прихватимъ вечера». Тутъ маленькаго Сережу поразили тяжело дышащія, согнутыя надъ серпомъ крестьянки, обвязанные грязными тряпицами пальцы на рукахъ и босыхъ ногахъ работавшихъ и особенно плачъ грудного ребенка, который былъ тутъ же, въ полѣ, съ матерью, какъ бы пріучаясь къ этой «страдѣ» крестьянской. Сережа съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ молодая женщина, воткнувъ серпъ въ связанный ею снопъ, подошла къ ребенку, и тутъ же, присѣвъ у стоящаго пятка сноповъ, начала цѣловать, ласкать и кормить грудью свое дитя, а потомъ снова положила его въ люльку и принялась жать съ особеннымъ усиліемъ, чтобы наверстать потерянное время и не отстать въ работѣ. «Невыразимое чувство состраданія къ

работающимъ съ такимъ напряженіемъ силъ, на солнечномъ зноѣ, обхватило мою душу»—говоритъ г. Аксаковъ (стр. 61) Черезъ нѣсколько времени крестьянскія работы дали ему испытать еще новое чувство. Онъ увидалъ, какъ боронятъ землю крестьянскіе мальчики, и самъ захотѣлъ попробовать боронить. Мать сначала говорила ему, что это вздоръ, что это не его дѣло, но наконецъ согласилась на усиленныя просьбы сына. Разумѣется, оказалось, что Сережа не только боронить не можетъ, но даже ходить по спаханной землѣ не умѣетъ. «Крестьянскій мальчикъ шелъ рядомъ со мной, — говоритъ онъ, — и смѣялся. Мнѣ было стыдно и досадно» (стр. 369).

Да, всѣ эти поколѣнія, прожившія свою жизнь даромъ, на счетъ другихъ — всѣ они должны были бы почувствовать стыдъ, горькій стыдъ при видѣ самоотверженнаго, безкорыстнаго труда своихъ крестьянъ. Они должны бы были вдохновиться примѣромъ этихъ людей и взяться за дѣло, съ полнымъ сознаніемъ, что жизнь тунеядца презрѣнна и что только трудъ даетъ право на наслажденіе жизнью. А они не совѣстились присвоить себѣ это наслажденіе, отнимая его у другихъ. Горькое, тяжелое чувство сдавливаетъ грудь при воспоминаніи о давно минувшихъ несправедливостяхъ и насиліяхъ... Но радостно бьется сердце при мысли, что мы уже пережили эти времена, что теперь блеститъ уже новый день, что грядущія поколѣнія ожидаетъ не принужденный трудъ безъ вознагражденія, а свободная, живая дѣятельность, полная радостныхъ надеждъ на собраніе плодовъ, на неотъемлемую, собственную жатву того, что посѣяно. Скорѣе же прочь всѣ остатки отжившихъ свое время предраз-

судковъ! Своекорыстные разсчеты и привычная лѣнь должны умолкнуть предъ величіемъ общаго начинанія ко благу человѣчества. Голосъ правды, голосъ любви призываетъ: не время оставаться въ прежней праздности и апатіи. Пусть воспоминанія того поколѣнія, которое возрастаетъ теперь, представятъ наше общество въ лучшемъ свѣтѣ, нежели въ какомъ являются предъ нами въ воспоминаніяхъ правдивыхъ современниковъ люди конца прошедшаго столѣтія!..

II.

Разныя сочиненія С. Аксакова.

Москва 1858 г.

Новая книга С. Т. Аксакова никакъ не можетъ вызвать серьезныхъ критикъ, подобныхъ тѣмъ, какимъ подвергались его «Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы Багрова». Изданныя нынѣ «Разныя сочиненія» имѣютъ въ себѣ одно свойство, которое должно заставить критику, — каковъ бы ни былъ ея смыслъ, — принять совершенно не тотъ характеръ, что прежде. Рецензентъ при своемъ разборѣ всегда имѣетъ въ виду, будетъ ли публика читать разбираемую книгу, или нѣтъ. Если будетъ, то критика, предполагая содержаніе извѣстнымъ, старается разъяснить его смыслъ, прослѣдить развитіе идей автора, высказать свое мнѣніе о предметахъ, выводимыхъ авторомъ, и о способѣ ихъ изображенія. Такъ и поступила критика наша съ произведеніями г. Аксакова, изданными въ послѣдніе годы.

Но если многія соображенія приводятъ критику къ убѣжденію, что публика не будетъ, да и не должна читать книги, то и разборъ, очевидно, долженъ имѣть другой смыслъ: онъ долженъ только дать понятіе о книгѣ, чтобы избавить любителей чтенія отъ напрасной траты времени. Именно такого рода разборъ мы считаемъ приличнымъ для «Разныхъ сочиненій» г. Аксакова.

Но предварительно, изъ уваженія къ таланту и литературному авторитету почтеннаго автора, скажемъ, почему мы полагаемъ, что его новая книга не будетъ читаться. Мы знаемъ, что онъ возбудилъ интересъ въ нѣкоторой части публики своими «Записками объ уженьи рыбы и о ружейной охотѣ». По поводу этихъ книгъ замѣчено было, что г. Аксаковъ пишетъ очень хорошимъ слогомъ, съ теплымъ чувствомъ описываетъ красоты природы и имѣетъ большія познанія относительно разныхъ породъ рыбъ и птицъ. Съ такою репутаціей оставался С. Т. Аксаковъ до 1856 г., когда издалъ «Семейную хронику». Отрывки изъ «Хроники» и «Воспоминаній» печатались еще прежде въ разныхъ журналахъ и возбуждали въ публикѣ большія ожиданія. Изданіе «Хроники» встрѣчено было съ такимъ восторгомъ, какого, говорятъ, не бывало со времени появленія «Мертвыхъ душъ». Всѣ журналы наполнились статьями о С. Т. Аксаковѣ. Не всѣ критики выказали одинаковую проницательность въ опредѣленіи достоинствъ «Семейной хроники»; но всѣ одинаково напомнили намъ тѣ времена, въ которыя существовали у насъ *россійскіе Пиндары, Мольеры* и *Вольтеры*. Одни изъ критиковъ увѣряли, что С. Т. Аксаковъ по спокойствію и ясности своего міросозерцанія есть не что иное какъ новый Гомеръ; дру-

гіе утверждали, что по удивительному искусству въ развитіи характеровъ онъ скорѣе всего есть русскій Шекспиръ; третьи, гораздо умѣреннѣе, говорили, что С. Т. Аксаковъ есть не болѣе какъ нашъ Вальтеръ-Скоттъ. Ниже Вальтеръ-Скотта впрочемъ ни одинъ изъ критиковъ не спускался. Не знаемъ, читала ли публика всѣ критики на С. Т. Аксакова и вѣрила ли имъ, если читала; но достовѣрно то, что «Семейная хроника» вскорѣ вышла вторымъ изданіемъ, значитъ — читалась. Успѣху ея, кромѣ несомнѣнныхъ достоинствъ изложенія, много содѣйствовало и то обстоятельство, которое помогло успѣху «Старыхъ годовъ» г. Мельникова, «Прошлыхъ временъ» г. Салтыкова и т. п. Тутъ была оглядка на прошлое, на которое мы до того времени боялись оглядываться, потому что оно еще не совсѣмъ прошло для насъ. «Воспоминанія» г. Аксакова предупредили нѣсколькими мѣсяцами произведенія гг. Щедрина, Печерскаго и др., и кромѣ того они стояли степенью выше ихъ въ отношеніи къ общественному интересу, котораго преимущественно ищетъ теперь публика въ литературныхъ произведеніяхъ. Въ обличительныхъ повѣстяхъ читатели видѣли притчу, аллегорію, сборникъ анекдотовъ; у г. Аксакова нашли правду, быль, исторію. Увлеченные своей основной идеей — карать порокъ, писатели-обличители дѣлали очень часто ту ошибку, что отбрасывали въ своихъ произведеніяхъ все, что казалось постороннимъ главной ихъ мыслью; оттого разсказы ихъ и страдали часто нѣкоторой искусственностью и безжизненностью. У г. Аксакова не было такого односторонняго увлеченія; онъ просто писалъ прожитую и прочувствованную имъ правду, и оттого въ книгѣ его явилось болѣе жизненности

и разносторонности; общественные интересы группировались съ частными, задушевными, и выражались въ книгѣ именно настолько, насколько имѣли они значеніе въ самой жизни автора. Такимъ образомъ книга С. Т. Аксакова поражала своей простотой, задушевностью, отсутствіемъ натяжекъ и заданныхъ положеній. Читатели охотно прощали автору и нѣкоторую растянутость его описанія и ненужныя повторенія одного и того же въ разныхъ мѣстахъ книги, и подогрѣтый лиризмъ по поводу явленій давно минувшихъ, и остатки нѣкоторыхъ раболѣпныхъ отношеній къ разнымъ знаменитостямъ, съ которыми авторъ встрѣчался въ молодости. Все это прощалось ему за тѣ живыя страницы, въ которыхъ представлялъ онъ живые типы Багровыхъ, Куролесовыхъ, описывалъ свое гимназическое и университетское воспитаніе, передавалъ свѣжія впечатлѣнія природы, окружавшей его дѣтство. «Семейная хроника» и «Воспоминанія» г. Аксакова ясно и прямо говорили читателю, что это живая быль, а не выдумка, *въ самомъ дѣлѣ,* а не *нарочно,* — преимущество, котораго лишена была большая часть обличительныхъ повѣстей нашихъ. И вотъ чѣмъ, по нашему мнѣнію, всего болѣе объясняется успѣхъ книги г. Аксакова въ нашей публикѣ, обыкновенно такъ равнодушной къ художественнымъ достоинствамъ, а въ настоящее время особенно падкой къ интересамъ общественнымъ. Критика не обратила въ свое время должнаго вниманія на эту сторону отношеній «Семейной хроники» къ современнымъ читателямъ и занялась почти исключительно разборомъ художественной формы ея. Держась своей точки зрѣнія, критика съ прежней восторженностью встрѣтила и «Дѣтскіе

годы Багрова», изданные г. Аксаковымъ въ прошломъ году. Въ нихъ находили то же мастерство разсказа, ту же задушевность и простоту, то же умѣнье живописать природу, и потому ожидали, что они будутъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и «Семейная хроника». Но публика вовсе не обнаружила къ новому произведенію г. Аксакова прежняго энтузіазма; «Дѣтскіе годы» показались скучными, восторженныя журнальныя похвалы имъ возбуждали смѣхъ въ читателяхъ, изъ всѣхъ критикъ на г. Аксакова болѣе всѣхъ понравилась самая строгая (въ «Атенеѣ»), хотя вся сущность ея заключалась въ весьма основательномъ и остроумномъ развитіи одной главной мысли: «что книга г. Аксакова была бы хороша, если бы не была слишкомъ растянута». Мы тоже разбирали тогда «Дѣтскіе годы» и, чувствуя, что не могли бы удержаться отъ смѣха, если бы вздумали разсуждать объ ихъ художественныхъ достоинствахъ, рѣшились собрать изъ всей книги тѣ крупицы общеинтересныхъ фактовъ, которыя были разбросаны въ «Дѣтскихъ годахъ» между многими сотнями рыболовныхъ, пищеварительныхъ и чертежническихъ подробностей. Составляя свой разборъ, мы и тогда имѣли въ виду, что публика будетъ плохо читать новую книгу г. Аксакова; но мы не хотѣли явиться зловѣщими пророками для автора и замѣтили тогда: «авторитетъ С. Т. Аксакова установленъ публикой, — пусть же она сама и уничтожитъ его, если хочетъ; критикѣ же вовсе нѣтъ надобности кричать въ этомъ случаѣ наперекоръ публикѣ, потому что дѣятельность г. Аксакова не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго и неблагороднаго».

Наши предположенія сбылись, къ сожалѣнію, скорѣе и полнѣе, нежели мы ожидали; совершенное

равнодушіе, даже нѣкоторое пренебреженіе и насмѣшливость явились теперь въ публикѣ вмѣсто прежняго восторга къ трудамъ г. Аксакова. Въ «Русской Бесѣдѣ» прошлаго года постоянно печатались его «Литературныя и театральныя воспоминанія» и постоянно пропускались мимо даже читателями «Бесѣды». Всѣ уже успѣли узнать, что талантъ г. Аксакова слишкомъ субъективенъ для мѣткихъ общественныхъ характеристикъ, слишкомъ полонъ лиризма для спокойной оцѣнки людей и произведеній, слишкомъ наивенъ для острой и глубокой наблюдательности. Въ «Воспоминаніяхъ», изданныхъ вмѣстѣ съ «Хроникой», видно уже было, что С. Т. Аксаковъ *слишкомъ несвободно* относится къ тѣмъ личностямъ и явленіямъ жизни, которыя занимали его молодость. И тамъ уже не совсѣмъ пріятно поражалъ по мѣстамъ пафосъ автора, обращенный на удочки, на благородные спектакли и на знаменитости, подобныя Шушерину, Кокошкину, и т. п. Въ новыхъ воспоминаніяхъ ожидали еще сильнѣйшаго пафоса, еще болѣе мелочности и не ошиблись. Вслѣдствіе того — литературная слава С. Т. Аксакова исчезла такъ же быстро, какъ и возникла, и новая книга его была встрѣчена съ холодностью, которая граничитъ съ пренебреженіемъ. Недавно мы слышали даже уподобленіе новыхъ воспоминаній С. Т. Аксакова запискамъ того господина, отрывокъ изъ дневника котораго помѣщенъ былъ въ прошломъ году въ «Современникѣ» (въ «Замѣткахъ Новаго Поэта»). Мы отъ всей души желали бы опровергнуть неблагопріятное мнѣніе публики разборомъ «Разныхъ сочиненій» г. Аксакова; но, къ несчастью, они вполнѣ оправдываютъ разочарованіе читателей, какъ сейчасъ увидимъ.

Болѣе половины книги «Разныхъ сочиненій» занимаютъ литературныя и театральныя воспоминанія. Болѣе половины остальной части — «Біографія Загоскина». Затѣмъ въ книгѣ находятся мелкія статьи: «Буранъ», «Нѣсколько словъ о М. С. Щепкинѣ» и «Воспоминаніе о Д. Б. Мертваго». Въ *приложеніяхъ* перепечатаны изъ старыхъ журналовъ еще три коротенькія статейки г. Аксакова, писанныя тридцать лѣтъ тому назадъ: «О заслугахъ кн. Шаховского въ драматической словесности», «О романѣ ‹Юрій Милославскій›», и «Письмо къ издателю «Московскаго Вѣстника» о Пушкинѣ».

Желая дать понятіе о характерѣ «Литературныхъ и театральныхъ воспоминаній», сравнительно съ прежними воспоминаніями г. Аксакова, мы воспользуемся однимъ замѣчаніемъ его о Мочаловѣ. По словамъ г. Аксакова, Мочаловъ былъ очень хорошъ тогда, когда игралъ совершенно просто. Въ одной пьесѣ онъ восхитилъ своей игрой кн. Шаховского, и тотъ заставилъ повторить пьесу и просилъ въ театръ какую-то важную особу изъ пріѣзжихъ нарочно затѣмъ, чтобы посмотрѣть игру Мочалова. Узнавъ объ этомъ, Мочаловъ, по словамъ С. Т. Аксакова, «*постарался* и сыгралъ невыносимо дурно». Нѣчто подобное произошло и съ авторомъ «Семейной Хроники». Замѣтивъ, что на него устремлено общее любопытство, услышавъ похвалы своему слогу, задушевности и правдѣ своихъ воспоминаній, С. Т. Аксаковъ видимо началъ *стараться*, и результатъ вышелъ въ родѣ мочаловскаго. Всѣ недостатки, бывшіе въ зародышѣ въ «Хроникѣ» и «Воспоминаніяхъ», страшно разрослись теперь и заслонили собою скромныя достоинства, успѣвшія уберечься отъ тлетворнаго вліянія *старанія* г. Акса-

кова. И въ прежнихъ воспоминаніяхъ были у почтеннаго автора лирическія страницы, на которыхъ говорилось, напр.: «Съ какимъ сердечнымъ трепетомъ ожидалъ я, бывало, половины шестого, чтобы идти на Сѣнную площадь — къ Шушерину!.. До сихъ поръ не могу вспомнить безъ восхищенія объ этомъ блаженномъ времени!» — или: «Невозможно передать словами того, что я чувствовалъ и какую ночь провелъ я, въ ожиданіи блаженной минуты, когда буду представленъ Шишкову»; или: «Я опьянѣлъ отъ восторга и счастья, удостоившись читать Державину его стихи! Да будетъ благословенно искусство чтенія, озарившее скромный путь моей жизни такимъ блаженствомъ, воспоминаніе о которомъ до сихъ поръ проливаетъ отраду во все существо мое!» Въ преженихъ воспоминаніяхъ были также и подробности весьма спеціальныя, въ родѣ того, что въ такой-то сценѣ, на такомъ-то представленіи, Бобровъ былъ дуренъ, а Семенова — прелестна, что актеръ Фьяло очень натурально игралъ роль Неизвѣстнаго, что на такомъ-то домашнемъ спектаклѣ у одного изъ благородныхъ артистовъ нечаянно камзолъ разстегнулся, а С. Т. Аксаковъ взялъ да и застегнулъ его, и т. п. Но все это рѣшительно ничего не значитъ въ сравненіи съ той обстоятельностью, какою отличаются новыя воспоминанія г. Аксакова. Прежде у него изображались по крайней мѣрѣ — Державинъ, Шишковъ, Шушеринъ; теперь являются предъ нами Николевъ, Ильинъ, Кокошкинъ, Шаховской, Писаревъ и пр. И говоря объ этихъ людяхъ, авторъ до сихъ поръ обнаруживаетъ нѣкоторые остатки наивнаго подобострастія, которымъ былъ къ нимъ проникнутъ въ своей молодости. «Такой-то меня обласкалъ... Этотъ

очень полюбилъ... Этотъ обошелся со мной очень благосклонно» — вотъ выраженія, въ которыхъ г. Аксаковъ разсказываетъ о своихъ литературныхъ знакомствахъ. И не подумайте, чтобы такія отношенія существовали въ то время, когда авторъ былъ еще скромнымъ юношею; нѣтъ, такъ было постоянно — до тѣхъ поръ, пока С. Т. Аксаковъ самъ не сдѣлался «патріархомъ русской литературы». Вотъ, напр., какъ говоритъ онъ о своемъ знакомствѣ съ кн. И. М. Долгорукимъ въ 1821 г., когда автору «Воспоминаній» было уже *тридцать* лѣтъ. Увидѣлъ его Иванъ Михайловичъ на одномъ домашнемъ спектаклѣ и расхвалилъ. «Мнѣ *совѣстно,* — трогательно замѣчаетъ авторъ черезъ тридцать восемь лѣтъ, — *повторять его похвалы, которыя были, конечно, черезчуръ преувеличены* ...» Затѣмъ онъ продолжаетъ: «съ этихъ поръ князь меня очень полюбилъ. Я много читывалъ ему изъ его ненапечатанныхъ сочиненій, и въ томъ числѣ огромную трагедію, въ три тысячи варварскихъ стиховъ, которая происходила въ невѣдомомъ мѣстѣ, у неизвѣстнаго народа. Впрочемъ сочинитель самъ подсмѣивался надъ своимъ твореніемъ» (стр. 67). Итакъ — угодливость автора не ограничивалась тѣмъ, что онъ въ цвѣтущей юности съ восторгомъ читалъ Державину нелѣпыя его трагедіи: онъ то же самое дѣлалъ въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ для князя И. М. Долгорукова, который самъ надъ собою смѣялся! То же самое дѣлалъ онъ и для Николева, котораго, какъ самъ говоритъ, и не уважалъ вовсе. Въ первое свиданіе съ Николевымъ онъ сказалъ, что «былъ бы счастливъ, если бъ могъ услышать что-нибудь изъ нго трагедіи «Малекъ-Адель». «Николевъ началъ декламировать, С. Т. Аксаковъ былъ

увлеченъ и превозносилъ автора искренними похвалами, и ему навѣки «врѣзались» въ память слѣдующіе четыре сильные стиха:

Блисталъ конь бѣлъ подъ нимъ, какъ снѣгъ Атлантскихъ горъ,
Стрѣла летяща — бѣгъ, свѣща горяща — взоръ,
Дыханье — дымъ и огнь, грудь и конька — камень,
На немъ Малекъ-Адель или сраженій пламень.

Въ благоговѣйномъ вниманіи къ памяти Николева, г. Аксаковъ и теперь обращается съ этими стихами какъ съ нѣкою святыней. Къ слову «*блисталъ*» онъ дѣлаетъ примѣчаніе: «не отвѣчаю за слово *блисталъ;* иногда мнѣ кажется, что вмѣсто него стояло: *сверкалъ*» (стр. 15). Видите, какая добросовѣстность! . . Научитесь, юноши, какъ должно чтить преданія! . .

Такимъ милымъ характеромъ отличается вся книга, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣло касается Полевого. «Московскій Телеграфъ» единственная тучка, потемняющая свѣтлый міръ воспоминаній г. Аксакова. О Полевомъ до сихъ поръ не рѣшается онъ сказать добраго слова; онъ пространно обвиняетъ его въ «дерзости», съ замѣтнымъ удовольствіемъ повторяетъ онъ выдохшіеся куплеты Писарева противъ издателя «Телеграфа»; не безъ самодовольствія припоминаетъ онъ слѣдующій подвигъ своего цензурнаго поприща: «издатель ‹Московскаго Телеграфа› сначала пробовалъ сблизиться со мной, но я откровенно сказалъ ему, что только какъ цензоръ я могу быть въ сношеніяхъ съ г-мъ Полевымъ». Но особенное наслажденіе возбуждается въ С. Т. Аксаковѣ воспоминаніемъ о томъ, какъ при Полевомъ удалось ему прочесть изъ своего перевода сатиры Буало стихи, которые мож-

но было приложить къ самоучкѣ-журналисту; объ этомъ знаменательномъ событіи онъ разсказываетъ на трехъ страницахъ (220—222)!..

За исключеніемъ Полевого, С. Т. Аксаковъ невыгодно отзывается еще только о своемъ товарищѣ по цензурѣ, К. М., который былъ уже очень свирѣпъ. Остальные всѣ милы почтенному автору, и онъ съ неподражаемымъ добродушіемъ сообщаетъ міру заднимъ числомъ бюллетени о состояніи ихъ здоровья, свѣдѣнія о томъ, когда они вставали и ложились въ разное время своей жизни, какой почеркъ имѣли, какъ пришепетывали и т. п. Мы убѣждены, что любой изъ нашихъ библіографовъ счелъ бы себя счастливымъ, если бы могъ достигнуть такой мелочной обстоятельности, до которой возвысился С. Т. Аксаковъ. Смѣемъ увѣрить, что въ «Театральныхъ воспоминаніяхъ» г. Аксакова кажутся еще очень крупными факты, подобные слѣдующимъ:

Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ 1827 г., прежде другихъ пьесъ, именно 7 января, шелъ переведенный Писаревымъ съ французскаго премиленькій водевиль „Дядя на прокатъ“, о которомъ я уже упоминалъ (стр. 137).

13 января, въ бенефисъ актрисы г-жи Борисовой, была дана большая трилогія князя Шаховского „Керимъ-Гирей, взятая изъ „Бахчисарайскаго фонтана“, съ удержаніемъ многихъ стиховъ Пушкина. Общаго успѣха она не имѣла; но многія мѣста были приняты публикой съ увлеченіемъ (стр. 139).

Бенефисъ г-жи Синецкой, бывшій 27 января, заканчивался небольшимъ водевилемъ Писарева, также переведеннымъ съ французскаго: „Двѣ записки, или безъ вины виноватъ“. Этотъ водевиль слабѣе другихъ писаревскихъ водевилей; но куплеты, какъ и всегда, были остроумны, ловки и мѣтки. Переводчикъ былъ вызванъ. Щепкинъ далъ въ свой бенефисъ (4 февраля) очень большую коме-

лію въ прозѣ (подражаніе англійской комедіи „The way to keep him") подъ названіемъ „Школа супруговъ", переведенную съ французскаго Кокошкинымъ. Комедія имѣла много существенныхъ достоинствъ; но была тяжела, длинна и наскучила публикѣ (стр. 140).

Это — крупные факты; это, такъ сказать, абрисъ того узора, по которому г. Аксаковъ лѣпитъ мозаику своихъ воспоминаній о томъ, какъ такой-то актеръ или актриса держали себя во время представленія или на репетиціяхъ.

Въ предисловіи къ воспоминаніямъ своимъ С. Т. Аксаковъ говоритъ, что издаетъ ихъ какъ матеріалъ для исторіи литературы и какъ знакъ уваженія и благодарности къ людямъ, болѣе или менѣе даровитымъ, но не отмѣченнымъ такимъ яркимъ талантомъ, который, оставя блестящій свѣтъ за собою, долго не приходитъ въ забвеніе между потомками. Намѣреніе очень похвальное; но скажите, Бога ради, о, многоученые библіографы, неужто вы сумѣете извлечь что-нибудь для исторіи литературы, — напр. хоть изъ разсказовъ о томъ, какъ С. Т. съ Писаревымъ, Шаховскимъ и Кокошкинымъ рыбу удили на Бердинскомъ озерѣ?.. Можетъ быть, вы внесете въ характеристику этихъ писателей слѣдующіе факты:

Я громко сталъ требовать возвращенія домой, гдѣ ожидалъ насъ завтракъ: *сейчасъ избитое сливочное масло, ровно только что вынутый изъ парника, творогъ, сметана, сливки* и пр. Требованія мои были уважены.

Писаревъ встрѣтилъ насъ съ сіяющимъ лицомъ; ловъ былъ удаченъ, и рыба клевала очень хорошо: *онъ поймалъ двухъ щукъ, изъ которыхъ одну фунтовъ въ шесть, и десятка полтора окуней; въ числѣ ихъ были славные окуни слишкомъ по фунту* (стр. 163).

Рано позавтракавъ, рано сѣли обѣдать, а послѣ обѣда всѣ полегли спать, въ этомъ числѣ и я... (стр. 168).

Къ большой радости Писарева, на другой день уженіе было такъ же удачно и съ большой лодки, какъ и съ маленькой, особенно потому, что наканунѣ было выброшено много снулой рыбешки и червей: это была отличная прикормка для хищной рыбы. Окуни и щуки точно дожидались насъ, и въ короткое время мы поймали также двухъ щукъ и болѣе вчерашняго крупныхъ окуней. Часу въ двѣнадцатомъ мы отправились въ Москву (стр. 170).

Мы не знаемъ, что извлечетъ будущій историкъ нашей литературы изъ того, какъ С. Т. Аксаковъ съ товарищами ѣлъ сейчасъ *избитое* масло, редисъ, только что вынутый изъ парника, сметану, творогъ и пр. и что Писаревъ поймалъ двухъ щукъ, одну фунтовъ въ шесть и т. д... Но насъ интересуетъ вопросъ: теперь ли только г. Аксаковъ вспомнилъ все это, или тогда же все записалъ, — предупреждая такимъ образомъ извѣстнаго гоголевскаго героя, писавшаго: «*сія дыня съѣдена такого-то числа*», и если кто присутствовалъ, то: «*участвовалъ такой-то*»...

Впрочемъ, можетъ быть, С. Т. Аксаковъ излагалъ всѣ вышеприведенныя подробности — не по причинѣ исторической ихъ важности, а вслѣдствіе художественности своей натуры, увлекавшей его къ начертанію полной и живой картины... Можетъ быть!.. Противъ художественности г. Аксакова мы ничего не можемъ сказать; мы дѣйствительно изумлялись тому мастерству, съ какимъ онъ вводитъ насъ въ кругъ тѣхъ бѣдныхъ и жалкихъ интересовъ, которыми поглощены были его молодые годы. Чѣмъ-то не здѣшнимъ, не нашимъ повѣяли на насъ его простодушныя, любезныя воспоминанія о тѣхъ временахъ, когда постановка пьесы на домашнемъ

театрѣ казалась важнымъ дѣломъ и запечатлѣвалась въ памяти на всю жизнь; когда хорошее прочтеніе какихъ-нибудь стишковъ давало человѣку репутацію и было предметомъ долгихъ разговоровъ между образованными людьми; когда водевильный каламбурецъ праздновался торжественнымъ ужиномъ; когда друзья-литераторы занимались изобрѣтеніемъ разныхъ хитростей, чтобъ избавить себя отъ слушанія сочиненій своего друга литератора; когда дружеская деликатность не позволяла откровенныхъ объясненій съ другомъ, у котораго начиналась чахотка; когда одинъ литераторъ бросался на шею къ другому и чуть не со слезами обнималъ и цѣловалъ его за то, что тотъ далъ ему хорошую удочку . . . Картина этихъ *старосвѣтскихъ литераторовъ* недурно набросана С. Т. Аксаковымъ, но — только набросана. Какое же сравненіе съ «Старосвѣтскими помѣщиками»! Тамъ все такъ ровно, ярко, цѣльно, закончено; а здѣсь все отрывочно, слабо, неопредѣленно. Видно, что С. Т. Аксаковъ *не выносилъ* еще въ душѣ своей идею своего произведенія (если только онъ хотѣлъ создать изъ своихъ воспоминаній художественное цѣлое). Въ его разсказахъ мало объективности, лирическіе порывы безпрестанно мѣшаютъ эпическому спокойствію разсказа; замѣтно, что авторъ недостаточно возвысился надъ тѣмъ міромъ, который изображаетъ. Оттого и герои, выведенные имъ, не производятъ на читателя того умилительнаго, грустнаго, короткаго и примиряющаго впечатлѣнія, какъ гоголевскіе Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна . . .

Въ доказательство того, что г. Аксаковъ недостаточно выработалъ свои воспоминанія въ художественномъ смыслѣ, мы укажемъ на одинъ эпизодъ

ихъ, который былъ имъ забытъ и вставленъ послѣ, тогда какъ онъ составляетъ рѣшительно лучшее мѣсто въ новой книгѣ г. Аксакова, и даже единственное, которое мы прочли съ полнымъ сочувствіемъ. Эпизодъ этотъ превосходно гармонируетъ съ старосвѣтскимъ обществомъ, рисующимся въ «Воспоминаніяхъ», и бросаетъ яркій свѣтъ на одно изъ обстоятельствъ его развитія. Приведемъ здѣсь вполнѣ разсказъ г. Аксакова:

Начинаю продолженіе моихъ „Воспоминаній" пополненіемъ пропуска, сдѣланнаго мною въ предыдущей статьѣ. Я ни слова не сказалъ о замѣчательномъ спектаклѣ, котораго былъ самовидцемъ въ 1826 г. вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву. Это былъ спектакль-гратисъ для солдатъ и офицеровъ. Фрака не было ни одного въ цѣломъ театрѣ кромѣ оркестра, куда иногда и я приходилъ, остальное же время я стоялъ или сидѣлъ за кулисами, но такъ глубоко, чтобы меня не могли увидѣть изъ боковыхъ ложъ. Спектакль этотъ палъ 13-го сентября. Въ шесть часовъ вечера я пріѣхалъ въ театръ. Ни одного экипажа не стояло около него. Я взглянулъ въ директорскую ложу и былъ пораженъ необычайнымъ и невиданнымъ мною зрѣлищемъ; но чтобъ лучше видѣть полную картину, я сошелъ въ оркестръ: при яркомъ освѣщеніи великолѣпной залы большого Петровскаго театра, вновь отдѣланной къ коронаціи, при совершенной тишинѣ, ложи всѣхъ четырехъ ярусовъ (всего ихъ находится пять) были наполнены гвардейскими солдатами разныхъ полковъ; въ каждой ложѣ сидѣло по десяти или двѣнадцати человѣкъ; передніе ряды креселъ и первый ярусъ ложъ, предоставленные генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ, были еще пусты. Скоро стали наполняться и они, кромѣ послѣднихъ двухъ рядовъ креселъ, которые наполнились вдругъ предъ самымъ пріѣздомъ Государя. Всего болѣе поражала меня тишина, которая безмятежно царствовала при такомъ многочисленномъ стеченіи зрителей: даже на сценѣ и за кулисами было тихо или по крайней мѣрѣ гораздо тише обыкновеннаго, несмотря на то, что всѣ актрисы и актеры, танцовщицы, хористы и пр. давно были одѣты и толпились на сценѣ. Нѣ-

которые посматривали сквозь занавѣсь на чудный видъ залы и ложь, полныхъ невиданными зрителями, въ разноцвѣтныхъ мундирахъ, сидящими неподвижно, какъ раскрашенныя восковыя фигуры. Всѣ служащіе при театрѣ, которымъ слѣдовало тутъ присутствовать, были въ мундирахъ. Наконецъ пробѣжалъ слухъ, что сейчасъ пріѣдетъ Государь, — и Кокошкинъ, Загоскинъ и Арсеньевъ поспѣшили его встрѣтить у подъѣзда. Черезъ нѣсколько минутъ въ боковую малую императорскую ложу вошелъ Государь и, не показываясь зрителямъ, сѣлъ на кресло въ въ глубинѣ ложи; въ большой царской ложѣ помѣщались иностранные послы. По данному знаку, загремѣлъ оркестръ и черезъ нѣсколько минутъ, не дожидаясь окончанія увертюры, поднялась занавѣсь, и нач лась извѣстная, очень забавная комедія кн. Шаховского „Полубоярскія затѣи", за которою слѣдовалъ его же водевиль: „Козакъ Стихотворецъ". Я слышалъ, что обѣ пьесы были назначены самимъ Государемъ. Тишина не прерывалась, и я не могу описать, какое странное дѣйствіе она на меня производила. На сценѣ кипѣла жизнь, движеніе, звучали людскія рѣчи, а кругомъ царствовали безмолвіе и неподвижность Если бъ пьеса давалась въ пустомъ театрѣ, то это было бы естественно; но театръ былъ полонъ людьми отъ верху до низу. Я сидѣлъ въ самой срединѣ оркестра и видѣлъ, что Государь часто смѣялся, но не хлопалъ, — и ни малѣйшаго знака одобренія или участія не выражалось между зрителями. Всѣ актеры, начиная со Щепкина, игравшаго главную роль, Тряпичкина, до послѣдняго офиціанта, всѣ играли совершенно свободно; а Щепкинъ, какъ говорили видавшіе его прежде въ этой роли, превосходилъ самого себя. Я не удивлялся Щепкину: это такой артистъ, для котораго зрители не существуютъ; но я удивлялся всѣмъ другимъ актерамъ и актрисамъ. Я думалъ, что эта подавляющая тишина, это холодное безучастіе такъ на нихъ подѣйствуетъ, что пьеса будетъ играться вяло, безжизненно, и роли будутъ сказываться наизусть какъ уроки, которые сказываютъ мальчики, не принимающіе въ нихъ никакого участія, стоя передъ своимъ строгимъ учителемъ; но комедія шла живо и весело, какъ будто сопровождаемая теплымъ сочувствіемъ зрителей. Пьесы кончились точно такъ же тихо, какъ и начались. Государь уѣхалъ; театръ

ожилъ, зашумѣлъ, зрители въ ложахъ встали и стройно, безъ всякой торопливости и суеты начали выходить. Я поспѣшилъ увидѣть, какъ эти маленькія, отдѣльныя кучки станутъ соединяться въ толпы, выходя изъ театра. Все происходило въ удивительномъ порядкѣ. Я сѣлъ на дрожки и отправился въ свою Таганку. По всей дорогѣ я обгонялъ множество солдатъ, идущихъ уже вольно и разговаривающихъ между собою. Это тоже было необыкновенное зрѣлище. Въ глухомъ гулѣ и мракѣ ночи, по улицамъ довольно плохо освѣщенной Москвы, особенно когда я переѣхалъ Яузу, по обоимъ тротуарамъ шла непрерывная толпа людей, веселый говоръ которыхъ наполнялъ воздухъ. Солдаты шли по одной со мной дорогѣ; они жили въ Крутицкихъ казармахъ [7]). Я поѣхалъ шагомъ, желая вслушаться въ солдатскія рѣчи; но въ общемъ говорѣ мало долетало до меня отдѣльныхъ выраженій. Я думалъ, что видѣнный сейчасъ спектакль будетъ единственнымъ предметомъ разговоровъ, но я ошибся: солдаты говорили, судя по долетавшимъ до меня словамъ, о своихъ дѣлахъ; впрочемъ, раза два или три рѣчь явственно относилась къ театру, и я слышалъ имя Щепкина съ разными эпитетами: „хвата, молодца, лихача" и пр. Иногда они сопровождались такими прилагательными, которыя въ другихъ случаяхъ имѣютъ смыслъ бранныхъ словъ; но здѣсь это были слова похвальныя или знаки восклицанія, которыми русскій человѣкъ очень энергически любитъ украшать свою рѣчь. Впечатлѣніе видѣннаго мною спектакля долго владѣло мною и навело меня на множество размышленій. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе произвело это зрѣлище на иностранцевъ!...

Повторяемъ: это единственныя страницы въ «Разныхъ сочиненіяхъ», привлекавшія наше полное сочувствіе. Мы сочли необходимымъ представить ихъ нашимъ читателямъ, которые, не читая книги г. Аксакова, не должны однако лишиться удовольствія прочесть этотъ великолѣпный эпизодъ.

---

[7] „Разумѣется, это была часть солдатъ, бывшихъ въ театрѣ. Нѣкоторымъ пришлось возвращаться въ лагерь на Ходынкѣ". *С. А.*

Вся остальная часть книги отличается тѣмъ же характеромъ сладкаго добродушія, какъ и «Воспоминанія». «Біографія Загоскина» есть дружескій некрологъ, до-нельзя растянутый приторными похвалами таланту и характеру Загоскина. Въ *приложеніяхъ* помѣщенъ разборъ «Юрія Милославскаго», писанный г. Аксаковымъ въ 1830 г. Онъ говоритъ, что читателямъ, вѣроятно, любопытно будетъ сравнить мнѣнія одного и того же человѣка черезъ 22 года («Біографія Загоскина» написана въ 1852 г.). Мы сравнили — и не нашли никакой разницы. Тѣ же сравненія съ Вальтеръ-Скоттомъ, то же умиленіе отъ русской веселости Загоскина, то же провозглашеніе его единственнымъ нашимъ народнымъ писателемъ. Время не ослабило энтузіазма почтеннаго автора, а напротивъ, кажется, еще увеличило его. Разбирая, на цѣлыхъ десяти страницахъ, «Мирошева», С. Т. Аксаковъ говоритъ, что во время его появленія *рано еще было,* вѣроятно, оцѣнить его достоинства, но что «теперь, когда мы прямѣе, искреннѣе смотримъ на нравственную высоту души и лучше начинаемъ понимать русскаго человѣка», Мирошевъ будетъ, конечно, оцѣненъ гораздо выше. По мнѣнію г. Аксакова, Мирошевъ, — этотъ засушенный кисель, расплывающійся и трескающійся отъ всякой сырости, — есть идеалъ русскаго добродѣтельнаго человѣка и истиннаго героя. «Это русскій человѣкъ-христіанинъ, — говоритъ авторъ біографіи, — который дѣлаетъ великія дѣла, не удивляясь себѣ, а думая, что такъ слѣдуетъ поступить, и только русскій человѣкъ-христіанинъ, какимъ былъ Загоскинъ, могъ написать такой романъ» (стр. 299). Такова критика Загоскина, какъ писателя. Сужденіе о его личности выражается въ слѣ-

дующихъ заключительныхъ словахъ дифирамбическаго некролога, весьма приличныхъ надгробному слову: «въ заключеніе должно сказать, что ко всѣмъ прекраснымъ свойствамъ своего счастливаго права, къ младенческому незлобію души и неограниченной добротѣ, Загоскинъ присоединялъ высшее благо — теплую вѣру христіанина... Да будетъ миръ его душѣ».

Такова старосвѣтская біографія и критика. Нѣтъ надобности говорить, что статьи о Шаховскомъ, Щепкинѣ, Мертваго — отличаются тою же нѣжностью. Въ воспоминаніяхъ о Мертваго понравилась намъ поэтическая страница, посвященная его «дому, у Красныхъ воротъ, въ приходѣ Трехъ Святителей, принадлежавшему, послѣ смерти Д. Б. Мертваго, сначала А. П. Елагиной, а потомъ покойному сыну ея И. Ѳ. Киреевскому».

Но какъ ни трогательна такая обстоятельность, а мы не совсѣмъ были рады, узнавши, что намъ угрожаетъ еще болѣе обстоятельное изложеніе воспоминаній г. Аксакова изъ его отроческой и юношеской поры. Одинъ изъ критиковъ замѣтилъ автору, что его воспоминанія о гимназіи и университетѣ — слабы; С. Т. Аксаковъ отвѣчаетъ ему нынѣ: «я самъ это чувствовалъ, когда писалъ ихъ; эта часть воспоминаній требуетъ *болѣе подробной* (увы!) и болѣе послѣдовательной, живой разработки; не знаю, удастся ли мнѣ поправить эту ошибку» (стр. 332). Господи, — кабы не удалось!

Вообще, отдавая полную справедливость чистотѣ и кротости старосвѣтскихъ понятій, которыхъ представителемъ и рыцаремъ является г. Аксаковъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», мы не можемъ однако удержаться отъ повторенія вопроса, который зада-

валъ когда-то еще Бѣлинскій, разбирая «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ». Сказавши о тихомъ, умиляющемъ впечатлѣніи, возбуждаемомъ этими добрыми, милыми людьми, Бѣлинскій замѣчаетъ: «но что, если бъ васъ спросили, хотите ли вы быть Аѳанасіемъ Ивановичемъ, или провести всю жизнь въ обществѣ такихъ людей? . .», Бѣлинскій отвѣчаетъ на это: «*нѣтъ*», и С. Т. Аксаковъ, конечно, согласится съ нами, ежели мы скажемъ, что то же самое отвѣтитъ каждый изъ современныхъ читателей, которому случится пробѣжать нѣсколько страницъ изъ «Литературныхъ и театральныхъ воспоминаній».

Николай Владиміровичъ Станкевичъ.

(Переписка его и біографія, написанная *П. В. Анненковымъ*. М. 1858.)

Еще въ 1846 г., въ біографіи Кольцова, Бѣлинскій писалъ о Станкевичѣ: «Это былъ одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благоговѣйные и таинственные слухи о которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ кружка близкихъ къ нимъ людей». Бѣлинскій самъ принадлежалъ къ числу этихъ близкихъ людей, и уже одного упоминанія его было бы, конечно, достаточно для того, чтобы возбудить въ насъ желаніе узнать покороче личность, внушившую ему такія строки. Теперь, благодаря біографіи Станкевича, написанной г. Анненковымъ, и еще болѣе перепискѣ, изданной имъ же, это справедливое желаніе можетъ быть удовлетворено. Біографическій очеркъ Станкевича былъ еще раньше напечатанъ г. Анненковымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; теперь онъ изданъ (въ сокращенномъ, впрочемъ, видѣ) отдѣльной книгой, вмѣстѣ съ перепискою Станкевича. Мы не будемъ здѣсь представлять извлеченія изъ фактовъ и мнѣній, находящихся въ книгѣ г. Анненкова: ихъ уже всѣ прочли, конечно, въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Мы не хотимъ

излагать и содержанія переписки Станкевича, въ которой ясно отражается благородная, открытая, любящая душа его. Нѣтъ сомнѣнія, что большую часть писемъ Станкевича прочтутъ съ удовольствіемъ всѣ, кому дорого развитіе живыхъ идей и чистыхъ стремленій, происшедшее въ нашей литературѣ въ сороковыхъ годахъ и вышедшее преимущественно изъ того кружка, средоточіемъ котораго былъ Станкевичъ. Изданныя письма (большею частію къ Я. М. Н—ву, меньшею — къ Грановскому и еще къ нѣсколькимъ лицамъ) не составляютъ, конечно, *всей* переписки Станкевича; но уже и изъ нихъ очень ясно видна степень того значенія, какое имѣлъ онъ среди передовыхъ тогдашнихъ дѣятелей русской литературы. А это уже достаточно объясняетъ его права на вниманіе и память образованнаго русскаго общества, которое не мало обязано своимъ развитіемъ русской литературѣ, и особенно критикѣ сороковыхъ годовъ.

Чтеніе переписки Станкевича такъ симпатично дѣйствовало на насъ, намъ такъ отрадно было наблюдать проявленія этого прекраснаго характера; личность писавшаго представлялась намъ, по этимъ письмамъ, такъ обаятельною, что мы считали переписку Станкевича окончательнымъ объясненіемъ и утвержденіемъ его правъ на вниманіе и сочувствіе образованнаго общества. Мы не думали, чтобъ нашлись люди, которые бы остались холодными и безстрастными предъ поэтическимъ обаяніемъ этого юноши и сурово потребовали бы у него еще иныхъ, болѣе осязательныхъ правъ на уваженіе и сочувствіе общества. Но, къ сожалѣнію, нашлись такіе люди и показали намъ возможность строгаго допроса, обращеннаго къ памяти человѣка, о кото-

ромъ съ любовью и уваженіемъ вспоминаютъ всѣ, кто только зналъ его. Мы слышали сужденіе о книгѣ, изданной г. Анненковымъ, выраженное въ такомъ тонѣ: «прочитавши ее до конца, надобно опять воротиться къ первой страницѣ, и спросить, вмѣстѣ съ біографомъ Станкевича: чѣмъ же имя этого юноши заслужило право на вниманіе общества и на снисходительное любопытство его?» Выражавшіе такое сужденіе не видѣли въ Станкевичѣ ничего, кромѣ того, что онъ былъ добрый человѣкъ, получившій хорошее воспитаніе и имѣвшій знакомство съ хорошими людьми, которымъ умѣлъ нравиться: что же за невидаль подобная личность? Мало ли кто имѣлъ хорошія знакомства!

Значитъ, все-таки не ясно еще значеніе Станкевича, все-таки есть поводы не признавать его права... На это отрицаніе нельзя смотрѣть какъ на слѣдствіе какихъ-нибудь личныхъ интересовъ и страстей, подобное тому, что мы видѣли недавно въ униженіи заслугъ Грановскаго. Тамъ говорили воспоминанія друзей разнаго рода; многое сказалось въ жару спора, многое возбуждено было тѣмъ, что противникамъ Грановскаго показались слишкомъ неумѣренными восторги его поклонниковъ. Здѣсь ничего подобнаго нѣтъ и не было. О Станкевичѣ пишутъ и разсуждаютъ люди, лично его не знавшіе, споровъ никакихъ не было, даже и восторговъ почти не было. Если бы кто-нибудь сталъ превозносить Станкевича выше мѣры, сталъ бы увѣрять, что онъ былъ главою кружка, что отъ него заимствовано все, что было хорошаго у его друзей; если бы кто-нибудь сталъ приписывать великое, міровое значеніе его бесѣдамъ съ друзьями и возводить его въ геніи и благодѣтели человѣчества; тогда, конечно,

было бы отчего въ отчаянье придти и даже, пожалуй, ожесточиться. Но вѣдь этого никто не дѣлаетъ. Говорятъ просто: Станкевичъ былъ человѣкъ очень замѣчательный по своему свѣтлому уму, живой воспріимчивости и симпатичности своей натуры. Его стремленія были возвышенны и идеальны, онъ искалъ все обобщить, во всемъ дойти до идеи, до начала знанія. Вся его молодая жизнь прошла въ мірѣ науки и искусства, которымъ онъ восторженно предавался, въ надеждѣ *приготовить* себя къ полезной дѣятельности. Около него собирался кругъ друзей, изъ которыхъ многіе сдѣлались потомъ извѣстными своей дѣятельностью. Всѣ они вспоминали и вспоминаютъ о немъ съ какой-то благоговѣйной любовью; лучшіе изъ нихъ говорятъ открыто, что многимъ ему обязаны и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи. Личность такого человѣка не должна быть забыта, хотя бы и для того, чтобы опредѣлить, чѣмъ могъ онъ дѣйствовать такъ обаятельно на своихъ друзей? Интересъ къ его біографіи возрастетъ, когда мы узнаемъ, что это обаяніе не заключалось просто въ мягкости характера и добродушіи, а имѣло гораздо лучшія основанія. Прочитавъ его переписку, узнавъ его жизнь, мы убѣждаемся, что онъ имѣлъ дѣйствительно благотворное значеніе въ кругу своихъ друзей, и что онъ замѣчателенъ самъ по себѣ, а не потому только, чтобы на него упалъ отблескъ славы кого-нибудь изъ нихъ.

Что тутъ преувеличеннаго? Что изъ этого можетъ отнять у Станкевича тотъ, кто не имѣетъ предъявить фактовъ, противорѣчащихъ заключеніямъ, сейчасъ переданнымъ нами? Кажется, — ничего. Но есть люди, отличающіеся весьма мрач-

нымъ взглядомъ на жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то философской выспренностью. У нихъ своя точка зрѣнія на всѣ предметы, и они становятъ вопросъ такимъ образомъ:

«Станкевичъ,—говорятъ они,—все занимался наукой и искусствомъ: гдѣ же его ученые и литературные труды? Сдѣлалъ ли онъ хоть одно открытіе въ наукѣ, произвелъ ли хоть одно художественное chef-d'oeuvre? Даже просто, сдѣлалъ ли онъ хоть что-нибудь для науки? Нѣтъ? Такъ за что же уважать его? Онъ занимался наукой и искусствомъ потому, что находилъ въ нихъ наслажденіе, и это служитъ для него уже достаточной наградой. Станкевичъ любилъ и изучалъ философію: гдѣ же результаты его изученія? Трудился ли онъ для передачи другимъ своихъ взглядовъ, образовалъ ли какую-нибудь школу философіи? Нѣтъ? Такъ что намъ за дѣло до его философскихъ идей! Пусть ихъ остаются его субъективной принадлежностью и не разоблачаются передъ обществомъ: вѣдь онъ изучалъ философію для себя, а не для общества. Если же что и передалъ онъ другимъ, то безсознательно, а безсознательныя дѣйствія не подлежатъ никакому нравственному вмѣненію. Станкевичъ былъ добрый и симпатичный человѣкъ: какъ же это выражалось въ его жизни? Спѣшилъ ли онъ отыскивать несчастныхъ и помогать имъ, подавалъ ли нищимъ, дѣлился ли послѣднимъ съ неимущими, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, Н. Н. Мартыновъ, переводчикъ греческихъ классиковъ? Объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній; въ чемъ же выражалась доброта и высокая нравственность Станкевича? Неужели въ томъ только, что онъ умѣлъ привязать къ себѣ своихъ друзей? Это еще не большая заслуга. Станкевичъ

имѣлъ благородныя и твердыя убѣжденія, какъ же они выразились въ жизни? Страдалъ ли онъ изъ-за нихъ, жертвовалъ ли имъ своимъ счастьемъ, подвергался ли клятвамъ, брани, огорченіямъ, лишеніямъ въ борьбѣ за свои убѣжденія? Нѣтъ? Такъ что же можетъ заставить насъ уважать его убѣжденія и его самого? Мы видимъ изъ всего, что Станкевичъ не былъ труженикомъ и мученикомъ идеи, а просто былъ эпикурейцемъ, хотя и не въ дурномъ значеніи этого слова. У него не было того качества, которое необходимо для общественнаго дѣятеля, — *самоотверженія*. Что онъ ни дѣлалъ, онъ во всемъ былъ диллетантомъ и ни въ чемъ не являлся спеціалистомъ; во всемъ искалъ прежде всего удовлетворенія собственной потребности, собственнаго стремленія и не думалъ обрекать себя на жертву для другихъ. Такой человѣкъ не имѣетъ права на общественное значеніе, какое имѣетъ, напр., И. И. Мартыновъ. Тотъ менѣе имѣетъ извѣстности, менѣе, можетъ быть, имѣлъ дарованій, чѣмъ Станкевичъ; но его права на благодарность потомства несомнѣнны именно потому, что онъ всегда жертвовалъ собою для другихъ. Онъ учился — не какъ диллетантъ, не потому, что его привлекала та или другая книжка, та или другая идейка, а потому всего болѣе, что хотѣлъ оправдать ожиданія и надежды своего начальника и благодѣтеля. Онъ занимался литературой, но не для собственнаго удовольствія, не по какому-нибудь безотчетному влеченію сердца, а съ сознательнымъ желаніемъ принести пользу согражданамъ, и главное потому, что, — по собственному его выраженію, — литература были близка ему, какъ чиновнику министерства просвѣщенія. Слѣдователь-

но — занятія литературныя были для него не удовольствіемъ, не забавой, а трудомъ, пожертвованіемъ, службою. Кромѣ того, онъ былъ и на дѣйствительной службѣ, а въ частной жизни полезенъ былъ тѣмъ, что помогалъ бѣднымъ. Вотъ какія права надобно имѣть на общественное значеніе, а не такія, какія предъявляются за Станкевича. Станкевичъ былъ прекрасный человѣкъ, но прекрасный для себя, а не для другихъ, не для общества. Онъ никогда не принуждалъ себя, не занимался тѣмъ, къ чему не чувствовалъ сердечнаго влеченія, не налагалъ на себя тяжелыхъ нравственныхъ веригъ, не жертвовалъ своей личностью для пользы общей. Онъ былъ эгоистъ, хотя и въ возвышенномъ смыслѣ. Все, совершенное имъ, было имъ совершено прежде всего *для себя,* а если потомъ и выходила польза для другихъ, то совершенно безъ всякихъ разсчетовъ съ его стороны. Люди, развившіеся подъ его вліяніемъ, развились бы и безъ него; если бы они были неспособны къ развитію сами по себѣ, то и Станкевичъ ничего бы не могъ изъ нихъ сдѣлать: доказательство — то, что онъ не сдѣлалъ великаго поэта изъ Красова, точно также какъ не могъ всѣхъ своихъ друзей поставить на ту степень умственнаго развитія, до которой дошелъ Бѣлинскій Нѣтъ, — и образованіе, и идеи германской философіи развились въ нашемъ обществѣ по естественному ходу образованія, и развились бы независимо отъ Станкевича, если бы его никогда и не было на свѣтѣ».

Такой взглядъ не составляетъ исключительной принадлежности нѣсколькихъ лицъ; онъ очень свойственъ многимъ въ нашемъ образованномъ обществѣ. Извѣстно, что вообще о правахъ личности существуютъ два противоположные взгляды, оба

ошибочные въ своихъ крайностяхъ. Одинъ, происходя отъ неуваженія къ личности вообще, отъ непониманія правъ каждаго человѣка, приводитъ къ неумѣренному, безразсудному поклоненію нѣсколькимъ исключительнымъ личностямъ. Такъ на первой степени развитія невѣжественнаго народа, человѣкъ, пораженный необычайной силой или ловкостью какого-нибудь дикаго героя, забываетъ и свою личность, и личность своихъ ближнихъ и вмѣстѣ со всѣми признаетъ свое полное ничтожество предъ удивительнымъ богатыремъ и его безпредѣльную власть надъ собою. Такъ и въ обществѣ, еще мало свѣдущемъ и образованномъ, замѣчается особенная наклонность къ преклоненію передъ всѣмъ, что хоть немножко выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Чуть явится неглупый человѣкъ, о немъ кричатъ, что онъ геній; чуть выйдетъ недурное стихотвореніе, немедленно провозглашаютъ, что имъ могла бы гордиться всякая литература; чуть обнаружитъ человѣкъ кой-какія знанія, къ нему смѣло обращаются съ просьбой о разрѣшеніи всяческихъ вопросовъ, даже неразрѣшимыхъ. И передъ личностью, возбудившей общее благоговѣніе, все падаетъ во прахъ, все говоритъ: «бей меня, топчи, плюй на меня; — я съ радостью все отъ тебя снесу, потому что ты геній, потому что ты герой» — или что-нибудь другое въ этомъ родѣ. Такіе порывы смѣшны, конечно, и даже возмущаютъ душу, потому что въ нихъ выражается неуваженіе каждой отдѣльной личности къ самой себѣ. Охота къ восхваленію и преклоненію предъ такъ называемыми *избранниками* судьбы, геніальными натурами — заслуживаетъ, конечно, обличенія и противодѣйствія. Такъ и было въ нашей ли-

тературѣ, когда послѣ необдуманнаго восхищенія фантазіями Кукольника, Тимофеева, послѣ благоговѣйнаго трепета предъ авторитетами Хераскова, Державина и проч. явилась строгая критика, рѣшившаяся основательно опредѣлить мѣру ихъ достоинства. Начала, принятыя этой критикой, утвердились и доселѣ дѣйствуютъ при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній. Но многіе изъ избранныхъ людей пустились теперь въ другую крайность: въ уничтоженіе вообще личностей. Важно общее теченіе дѣлъ, говорятъ они, важно развитіе народа и человѣчества, а не развитіе отдѣльныхъ личностей. Если личность занималась какой-нибудь спеціальностью и сдѣлала открытія, то объ этихъ открытіяхъ можно еще говорить, потому что они способствуютъ общему ходу развитія человѣчества. Но личность сама по себѣ не имѣетъ никакого значенія, и мы не должны обращать на нее вниманія. Такое разсужденіе показываетъ, по нашему мнѣнію, только неумѣнье обращаться съ общими философскими положеніями, когда дѣло коснется примѣненія ихъ къ частнымъ случаямъ. Конечно, ходъ развитія человѣчества не измѣняется отъ личностей. Въ исторіи прогресса цѣлаго человѣчества не имѣютъ особеннаго значенія не только Станкевичи, но и Бѣлинскіе, и не только Бѣлинскіе, но и Байроны и Гете: не будь ихъ — то, что сдѣлано ими, сдѣлали бы другіе. Не потому извѣстное направленіе является въ извѣстную эпоху, что такой-то геній принесъ его откуда-то съ другой планеты; а потому геній выражаетъ извѣстное направленіе, что элементы его уже выработались въ обществѣ и только выразились и осуществились въ одной личности болѣе, чѣмъ въ другихъ. Слѣдовательно въ

сферѣ отвлеченной мысли можно сколько угодно уничтожать личности, имѣя дѣло только съ идеями. Но не столь справедливо будетъ въ частныхъ случаяхъ, въ примѣненіяхъ къ дѣйствительной жизни, говорить, что такая-то и такая-то личность не заслуживаетъ уваженія, потому что черезъ 25 лѣтъ о ней останется одно воспоминаніе, а черезъ 250 — и того не будетъ. Подобное смѣшеніе общихъ теоретическихъ положеній съ точкой зрѣнія дѣйствительности можетъ повести къ весьма забавнымъ практическимъ послѣдствіямъ. Я, напримѣръ, знаю, что движеніе народонаселенія въ человѣчествѣ и даже въ Россіи и даже въ Н—ской губерніи вовсе не измѣнилось отъ того, что въ городѣ Н. есть прекрасный докторъ, вылѣчившій многихъ трудно больныхъ. Но между тѣмъ я самъ живу въ городѣ Н., — безпрестанно слышу благодарныя воспоминанія о немъ отъ людей, имъ вылѣченныхъ, и нахожу, что его уважаютъ даже люди, никогда не бывшіе больными. Неужели я поступлю справедливо и благоразумно, если начну всѣмъ этимъ людямъ доказывать, что докторъ не заслуживаетъ ни благодарности, ни уваженія потому, что человѣчество отъ него не выиграло, вылѣчилъ онъ немногихъ, да и тѣ, которыхъ вылѣчилъ, все-таки умрутъ же, и черезъ 50—60 лѣтъ ничего не останется отъ его дѣятельности? Кажется, въ этомъ случаѣ я былъ бы столько же несправедливъ, какъ и въ томъ, если бы я сталъ утверждать, что вопросъ объ увеличеніи народонаселенія на всемъ земномъ шарѣ рѣшительно зависитъ отъ дѣятельности доктора, живущаго въ городѣ Н.

Но на Станкевича, кромѣ его незначительности въ исторіи человѣчества, взводятъ еще другое обви-

неніе, которое еще болѣе характеристично для нашего образованнаго общества и которое мы поэтому намѣрены разсмотрѣть подробнѣе. Говорятъ, что Станкевичъ не былъ труженикомъ, спеціалистомъ, что онъ не имѣлъ самоотверженія и потому не имѣетъ правъ на значеніе общественное. Недавно мы слышали, какъ многіе голоса повторяли то же самое по поводу Грановскаго, доказывая, что онъ былъ не ученый, а артистъ. Теперь раздаются тѣ же возгласы противъ Станкевича. Отчего это? Причины этого, кажется, нельзя искать въ однихъ личныхъ пристрастіяхъ; должно быть какое-нибудь основаніе, болѣе глубокое. Основаніе это должно заключаться въ самомъ взглядѣ на жизнь, который какъ-то составился въ нашемъ образованномъ обществѣ. Не такъ давно одинъ изъ нашихъ даровитѣйшихъ писателей высказалъ прямо этотъ взглядъ, сказавши, что цѣль жизни не есть наслажденіе, а напротивъ, есть вѣчный трудъ, вѣчная жертва, что мы должны постоянно принуждать себя, противодѣйствуя своимъ желаніямъ, вслѣдствіе требованій нравственнаго долга. Въ этомъ взглядѣ есть сторона очень похвальная, именно — уваженіе къ требованіямъ нравственнаго долга. Но съ другой стороны взглядъ этотъ крайне печаленъ, потому что потребности человѣческой природы онъ прямо признаетъ противными требованіямъ долга; и слѣдовательно, принимающіе такой взглядъ признаются въ своей крайней испорченности и нравственной негодности. Это, кажется, ясно; и на основаніи этого взгляда не трудно рѣшить вопросъ о нравственномъ достоинствѣ Станкевича, — въ двухъ словахъ. Если жизнь должна быть рядомъ лишеній и страданій въ силу велѣній долга, такъ это

вѣдь потому, что наши собственныя стремленія не сходятся съ требованіями долга. Слѣдовательно не переноситъ такихъ лишеній и страданій — или тотъ, кто совсѣмъ не хочетъ знать велѣній долга и предается своимъ дурнымъ, безнравственнымъ наклонностямъ; или тотъ, у кого собственныя стремленія не отдаляются отъ нравственныхъ требованій. Теперь спрашивается: къ которому изъ этихъ двухъ разрядовъ отнести Станкевича? Никто не скажетъ, чтобъ онъ былъ дурнымъ человѣкомъ; слѣдовательно отсутствіе, страданій, внутренней борьбы и всякихъ душевныхъ мукъ происходило въ немъ просто отъ гармоніи его существа съ требованіями чистой нравственности. Надъ нимъ не имѣли силы грязныя побужденія, мелочные разсчеты, двоедушныя отношенія; оттого во всемъ существѣ его, во всей его жизни, замѣчается ясность и безмятежность, безъ раздвоенія съ самимъ собой, безъ насилованія естественныхъ стремленій.

Насъ плѣняетъ въ Станкевичѣ именно это постоянное согласіе съ самимъ собою, это спокойствіе и простота всѣхъ его дѣйствій. По всей вѣроятности, эти качества весьма сильно привлекали къ нему и друзей его. Изъ переписки Станкевича мы видимъ, что только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, для соблюденія свѣтскаго приличія, онъ принуждалъ себя къ скрытности и даже невинной лжи. Съ друзьями и этого, конечно, никогда не было. Станкевичъ занимался тѣмъ, чѣмъ ему хотѣлось, и говорилъ о своихъ занятіяхъ съ увлеченіемъ. Ни въ поступкахъ, ни въ мысляхъ своихъ онъ не видѣлъ ничего предосудительнаго, и потому охотно передавалъ своимъ друзьямъ всѣ случаи своей жи-

зни, всѣ свои мечты и планы. Всѣ его письма дышатъ полной, беззавѣтной откровенностью. А извѣстно, какъ сильно дѣйствуетъ простая, дружеская откровенность на молодое, благородное сердце. Друзья Станкевича могли бы быть увѣрены, что онъ не станетъ имъ льстить, не скроетъ своего мнѣнія, не побоится дать прямой, хотя бы и непріятный совѣтъ. У него не было этой малодушной совѣстливости, которая такъ часто заставляетъ насъ *щадить* людей, къ намъ близкихъ, изъ опасенія огорчить ихъ. Боязнь эта происходитъ у насъ, конечно, отъ недостатка довѣрія къ людямъ, даже близкимъ къ намъ, и отъ желанія удержать ихъ расположеніе. А между тѣмъ, мы все-таки выразимъ свое мнѣніе, свое неудовольствіе, — какимъ-нибудь косвеннымъ намекомъ, скажемъ его другимъ, — оно какъ-нибудь дойдетъ до нашего друга, и прежнее довѣріе между нами неизбѣжно рушится. У Станкевича не было подобной недовѣрчивости; онъ очень просто и спокойно говоритъ своимъ друзьямъ, одному: «зачѣмъ ты свои силы тратишь на пустяки»; — другому: «что ты не учишься по-нѣмецки, это тебѣ необходимо»; — третьему: «зачѣмъ ты расхваливаешь глупую книгу?» — четвертому: «мнѣ жаль, что болѣзнь тебя разслабила, и что ты теперь ничего не сдѣлаешь для людей». Подобныя замѣчанія кажутся очень легкими и естественными въ дружескихъ отношеніяхъ; но, право, не часто встрѣчаются друзья, которые могли бы даже такія вещи говорить прямо и просто. А между тѣмъ какъ много неодолимаго обаянія заключается въ этой ясной искренности, основанной на взаимномъ довѣріи и уваженіи. Если она является въ человѣкѣ вслѣдствіе суровости характера, закаленной въ борьбѣ и

опытъ жизни, то она принимаетъ, по этому самому, нѣкоторый видъ грубости и брюзгливости, не всегда нравящейся, особенно самолюбивымъ людямъ. Но даже и эта стоическая, холодная искренность имѣетъ какую-то особенную силу и прелесть и сообщаетъ большое вліяніе на окружающихъ тому, кто ею обладаетъ. Тѣмъ сильнѣе было, конечно, обаяніе личности Станкевича, соединявшаго съ простотою и искренностью необыкновенную мягкость характера, силу чувства и способность увлекаться всѣмъ прекраснымъ.

Впрочемъ, не подумайте, что мы хотимъ выставлять Станкевича идеальнымъ совершенствомъ. Совсѣмъ нѣтъ; мы вовсе не хотимъ утверждать, что онъ сталъ въ своей жизни выше всѣхъ сомнѣній и противорѣчій, что внутренняя гармонія его существа никогда и ничѣмъ не нарушалась. И у него были минуты тяжелыхъ думъ, горькаго недовольства собою, вслѣдствіе неудовлетворенныхъ стремленій и неумѣнья слиться душою съ нѣкоторыми требованіями долга. Такъ, будучи еще двадцати одного года, онъ писалъ: «Я не могу сказать, чтобъ я дѣйствовалъ противъ долга, но, кажется, я слишкомъ много давалъ воли эгоизму, и отъ этого былъ всегда недоволенъ собою. *Неискренность* — вотъ что еще мучило меня, das Schein у меня часто противоположно dem Seyn (особенно въ обществѣ), хотя и не изъ дурныхъ видовъ; а это даетъ дурное направленіе и рождаетъ опять недовольство самимъ собою» (стр. 89). Кто хочетъ видѣть во всемъ мрачную сторону, тотъ можетъ найти въ признаніи Станкевича подтвержденіе той мысли, что онъ былъ эгоистъ безъ твердаго характера. Но мы, напротивъ, видимъ въ этихъ словахъ, какъ высоки были

требованія Станкевича отъ самого себя, какъ тяжелы были для него даже малѣйшія уклоненія отъ сознаннаго имъ долга. Онъ недоволенъ собой даже за то, что въ обществѣ не всегда можетъ казаться тѣмъ, что онъ есть; онъ упрекаетъ себя въ эгоизмѣ; а между тѣмъ видно по всему, что Станкевичъ менѣе всего могъ быть лицемѣромъ и грубымъ эгоистомъ. Его доброе сердце не понимало себялюбиваго своекорыстія, не умѣло быть счастливымъ безъ другихъ. Въ одномъ письмѣ къ Н—ву онъ говоритъ, что внутреннее блаженство заключается въ самоотверженіи. Слѣдовательно, онъ понималъ самоотверженіе какъ удовлетвореніе потребности сердца, а не какъ формальное исполненіе какого-то внѣшняго, суроваго предписанія. Вообще, намъ кажется, что взглядъ на жизнь какъ на тяжелый, исполненный горестей, насильственный подвигъ, — взглядъ этотъ весьма высоко цѣнитъ формальную, внѣшнюю сторону дѣла. У насъ очень часто превозносятъ добродѣтельнаго человѣка тѣмъ восторженнѣе, чѣмъ болѣе онъ принуждаетъ себя къ добродѣтели. Но по нашему мнѣнію — холодные послѣдователи добродѣтели, исполняющіе предписанія долга только потому, что это предписано, а не потому, чтобы чувствовали любовь къ добру, — такіе люди не совсѣмъ достойны пламенныхъ восхваленій. Эти люди жалки сами по себѣ. Ихъ чувства постоянно представляютъ имъ счастье не въ исполненіи долга, а въ нарушеніи его; но они жертвуютъ своимъ благомъ, какъ они его понимаютъ, отвлеченному принципу, который принимаютъ безъ внутренняго, сердечнаго участія. Поэтому они всегда несчастны отъ своей добродѣтели, жалуются на свои многотрудные подвиги и часто оканчиваютъ

тѣмъ, что ожесточаются противъ всего на свѣтѣ. Въ нравственномъ отношеніи они стоятъ на очень низкой ступени: они не въ состояніи возвыситься до того, чтобы ощутить въ себѣ самихъ требованія долга и предаться имъ всѣмъ существомъ своимъ; они должны непремѣнно имѣть на себѣ какую-нибудь узду, чтобы обуздывать себя. Неужели же ихъ только за то, что они трудятся надъ собою, можно поставить выше людей, которымъ этотъ трудъ не нуженъ? Неужели нравственное достоинство человѣка, чувствующаго сильное поползновеніе красть, но пересиливающаго себя потому, что кража запрещена закономъ, — выше нравственности того, у кого не рождается даже и мысли о присвоеніи чужого, уже не вслѣдствіе запрещенія закона, а просто по внутреннему отвращенію отъ кражи? Кажется, не того можно назвать человѣкомъ истинно-нравственнымъ, кто только терпитъ надъ собою велѣнія долга, какъ какое-то тяжелое иго, какъ «нравственныя вериги», и именно того, кто заботится слить требованія долга съ потребностями внутренняго существованія своего, кто старается переработать ихъ въ свою плоть и кровь внутреннимъ процессомъ самосознанія и саморазвитія, такъ, чтобы они не только сдѣлались инстинктивно-необходимыми, но и составляли внутреннее наслажденіе. Къ такому состоянію приближался или стремился Станкевичъ въ большей части своихъ поступковъ, и за это онъ достоинъ нашего уваженія, а не упрековъ.

Скажутъ, что въ подобномъ направленіи выражается очень сильно собственный эгоизмъ человѣка, и этому эгоизму какъ будто подчиняются всѣ другія, высшія чувствованія. Но мы спросимъ: кто

же когда-нибудь могъ освободиться отъ дѣйствія эгоизма, и какое наше дѣйствіе не имѣетъ эгоизма своимъ главнымъ источникомъ? Мы всѣ ищемъ себѣ лучшаго, стараемся удовлетворить своимъ желаніямъ и потребностямъ, стараемся добиться счастья. Разница только въ томъ, кто какъ понимаетъ это счастье. Есть, конечно, грубые эгоисты, которыхъ взглядъ чрезвычайно узокъ и которые понимаютъ свое счастье въ грубыхъ наслажденіяхъ чувственности, въ уничиженіи предъ собою другихъ и т. п. Но вѣдь есть эгоизмъ другого рода. Отецъ, радующійся успѣхамъ своихъ дѣтей, — тоже эгоистъ; гражданинъ, принимающій близко къ сердцу благо своихъ соотечественниковъ, — тоже эгоистъ: вѣдь все-таки *онъ*, именно *онъ* самъ чувствуетъ удовольствіе при этомъ, вѣдь онъ не отрекся отъ себя, радуясь радости другихъ. Даже если человѣкъ жертвуетъ чѣмъ-нибудь своимъ для другихъ, и тогда эгоизмъ не оставляетъ его. Онъ отдаетъ бѣдняку деньги, приготовленныя на прихоть: это значитъ, что онъ развился до того, что помощь бѣдняку доставляетъ ему больше удовольствія, нежели исполненіе прихотей. Но если онъ дѣлаетъ это не по влеченію сердца, а потому только, что слѣдуетъ предписанію долга? Въ этомъ случаѣ эгоизмъ скрывается глубже потому, что тутъ уже дѣйствіе — не свободное, а принужденное; но и здѣсь все-таки есть эгоизмъ. Почему-нибудь человѣкъ предпочитаетъ же предписаніе долга своему собственному влеченію. Если въ немъ нѣтъ любви, есть страхъ. Онъ опасается, что нарушеніе долга повлечетъ за собою наказаніе или какія-нибудь другія непріятныя послѣдствія; за исполненіе же онъ надѣется награды, доброй славы и т. п. При вни-

мательномъ разсмотрѣніи и окажется, что побужденіемъ дѣйствій формально добродѣтельнаго человѣка служитъ эгоизмъ очень мелкій, называемый проще тщеславіемъ, малодушіемъ, и т. п. Право, хвалить за это нечего.

Въ жизни Станкевича есть, впрочемъ, одна сторона, подающая мрачно-практическимъ людямъ сильное оружіе противъ него и подобныхъ ему личностей. «Онъ не зналъ упорнаго труда, не былъ въ борьбѣ съ препятствіями и ничего не сдѣлалъ». Вотъ что говорятъ о немъ, и изъ этого выводятъ, что онъ по слабости характера и эпикуреійскимъ наклонностямъ своимъ и не могъ ничего сдѣлать. Отвѣчать на это довольно мудрено, такъ какъ вообще мудрено говорить о томъ, что *бы* было, *кабы* не то было, что было. Но все-таки мы склоняемся скорѣе къ тому убѣжденію, что Станкевичъ способенъ былъ совершить много хорошаго: вспомнимъ, что онъ умеръ всего двадцати-семи лѣтъ. Приписать ему слабость характера нѣтъ никакихъ основаній. Онъ не былъ вѣтренъ, занятія его искусствами, исторіей, потомъ философіей и исторіей шли ровно и послѣдовательно; въ мнѣніяхъ своихъ онъ постоянно былъ независимъ, какъ видно изъ отношеній его къ друзьямъ. Правда, что онъ не высказывался во внѣшней дѣятельности такъ обильно, какъ нѣкоторые другіе; но у него это было не вслѣдствіе безпечности или безсилія. Онъ много разъ въ своихъ письмахъ говоритъ о томъ, что къ плодотворной дѣятельности надобно хорошо приготовиться, и затѣмъ высказываетъ свои планы. Въ одномъ письмѣ онъ высказываетъ какъ бы программу своей дѣятельности. «Надобно или *дѣлать* добро, говоритъ онъ, или *приготовлять себя* къ дѣла-

нію добра, совершенствовать себя въ нравственномъ отношеніи, и потомъ, чтобы добрыя намѣренія не остались безъ плода, совершенствовать себя въ умственномъ отношеніи». И эти слова не были пустой фразой; Станкевичъ исполнялъ на дѣлѣ свои предположенія, наблюдалъ за своимъ нравственнымъ совершенствованіемъ и учился. Въ этомъ періодѣ дѣятельности и заключалась его жизнь, слишкомъ рано прекратившаяся. Борьбы за свои идеи и тяжелыхъ столкновеній съ невѣжествомъ и неблагородствомъ онъ не испыталъ; но стоитъ ли жалѣть объ этомъ и можетъ ли это уменьшить степень нашего уваженія къ личности? Можетъ ли это уничтожить значеніе того нравственнаго развитія, какое выражается, напримѣръ, въ одномъ письмѣ Станкевича къ Грановскому, гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ: «Болѣе простора уму, болѣе любви сердцу — и всѣ эти сомнѣнія: какъ мнѣ быть? что мнѣ дѣлать? что изъ меня выйдетъ? пойдутъ къ чорту. Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ истина не пугала, надобно быть чище душою. Скажи человѣку закоренѣлому въ эгоизмѣ: «ты — ничто! — вотъ до какой мысли достигнешь ты путемъ науки: счастье, достойное человѣка, можетъ быть одно — самозабвеніе для другихъ; — награда за это одна — наслажденіе этимъ самозабвеніемъ» — и онъ опечалится, хотя бы въ самомъ дѣлѣ отъ юности своея соблюлъ всѣ законы чести и справедливости. А кто безкорыстно ищетъ истины, тотъ уже очищаетъ душу и приготовляетъ ее къ принятію божества». Не правда ли, что въ этихъ словахъ очень ясно выражается та идея высшаго эгоизма и то стремленіе слить свои влеченія съ требованіями добра и правды, о которыхъ говорили мы выше? Вы-

раженіе однихъ этихъ стремленій въ жизни человѣка даетъ уже ему право на общее уваженіе, несмотря на то, терпѣлъ ли онъ страданія внѣшнія и выходилъ ли на борьбу со зломъ.

Да и зачѣмъ непремѣнно мѣрять достоинство человѣка количествомъ препятствій, встрѣчаемыхъ имъ? Зачѣмъ возводить къ идеалу то, что есть просто слѣдствіе неправильности общественныхъ отношеній? Разумѣется, человѣкъ, который попалъ въ игорный домъ и не играетъ, а даже другихъ уговариваетъ перестать, заслуживаетъ великаго уваженія. Но зачѣмъ же бранить того, кто вовсе не былъ въ игорномъ домѣ? Желать всѣмъ порядочнымъ людямъ горя и страданій, по нашему мнѣнію, совершенно излишне; они безъ того слишкомъ часто подвергаются несчастьямъ всякаго рода. Разумѣется, фальшивое положеніе въ обществѣ, зрѣлище злоупотребленій, невѣжества и порока, — тяжело дѣйствуетъ на всякую благородную натуру и вызываетъ ее на борьбу со зломъ. Ничего не можетъ быть почтеннѣе такой борьбы, и мы съ благоговѣніемъ смотримъ на страдальцевъ, вышедшихъ изъ нея чистыми. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы жалѣемъ этихъ страдальцевъ, и никогда не рѣшимся бросить имъ холодное, фаталистическое: «такъ должно! таково назначеніе великихъ и благородныхъ людей!» Никогда не захотимъ мы обвинить человѣка за то только, что онъ не посвящаетъ себя враждебнымъ дѣйствіямъ противъ зла, а просто удаляется отъ него. Мы обвинимъ за равнодушіе къ низостямъ и пороку только того, у кого это равнодушіе проистекаетъ изъ трусости, корысти, и т. п., кто входитъ въ близкія соотношенія съ порокомъ и не возстаетъ на него, а потворствуетъ или даже самъ

подчиняется ему, хотя наружно. Мы будемъ презирать того, кто бережетъ себя отъ борьбы, въ надеждѣ поживиться чѣмъ-нибудь отъ тѣхъ отношеній, къ которымъ чувствуетъ внутреннее отвращеніе, какъ къ несправедливымъ и преступнымъ. Но если человѣкъ просто удаляется отъ зла, не видя возможности уничтожить его, или не находя въ себѣ самомъ достаточно средствъ для этого, мы никогда не осмѣлимся порицать его и даже не откажемъ ему въ нашемъ уваженіи, если онъ заслуживаетъ его другими сторонами своей жизни.

Что Станкевичъ былъ менѣе полезенъ для общества, чѣмъ, напримѣръ, Бѣлинскій, — объ этомъ никто, конечно, спорить не будетъ. Въ этомъ сознавался самъ Станкевичъ, говоря о различіи своей натуры отъ натуры Бѣлинскаго. Онъ самъ не находилъ въ себѣ такихъ силъ для дѣятельной и упорной борьбы, какими обладалъ знаменитый критикъ нашъ. Въ одномъ письмѣ грустно говоритъ онъ о томъ, что Бѣлинскому нужно *примиреніе* съ счастьемъ жизни, а ему, напротивъ, *раздраженіе* препятствія, потому что онъ по природѣ своей слишкомъ мягокъ и идеаленъ. Поэтому онъ даже сомнѣвается, ѣхать ли ему къ Б—мъ [5], все семейство которыхъ внушало ему чувство самаго чистаго, благоговѣйнаго уваженія и любви. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого письма.

Я получилъ письмо отъ М. Б—на. Бѣлинскій отдыхаетъ у нихъ отъ своей скучной, одинокой жизни. Я увѣренъ, что эта поѣздка будетъ имѣть на него благодѣтельное вліяніе. Полный благородныхъ чувствъ, съ здравымъ, свободнымъ умомъ, добросовѣстный, онъ нуждается въ одномъ

[5] Бакунины. Дальше, въ письмѣ, рѣчь идетъ о Михаилѣ Бакунинѣ, извѣстномъ революціонерѣ-анархистѣ. *Вл. Кр.*

только: на опытѣ, не по однимъ понятіямъ, увидѣть *жизнь* въ благороднѣйшемъ ея смыслѣ; узнать нравственное счастье, возможность гармоніи внутренняго міра съ внѣшнимъ, гармоніи, которая для него казалась недоступною до сихъ поръ, но которой онъ теперь вѣритъ. Семейство Б—хъ — идеалъ семейства. Можешь себѣ представить, какъ оно должно дѣйствовать на душу, которая не чужда искры Божіей. Намъ надобно туда ѣздить исправляться... Но я — я боюсь испортиться. М. зоветъ меня, съ своимъ обыкновеннымъ прямодушіемъ, добротою: не знаю, поѣду ли? — Во мнѣ другой недостатокъ, противоположный недостатку Бѣлинскаго: я слишкомъ вѣрю въ семейное счастье, а иногда съ сердечной болью думаю, что это одно возможное. Мнѣ надобно больше твердости, больше жесткости (стр. 189).

Какъ натура по преимуществу созерцательная, Станкевичъ не могъ броситься въ практическую дѣятельность и произвести какой-нибудь переворотъ въ положеніи общества. Признавая это и зная, что онъ самъ въ этомъ признавался, мы уже не имѣемъ никакого права приставать къ нему съ назойливымъ допросомъ: «отчего ты не оставилъ никакихъ *положительныхъ*, вещественныхъ памятниковъ своего существованія; отчего ты не вступалъ въ борьбу, отчего ты не громилъ пороковъ, не терпѣлъ страданій отъ своихъ враговъ», и пр. Подобный допросъ имѣлъ бы еще смыслъ, если бы борьба, страданія и т. п. были чѣмъ-нибудь обязательнымъ, необходимымъ для сохраненія чести и благородства человѣка. Но вѣдь, какъ мы уже замѣтили, борьба эта есть ненормальное явленіе, происходящее отъ фальшивыхъ отношеній, среди которыхъ живетъ общество. Указываютъ на примѣръ почти всѣхъ великихъ людей, которые являются намъ въ исторіи тружениками и страдальцами. Но если всмотрѣться пристальнѣе въ жизнь каждаго

изъ этихъ страдальцевъ, то весьма немного найдется такихъ фанатиковъ, которые бы сами отыскивали страданія, бросаясь въ борьбу только для удовольствія борьбы. Большею частью, почти всегда, борьба эта является слѣдствіемъ обстоятельствъ, совершенно независимо и даже иногда противъ воли того, на кого должны обрушиться всѣ тяжелыя послѣдствія борьбы. Пора намъ убѣдиться въ томъ, что искать страданій и лишеній — дѣло неестественное для человѣка и поэтому не можетъ быть идеальнымъ, верховнымъ назначеніемъ для человѣчества. Во что бы человѣкъ ни игралъ, онъ играетъ только до тѣхъ поръ, пока еще надѣется на выигрышъ; а надежда на выигрышъ — это вѣдь и есть желаніе лучшаго, стремленіе къ удовлетворенію своихъ потребностей, своего эгоизма въ томъ видѣ, въ какомъ онъ у каждаго образовался, смотря по степени его умственнаго и нравственнаго развитія. Романтическія фразы объ отреченіи отъ себя, о трудѣ для самаго труда или «для такой цѣли, которая съ нашей личностью *ничего общаго* не имѣетъ», — къ лицу были средневѣковому рыцарю печальнаго образа; но онѣ очень забавны въ устахъ образованнаго человѣка нашего времени. Станкевичъ очень хорошо понималъ всю нелѣпость насильственной, натянутой добродѣтели, этого внутренняго лицемѣрія предъ самимъ собою. Въ немъ было слишкомъ много истинной честности и прямодушія, чтобъ онъ могъ поддаться подобному лицемѣрію. Онъ твердо сознавалъ, что человѣкъ не иначе можетъ удовлетвориться, какъ полнымъ согласіемъ съ самимъ собою, и что искать этого удовлетворенія и согласія всякій не только можетъ, но и долженъ. Если всякій предметъ въ природѣ

имѣетъ право существовать прежде всего для себя, то неужели человѣкъ долженъ быть какимъ-то уродомъ въ созданіи, изгнанникомъ изъ общей гармоніи? Напротивъ, онъ выше другихъ предметовъ, и потому воспріимчивость къ благу жизни въ немъ развита еще больше: низшіе предметы природы живутъ только въ себѣ, наслаждаются собою, — человѣкъ можетъ жить въ другихъ, наслаждаться чужою радостью, чужимъ счастьемъ. Если кто не чувствуетъ въ себѣ этой способности, значитъ, животныя потребности слишкомъ сильно преобладаютъ въ немъ. «Что мнѣ за утѣшеніе пріобрѣсти сокровища, пить, ѣсть, — говоритъ Станкевичъ въ одномъ письмѣ: — эти животныя наслажденія ниже меня: а какое же наслажденіе остается еще кромѣ любви, жизни въ другихъ? Разумъ мой сознаетъ свою любящую природу въ этой мысли, — и то, что мы называемъ чувствомъ, есть полное одобрительное дѣйствіе нашего разумѣнія на весь организмъ». Вотъ въ чемъ заключался эпикуреизмъ Станкевича. Ясно, что при обстоятельствахъ, менѣе благопріятныхъ для спокойнаго саморазвитія и самосовершенствованія, при существованіи непосредственныхъ враждебныхъ столкновеній съ міромъ, Станкевичъ не побоялся бы отстаивать свои убѣжденія и дѣйствовать противъ злыхъ, въ пользу добрыхъ: въ этомъ онъ умѣлъ находить, какъ мы видимъ, *собственное* наслажденіе. Но обстоятельства расположились иначе: Станкевича не захватилъ круговоротъ борьбы здравыхъ идей съ шумно возставшими противъ нихъ предразсудками, и, право, не нужно жалѣть объ этомъ. Трудна эта борьба, и немногіе выходятъ изъ нея побѣдителями. Еще ничего, если человѣкъ сокрушится физически: тогда все-таки

дѣло его остается правымъ, чистымъ и сильнымъ. Но чаще бываютъ нравственныя паденія, вредящія успѣху самого дѣла. Немного найдется такихъ нравственно чистыхъ личностей, какъ Бѣлинскій, который изъ своей продолжительной, упорной борьбы съ невѣжествомъ и зломъ вышелъ сокрушенный физически, но нравственно ясный и свѣтлый, безъ всякаго пятна и укоризны. Были въ то время и другіе люди, тоже имѣвшіе благородныя убѣжденія, тоже горячо кинувшіеся въ борьбу; но имена ихъ не сохранятся въ ряду именъ чистыхъ и безукоризненныхъ, хотя, можетъ быть, они были даже въ этомъ самомъ кружкѣ Станкевича. Можетъ быть, они въ свое время приносили даже и пользу, слѣдовательно имѣли общественное значеніе; но, по нашему мнѣнію, опредѣлять нравственное достоинство лица и слѣдовательно права его на общественное уваженіе по одному только количеству пользы, принесенной имъ, несправедливо. Это точно такъ же односторонне, какъ и сужденіе о человѣкѣ по однимъ его намѣреніямъ и убѣжденіямъ: одно слишкомъ субъективно, другое совершенно объективно. Не нужно забывать, что польза отъ человѣческихъ дѣйствій не всегда происходитъ именно тамъ, гдѣ на нее разсчитываютъ, и что не всегда люди разсчитываютъ на общую пользу, когда обрабатываютъ то или другое полезное дѣльце. Иначе мы должны были бы вознести на верхъ общественнаго уваженія тѣ безобразныя, гаденькія личности, которыя въ простонародьѣ заклеймены названіемъ переметной сумы, а въ лучшемъ обществѣ именуются «дипломатами». Они бываютъ весьма полезны, когда видятъ, что по обстоятельствамъ имъ слѣдуетъ быть полезными. Когда они убѣдились, что можно выѣхать на без-

корыстіи, — они преслѣдуютъ взятки; видя, что просвѣщеніе пошло въ ходъ, они кричатъ о святости науки, о любви къ знанію; догадавшись, что идеи гуманности и правды одолѣваютъ старыя начала угнетенія и лжи, они являются вездѣ защитниками слабыхъ, поборниками справедливости, и т. п. Но перемѣнись завтра обстоятельства, — они первые возстанутъ противъ того, что еще недавно защищали. Польза, сдѣланная ими, остается, но нравственное достоинство лица едва ли оттого возвышается и едва ли эти люди пріобрѣтаютъ право на общественное уваженіе.

Напротивъ, человѣкъ высоко честный и нравственный въ своей жизни вполнѣ достоинъ уваженія общества именно за свою честность и нравственность. Пусть его жизнь не озарилась блескомъ какого-нибудь необыкновеннаго дѣянія на пользу общую, — все-таки его нравственное значеніе не потеряно. Даже натура чисто-созерцательная, не проявившаяся въ энергической дѣятельности общественной, но нашедшая въ себѣ столько силъ, чтобы выработать убѣжденія для собственной жизни и жить не въ разладѣ съ этими убѣжденіями, - - даже такая натура не остается безъ благотворнаго вліянія на общество, именно своей личностью. Мысль и чувство сами по себѣ не лишены, конечно, высокаго реальнаго значенія; поэтому простая забота о развитіи въ себѣ чувства и мысли есть уже дѣятельность законная и не безполезная. Но польза ея увеличивается оттого, что видъ человѣка, высоко стоящаго въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, обыкновенно дѣйствуетъ благотворно на окружающихъ, возвышаетъ и одушевляетъ ихъ. Есть, конечно, и всегда бывали люди, съ крайне утилитар-

ными взглядами, Петры Ивановичи Адуевы средней руки, черствые и сухіе въ своей quasi-философской практичности, — люди, которыхъ не прошибешь указаніемъ на нравственную красоту и высокую степень умственнаго развитія. Такіе люди говорятъ: «э, помилуйте! все это эгоизмъ, и дилетантизмъ. Ну, скажите, какая польза отъ всѣхъ этихъ совершенствъ? По-моему, — увлекается ли человѣкъ философскими вопросами, восхищается ли лучшими произведеніями искусства, или наслаждается пустыми романами, трактирнымъ органомъ и публичными гуляньями, — плоды такого наслажденія для общества будутъ одинаковы». Къ счастью, не много такихъ людей, способныхъ оставаться безчувственными при видѣ умственнаго и нравственнаго достоинства въ человѣкѣ. Большая часть людей не лишилась еще прекраснаго качества чувствовать благотворное вліяніе всякой приближающейся къ нимъ благородной и здраво развившейся личности.

Того, что нами сказано, достаточно уже было бы для объясненія правъ Станкевича на общественное вниманіе и уваженіе. Но въ его перепискѣ и біографіи находятся факты, указывающіе *положительныя* его заслуги для общества, состоящія именно въ томъ вліяніи, какое имѣлъ онъ на людей, сдѣлавшихся весьма извѣстными въ русской литературѣ. Извѣстно, чѣмъ обязанъ Станкевичу Кольцовъ, встрѣтившій въ немъ перваго образованнаго, горячаго цѣнителя и постоянную поддержку и такъ живо выразившій печаль объ его утратѣ въ прекрасномъ стихотвореніи «Поминки», въ которомъ называетъ Станкевича «лучшимъ» въ кружкѣ друзей. Извѣстно также, какъ много поддерживалъ Станкевичъ Грановскаго въ его трудахъ, въ его сомнѣніяхъ. Объ

этомъ предметѣ нечего говорить болѣе, какъ только привести слѣдующія слова изъ письма Грановскаго, писаннаго тотчасъ послѣ смерти Станкевича. «Никому на свѣтѣ не былъ я такъ много обязанъ: его вліяніе на меня было безконечно и благотворно. Этого, можетъ быть, кромѣ меня, никто не знаетъ». Такое признаніе *Грановскаго* имѣетъ, конечно, большое значеніе при опредѣленіи общественныхъ заслугъ Станкевича. Правда, что и противъ значенія самого Грановскаго спорятъ *нѣкоторые;* но кто же эти нѣкоторые? г. В. Григорьевъ, покойная «Молва», да г. И. Л., недавно раскритиковавшій Станкевича въ одномъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ! . .

Мы пропускаемъ здѣсь вліяніе Станкевича на Красова и на Ключникова, которые хотя и не были первоклассными художниками, но все же не могутъ быть названы бездарными. Напротивъ, у нихъ очень нерѣдко выражалась въ звучныхъ стихахъ живая мысль и искреннее, теплое чувство. Но мы не станемъ говорить объ этомъ вліяніи, чтобы нѣсколько долѣе остановиться на отношеніяхъ Станкевича къ Бѣлинскому. Ихъ не нужно искать въ письмахъ къ самому Бѣлинскому, которыхъ въ изданіи Анненкова напечатано всего два; о нихъ можно судить по всей перепискѣ Станкевича. Мы не скажемъ, что Бѣлинскій *заимствовалъ* свои мнѣнія до 1840 г. у Станкевича: это было бы слишкомъ много. Но несомнѣнно, что Станкевичъ дѣятельно участвовалъ въ выработкѣ тѣхъ сужденій и взглядовъ, которые потомъ такъ ярко и благотворно выразились въ критикѣ Бѣлинскаго. Мы не станемъ слѣдить здѣсь за развитіемъ общихъ философскихъ положеній, обсуждавшихся въ кружкѣ Станкевича и сдѣлавшихся потомъ надолго благотворнымъ

источникомъ критики Бѣлинскаго. Здѣсь можно было найти много данныхъ для опредѣленія значенія Станкевича въ кругу его друзей; но мы уклоняемся отъ разсмотрѣнія этого вопроса — отчасти потому, что оно завлекло бы насъ очень далеко, а главнымъ образомъ потому, что это дѣло изложено уже гораздо подробнѣе и лучше, нежели какъ мы могли бы это сдѣлать, въ одной изъ статей о критикѣ гоголевскаго періода литературы, помѣщавшихся въ «Современникѣ» 1856 г. Мы обратимъ здѣсь вниманіе на явленія болѣе частныя, касающіяся преимущественно тогдашнихъ литературныхъ явленій. Въ этомъ случаѣ замѣчательно, что въ письмахъ Станкевича встрѣчаются большею частью *раньше* общія замѣтки и мнѣнія, которыя потомъ, послѣ небольшого промежутка времени, являются уже основательно и подробно развитыми въ статьяхъ Бѣлинскаго. Видно, что Бѣлинскій былъ наиболѣе энергическимъ представителемъ этого кружка; а можетъ быть онъ имѣлъ и болѣе матеріальной надобности высказывать въ печати убѣжденія, выработанныя имъ въ обществѣ друзей, которые мѣнялись своими идеями только между собою. Во всякомъ случаѣ очевидно, что при образованіи литературныхъ взглядовъ и сужденій въ кружкѣ друзей своихъ Станкевичъ никогда не былъ лицомъ пассивнымъ и даже имѣлъ нѣкоторое вліяніе. Степени и подробностей этого вліянія, конечно, нельзя опредѣлить тому, кто не былъ самъ въ кружкѣ Станкевича; но что вліяніе было, — свидѣтельствуютъ многія черты, сохранившіяся въ перепискѣ. Такъ, еще въ 1833 г. Станкевичъ высказываетъ въ письмахъ свои мысли о театрѣ и театральномъ искусствѣ, развитыя потомъ Бѣлинскимъ на нѣсколь-

кихъ страницахъ «Литературныхъ мечтаній», напечатанныхъ въ «Молвѣ» 1834 г. Въ томъ же году Станкевичъ высказываетъ свое мнѣніе объ игрѣ Мочалова и Каратыгина, и оно же выражается въ статьяхъ Бѣлинскаго, въ «Молвѣ» 1835 г., и даже позже въ «Наблюдателѣ».

Во всѣхъ письмахъ Станкевича, начиная съ 1834 г., постоянно выражается особенное увлеченіе Гофманомъ; съ тѣмъ же характеромъ является это увлеченіе и у Бѣлинскаго, особенно въ статьѣ о дѣтскихъ книгахъ въ «Отечеств. Запискахъ» 1840 г. № 3. Тотчасъ по выходѣ перваго нумера «Библіотеки для Чтенія», Станкевичъ писалъ (15 января 1834 г.) — къ Я. М. Н—ву.

Ты вѣрно читалъ кое-что изъ № 1 „Б. д. Ч.". Боже мой! что это? Такъ какъ это журналъ литературный, то, прочитавъ безжизненное стихотвореніе Пушкина и чуть живое Жуковскаго, я, чтобы видѣть направленіе его, взглянулъ въ отдѣленіе критики. Кажется, это подвизается Сенк. Онъ спрашиваетъ, напр,, должно ли исторической драмѣ нарушать свидѣтельства исторіи? Воображеніе дѣйствуетъ, слѣд. исторія должна быть нарушена. Какая польза отъ исторіи? Исторія полезна однимъ только: она предетавляетъ примѣръ характеровъ для подражанія! А что толкуютъ о Кукольникѣ — бѣда! Великій Байронъ, великій Кукольникъ! Если К. не такъ слабъ душою, чтобы не обольститься лестью, то онъ долженъ негодовать; если онъ доволенъ — пропалъ поэтическій талантъ, который я въ немъ допускалъ (стр. 83).

Не правда ли, что всѣ эти мысли хорошо знакомы намъ по критикамъ послѣдующаго времени? Даже фраза «великій Байронъ, великій Кукольникъ!» неоднократно повторялась потомъ, въ насмѣшку надъ слишкомъ рѣшительнымъ критикомъ. Но будемъ продолжать начатый параллель мнѣній Станкевича и Бѣлинскаго.

Въ концѣ 1834 г. Станкевичъ пишетъ о Тимофѣевѣ, что онъ не считаетъ этого автора поэтомъ и даже вкуса не подозрѣваетъ въ немъ послѣ «мистеріи», помѣщенной въ «Библ. для Чтенія». Въ 1835 г. Бѣлинскій, съ своей обычной неумолимостью, высказалъ то же въ «Молвѣ», и вскорѣ потомъ Станкевичъ оправдываетъ критика, говоря въ письмѣ къ Н ву: «мнѣ кажется, что Бѣлинскій вовсе не былъ строгъ къ Тим—ву, хотя иногда, по раздражительности характера, онъ бываетъ черезчуръ бранчивъ».

Въ мартѣ 1835 г. Станкевичъ писалъ о Гоголѣ: «прочелъ одну повѣсть изъ Гоголева «Миргородъ», — это прелесть! («Старомодные помѣщики» такъ, кажется, она названа). Прочти! какъ здѣсь схвачено прекрасное чувство человѣческое въ пустой ничтожной жизни!» — Именно на этой мысли основанъ разборъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», помѣщенный Бѣлинскимъ въ статьѣ его «О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя» въ 7-мъ и 8-мъ (іюньскихъ) нумерахъ «Телескопа».

Въ апрѣлѣ 1835 г. Станкевичъ извѣщаетъ Н ва: «Надеждинъ, отъѣзжая за границу, отдаетъ *намъ* «Телескопъ». *Постараемся* изъ него сдѣлать полезный журналъ, хотя для иногородныхъ (прибавляетъ онъ). По крайней мѣрѣ, будетъ отпоръ «Библіотекѣ» и страннымъ критикамъ Ш. Какъ онъ мелоченъ сталъ! (стр. 133). Въ началѣ іюня Станкевичъ увѣдомляетъ своего пріятеля, что «Телескопъ» уже переданъ Бѣлинскому. «Я,—прибавляетъ онъ,—тратить времени на «Телескопъ» не стану, но въ каждое воскресенье мнѣ остается два-три часа свободныхъ, въ которые я могу заняться. Кромѣ того, мы всегда будемъ обществомъ *совѣщаться* о

журналѣ». Тутъ же говорится, что «Наблюдатель» плохъ и что Ш. обманулъ ожиданія Станкевича и его друзей, — и оказался педантомъ. Изъ этого видно, какое близкое душевное участіе принималъ Станкевичъ въ изданіи «Телескопа» Бѣлинскимъ, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ самомъ дѣлѣ много помогалъ ему своими совѣтами. По крайней мѣрѣ на мнѣніе о Ш. и «Московскомъ Наблюдателѣ» послѣдовалъ отголосокъ въ 9-й же книжкѣ «Телескопа», то есть черезъ два мѣсяца, а въ 5-ой книжкѣ слѣдующаго года помѣщена была спеціальная статья Бѣлинскаго: «О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ «Московскаго Наблюдателя»», гдѣ много досталось ученому профессору Шев ву.

Въ ноябрѣ 1835 г. писалъ Станкевичъ, что Бенедиктовъ не поэтъ, а фразеръ: что стихъ, то фи гура, ходули безпрестанныя. Бенедиктовъ блеститъ яркими, холодными фразами, звучными, но безсмысленными или натянутыми стихами. Наборъ словъ самыхъ звучныхъ, образовъ самыхъ яркихъ, сравненій самыхъ странныхъ, · но души нѣтъ». Вслѣдъ затѣмъ (въ книжкѣ XI «Телескопа») явилась статья Бѣлинскаго о стихотвореніяхъ Бенедиктова, великолѣпно развивавшая то же самое мнѣніе, котораго критикъ нашъ до конца держался. По поводу этой статьи пріятель Станкевича сообщилъ ему слухи о томъ, будто бы удары, наносимые рукою Бѣлинскаго, направляемы были Станкевичемъ, и послѣдній отвѣчалъ на это съ обычной своей искренностью: «Не знаю, откуда эти чудные слухи заходятъ въ Питеръ? Я — цензоръ Бѣлинскаго? Напротивъ, я самъ свои переводы, которыхъ два или три въ «Телескопѣ», подвергалъ цензорству Бѣлинскаго, въ отношеніи русской грамо-

ты, въ которой онъ знатокъ, а въ мнѣніяхъ всегда готовъ съ нимъ посовѣтоваться и очень часто послѣдовать его совѣтамъ. Конечно, его выходка неосторожна, но не болѣе; онъ хотѣлъ напасть на способъ составлять репутацію и оскорбилъ человѣческую сторону Бенедиктова. Я ему это скажу».

Въ 1837 г. Станкевичъ уѣхалъ за границу, и литературныя сужденія въ его письмахъ попадаются рѣже. Поэтому и мы здѣсь остановимся. Сдѣлаемъ только еще выписку изъ одного письма Станкевича, заключающую въ себѣ его мнѣніе о народности. Вотъ что говоритъ онъ:

Кто имѣетъ свой характеръ, тотъ отпечатываетъ его на всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; создать характеръ, воспитать себя — можно только человѣческими началами. Выдумывать или сочинять характеръ народа изъ его старыхъ обычаевъ, старыхъ дѣйствій значитъ — хотѣть продлить для него время дѣтства: давайте ему общее, человѣческое, и смотрите, что онъ способенъ принять, чего недостаетъ ему? Вотъ это угадайте, а поддерживать старое натяжками, квасным патріотизмомъ никуда не годится (стр. 220).

Это самое мнѣніе, съ удивительной близостью даже къ способу изложенія, подробно и энергически развилъ Бѣлинскій въ статьяхъ своихъ о Руси до Петра, въ «Отеч. Запискахъ» 1841 г., т. е. слишкомъ черезъ три года послѣ письма Станкевича.

Мы не перебирали всѣхъ статей Бѣлинскаго и всѣхъ мнѣній, въ которыхъ онъ сходился съ своимъ другомъ. Мы называли только тѣ статьи, которыя мы могли припомнить и которыя относятся къ частнымъ явленіямъ литературы. Но сходство частныхъ сужденій, по нашему мнѣнію, еще ярче рисуетъ связь, существующую между людьми, нежели согласіе въ общихъ истинахъ. Поэтому мы пола-

гаемъ, что и представленныхъ фактовъ довольно уже для того, чтобы отнять у всякаго право сказать: между Бѣлинскимъ и Станкевичемъ не было взаимной зависимости другъ отъ друга! Чтобы говорить это, надобно не знать дѣятельности Бѣлинскаго до 1840 г., т. е. до смерти Станкевича.

Такимъ образомъ, кромѣ своей прекрасной, благородной личности, столь привлекательной въ самой себѣ, Станкевичъ имѣетъ еще и иныя права на общественное значеніе, какъ дѣятельный участникъ въ развитіи людей, которыми никогда не перестанетъ дорожить русская литература и русское общество. Имя его связано съ началомъ поэтической дѣятельности Кольцова, съ исторіей развитія Грановскаго и Бѣлинскаго: этого уже довольно для пріобрѣтенія нашего уваженія и признательной памяти.

Въ заключеніе нашей статьи мы просимъ у читателей извиненія въ томъ, что наши замѣтки приняли форму нѣсколько полемическую. Трудно удержаться отъ этой формы, говоря о личности, подобной Станкевичу, въ виду тѣхъ понятій, какія обнаруживаются столь многими въ нашемъ обществѣ. У насъ еще недостаточно развито уваженіе къ нравственному достоинству отдѣльныхъ личностей; у насъ еще нерѣдко можно слышать такое разсужденіе: «онъ мнѣ ничего худого не сдѣлалъ: могу ли я назвать его негодяемъ?» Или такое: «что мнѣ уважать его? мнѣ отъ него ни тепло, ни холодно!». Понятно, что люди съ такими понятіями (а этакихъ людей не мало) и удивлены и раздражены тѣмъ, что имъ смѣютъ говорить объ общественномъ значеніи человѣка, который не только пирамиды не выстроилъ, Америки не открылъ, по-

роху не выдумалъ, но даже ни одного благотворительнаго бала не сдѣлалъ, даже ни одной толстой книги не сочинилъ. Поневолѣ приходится говорить о достоинствахъ человѣка, защищая его отъ близорукихъ и нелѣпыхъ обвиненій. Такой способъ изложенія для насъ самихъ очень непріятенъ и невыгоденъ — вотъ въ какомъ отношеніи. Мы хотимъ удержать человѣка на той высотѣ, на которой стоитъ онъ и съ которой мелочная утилитарность хочетъ стащить его въ какую-то темную канаву, а намъ кричатъ: «вы его поднимаете на пьедесталъ, вы его хотите до облаковъ вознести! За что это? Какія его положительныя заслуги?» и пр. И выходитъ, какъ будто мы въ самомъ дѣлѣ ставимъ на пьедесталъ человѣка, особенно когда утилитарные враги начинаютъ утверждать, что они этого человѣка не трогали и въ канаву не тащили...

Но мы еще разъ готовы повторить то, что уже сказали въ началѣ статьи. Преувеличенныя похвалы Станкевичу намъ самимъ кажутся излишними и несправедливыми; сравнивать его съ Сократомъ, идеи котораго разнесены по свѣту нѣсколькими Платонами, намъ никогда не приходило въ голову. Да, сколько мы знаемъ, и никто изъ его друзей и приверженцевъ не дѣлалъ подобныхъ сравненій. Но, съ другой стороны, мы считаемъ крайне несправедливымъ и то отрицаніе, съ которымъ многіе относятся къ этой прекрасной, возвышенной личности. Говорятъ, что жизнь Станкевича прошла безплодно, что онъ даромъ растратилъ свои силы и не долженъ имѣть мѣста въ нашихъ воспоминаніяхъ, говорить это — значить обнаруживать полное неуваженіе къ развитію индивидуальности человѣка и выразить претензію на абстрактное са-

моотреченіе, которое въ сущности есть не что иное какъ обезличеніе. Кто признаетъ важность естественнаго, живого, свободнаго ея развитія, тотъ поймет ъ и значеніе Станкевича какъ въ самомъ себѣ, такъ и для общества. Мы съ своей стороны прибавимъ здѣсь одно: если бы во всякомъ обществѣ большинство состояло изъ людей, подобныхъ Станкевичу, то не было бы никакой необходимости ни въ этой пресловутой борьбѣ, ни въ мукахъ и страданіяхъ, на которыя такъ любятъ вызывать всѣхъ порядочныхъ людей люди слишкомъ утилитарные.

Первые годы царствованія Петра Великаго.

(Исторія царствованія Петра Великаго. *Н. Устрялова.* Спб. 1858, три тома.)

Петръ дѣйствовалъ совершенно въ духѣ народномъ, сближая свое отечество съ Европою и искореняя то, что внесли въ нее татары временно азіатскаго.

(„Отеч. Зап.", 1841 г., Критика.)

I.

Мы спѣшимъ представить нашимъ читателямъ отчетъ о сочиненіи г. Устрялова, хотя очень хорошо сознаемъ, что полная и основательная оцѣнка подобнаго сочиненія потребовала бы весьма продолжительнаго труда даже отъ ученаго, спеціально изучавшаго петровскую эпоху. По всей вѣроятности, съ теченіемъ времени и будутъ являться разныя дополненія или поясненія къ труду г. Устрялова со стороны нашихъ ученыхъ спеціалистовъ, дружными усиліями своими такъ усердно двигающихъ впередъ русскую науку. Мы же, съ своей стороны, вовсе не имѣемъ въ виду спеціальныхъ указаній на какія-либо частныя и мелкія подробности, не досказанныя или не совершенно выясненныя въ исторіи Петра Великаго. Мы хотимъ просто,

воспользовавшись матеріаломъ, собраннымъ въ сочиненіи г. Устрялова, передать читателямъ главнѣйшіе результаты, добытые трудами почтеннаго историка. На это, думаемъ мы, даетъ намъ право самый характеръ и значеніе сочиненія г. Устрялова, которое такъ давно было ожидано русской публикой.

Исторія Петра, начало которой издано нынѣ г. Устряловымъ, безспорно принадлежитъ къ числу сочиненій ученыхъ, сообщающихъ новыя данныя, говорящихъ новое слово о своемъ предметѣ. Обыкновенно у насъ такія сочиненія не подлежатъ не только общему суду, но даже и просто чтенію. Читатели, если и принимаются за нихъ, то никакъ не доходятъ далѣе второй страницы. Ученые авторы обвиняютъ за это читателей въ равнодушіи и пренебреженіи къ наукѣ, и ученые авторы, вѣроятно, правы съ своей ученой точки зрѣнія. Но не совсѣмъ неправа и публика съ точки зрѣнія просто образованной. Нѣтъ сомнѣнія, что образованному человѣку полезно знать, напр., въ 855 или въ 857 г. изобрѣтена славянская азбука; полезно имѣть свѣдѣнія о томъ, читалъ ли Кириллъ Туровскій Библію и были ли въ древней Руси люди, знавшіе по-испански; полезно знать и то, какъ слѣдуетъ перевести сомнительный аористъ въ Ѳукидидовой исторіи; — все это очень полезно... Но отсюда все-таки никакъ не слѣдуетъ, чтобы образованному человѣку необходимо было читать толстыя книги для разрѣшенія важныхъ и занимательныхъ вопросовъ, подобныхъ тѣмъ, которые мы сейчасъ придумали для примѣра. Слѣдовательно, нечего удивляться, нечего и винить публику въ невѣжествѣ, если она не читаетъ ни сочиненій, имѣю-

щихъ спеціальную цѣль — движеніе науки впередъ, ни ученыхъ разборовъ, имѣющихъ въ виду ту же высокую цѣль. Потомство будетъ, конечно, справедливѣе, но большинство нашихъ современниковъ, къ сожалѣнію, совершенно равнодушно къ замѣчательнымъ успѣхамъ нашихъ ученыхъ. Оно какъ будто не замѣчаетъ ихъ и, кажется, ждетъ примѣненія микроскопа къ разсматриванію богатыхъ вкладовъ русскихъ ученыхъ въ общую сокровищницу науки.

При такомъ положеніи дѣлъ, весьма естественно образовалось между публикою и писателями безмолвное соглашеніе такого рода. Если является книга, трактующая объ ученыхъ предметахъ, то уже публика и понимаетъ, что это, вѣрно, написано — во-первыхъ для движенія науки впередъ, а во-вторыхъ — для такого-то и такого-то спеціалиста (они всегда извѣстны наперечетъ). Спеціалисты, въ свою очередь, знаютъ, что это для нихъ писано, и принимаются за ученую критику, назначая ее для автора книги и для двухъ-трехъ своихъ собратій, изъ которыхъ одинъ сочинитъ, пожалуй, и замѣчаніе на критику. Разумѣется, спеціалисты, споря о томъ, въ XI или въ XII вѣкѣ жилъ монахъ Іаковъ, представляютъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто бы отъ него зависѣла развязка индійскаго возстанія, вопросъ аболиціонистовъ или отвращеніе кометы, которая снова, кажется, намѣрена угрожать землѣ въ этомъ году. Но публика не воображаетъ, что дѣло такъ важно, и споръ о разныхъ тонкостяхъ слога, хотя бы въ самой лѣтописи Нестора, не производитъ переворота въ общественныхъ интересахъ. Наука остается сама для себя, и ученые гордятся своими открытіями только въ

кругу ученыхъ, оплакивая невѣжество публики, не умѣющей цѣнить ихъ.

Но оказывается, что публика знаетъ нѣсколько толкъ въ ученыхъ дѣлахъ и даже отличается въ этомъ отношеніи рѣдкимъ тактомъ. Она не знаетъ ученыхъ, разбирающихъ ханскіе ярлыки и сравнивающихъ разные списки сказаній о Мамаевомъ побоищѣ; но она всегда съ живымъ участіемъ привѣтствуетъ писателей, оказывающихъ дѣйствительныя услуги наукѣ. Сколько можемъ мы припомнить прежніе отзывы, г. Устряловъ не считался у насъ въ числѣ записныхъ ученыхъ. Всѣ отдавали справедливость его тщательности въ изданіи памятниковъ, краснорѣчію и плавности слога въ его учебникахъ, ловкости разсказа о событіяхъ новой русской исторіи; но отзывы о немъ, сколько мы знаемъ, вовсе не были таковы, какъ отзывы о разныхъ нашихъ ученыхъ, двигающихъ науку впередъ. А между тѣмъ, у насъ причисляется въ ученые всякій господинъ, открывшій хоть маленькій, хоть крошечный какой-нибудь фактецъ, хоть просто ошибочно поставленный годъ въ древнемъ спискѣ лѣтописи. Это, говорятъ, ученый, потому что онъ изучаетъ, и весьма основательно, историческіе источники и дѣлаетъ новыя соображенія, до него неизвѣстныя. По этой мѣркѣ г. Устряловъ долженъ стать теперь на недосягаемую высоту учености, потому что имъ открыты или объяснены не два-три ничтожные факта, а сотни подробностей, бросающихъ дѣйствительно новый свѣтъ на прежде извѣстныя историческія явленія. И несмотря на то, публика не отвернулась отъ труда г. Устрялова потому именно, что это есть въ самомъ дѣлѣ важный ученый трудъ. Успѣхъ книги г. Устрялова до-

казываетъ, что публика наша умѣетъ отличить массу, — хотя бы и очень тяжелую, — свѣжихъ, живыхъ свѣдѣній отъ столь же тяжелой массы ненужныхъ цитатъ и схоластическихъ тонкостей.

Эта увѣренность въ томъ, что новое сочиненіе г. Устрялова имѣетъ интересъ не только спеціально-ученый, но и общественный, даетъ намъ смѣлость говорить о немъ, хотя мы и не можемъ сдѣлать никакихъ поправокъ и дополненій къ труду г. Устрялова.

Матеріалъ, бывшій подъ руками у г. Устрялова, при составленіи исторіи Петра Великаго, былъ очень богатъ. Ни одинъ изъ предшествовавшихъ историковъ Петра не пользовался, конечно, такимъ обиліемъ источниковъ. Изъ «Введенія» (стр. LXXII) мы узнаемъ, что въ концѣ 1842 г. автору открытъ былъ доступъ во всѣ архивы имперіи, а въ 1845 г. дозволено отправиться за границу для обозрѣнія архивовъ въ Вѣнѣ и Парижѣ. Нечего и говорить о печатныхъ источникахъ, которыми располагалъ г. Устряловъ и которыхъ количество также значительно. Г. Устряловъ не только воспользовался всѣми документами, изданными Миллеромъ, Голиковымъ, Бергомъ и др., но даже *свѣрилъ* большую часть ихъ съ подлинниками, хранящимися въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ, при чемъ открылъ не мало ошибокъ и искаженій въ печатныхъ изданіяхъ. Кромѣ того, онъ разсмотрѣлъ еще много такихъ матеріаловъ, которыми до него никто не пользовался. Такъ, имъ пересмотрѣны: *кабинетныя бумаги* Петра Великаго въ государственномъ архивѣ, заключающіяся въ двухъ отдѣленіяхъ, — одно изъ шестидесяти семи, а другое изъ девяносто пяти фоліантовъ. Въ первомъ изъ этихъ отдѣле-

ній находятся: 1) матеріалы для исторія Петра Великаго, собранные при жизни его: выписки изъ подлиннаго дѣла о стрѣлецкомъ бунтѣ 1698 г., дѣло о мятежѣ Башкирскомъ въ 1708 г., документы о бунтѣ Булавинскомъ; вѣдомости о числѣ войскъ и орудій въ разное время, о каналахъ, заводахъ, фабрикахъ и пр., о дѣйствіяхъ въ шведскую войну; журналы походовъ и путешествій Петра Великаго и пр.; кромѣ того — 2) собственноручныя черновыя бумаги Петра: его ученическія тетради, проекты законовъ, указовъ, рескриптовъ, счеты, письма и пр. Во второмъ отдѣленіи собраны такъ называемыя входящія бумаги, т. е. «все, что адресовано было на имя Петра, по всѣмъ частямъ управленія, отъ всѣхъ лицъ, которыя его окружали или рѣшались къ нему писать, отъ Меньшикова и Шереметьева до послѣдняго истопника». Г. Устряловъ справедливо замѣчаетъ, что эти письма могутъ отчасти замѣнить недостатокъ современныхъ мемуаровъ сподвижниковъ Петровыхъ.

Кромѣ того г. Устряловымъ пересмотрѣны *дѣла дипломатическія* въ главномъ архивѣ, въ Москвѣ; *дѣла розыскныя и слѣдственныя,* какъ-то: дѣло о Шакловитомъ, дѣло о послѣднемъ стрѣлецкомъ бунтѣ 1698 г., дѣло о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ и пр.; *офиціальныя донесенія иностранныхъ пословъ и резидентовъ,* собранныя въ Парижѣ и Вѣнѣ. Изъ всѣхъ этихъ донесеній всего болѣе замѣчательны донесенія цесарскаго резидента Отто Плейера, бывшаго въ Россіи отъ 1692 до 1718 г. Во все это время онъ, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, увѣдомлялъ самого цесаря обо всемъ, что замѣчалъ онъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Наблюденія его, по отзыву г. Устрялова, чрезвычайно

добросовѣстны и отчетливы. — Кромѣ того, г. Устряловъ пользовался подлинными записками Патрика Гордона и Галларта, изъ которыхъ только отрывки были прежде напечатаны, и то весьма *въ уродливомъ видѣ*[9]. Имѣя подъ руками такую массу источниковъ, столь важныхъ и разнообразныхъ, г. Устряловъ дѣйствительно могъ довести свою «Исторію» до того, чтобы въ ней, какъ самъ онъ говоритъ (Введ., стр. LXXXIII), «ни одного слова не было сказано наугадъ, чтобы каждое изъ нихъ подтверждалось свидѣтельствомъ неоспоримымъ, по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ».

Трудъ г. Устрялова тѣмъ замѣчательнѣе, что у своихъ предшественниковъ-историковъ онъ весьма мало могъ находить пособія въ своемъ дѣлѣ. Во «Введеніи» онъ перечисляетъ всѣхъ, почему-либо замѣчательныхъ писателей, составляющихъ исторію Петра, и ни у кого не находитъ удовлетворитель-

---

[9] До какой степени небрежно поступали прежде при печатаніи историческихъ сочиненій и документовъ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ, найденнымъ нами въ книгѣ г. Устрялова. Въ „Сѣверномъ Архивѣ" напечатанъ отрывокъ изъ современнаго русскаго перевода сочиненія Галларта: „Historische Beschreibung des nordischen Krieges", и всѣ собственныя имена до того изуродованы, что иныя трудно узнать. Одна фраза, вмѣсто: „послалъ князь Григорья Ѳедоровича *Долгорукаго* своего камергера" напечатана „князь Григорья Ѳедоровича *да другаго* своего камергера". Въ заграничныхъ изданіяхъ русскія собственныя имена коверкались еще больше. Такъ, въ сочиненіи Нёваля. „Relation curieuse et nouvelle de Moscovie". A la Haye. 1699, русскія имена пишутся, напр., такимъ образомъ: Kenas Jacob Seudrevick — князь Яковъ Ѳедоровичъ, Levanti Romanorrick ne Pleuvan — Леонтій Романовичъ Пеплюевъ, Alexis Samuelerrich — Алексѣй Михайловичъ! Забавна ошибка, къ которой подало поводъ такое искаженіе именъ. У Нёвиля есть фраза: „quelque temps aprés *le czar Alexis Samuel Errich* se voyant moribond, le (т. е. Менезія) declara gouverneur de jeune prince Pierre" (черезъ нѣсколько времени царь Алексѣй Михайловичъ, чувствуя приближеніе смерти, назначилъ его (Менезія) воспитателемъ юнаго царевича Петра). Изъ этого наши историки вывели, что у Петра былъ воспитателемъ какой то Самуилъ Эрикъ!

наго изложенія. Въ томъ числѣ г. Устряловъ перечисляетъ и такія произведенія, которыя всьма мало извѣстны или и совсѣмъ неизвѣстны публикѣ. Такъ, во «Введеніи» сообщаются любопытныя подробности о томъ, какъ, послѣ слабыхъ трудовъ Ѳеофана Прокоповича и барона Гизена, составлялъ исторію кабинетъ-секретарь Макаровъ, котораго поправлялъ и передѣлывалъ самъ Петръ. Макарову поручено было собраніе матеріаловъ и черновая работа. Года въ четыре онъ составилъ исторію о войнѣ шведской и представилъ Петру; Петръ исправилъ ее, велѣлъ переписать и снова представить ему. Эта вторая редакція также была представлена ему и передѣлана имъ, то же было съ третьей и четвертой редакціей. Немногія мѣста работы Макарова уцѣлѣли, по словамъ г. Устрялова, такъ что на это сочиненіе можно смотрѣть какъ на трудъ самого Петра. Сочиненіе это было издано кн. Щербатовымъ подъ заглавіемъ: «Журналъ или поденная записка Петра Великаго съ 1698 г. даже до заключенія Нейштадскаго мира». Но это изданіе прошло совершенно незамѣченнымъ, потому что Щербатовъ глухо только сказалъ въ предисловіи, что «журналъ этотъ сочиненъ при кабинетѣ государя и правленъ его собственною рукою». Никто не зналъ, какое именно участіе принималъ Петръ въ составленіи этой исторіи, и потому на нее смотрѣли большею частью съ недовѣрчивостью. А между тѣмъ трудъ Петра, по словамъ г. Устрялова, отличается строгой исторической истиной и безпристрастіемъ. Г. Устряловъ убѣдился въ этомъ, имѣвъ случай повѣрить всѣ его слова подлинными актами, досель во множествѣ сохранившимися, и свидѣтельствомъ очевидцевъ, своихъ и чужезем-

ныхъ. «Во всѣхъ случаяхъ Петръ съ благородною откровенностью говоритъ о своихъ неудачахъ, не скрывая ни огромности потерь, ни важности ошибокъ, и въ то же время съ рѣдкою скромностью говоритъ о своихъ личныхъ подвигахъ» (стр.XXXVII). Эта черта должна бы послужить урокомъ для многихъ историковъ, смѣшивающихъ исторію съ панегирикомъ, и цвѣтами историческаго краснорѣчія замѣняющхъ историческую истину.

Къ сожалѣнію, послѣдующіе историки Петра не слѣдовали въ изображеніи его дѣяній собственному его примѣру, — одни по излишнему легковѣрію, другіе по желанію изукрасить простую истину событій. Къ числу первыхъ принадлежитъ Голиковъ и многіе изъ иностранныхъ историковъ Петра; въ числѣ послѣднихъ замѣчателенъ Крекшинъ, котораго наши *ученые* принимали, даже до нашихъ дней, за достовѣрный источникъ и авторитетъ [10], но котораго г. Устряловъ, вслѣдъ за Татищевымъ, справедливо именуетъ *баснословцемъ*. Причину всѣхъ своихъ баснословныхъ выдумокъ Крекшинъ очень наивно высказываетъ въ предисловіи, изъ котораго г. Устряловъ приводитъ слѣдующія слова: «Азъ, рабъ того благочестиваго императора, мній всѣхъ, милость того на себѣ имѣлъ и дѣлъ блаженныхъ его нѣкоихъ самовидецъ быхъ; *того ради, по долгу рабства и любви, долженъ блаженныя дѣла его прославлять, а не образомъ исторіи писать дерзаю.* Не буди то въ дерзновеніе моему худоумію, яко недостоинъ отрѣшить и ремень сапога его». Послѣ

---

[10] Напр., авторъ статьи: „Правленіе царевны Софіи", помѣщенной въ „Русск. Вѣсти." 1856 г. и обратившей на себя вниманіе многихъ, ссылается на сказанія Крекшина, какъ на свидѣтельства вполнѣ надежныя и неоспоримыя.

такого признанія, дѣйствительно, трудно довѣрять Крекшину. Собственно говоря, нельзя строго винить его: мысль его не заключаетъ въ себѣ ничего необыкновеннаго. Всѣ мы немножко Крекшины въ своихъ научныхъ воззрѣніяхъ, т. е. всѣ основываемъ нерѣдко общія положенія на своихъ личныхъ понятіяхъ и даже предубѣжденіяхъ. Русскіе историки, доселѣ бывшіе, не составляютъ исключенія изъ этого общаго правила. Нерѣдко они приступаютъ къ изслѣдованію исторической истины съ заранѣе уже составленнымъ убѣжденіемъ. Они говорятъ себѣ: «*должно* оказаться *то-то*», и дѣйствительно оказывается то-то. Давно ли мы въ своихъ учебникахъ твердили, — а подростающее поколѣніе и теперь еще твердитъ, — фразы въ родѣ слѣдующей: «исторія всемірная *должна* говорить о Петрѣ, какъ объ исполинѣ среди всѣхъ мужей, признанныхъ ею великими; исторія русская *должна* вписать имя Петра въ свои скрижали съ благоговѣніемъ». А что говорится обыкновенно историками о важныхъ лицахъ, которыхъ исторія пишется еще при ихъ жизни, — объ этомъ и упоминать нечего. Но, несмотря на свое внутреннее сходство съ Крекшинымъ, многіе историки имѣютъ настолько такта (пожалуй, назовите это хитростью или какъ-нибудь иначе), чтобы не объявлять о своихъ заднихъ мысляхъ во всеобщее свѣдѣніе. Оттого на нихъ и смотришь какъ-то довѣрчивѣе, чѣмъ на Крекшина, который такъ неловко, въ самомъ началѣ своей исторіи, отказывается отъ всякаго права на довѣріе читателей къ истинѣ его повѣствованія. Нельзя не порадоваться, что прошло уже у насъ время такихъ признаній въ историческихъ трудахъ. Признаемся, мы съ удовольствіемъ думали, какъ дале-

ко ушла въ одно столѣтіе наша историческая наука, — сравнивая съ забавной наивностью «новгородскаго баснословца» твердый и увѣренный голосъ современнаго историка, способный возбудить къ нему полное довѣріе. Вотъ что говоритъ г. Устряловъ въ концѣ своего «Введенія» (стр. LXXXVIII):

Не смѣю и думать, чтобы мнѣ удалось написать исторію Петра, достойную его имени; но въ правѣ считаю себя сказать, что я вполнѣ понималъ всю святость добровольно принятой на себя обязанности быть его историкомъ. Онъ, неумолимо строгій къ себѣ и къ другимъ въ дѣлѣ истины, служилъ мнѣ руководителемъ. Самое тщательное изученіе фактовъ при помощи архивовъ, разборчивая повѣрка современныхъ ска аній, нелицепріятное безпристрастіе, добросовѣстное изложеніе всѣхъ подробностей историческихъ, какія только встрѣчались мнѣ не въ выдумкахъ компиляторовъ, а въ м леріалахъ достовѣрныхъ, — вотъ мои правила непреложныя. Могутъ найти въ моемъ сочиненіи недосмотры, неосновательные выводы, недостатки искусства, плана, слога, все что угодно; но въ безотчетной довѣрчивости къ современнымъ сказаніямъ, не исключая самого Петра, тѣмъ менѣе въ умышленномъ искаженіи истины не упрекнетъ меня никто.

Такъ самъ г. Устряловъ опредѣляетъ намъ характеръ и значеніе своего труда, и мы не можемъ не признать справедливости этого опредѣленія. У своихъ предшественниковъ-историковъ онъ нашелъ, какъ мы уже сказали, весьма мало, почти ничего. Ему предстояло самому все повѣрять, сводить, соображать, распредѣлять, чтобы создать потомъ изъ всего этого стройный, живой разсказъ. Мы не скажемъ ничего преувеличеннаго, если замѣтимъ здѣсь, что для исторіи Петра г. Устряловъ сдѣлалъ то же самое, что Карамзинъ для нашей древней исторіи. Само собою разумѣется, что г. Устряловъ нашелъ для своего труда все-таки гораздо болѣе предше-

ствовавшей подготовки, чѣмъ Карамзинъ. Но за то, вслѣдствіе этого обстоятельства, равно какъ и влѣдствіе большаго обилія средствъ и большей ограниченности самого предмета, трудъ г. Устрялова относительно полиѣе, нежели произведеніе исторіографа. Въ существенныхъ же чертахъ оба они имѣютъ большое сходство между собою. Въ томъ и другомъ на первомъ планѣ является собраніе и повѣрка матеріаловъ, которые собственно и даютъ обоимъ произведеніямъ право на ученое значеніе. Читателей и та и другая исторія привлекаютъ къ себѣ краснорѣчіемъ, плавностью слога, искусствомъ разсказа, живостью картинъ и описаній. Въ историко-литературномъ отношеніи то же сходство: Карамзинъ явился съ своей исторіей послѣ неудачныхъ попытокъ Елагина, Эмина, Богдановича и пр.; г. Устряловъ является послѣ неудовлетворительныхъ исторій Петра, начинающихся съ Крекшина, котораго по цѣли его и по богатству вымысловъ можно сравнить съ Елагинымъ, — послѣ Вольтера, Сегюра, Полевого... Карамзинъ имѣлъ предъ собою добросовѣстный сводъ лѣтописей — Татищева, и довольно смышленную исторію Щербатова; г. Устряловъ тоже имѣлъ вѣрный сводъ событій въ исторіи Макарова, исправленный самимъ Петромъ, и нашелъ нѣкоторое пособіе въ хронологическомъ сборѣ фактовъ, находящемся въ «Дѣяніяхъ» Голикова. Даже по самымъ внѣшнимъ пріемамъ, по расположенію статей, примѣчаній и приложеній, по манерѣ изображеній частныхъ событій, — ни одна изъ историческихъ книгъ не напоминала намъ такъ живо Карамзина, какъ «Исторія Петра» г. Устрялова. Этотъ трудъ его достойно станетъ возлѣ творенія Карамзина, полный неоспоримыхъ достоинствъ, хо-

тя, конечно, не чуждый и нѣкоторыхъ недостатковъ.

Слишкомъ долго было бы распространяться объ общихъ требованіяхъ, которыя налагаетъ на историка современное состояніе историческихъ знаній и вообще просвѣщенія. Мѣсто этимъ разсужденіямъ скорѣе въ учебникѣ, нежели въ журнальной статьѣ. Но мы не можемъ не вспомнить здѣсь одного условія, соблюденіе котораго необходимо для исторіи, имѣющей притязаніе на серьезное ученое значеніе. Это — идея объ отношеніи историческихъ событій къ характеру, положенію и степени развитія народа. Всякое историческое изложеніе, не одушевленное этой идеей, будетъ сборомъ случайныхъ фактовъ, можетъ быть и связанныхъ между собою, но оторванныхъ отъ всего окружающаго, отъ всего прошедшаго и будущаго. Такимъ образомъ исторія самая живая и краснорѣчивая будетъ все-таки не болѣе какъ прекрасно сгруппированнымъ матеріаломъ, если въ основаніе ея не будетъ положена мысль объ участіи въ событіяхъ самого народа. Участіе это можетъ быть дѣятельное или страдательное, положительное или отрицательное, но во всякомъ случаѣ оно не должно быть забыто исторіею. На него историкъ долженъ обращать главнымъ образомъ свое вниманіе не только въ общей исторіи, служащей изображеніемъ судьбы царствъ и народовъ, но и въ исторіи частныхъ историческихъ дѣятелей, какъ бы ни казались они выше своего вѣка и народа. Безъ сомнѣнія, великіе историческіе преобразователи имѣютъ большое вліяніе на развитіе и ходъ историческихъ событій въ свое время и въ своемъ народѣ; но не нужно забывать, что, прежде чѣмъ на-

чнется ихъ вліяніе, сами они находятся подъ вліяніемъ понятій и нравовъ того времени и того общества, на которое потомъ начинаютъ они дѣйствовать силою своего генія. Въ исторіи Петра, можетъ быть, рѣзче, нежели гдѣ-нибудь, высказалось какъ будто полное отрѣшеніе отъ прошедшаго, полный и быстрый переворотъ волею одного человѣка, вопреки привычкамъ и инстинктамъ народнымъ. Участіе всего народа какъ будто стирается здѣсь предъ могуществомъ его повелителя, и потому здѣсь понятнѣе, чѣмъ гдѣ либо, допущеніе *исторической случайности* со стороны описателя дѣяній Петровыхъ. Тѣмъ не менѣе нужно сказать, что и здѣсь допущеніе этой случайности будетъ несправедливо. Если авторъ не намѣренъ входить въ разсмотрѣніе народной жизни, разсказывая дѣла своего героя; если онъ хочетъ представить историческаго дѣятеля одного на первомъ планѣ, а все остальное считаетъ только принадлежностями второстепенными, аксессуарами, существенно ненужными; въ такомъ случаѣ онъ можетъ составить хорошую біографію своего героя, но никакъ не исторію. Исторія занимается людьми, даже и великими, только потому, что они имѣли важное значеніе для народа или для человѣчества. Слѣдовательно, главная задача исторіи великаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ умѣлъ онъ воспользоваться тѣми средствами, какія представлялись ему въ его время; какъ выразились въ немъ тѣ элементы живого развитія, какіе могъ онъ найти въ своемъ народѣ. Смотрѣть иначе значило бы придавать генію значеніе, невозможное для человѣка. Извѣстно всѣмъ и каждому, что человѣкъ не творитъ ничего новаго, а только перерабатываетъ су-

ществующее; значитъ, исторія приписываетъ человѣку невозможное, какъ скоро намѣренію уклоняется отъ своей прямой задачи: разсмотрѣть дѣятельность историческаго лица какъ результатъ взаимнаго отношенія между нимъ и тѣмъ живымъ матеріаломъ (если можно такъ выразиться о народѣ), который подвергался его вліянію. Невыполненіе этой задачи не замѣняется никакимъ краснорѣчіемъ, никакимъ обиліемъ фактовъ, относящихся къ изображаемому лицу. Значеніе великихъ историческихъ дѣятелей можно уподобить значенію дождя, который благотворно освѣжаетъ землю, но который, однако, составляется все-таки изъ испареній, поднимающихся съ той же земли. Простолюдину простительно думать, что дождь хранится въ небѣ въ какомъ-то особомъ резервуарѣ, и оттуда изливается въ извѣстныя времена, по какимъ-нибудь особеннымъ соображеніямъ; но такое объясненіе не должно имѣть претензій на значеніе ученое и философское.

Къ сожалѣнію, историки никогда не избѣгаютъ страннаго увлеченія личностями, въ ущербъ исторической необходимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ сильно выказывается во всѣхъ исторіяхъ пренебреженіе къ народной жизни въ пользу какихъ-нибудь исключительныхъ интересовъ. Такъ, напримѣръ, у самого Карамзина мы находимъ, что вся исторія народа пожертвована строгому и послѣдовательному проведенію одной идеи — объ образованіи и развитіи государства россійскаго. И самое развитіе этого государства вовсе не представляется вытекающимъ изъ условій народной жизни, а является какимъ-то, чуть не административнымъ, дѣломъ нѣсколькихъ лицъ. Народная жизнь исчезаетъ среди

подвиговъ государственныхъ войнъ, междоусобій, личныхъ интересовъ князей и пр., и только въ концѣ тома помѣщается иногда глава «о состояніи Россіи». Но и тутъ больше толкуется о наслѣдственныхъ правахъ удѣльныхъ князей, о славѣ Россіи между иноземными державами и т. п., нежели объ интересахъ, прямо касающихся народа.

Нельзя сказать, чтобы трудъ г. Устрялова совершенно чуждъ былъ той общей исторической идеи, о которой мы говорили; но все-таки очевидно, что не она положена въ основаніе «Исторіи Петра». Авторъ посмотрѣлъ на свой трудъ болѣе съ біографической, нежели съ обще-исторической точки зрѣнія. Оттого изъ «исторіи» его вышла весьма живая картина дѣяній Петровыхъ, весьма полное собраніе фактовъ, относящихся къ лицу Петра и къ положенію придворныхъ партій, окружавшихъ его во время дѣтства и отрочества, нелицепріятное изложеніе государственныхъ событій времени Петра; но истинной исторіи, во всей обширности ея философскаго и прагматическаго значенія, нельзя видѣть въ нынѣ изданныхъ томахъ «Исторіи Петра Великаго». Правда, что авторъ еще не дошелъ до той эпохи, догда Петръ является во всемъ блескѣ своей преобразовательной дѣятельности, которою сталъ онъ въ непосредственныя отношенія къ народу. Въ первомъ томѣ «исторіи» г. Устрялова изложено господство царевны Софіи, во второмъ потѣшные и Азовскіе походы, въ третьемъ путешествія Петра по Европѣ и разрывъ съ Швеціею. Но и эти событія были бы, конечно, изложены иначе, если бы авторъ не руководствовался по преимуществу біографическимъ интересомъ и мыслью о государственномъ значеніи Петра

для возвышенія славы Россіи, — а зохотѣлъ бы придать своему труду болѣе широкое значеніе. Чего искалъ авторъ въ другихъ историкахъ и чего требовалъ отъ самого себя, — можно видѣть изъ двухъ мѣстъ его «Введенія». Исчисливъ историковъ Петра, онъ говоритъ въ заключеніе: «Трудно самому невзыскательному любителю исторіи удовольствоваться подобными сочиненіями о такомъ государѣ, какъ Петръ Великій. Еще труднѣе положиться на нихъ строгому изслѣдователю, который желалъ бы видѣть Петра въ истинномъ, безукрашенномъ видѣ, и при томъ во всей полнотѣ его величія» (стр. LI). Въ концѣ же «Введенія» (стр. LXXXVII), опредѣляя значеніе собственнаго труда, авторъ говоритъ: «Я старался изобразить Петра въ такомъ видѣ, какъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, не скрывая его слабостей, не приписывая ему небывалыхъ достоинствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ во всей полнотѣ его несомнѣннаго величія». Изъ сравненія обоихъ мѣстъ очевидно, что самъ авторъ смотритъ на свое произведеніе какъ на трудъ преимущественно біографическій, оставляя въ сторонѣ всѣ высшія философско-историческія соображенія.

Мы указываемъ на это вовсе не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать упрекъ г. Устрялову, а единственно для того, чтобы опредѣлить, чего можно требовать отъ его исторіи и съ какой точки зрѣнія смотрѣть на нее, согласно съ идеей самого автора. Мы очень хорошо понимаемъ, что отъ русскаго историка, изображающаго событія новой русской исторіи, начиная съ Петра, невозможно еще требовать ничего болѣе фактической вѣрности и полноты. Мы еще не можемъ въ своихъ историческихъ изысканіяхъ отрѣшиться отъ интересовъ этого прошедшаго,

такъ близкаго къ намъ и такъ постоянно, хоть иногда и незамѣтно, присутствующаго въ большей части явленій настоящаго. Намъ трудно, почти невозможно, избрать для какого-либо сочиненія правильную и независимую точку зрѣнія на событія нашей новѣйшей исторіи именно потому, что они и въ жизни современнаго намъ общества еще продолжаются во многомъ, еще не составляютъ прошедшаго, совершенно законченнаго для насъ. Поэтому если бы и могла гдѣ-нибудь явиться строго соображенная, прагматическая исторія новыхъ временъ Россіи, то это было бы не болѣе какъ утѣшительнымъ исключеніемъ изъ общей массы нашихъ историческихъ трудовъ. Вообще же говоря, авторъ можетъ давать себѣ задачу, какую ему угодно, и нельзя нападать на него за то, что онъ не избралъ для разрѣшенія другой, высшей и обширнѣйшей задачи. Критика указываетъ, что именно предполагалъ сдѣлать авторъ, и затѣмъ смотритъ уже на то, какъ выполненіе соотвѣтствуетъ намѣренію. Разсуждая такимъ образомъ, нельзя не назвать трудъ г. Устрялова весьма замѣчательнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ, и, вѣроятно, даже спеціалисты-ученые, занимающіеся русской исторіей, не много найдутъ въ «Исторіи Петра» такихъ мѣстъ, которыя можно бы было упрекнуть въ неосновательности, въ недостовѣрности или несправедливости. Повторимъ еще разъ: то, что сдѣлано г. Устряловымъ для исторіи Петра, по собранію матеріаловъ и по обработкѣ ихъ, можно сравнить только съ тѣмъ, что сдѣлано Карамзинымъ для нашей древней исторіи.

Указывая на біографическій характеръ «Исторіи Петра», мы были бы несправедливы, если бы не

остановились на первой главѣ «Введенія» г. Устрялова, въ которой онъ говоритъ о старой, до-петровской Руси. Эта глава именно показываетъ, что авторъ не вовсе чуждъ общей исторической идеи, о которой мы говорили; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней же находится очевидное доказательство того, какъ трудно современному русскому историку дойти до сущности, до основныхъ началъ во многихъ явленіяхъ нашей новой исторіи. Авторъ съ самаго начала выставляетъ два противоположныя мнѣнія о Петрѣ: одно —общее, выраженное въ официальномъ актѣ поднесенія Петру императорскаго титула; другое — мнѣніе защитниковъ старой Россіи, которыхъ представителемъ является Карамзинъ. Первое выражается въ словахъ акта, что «единымъ руковожденіемъ Петра мы изъ тьмы ничтожества и невѣдѣнія вступили на театръ славы и присоединились къ образованнымъ государствамъ Европы». Сущность второго состоитъ въ томъ, что и до Петра Россія «въ нѣдрахъ своихъ заключала обильные источники силы и благоденствія, обнаруживала очевидное стремленіе къ благоустройству и образованію, знакомилась, сближалась съ Европою, и хотя медленно, но твердымъ и вѣрнымъ шагомъ подвигалась къ той же цѣли, къ которой такъ насильственно увлекъ ее Петръ Великій, не пощадивъ ни нравовъ, ни обычаевъ, ни основныхъ началъ народности» (Введ., стр. XIV). Приводя оба эти мнѣнія, г. Устряловъ пытается рѣшить: что же была Россія до Петра, необходимъ ли былъ для нея переворотъ? — и для этого разсматриваетъ *свѣтлую* и *темную* сторону до-петровской Россіи. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ представляетъ *факты,* сопровождая ихъ нѣкоторыми общими замѣчаніями. Но

сопоставленіе этихъ *свѣтлыхъ* и *темныхъ* фактовъ далеко не разъясняетъ намъ историческаго положенія древней Руси и даетъ много основаній не принимать той точки зрѣнія, которую представляетъ намъ г. Устряловъ. Говоря о свѣтлой сторонѣ Руси до Петра, онъ начинаетъ съ того, что издавна всѣ иноземцы удивлялись обширному пространству Россіи, обилію естественныхъ произведеній, безграничной преданности всѣхъ сословій государю, пышности двора, многочисленности войска; но при этомъ считали Русь державою нестройною, необразованною и малосильною. «Но чужеземный взоръ, — замѣчаетъ г. Устряловъ — не могъ замѣтить въ ней ни зрѣлаго, самобытнаго развитія государственныхъ элементовъ, ни изумительнаго согласія ихъ, которое служитъ основою могущества гражданскихъ обществъ и не можетъ быть замѣнено никакими выгодами естественнаго положенія, даже успѣхами образованности». Затѣмъ авторъ «Исторіи Петра Великаго» подробно развиваетъ свою мысль, показывая, въ какой степени развиты были у насъ основные государственные элементы, служащіе основою могущества и благоденствія гражданскихъ обществъ. Оказывается, что они были развиты какъ нельзя лучше и что въ этомъ отношеніи Россія стояла несравненно выше Западной Европы. Мы не станемъ пока говорить, какіе именно элементы разумѣетъ г. Устряловъ подъ именемъ *основныхъ*, и перейдемъ къ *темной* сторонѣ, указанной имъ же. Разсмотрѣніе этой темной стороны приводитъ къ заключенію, что «нигдѣ положеніе дѣлъ не представляло столь грустной и печальной картины, какъ въ нашемъ отечествѣ» (стр. XXII), и что «Россія, *не взирая на благотворное развитіе основныхъ эле-*

ментовъ своихъ, далеко не достигла той цѣли, къ которой стремились всѣ государства европейскія и которая состоитъ въ надежной безопасности извнѣ и внутри, въ дѣятельномъ развитіи нравственныхъ, умственныхъ и промышленныхъ силъ, въ знаніи, искусствѣ, въ смягченіи дикой животной природы, однимъ словомъ — въ томъ, что украшаетъ и облагораживаетъ человѣка» (стр. XXV). Если такъ, то всякій вправѣ спросить: что же это значитъ, что при совершенномъ и благотворномъ развитіи основныхъ элементовъ возможно было подобное, крайне печальное, положеніе дѣлъ? «Стародавняя Россія заключала въ нѣдрахъ своихъ главныя начала государственнаго благоустройства», — говоритъ г. Устряловъ, и вслѣдъ затѣмъ приводитъ факты, доказывающіе крайнее разстройство. «Россія не уступала ни одному благоустроенному государству въ томъ, что составляетъ главную пружину благоденствія общественнаго», — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и тотчасъ же, въ собственномъ изложеніи, доказываетъ намъ «тягостное положеніе Россіи», бѣдствія, недовольство, ропотъ народа и прочее. «Въ Россіи было зрѣлое развитіе элементовъ, служащихъ основою государственнаго могущества»,—утверждаетъ также г. Устряловъ въ третьемъ мѣстѣ, и самъ же излагаетъ потомъ такія факты, послѣ которыхъ не можетъ не воскликнуть: «можемъ ли послѣ сего гордиться тогдашнимъ политическимъ могуществомъ?» (стр. XXIII). Виною всѣхъ этихъ противорѣчій — не опрометчивость автора; напротивъ, онъ очень осмотрителенъ въ своихъ сужденіяхъ. Всему виною здѣсь весьма обыкновенное въ нашихъ историческихъ сочиненіяхъ смѣшеніе двухъ точекъ зрѣнія: государствен-

ной и собственно-народной. Всякому мыслящему человѣку понятно, что между этими точками зрѣнія очень много общаго и что смѣшать ихъ вовсе не мудрено. Повидимому, не зачѣмъ и различать ихъ: государство пріобрѣтаетъ новыя средства, — народъ богатѣетъ; государство принуждено выдержать невыгодную войну, — весь народъ чувствуетъ на себѣ ея тяжесть; въ государствѣ улучшается законодательство, — народу лучше жить становится и т. д. Такъ бы, конечно, и должно быть, если бы интересы государства и народа всегда были нераздѣльны и тожественны. Но часто мы видимъ въ исторіи, что или государственные интересы вовсе не сходятся съ интересами народныхъ массъ, или между государствомъ и народомъ являются посредники — въ родѣ какихъ-нибудь сатраповъ, мытарей и т. п., — не имѣющіе, конечно, силы унизить величіе своего государства, но имѣющіе возможность разрушить благоденствіе народа. Оттого результатъ воззрѣнія государственнаго бываетъ въ исторіи чрезвычайно различенъ отъ результата воззрѣнія народнаго. Первое воззрѣніе заключаетъ въ себѣ болѣе отвлеченности и формальности; оно опирается на то, что должно было бы развиться и существовать; оно беретъ систему, но не хочетъ знать ея примѣненій, разбираетъ анатомическій скелетъ государственнаго устройства, не думая о физіологическихъ отправленіяхъ живого народнаго организма. Вотъ почему и *свѣтлая* сторона древней Руси у г. Устрялова такъ богата общими положеніями и не представляетъ почти ни одного факта, тогда какъ *темная* состоитъ исключительно изъ указаній на факты народной жизни. Тамъ разбирается у него го-

сударственная система, а здѣсь берется во вниманіе народная жизнь. Г. Устряловъ не даетъ преимущества ни той, ни другой сторонѣ предмета, и даже, какъ видно, не совсѣмъ ясно различаетъ ихъ. Оттого и выходятъ противорѣчія въ его сужденіяхъ. Доказывая разстройство народной жизни, онъ тѣмъ самымъ доказываетъ несостоятельность и самой государственной системы, тѣмъ болѣе, что бѣдственное положеніе народа имѣло, по собственному сознанію историка, печальное вліяніе и на государственную славу Россіи. Словомъ — *темная* сторона опровергаетъ все, что сказано историкомъ о *свѣтлой*. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ, всмотримся въ нѣкоторыя подробности.

Посмотримъ сначала на общій выводъ, который дѣлаетъ г. Устряловъ изъ обозрѣнія *свѣтлой* стороны Россіи. Вотъ его заключеніе (стр. XXI):

Такимъ образомъ стародавняя Россія заключала въ нѣдрахъ своихъ главныя начала государственнаго благоустройства: она имѣла правленіе крѣпкое, единодержавное, заботливо охранявшее неприкосновенность закона; церковь въ наилучшихъ отношеніяхъ къ міру и къ верховной власти, опредѣленную въ правахъ и обязанностяхъ своихъ служителей; дворянство знаменитое, блестящее, не уступавшее никакому другому доблестью и заслугами; законы, сообразные духу народному, самобытные, освященные опытомъ, мудростію вѣковъ. Единство вѣры, языка, управленія скрѣпляло всѣ части ея въ одно цѣлое, въ одну могущественную державу, готовую по первому мановенію царя возстать на своихъ враговъ.

Казалось бы, чего же лучше? Самъ историкъ, начертавши эту великолѣпную картину древней Руси, не могъ удержаться отъ вопросительнаго восклицанія: «чего же недоставало ей?» Но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то: древней Руси недоставало того,

чтобы государственные элементы сдѣлались въ ней народными. Надѣемся, что мысль наша пояснится слѣдующимъ рядомъ параллельныхъ выписокъ изъ книги г. Устрялова, приводимыхъ нами уже безъ всякихъ замѣчаній.

(Стр. XIX.) Правительственная система наша выражала ясную идею правительства о необходимости закона твердаго, неприкосновеннаго, о водвореніи доброй нравственности, о возможномъ облегченіи народа, о защитѣ чести его и достоянія.

Былъ у насъ свой государственный совѣтъ (Большая Дума), составленный изъ вельможъ, убѣленныхъ сѣдинами, умудренныхъ опытностью: они собирались почти ежедневно въ царскихъ палатахъ для сужденія о дѣлахъ государственныхъ, и каждый изъ нихъ могъ говорить предъ Государемъ свободно и откровенно (стр. XXI). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Москва обязана своимъ величіемъ сколько генію своихъ государей, столько и дальновидной мудрости ихъ совѣтниковъ.

Подъ главнымъ надзоромъ приказовъ состояли исполнители велѣній правительства, областные воеводы, судьи, сборщики податей, окладчики, дозорщики и другіе чины, обязанные дѣйствовать согласно съ данными

(Стр. XXIV.) Пытки составляли необходимую принадлежность розыска по дѣламъ уголовнымъ и преступленіямъ государственнымъ Столь же ненавистный, столь же безчеловѣчный правежъ отдавалъ бѣдныхъ должниковъ въ жертву немилосердныхъ заимодавцевъ.

(Стр. XXV.) Грамота была доступна весьма немногимъ: еще въ исходѣ XVII слолѣтія не каждый царедворецъ умѣлъ подписать свое имя Грубое невѣжество, господствуя въ высшихъ и низшихъ слояхъ общества, разливало тлетворный ядъ свой на нравы и обычаи, которые представляли страшную смѣсь добрыхъ качествъ, свойственныхъ русскому народу, съ предразсудками, суевѣріемъ, даже съ отвратительными пороками.

(Стр. XXIII.) Областные воеводы, сосредоточивая въ лицѣ своемъ право суда гражданскаго и уголовнаго, сборъ податей, земскую полицію, нарядъ войска, съ одной стороны не имѣли возможности выполнить столь

имъ наказами или инструкціями, въ которыхъ правительство равно заботилось и о государственныхъ интересахъ и о выгодахъ народныхъ.

(Стр. XX.) Предъ закономъ были всѣ равны: онъ не различалъ вельможи отъ простолюдина въ случаѣ преступленія; судъ для всѣхъ былъ равенъ.

У насъ было дворянство многочисленное и блестящее, которое не уступало въ знатности и благородствѣ происхожденія ни одному европейскому.

Каждый владѣлецъ земли, по первому царскому указу, долженъ былъ непремѣнно лично явиться на сборъ воинскій съ опредѣленнымъ числомъ людей ратныхъ; иначе терялъ свое помѣстье. Въ старину русскій дворянинъ не могъ сказать, что въ его волѣ служить и не служить: онъ служилъ Царю и царству до гроба, до послѣднихъ силъ, и своими заслугами облагораживалъ дѣтей, внуковъ, правнуковъ, которые гордились службою предковъ какъ доблестью семейною, родовою.

(Стр. XXI.) У насъ была своя высшая аристократія, гордая, недоступная, неизмѣнная въ своихъ правилахъ, которыя переходили изъ рода въ родъ.

разнородныя обязанности, съ другой же находили множество случаевъ къ удовлетворенію беззаконнаго корыстолюбія.

(Стр. XXIII.) Въ подробностяхъ управленія господствовало вообще тягостное самовластіе и безсовѣстное лихоимство.

(Стр. XXIV.) Кнутъ не щадилъ даже знатныхъ дворянъ.

(Стр. XXIV.) Ратныя ополченія наши представляли многочисленную, но нестройную громаду малоопытныхъ помѣщиковъ и сельскихъ обывателей, оторванныхъ отъ плуга и вооруженныхъ чѣмъ попало: обязанные сами заботиться о своемъ продовольствіи во время похода, они равно опустошали и свою, и чужую землю, или гибли отъ голода.

(Стр. XXIX.) Мы коснѣли въ старыхъ понятіяхъ, которыя переходили изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, мы спесиво и съ презрѣніемъ смотрѣли на все чужое, иноземное, ненавидѣли все новое.

Всякій видитъ, что параллельныя выписки, сдѣланныя нами изъ какихъ-нибудь десяти страницъ Введенія въ «Исторію Петра», противорѣчатъ другъ другу и взаимно другъ друга уничтожаютъ. Но странно было бы думать, что авторъ «Исторіи Петра» не замѣтилъ самъ прежде всѣхъ этихъ противорѣчій. Напротивъ, — онъ, повидимому, съ тѣмъ и выставлялъ ихъ, чтобы показать разладъ дѣйствительнаго хода дѣлъ древней Руси съ тѣмъ, что должно бы быть по закону. И вотъ здѣсь-то и выказывается вполнѣ недостаточность въ исторіи исключительно-государственной точки зрѣнія, принятой авторомъ. По анатомическому изслѣдованію формъ государственнаго скелета — все, кажется, въ порядкѣ, общая система составлена стройно и строго; но въ живой народной жизни оказываются такія раны, такія болѣзни, такой хаосъ, который ясно показываетъ, что и въ самой сущности организма есть гдѣ-то поврежденіе, препятствующее правильности физіологическихъ отправленій, что и въ самой системѣ недостаетъ какихъ-то основаній. Что же хорошаго, въ самомъ дѣлѣ, если въ отвлеченныхъ созерцаніяхъ все представляется прекраснымъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ все никуда не годится? Когда невѣжество и суевѣріе господствовало во всѣхъ слояхъ общества, какъ низшихъ, такъ и высшихъ, то мало утѣшенія подаетъ существованіе совѣта старцевъ, умудренныхъ, и пр. Если самовластіе и лихоимство господствовали *«въ подробностяхъ управленія»*, то не много выигрывалъ народъ русскій отъ того, что у насъ были «законы, сообразные духу народному, самобытные», и пр. Если дружины русскія, составлявшія нестройную громаду, во время похода умѣли только грабить и

опустошать свою землю, наравнѣ съ чужой, то, по всей вѣроятности, не великое добро для земли русской было и отъ того, что «всѣ части ея были скрѣплены въ одну стройную державу, готовую возстать на враговъ по первому мановенію», и пр. Готовность еще не значитъ успѣшное исполненіе, и возможность не всегда превращается въ дѣйствительность. Равнымъ образомъ не большое благо было, конечно, и въ дворянствѣ блестящемъ, ознаменованномъ «знатностью и благородствомъ происхожденія», когда кнутъ не щадилъ даже и знатныхъ дворянъ. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ очевидно одно заключеніе: что государственная точка зрѣнія не всегда бываетъ совершенно вѣрна въ отношеніи къ фактамъ народной жизни, и потому въ исторіи должна уступить имъ первое мѣсто. Иначе — самыя справедливыя положенія теряютъ свою силу и получаютъ значеніе развѣ только условное и очень непрочное. Чтобы яснѣе показать это, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы представить читателямъ нѣкоторые факты изъ первыхъ томовъ «Исторіи Петра» г. Устрялова, мы намѣрены сдѣлать въ этой статьѣ нѣсколько краткихъ указаній на то состояніе, въ какомъ находилась Русь предъ началомъ правленія Петра.

Съ государственной точки зрѣнія, болѣе или менѣе внѣшней и формальной, положеніе Руси въ это время было блестящее. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ словъ нашихъ историковъ. Напр., учебникъ г. Устрялова (ч. I, стр. 317) выражается объ этомъ такимъ образомъ: «Мудрый Алексѣй оставилъ своимъ преемникамъ государство сильное, благоустроенное, съ явнымъ перевѣсомъ надъ опаснѣйшею соперницею, Польшею, со всѣми средствами къ господству надъ европейскимъ

сѣверомъ, уважаемое на западѣ, грозное на востокѣ и югѣ». Въ этихъ словахъ ясно выражается мнѣніе о полномъ благосостояніи Россіи, какъ внѣшнемъ, такъ и внутреннемъ, во времена предъ-петровскія. Повидимому, при общемъ благоустройствѣ невозможны были никакія неудовольствія и волненія внутреннія; тѣмъ менѣе можно было предполагать цѣлый рядъ неудачъ внѣшнихъ. Казалось, благоденствіе должно было водвориться въ государствѣ прочно и невозмутимо; въ народѣ должно было утвердиться довольство; съ каждымъ годомъ все должно было улучшаться и совершенствоваться силою внутренняго, самобытнаго развитія; не предстояло, повидимому, ни малѣйшей нужды въ уклоненіи отъ прежняго пути; тѣмъ менѣе могла представляться надобность въ какихъ-нибудь преобразованіяхъ. Такъ именно и говорятъ приверженцы старой Руси, такъ говорилъ Карамзинъ, то же заставляетъ думать обозрѣніе *свѣтлой* стороны древней Руси, сдѣланное г. Устряловымъ. Но не то говорятъ факты, представляемые имъ же въ первомъ томѣ «Исторіи Петра». Изъ нихъ, напротивъ, видно, что древняя Русь, истощая всѣ свои силы для поддержанія стараго порядка, выказывала, однако, только совершенное свое безсиліе и не могла ничего сдѣлать, кромѣ временнаго поддержанія внѣшней формы. Наружно, по уставамъ и бумагамъ, все казалось если не совершенно стройнымъ и правильнымъ, то по крайней мѣрѣ стремящимся къ благоустройству и правдѣ. Но внутри все было разстроено, искажено, перепутано, лишено всякой чести и справедливости. Все было натянуто до того, что нужно было — или разомъ выйти изъ старой колеи и броситься на новую дорогу, или ждать страшнаго,

безпорядочнаго взрыва, предвѣстіемъ котораго служило все царствованіе Алексѣя Михайловича.

Царь Алексѣй Михайловичъ много заботился объ улучшеніи внутренняго положенія Россіи. Въ его царствованіе принято было много мѣръ законодательныхъ и административныхъ, обѣщавшихъ содѣйствовать упроченію народнаго благоденствія. Одно уже изданіе Уложенія могло быть названо благодѣяніемъ, при неопредѣленности судопроизводства старинной Руси. Кромѣ того, изданныя потомъ постановленія, разные отдѣльные уставы, дополненія къ Уложенію доказывали постоянную заботу царя объ улучшеніи юридическихъ отношеній. Отмѣненіе внутреннихъ таможенъ, официальное поощреніе разныхъ отраслей промышленности, учрежденіе почтъ, стараніе образовать регулярныя войска, попытка завести флотъ, — все это остается памятникомъ постоянныхъ усилій царя привести въ лучшій видъ теченіе дѣлъ въ его государствѣ. Но при всемъ доброжелательствѣ своемъ, Алексѣй Михайловичъ имѣлъ весьма мало успѣха въ своихъ начинаніяхъ. Онъ былъ царемъ русскимъ въ трудное время; новые, чужіе элементы отовсюду пробивались на смѣну отжившей старины, которая не имѣла за себя ничего, кромѣ привычки и невѣжества. Роль правителя въ этомъ случаѣ была опредѣлена: ему слѣдовало стать во главѣ движенія, чтобы спасти народъ отъ тѣхъ бѣдствій, въ которыя вовлекало его столкновеніе новыхъ началъ съ невѣжественной рутиной старыхъ бояръ. Для этой цѣли ему нужно было овладѣть общимъ движеніемъ и направить его къ добру, сколько возможно, ставши во главѣ тѣхъ, которые шли къ свѣту. Но это рѣшеніе, столь простое теперь, не было легкимъ тогда.

Въ то время требовались необыкновенныя способности умственныя, чтобы вѣрно угадать и опредѣлить силу и значеніе новыхъ элементовъ, вторгавшихся въ народную жизнь; требовалась и чрезвычайная сила характера, чтобы твердо ступить на новую дорогу и неуклонно итти по ней. И то и другое нашлось у Петра; но не было ни того, ни другого въ предшествующія ему правленія. Царствованіе Алексѣя Михайловича, безспорно, стремилось къ какому-то совершенствованію, общій характеръ его законодательства запечатлѣнъ любовью къ истинѣ и добру; правительство хотѣло улучшеній разумныхъ, видѣло необходимость исправить многое. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ его распоряженія были всегда только полумѣрами, отзывались нерѣшительностью и робостью. Видно, что еще не постигали того, до какой степени необходима для древней Руси коренная реформа, уже давно приготовлявшаяся въ народной жизни. Алексѣй Михайловичъ, конечно, могъ бы замѣтить броженіе, бывшее въ народѣ, и могъ бы имъ воспользоваться для блага государства, подобно Петру; но у него не было той рѣшимости, той дѣятельной и упорной энергіи, какою обладалъ его сынъ. Поэтому онъ допустилъ обольстить себя своимъ вельможамъ и позволилъ себѣ повѣрить ихъ увѣреніямъ, что все хорошо. Морозовъ, Милославскій, Никонъ, Хитрово, поперемѣнно одинъ за другимъ, владѣли умомъ царя. Мейерберъ пишетъ, что «добрый Алексѣй находится совершенно въ осадѣ у своихъ вельможъ и любимцевъ, такъ что никому нѣтъ къ нему доступа. А эти любимцы скрываютъ отъ него и вопли угнетенныхъ ими, и нужды царства и пораженія войскъ русскихъ; если же не скрываютъ,

то представляютъ все въ такомъ видѣ, какъ это нужно для ихъ цѣлей» (см. Мейерберъ, стр. 87). Коллинсъ говоритъ еще больше; онъ утверждаетъ, что «царя Алексѣя Михайловича можно было бы поставить въ числѣ самыхъ добрыхъ и мудрыхъ правителей, если бы всѣ его благія намѣренія не направлялись къ злу боярами и шпіонами, которые, подобно густому облаку, окружаютъ его» (Коллинсъ, стр. 13). Такъ говорятъ иноземцы; такъ говорилъ и народъ. Во время бунта Разина былъ слухъ въ народѣ, что къ Степану Тимоѳеевичу бѣжалъ, дескать, царевичъ Алексѣй, по желанію самого царя, затѣмъ, чтобы съ помощью Разина перебить всѣхъ бояръ, которые окружаютъ его и отъ которыхъ онъ не знаетъ какъ отдѣлаться. Свидѣтельство объ этомъ сохранилось въ актахъ. (См. Акты Арх. Эксп., т. IV, стр. 239.)

Народъ никакъ не хотѣлъ приписывать самому Алексѣю Михайловичу что-нибудь дурное и твердо вѣрилъ, что всѣ тягостныя для него мѣры суть произведеніе коварныхъ бояръ, окружающихъ царя. Такъ дѣйствительно и было; но народу отъ этого не было легче, и мѣра терпѣнія его истощилась. «Общее неудовольствіе сословій, — говоритъ самъ г. Устряловъ въ своемъ Введеніи (стр. XXVII),—замѣтное въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, разразилось, по воцареніи сына его, страшнымъ бунтомъ въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ. Вскорѣ послѣ того вспыхнулъ бунтъ Коломенскій; тамъ поднялся на Дону Разинъ; тутъ взволновалась Малороссія. Даже мирная обитель Соловецкая возмутилась». Въ самомъ дѣлѣ, грустно становится и за Россію, и за добраго царя, когда читаешь, какими презрѣнными интригами

люди, окружающіе его, парализовали его добрыя намѣренія и раздражали народъ. Такъ, напр., первый мятежъ московскій — чѣмъ онъ былъ вызванъ? Тѣмъ, что Морозовъ и Милославскій постарались объ увеличеніи нѣкоторыхъ налоговъ да поставили на всѣ теплыя мѣста своихъ родственниковъ, которые не только обирали просителей, но еще дѣлали имъ при этомъ всевозможныя грубости. Сначала неудовольствіе было глухо и не выходило изъ предѣловъ законности: много челобитныхъ подано было на имя государя, только онѣ не доходили до него. Тогда народъ нашелъ случай окружить царя на площади (въ концѣ мая 1648 г.) и смиренно умолялъ его удалить своихъ ненасытныхъ и неправедныхъ совѣтниковъ. Царь обѣщалъ самъ разсмотрѣть дѣло и наказать виноватыхъ; народъ, полный радостнаго довѣрія къ его слову, съ восторгомъ выслушалъ его рѣшеніе и, точно въ великій праздникъ, бѣжалъ за царемъ съ торжественными кликами до самыхъ кремлевскихъ воротъ. Но это свѣтлое, радостное настроеніе народа было потревожено клевретами Милославскаго и Морозова, которые вздумали ругать и даже бить тѣхъ, которые жаловались царю. Народная сила приняла другое направленіе: разграблены были домы временщиковъ, растерзаны нѣкоторые изъ ихъ родственниковъ, ихъ самихъ потребовалъ народъ для казни. И тутъ-то во всей силѣ явилось великодушіе Алексѣя и приверженность къ нему народа, доказавшая, что между царемъ и народомъ до сихъ поръ собственно не было ничего, кромѣ недоразумѣнія. Все волненіе было прекращено тѣмъ, что удалены отъ должностей виновные въ притѣсненіяхъ народа и что царь явился самъ къ народу на площадь и просилъ

его забыть поступки Морозова, въ уваженіе тѣхъ услугъ, какія оказалъ онъ государю. Та же сцена народной преданности повторилась теперь: народъ, бросившись на колѣни, воскликнулъ: «пусть будетъ, что угодно Богу и тебѣ, государь; мы всѣ дѣти твои!» И все было успокоено въ Москвѣ, потому что всѣ остались довольны справедливостью и великодушіемъ царя.

Но, исправивши дѣло въ Москвѣ, не подумали о томъ, чтобы удалить поводы къ волненіямъ въ другихъ мѣстахъ, и вскорѣ поднялся народъ во Псковѣ и Новгородѣ и избилъ многихъ ненавистныхъ ему чиновниковъ, а потомъ писалъ, что дѣлалъ такъ «къ великому государю радѣніемъ». Алексѣй Михайловичъ видѣлъ, откуда происходитъ бѣда, старался самъ входить въ дѣла болѣе прежняго, довѣрять любимцамъ менѣе; но не могъ онъ совершенно освободиться отъ старыхъ преданій, не пошелъ путемъ реформъ, а хотѣлъ поправить дѣло путемъ непримѣтныхъ, постепенныхъ улучшеній, хотѣлъ достигнуть цѣли полумѣрами, понемножку подвигая дѣло. Возстаніе Разина, волненія въ Малороссіи, безуспѣшная война съ Польшей и Швеціей, исторія Никона и образованіе раскольничьихъ сектъ служили ему отвѣтомъ. Онъ долженъ былъ убѣдиться, что не можетъ, при мягкости своего характера и при обычной древнимъ московскимъ государямъ отчужденности отъ народа, разрѣшить великіе вопросы, которые задавала ему народная жизнь. Разрѣшить эти вопросы суждено было энергическому Петру.

Да, Петръ разрѣшилъ вопросы, давно уже заданные правительству самою жизнью народной, — вотъ его значеніе, вотъ его заслуги. Напрасно приверженцы старой Руси утверждаютъ, что то, что

внесено въ нашу жизнь Петромъ, было совершенно несообразно съ ходомъ историческаго развитія русскаго народа и противно народнымъ интересамъ. Обширныя преобразованія, противныя народному характеру и естественному ходу исторіи если и удаются на первый разъ, то не бываютъ прочны. Преобразованія же Петра давно уже сдѣлались у насъ достояніемъ народной жизни, и это одно уже должно заставить насъ смотрѣть на Петра какъ на великаго историческаго дѣятеля, понявшаго и осуществившаго дѣйствительныя потребности своего времени и народа, а не какъ на какой-то внезапный скачекъ въ нашей исторіи, ничѣмъ не связанный съ предыдущимъ развитіемъ народа. Этотъ послѣдній взглядъ, раздѣляемый многими, происходитъ, конечно, оттого, что у насъ часто обращаютъ вниманіе преимущественно на внѣшнія формы жизни и управленія, въ которыхъ Петръ, дѣйствительно, произвелъ рѣзкое измѣненіе. Но если всмотрѣться въ сущность того, что скрывается подъ этими формами, то окажется, что переходъ вовсе не такъ рѣзокъ, съ той и съ другой стороны, — т. е. что во время предъ Петромъ въ насъ не было такого страшнаго отвращенія отъ всего европейскаго, а теперь — нѣтъ такого совершеннаго отреченія отъ всего азіатскаго, какое намъ обыкновенно приписываютъ. Словомъ — внимательное разсмотрѣніе историческихъ событій и внутренняго состоянія Россіи въ XVII столѣтіи можетъ доказать, что Петръ, рядомъ энергическихъ правительственныхъ реформъ, спасъ Россію отъ насильственнаго переворота, котораго начало оказалось уже въ волненіяхъ народныхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и въ бунтахъ стрѣлецкихъ.

И до Петра было у насъ сближеніе съ Европою, были заимствованія отъ иноземцевъ, были нововведенія. Но все это дѣлалось робко, какъ бы случайно, безъ всякаго плана, безъ строго-опредѣленной идеи. Въ общемъ признаніи превосходства иностранцевъ и въ необходимости пользоваться ихъ услугами — равно были убѣждены какъ правительство, такъ и народъ. Но далѣе, въ опредѣленіи того, что именно заимствовать у иноземцевъ, правительство не сходилось съ народомъ до временъ Петра. Предшественники Петра полагали возможнымъ пользоваться услугами иностранцевъ, ничего отъ нихъ не заимствуя для народной жизни, не перенимая ни ихъ нравовъ и обычаевъ, ни образованія. Такъ, со временъ Бориса Годунова у насъ постоянно увеличивалось число иностранныхъ офицеровъ при войскѣ; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ наняты были иноземные полки и сдѣлана попытка устройства русскихъ полковъ по иноземному образцу; при Алексѣѣ Михайловичѣ число иноземцевъ особенно увеличилось: въ одномъ 1661 г., по розысканіямъ г. Устрялова (т. I, стр. 181), выѣхало въ Россію до 400 человѣкъ. Большая часть иноземныхъ офицеровъ была вызываема за тѣмъ, чтобъ обучать русскія войска «иноземному строю». Въ послѣдній годъ жизни Ѳеодора Алексѣевича у насъ было уже 63 полка, образованныхъ по иностранному образцу (т. I, стр. 184). Но все это, по сознанію самого г. Устрялова (Введ., стр. XXIX), «нисколько не измѣнило нашей системы войны: мы ополчались попрежнему, сражались по старинѣ, нестройными массами, и царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ откровенно сознался земскому собору, что даже турки превосходили насъ въ воинскомъ искус-

ствѣ». Отчего происходили такіе странные, на первый взглядъ, результаты? Оттого, разумѣется, что военное искусство, точно также какъ и все другое, не можетъ быть усовершенствовано *сепаратно*, безъ всякаго отношенія къ другимъ предметамъ управленія и жизни народной. Петръ Великій, по собственному признанію въ одномъ приказѣ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, также имѣлъ въ виду прежде всего воинское образованіе, но онъ понялъ связь его со всѣми другими частями государственнаго устройства. Предшественники его не понимали этой связи и думали улучшить ратное дѣло въ Россіи, вовсе не касаясь другихъ сторонъ государственаго управленія и предполагая, что совершенство ратнаго строя можетъ все поддержать и поможетъ имъ возвеличить Россію, даже при отсутствіи всякихъ другихъ совершенствъ. Но оказалось совершенно противное: какъ ни бились иноземные офицеры и полковники, а древняя Русь не только не достигла, съ ихъ помощью, величія предъ врагами, но и просто воинскаго искусства-то не пріобрѣла. Объясненіе этого замѣчательнаго факта заключается именно въ томъ обстоятельствѣ, что военное искусство хотѣли у насъ развить совершенно одиноко, не думая, въ связи съ нимъ, ни о какомъ другомъ развитіи. Вотъ что находимъ по этому поводу въ книгѣ г. Устрялова:

Въ сущности русское войско при царевнѣ Софіи немногимъ отличалось отъ ратныхъ ополченій временъ Годунова и Іоанна Грознаго: названіе рейтаръ, копейщиковъ, драгунъ, солдатъ, также нѣкоторая перемѣна оружія по иностраннымъ образцамъ, самое раздѣленіе на полки и роты, подъ начальствомъ иностранныхъ полковниковъ, ротмистровъ и капитановъ — ничто не могло переродить старыхъ воиновъ Руси: попрежнему они остались тѣми же

дворянами, боярскими дѣтьми, городовыми козаками, вообще землевладѣльцами разныхъ названій болѣе или менѣе обширныхъ помѣстьевъ, отъ 800 дворовъ до 5 четвертей земли, — какими были за сто лѣтъ предъ симъ, попрежнему большую часть года проживали въ деревняхъ и дворахъ, разсѣянныхъ по волостямъ и станамъ, хлопоча болѣе о насущномъ хлѣбѣ, о домашнемъ хозяйствѣ, о прокормленіи себя и семейства, чѣмъ о военной службѣ. Карабинъ и сабля спокойно по цѣлымъ мѣсяцамъ висѣли на стѣнѣ, покрываясь ржавчиной; воинъ-помѣщикъ возился съ сохою, мололъ муку, или ѣздилъ по ярмаркамъ и торговалъ чѣмъ могъ. Собрать ихъ въ походъ было столь же трудно, какъ и прежде: не взирая на самые строгіе указы, тысячи дворянъ, рейтаръ, солдатъ сказывались въ *нѣтьхъ;* самые иноземцы, бездомные капитаны, голодною и жадною толпою приходившіе въ Россію, заживались въ пожалованныхъ имъ помѣстьяхъ и до того облѣнивались, что нерѣдко доживались въ своей деревнѣ до третьяго *нѣта,* поплачиваясь за каждый *нѣтъ* своею спиною подъ батожьемъ; послѣ третьяго *нѣтъ* ихъ обыкновенно выгоняли за границу (сотни примѣровъ можно найти въ разборныхъ книгахъ съ 1671 г. по 1700). (Т. I, стр. 187—188.)

Изъ этого ясно, что присутствіе военныхъ иностранцевъ въ Россіи гораздо болѣе дѣйствовало на характеръ и образъ жизни ихъ самихъ, нежели на развитіе нашего военнаго искусства. Иностранцы эти составляли у насъ до Петра какое-то государство въ государствѣ, совершенно особое общество, ничѣмъ не связанное съ Россіей, кромѣ офиціальныхъ отношеній: жили себѣ всѣ они кучкой, въ Нѣмецкой Слободѣ, ходили въ свои *кирхи,* судились въ иноземномъ приказѣ, слѣдовали своимъ обычаямъ, роднились между собой, не смѣшиваясь съ русскими, презираемые высшею боярскою знатью, служа предметомъ ненависти духовенства. Ихъ допускали и даже звали въ Россію такъ, какъ теперь допускаютъ и даже ищутъ иностранныхъ фокусни-

ковъ, камердинеровъ, парикмахеровъ и пр. Но отношенія къ нимъ были именно въ томъ родѣ, что ты, дескать, на меня работай, — это мнѣ нужно, — но въ мои отношенія не суй своего носа и фамильярничать со мною не смѣй. Г. Устряловъ замѣчаетъ (т. II, стр. 117), что «рѣдкій сановникъ, даже изъ средняго круга, не говоря о высшемъ, водилъ хлѣбъ-соль съ обывателями Нѣмецкой Слободы. Служилые иноземцы самыхъ отличныхъ достоинствъ и заслугъ, не взирая на ихъ генеральскіе чины, на раны и подвиги, никогда не могли стать на ряду съ русскими. Никогда наши государи не приглашали ихъ къ своему столу, не допускали ихъ въ царскую думу; они знали только свои полки и ходили, куда прикажетъ Разрядъ. Въ жалованныхъ войскамъ грамотахъ, по окончаніи походовъ, иноземные генералы и полковники упоминались ниже городовыхъ дворянъ, жильцовъ и дѣтей боярскихъ; при торжественныхъ выходахъ они занимали мѣсто ниже гостей и купцовъ».

Такія же точно отношенія русское правительство до Петра наблюдало и съ другими иноземцами, не военными. Такъ, со временъ Михаила Ѳеодоровича у насъ при дворѣ были постоянно иностранные врачи, но никто не подумалъ перенять отъ нихъ медицинскія свѣдѣнія. Были у насъ издавна пушкари, инженеры иноземные, но они дѣлали свое дѣло, не передавая своего искусства русскимъ. Являлись промышленники всякаго рода; но они только пользовались возможными выгодами, такъ что русскіе даже жаловались на притѣсненія отъ нихъ. Явился, напримѣръ, у насъ *бараборецъ* (гамбургецъ) Марселисъ съ голландцемъ Акамою, выхлопоталъ позволеніе отыскивать руду по всей Россіи и вско-

рѣ основалъ Ведменскій желѣзный заводъ; и заводъ этотъ около 50 лѣтъ оставался въ исключительномъ владѣніи его дома. Англійскіе и голландскіе торговцы получали разныя льготы и привилегіи въ Россіи, но не оживляли нашей торговли своимъ участіемъ. Всѣ эти факты убѣждаютъ насъ, что тогдашнимъ административнымъ и правительственнымъ дѣятелямъ, дѣйствительно, чуждо было, по выраженію г. Устрялова (Введ., стр. XXVIII), «то, чѣмъ европейскіе народы справедливо гордятся предъ обитателями другихъ частей свѣта, — внутреннее стремленіе къ лучшему, совершеннѣйшему, самобытное развитіе своихъ силъ умственныхъ и промышленныхъ, ясное сознаніе необходимости образованія народнаго». Да, отсутствіе этого сознанія ясно во всѣхъ нашихъ отношеніяхъ къ иноземцамъ, въ до-петровское время.

Еще болѣе противодѣйствовало иноземцамъ духовенство XVII вѣка. Въ IX приложеніи къ первому тому «Исторіи Петра Великаго» напечатано завѣщаніе патріарха Іоакима, въ которомъ онъ настоятельно требуетъ, чтобы иноземцы лишены были начальства въ русскихъ войскахъ. Вотъ извлеченіе, какое приводитъ изъ этого завѣщанія г. Устряловъ въ текстѣ своей исторіи (т. II, стр. 115—116):

Молю ихъ царское пресвѣтлое величество благочестивыхъ царей, и предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ заповѣдываю, да возбранятъ проклятымъ еретикамъ иновѣрцамъ начальствовать въ ихъ государскихъ полкахъ надъ своими людьми, но да велятъ отставить ихъ, враговъ христіанскихъ, отъ полковыхъ дѣлъ всесовершенно, потому что иновѣрцы съ нами, православными христіанами, въ вѣрѣ не единомысленны, въ преданіяхъ отеческихъ несогласны, церкви, матери нашей, чужды: какая же можетъ быть помощь отъ нихъ, проклятыхъ еретиковъ, православному

вонинству? Токмо гнѣвъ Божій наводятъ! Православные христіане, по чину и обычаю церковному, молятся Богу; а они спятъ, еретики, и свои мерзкія дѣла исполняютъ. Христіане, чествуя пречистую Дѣву Богородицу, просятъ ее, небесную заступницу, и всѣхъ святыхъ о помощи; еретики же, не почитая ни Богоматери, ни угодниковъ Божіихъ, ни святыхъ иконъ, смѣются и ругаются христіанскому благочестію. Христіане постятся, они никогда: *ихъ же Богъ — чрево,* по слову апостольскому. Хотя и съ полками ходятъ, да Бога съ нимъ нѣтъ: какая же можетъ быть отъ нихъ польза?

Развѣ нѣтъ въ благочестивой царской державѣ своихъ военачальниковъ? Мало ли у насъ людей, искусныхъ въ ратоборствѣ и полковомъ устроеніи? И прежде, въ древнихъ лѣтахъ, и въ нашей памяти, иновѣрцы предводительствовали россійскими полками: какая же была отъ нихъ польза? Никакой. Явно, что они — враги Богу, пречистой Богородицѣ и святой церкви. Христіане православные болѣе за вѣру и Церковь Божію, нежели за отечество и домы свои, не щадя жизни, на браняхъ души свои полагаютъ; а они, еретики, о томъ и не думаютъ!.. Дивлюсь я царскимъ палатнымъ совѣтникамъ и правителямъ, которые бывали въ чужихъ краяхъ на посольствахъ: развѣ не видѣли они, что въ каждомъ государствѣ есть свои нравы, обычаи, одежды, что людямъ иной вѣры тамъ никакихъ достоинствъ не даютъ, и чужеземцамъ молитвенныхъ храмовъ строить не дозволяютъ? Есть ли гдѣ въ нѣмецкихъ земляхъ благочестивыя вѣры церковь? Нѣтъ ни одной! А здѣсь — чего и не бывало, то еретикамъ дозволено: строятъ себѣ, для еретическихъ, проклятыхъ сборищъ, мольбищныя храмины, въ которыхъ благочестивыхъ людей злобно клянутъ и лаютъ идолопоклонниками и безбожниками.

Еще рѣшительнѣе духовенство сопротивлялось вторженію иноземныхъ обычаевъ въ русскую жизнь. Грозныя проклятія постигали тѣхъ, которые перенимали разные нѣмецкіе обряды и моды. Для примѣра довольно указать на одинъ изъ самыхъ невинныхъ обычаевъ — бритье бороды. Еще патрі-

архъ Филаретъ возставалъ противъ бривших бороды, потомъ Іосифъ и наконецъ Адріанъ въ своемъ окружномъ посланіи, писанномъ уже въ первые годы единодержавія Петра. (См. «Исторію Петра». т. III, стр. 193—194.)

Въ посланіи этомъ выражается частью вообще духъ того времени, частью же личный характеръ Адріана, отличавшагося приверженностью къ старинѣ столько же, какъ и предшественникъ его, патріархъ Іоакимъ. Но независимо отъ этого, въ его посланіи находимъ мы свидѣтельство о томъ, что обычай брить бороды начался въ Россіи со временъ самозванцевъ и съ тѣхъ поръ, несмотря на многія запрещенія, постоянно распространялся до временъ царя Алексѣя Михайловича.

Вообще, изъ разсмотрѣнія множества фактовъ, относящихся къ внутреннему состоянію Россіи предъ Петромъ, оказывается несомнѣнно, что сближеніе съ иноземцами и заимствованіе отъ нихъ обычаевъ мало-по-малу являлось въ народѣ вовсе не вслѣдствіе административныхъ мѣръ, а просто само собою, по естественному ходу событій и жизни народной. Высшая администрація, какъ духовная, такъ и свѣтская, усиливалась, напротивъ того, отвратить народъ отъ иноземныхъ обычаевъ, стараясь представить ихъ беззаконными и нелѣпыми. Не мудрено при этомъ, что въ народѣ долгое время обнаруживалось недовѣріе и презрѣніе къ иностранцамъ, въ особенности по тому случаю, что иностранцы часто получали въ Россіи выгоды и относительный почетъ за такія дѣла, пользы которыхъ народъ еще не понималъ или не признавалъ. Такъ вооружался онъ противъ иностранныхъ докторовъ, ученыхъ, особенно астрономовъ, которыхъ считалъ

колдунами. Недовѣріе иногда переходило въ ненависть, и тогда народъ преслѣдовалъ бусурмановъ, такъ что правительство должно было въ этихъ случаяхъ неоднократно издавать особые указы для защиты иноземцевъ отъ обидъ и оскорбленій. Но при всемъ томъ вліяніе иностранцевъ было сильнѣе на народъ, нежели на администрацію. Не говоря о другихъ сторонахъ жизни народной, при Алексѣѣ Михайловичѣ стали бояться вліянія иностранцевъ даже въ религіозномъ отношеніи. Въ Уложеніи (гл. XXII, ст. 24) есть статья, въ которой говорится, что если бусурманъ обратитъ русскаго человѣка въ свою вѣру, то бусурмана того «по сыску казнить: сжечь огнемъ безъ всякаго милосердія». Изъ того же опасенія происходило, по свидѣтельству Кошихина, затрудненіе въ поѣздкѣ за границу, если бы кто захотѣлъ изъ русскихъ людей. Въ Уложеніи есть, правда, статья, говорящая, что «кому случится ѣхать изъ Московскаго государства, для торговаго промыслу или инаго для какого своего дѣла, въ иное государство, которое государство съ Московскимъ государствомъ мирно, — и тому на Москвѣ бити челомъ государю, а въ городѣхъ воеводамъ о проѣзжей грамотѣ, а безъ проѣзжей грамоты ему не ѣздити. А въ городѣхъ воеводамъ давати имъ проѣзжія грамоты безъ всякаго задержанія» (гл. VI, ст. 1). Но, вѣроятно, много было какихъ-нибудь затрудненій въ этомъ случаѣ, потому, что Кошихинъ говоритъ, что кромѣ какъ по царскому указу да по торговымъ дѣламъ, никто не ѣздитъ за границу: «*не поволено!*» А не поволено потому, что опасались, по свидѣтельству Кошихина, что, «узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали бъ свою вѣру отмѣнять и приста-

вать къ инымъ». Да и за тѣхъ, которые ѣздятъ для торговли, собирали, по словамъ Кошихина, «по знатныхъ нарочитыхъ людяхъ поручныя записи, за крѣпкими поруками» (Коших., стр. 41). Если же кто вздумалъ бы съѣздить за границу безъ проѣзжей грамоты, и это бы открылось, то его пытавши казнили смертію, въ случаѣ когда бы открылось, что онъ ѣздилъ «для какого дурна»; когда же оказалось бы, что онъ ѣздилъ дѣйствительно для торговли, то его только били кнутомъ, «чтобы инымъ неповадно было» (Улож., гл. VI, ст. 4). Ясно что вообще за границу отпускали неохотно, а между тѣмъ были люди, понимавшіе, что намъ необходимо учиться у нѣмцевъ: одинъ голосъ Кошихина самъ по себѣ уже можетъ служить доказательствомъ.

Само собою разумѣется, что важность истиннаго образованія не сразу была понята русскими, и что съ перваго раза имъ бросились въ глаза внѣшнія формы европейской жизни, а не то, что было тамъ выработано въ продолженіе вѣковъ, для истиннаго образованія и облагороженія человѣка. Многіе обвиняютъ Петра Великаго въ томъ, что онъ внесъ въ Русь только внѣшность европейской образованности; но это вина вовсе не Петра. Мудрено было требовать отъ русскихъ XVII вѣка, чтобы они принялись усвоивать себѣ существенные плоды иноземныхъ знаній и искусствъ, не обративъ вниманія на внѣшность и не заимствовавъ ничего дурного и безполезнаго, вмѣстѣ съ полезнымъ и необходимымъ. Мы имѣемъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ, что русскіе и до Петра принимались уже подражать иностранцамъ, и подражать именно во внѣшности. Начинается это съ самаго двора. При Алексѣѣ Михайловичѣ являются у насъ нѣмец-

кіе комедіанты, играющіе на органахъ, въ трубы трубящіе, балансирующіе на канатахъ и представляющіе разныя *дѣйства*. Чтобы смотрѣть на это потѣшное зрѣлище, бояре, окольничіе, думные дворяне и пр. нарочно должны были ѣхать изъ Москвы въ Преображенское. Мало того: Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ заставилъ дворовыхъ людей своихъ учиться потѣшному искусству у заморскихъ комедіантовъ, а не заставилъ же учиться чему-нибудь другому, у другихъ иноземцевъ, бывшихъ въ Москвѣ, — медицинѣ, напр., или хоть бы инженерному искусству . . .

То же самое было и въ народѣ. Несмотря на запрещенія правительства и особенно духовенства, иноземныя моды распространялись и утверждались. Изъ обличеній Адріана видно, что при немъ на Москвѣ уже не рѣдкостью былъ обычай брить бороду. Появлялась уже и иноземная одежда: сохранился разсказъ о бояринѣ Никитѣ Ивановичѣ Романовѣ, который не только самъ одѣвался, но и прислугу свою одѣвалъ въ нѣмецкія одежды, и у котораго взялъ и сжегъ ихъ патріархъ Никонъ. Кромѣ того сохранился указъ о «неношеніи платья и нестриженіи волосъ по иноземному обычаю», данный уже въ послѣдній годъ царствованія Алексѣя Михайловича. Въ немъ объявляется (Полн. собр. зак., № 607, 6 авг. 1675 г.): «Стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ московскимъ, и жильцамъ указалъ великій государь свой государевъ указъ сказать, чтобы они иноземскихъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосовъ у себя на головѣ не постригали, такожь и платья, кафтановъ и шапокъ, съ иноземскихъ образцовъ не носили, и людемъ своимъ потому жь носить не велѣли. А будетъ кто впредь

учнетъ волосы подстригать и платье носить съ инозем-скаго образца, или такое жъ платье объявится на людяхъ ихъ: и тѣмъ отъ великаго государя быть въ опалѣ, и изъ вышнихъ чиновъ написаны будутъ въ нижніе чины». Не очевидно ли проявляется въ этомъ стараніе задержать распространеніе иноземной моды?

Но особенно сильно возставали постановленія до-петровскія противъ табаку, и однако, по свидѣтельству иноземцевъ, употребленіе табаку было особенно распространено между русскими въ концѣ XVII в. Гюи-Мьежъ, бывшій у насъ посланникомъ около этого времени, говоритъ, что «русскіе готовы все сдѣлать и все отдать за табакъ». Между тѣмъ законъ страшно вооружался противъ табаку, до самыхъ временъ Петра. Уложеніе (гл. XXV, ст. 11. и сл.) повторяетъ указъ Михаила Ѳеодоровича, которымъ «на Москвѣ и въ городѣхъ о табакѣ заказъ учиненъ крѣпкой подъ смертной казнью, чтобъ нигдѣ русскіе люди и иноземцы всякіе табаку у себя не держали и не пили и табакомъ не торговали. А кто русскіе люди и иноземцы табакъ учнутъ держати или табакомъ учнутъ торговати, и тѣхъ продавцовъ и купцовъ велѣно имати, и присылати въ Новую четверть, и за то тѣмъ людямъ чинити наказанье большое безъ пощады, подъ смертною казнью, и дворы ихъ и животы имая продавать, а деньги имати въ государеву казну». Въ слѣдующихъ статьяхъ говорится, что нужно пытать тѣхъ, у кого окажется табакъ, чтобы узнать, отъ кого они его получили; а затѣмъ пытать и тѣхъ, на кого они укажутъ. Если же кто скажетъ, что табакъ имъ найденъ, или къ нему подкинутъ, то его пытать; и если подъ пыткою станетъ гово-

рить все одно и то же, то его «свобожати *безпенно*», — только «за табачную находку *бити кнутомъ на козлѣ*» (ст. 14). «А которые стрѣльцы, и гулящіе, и всякіе люди съ табакомъ будутъ въ приводѣ дважды или трижды, и тѣхъ людей пытати, и не одинова, и бити кнутомъ на козлѣ или по торгомъ; а за многіе приводы у такихъ людей пороти ноздри и носы рѣзати, а послѣ пытокъ и наказанья ссылати въ дальніе городы, гдѣ государь укажетъ, чтобъ на то смотря инымъ такъ не повадно было дѣлати» (ст. 16).

Въ 1661 г. іюня 3 подтверждено было запрещеніе о табакѣ «подъ казнью и подъ большою заповѣдью: что велятъ имъ чинить *жестокое* наказаніе и пени велятъ на нихъ имать денежныя большія» (Полн. собр. зак., т. I, № 299). Самъ указъ угрожаетъ *жестокою* казнью: какая казнь могла считаться жестокою въ то время, когда отсѣченіе руки и обѣихъ ногъ было только облегченіемъ прежней казни смертной (Полн. собр. зак., № 510), когда били кнутомъ невьянскаго приказчика за то, что онъ не далъ подводъ, недалеко отъ Тобольска, царскимъ сокольникамъ, которые по этому должны были нанять себѣ подводы за 40 алтынъ (Акты Истор., т. IV, № 64). И несмотря на всѣ эти жестокія казни, употребленіе табаку распространялось. Правы ли же раскольники, укоряя Петра въ потворствѣ *табачникамъ* за то, что онъ дозволилъ вольный провозъ и продажу табаку, и даже велѣлъ отвести въ Москвѣ *палаты* для торга имъ? (Полн. собр. зак., т. III, № 1570). Онъ поступилъ просто, какъ мудрый администраторъ: видя, что нѣтъ средствъ отвратить контрабанду даже казнью и «пороньемъ ноздрей», онъ дозволилъ ввозъ запрещеннаго зелья и такимъ

образомъ сдѣлалъ изъ него, по крайней мѣрѣ, статью государственнаго дохода . . .

Но мы оставляемъ до слѣдующей статьи обозрѣніе того, что сдѣлалъ Петръ и какъ онъ отнесся къ старой партіи, встрѣтившей его съ самаго начала противодѣйствіемъ всѣмъ его намѣреніямъ. Теперь же мы повторимъ только, что преобразованія Петра не должны быть разсматриваемы иначе какъ въ связи съ развитіемъ народныхъ стремленій. И если когда-нибудь будущій историкъ Петра возьмется за свой трудъ именно съ этой мыслью, то онъ, конечно, представитъ намъ въ совершенно ясномъ свѣтѣ многія явленія народной жизни, о которыхъ мы теперь едва имѣемъ слабое понятіе. Множество матеріаловъ, собранныхъ или указанныхъ нынѣ г. Устряловымъ, могутъ значительно облегчить работу будущаго изслѣдователя. Тогда только и можетъ составиться истинная *исторія* царствованія Петра, во всей силѣ и обширности ученаго ея значенія, а не біографія историческаго лица, съ изложеніемъ событій, имѣющихъ отношеніе къ этому лицу. Тогда объяснится въ подробностяхъ многое, о чемъ теперь мы можемъ судить только вообще. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ исторія писалась преимущественно въ смыслѣ внѣшне-государственномъ, такъ что о внутренней жизни народа мы имѣемъ только отрывочныя свѣдѣнія, да и тѣми дорожили до сихъ поръ очень мало. Но стоитъ разъ обратиться исторіи на этотъ путь, стоитъ разъ сознать, что въ общемъ ходѣ исторіи самое большое участіе приходится на долю народа, и только весьма малая доля остается для отдѣльныхъ личностей, — и тогда историческія свѣдѣнія о явленіяхъ внутренней жизни народа будутъ имѣть го-

раздо болѣе цѣны для изслѣдователей и, можетъ быть, измѣнятъ многія изъ доселѣ господствовавшихъ историческихъ воззрѣній. Можетъ быть, этотъ живой взглядъ будетъ обращенъ со временемъ на исторію древней Руси. Предшественники Петра старались поддерживать старину, и, видя зло, думали поправить его, починивая кое-гдѣ старую систему. Несмотря на то, старая система все падала, все становилась хуже, все болѣе и болѣе возбуждала негодованіе народа, который чувствовалъ необходимость новаго, но не зналъ гдѣ и какъ его искать. По незнанію своему, онъ, разумѣется, перенималъ всякую дрянь. Его преслѣдовали, казнили за это, но не измѣняли условій народной жизни, не давали возможности перенимать хорошее. Разладъ стараго съ новымъ дѣлался все ощутительнѣе, и лишенное яснаго сознанія, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ цѣлей, безъ знанія и безъ руководителя, это стремленіе къ новому и негодованіе противъ непоправимой старины могло бы сдѣлаться источникомъ долгихъ бѣдствій для государства, при дальнѣйшемъ упорствѣ старинной партіи. Но Петръ понялъ потребности и истинное положеніе народа, понялъ негодность прежней системы и рѣшительно ступилъ на новую дорогу. Переворотъ, совершенный имъ, былъ быстръ, но не былъ насильственъ.

II.

Нововведенія Петра не были насильственнымъ переворотомъ въ самой сущности русской жизни; напротивъ, многія изъ нихъ были вызваны дѣйствительными нуждами и стремленіями народа и вытекали очень естественно изъ хода историческихъ

событіи древней Руси. Эта мысль, составившая содержаніе нашей прошедшей статьи, ожидаетъ еще обширной фактической разработки; но мы не сомнѣваемся, что чѣмъ болѣе станемъ мы сводить факты народной жизни за вторую половину XVII и первую четверть XVIII вв., тѣмъ яснѣе будетъ выказываться соотвѣтствіе между ними, вмѣсто представляющагося на первый разъ противорѣчія. Кромѣ мысли объ общихъ законахъ историческаго развитія, въ естественной законности Петровской реформы насъ можетъ убѣдить еще одно соображеніе, относящееся къ лицу самого Петра. Петръ по своему воспитанію и по кореннымъ убѣжденіямъ принадлежалъ своему времени и народу; онъ не былъ въ нашей исторіи явленіемъ внѣшнимъ и чуждымъ. Петровскія преобразованія никакъ нельзя сравнивать съ такими явленіями, какъ, напр., обновленіе древняго римскаго міра черезъ внесеніе въ него новыхъ элементовъ изъ германскихъ народностей. Петръ не внесъ чуждыхъ принциповъ въ тѣ элементы государственнаго устройства, которые г. Устряловъ называетъ *основными;* онъ даже не могъ ихъ коснуться, при всей рѣшимости своего характера, именно потому, что такое коренное измѣненіе не было выработано въ народномъ сознаніи. Какъ ни высоко сталъ Петръ своимъ умомъ и характеромъ надъ древнею Русью, но все же онъ вышелъ, если не изъ народа, то, по крайней мѣрѣ, изъ среды того самаго общества, которе долженъ былъ преобразовать. Мысль преобразованія, приведенная имъ въ исполненіе, была, слѣдовательно, доступна этому обществу и могла проявляться въ различныхъ его членахъ, хотя не въ такой степени развитія, какъ въ пылкой энергической натурѣ Петра. Въ

этомъ отношеніи весьма любопытно было бы прослѣдить тѣ вліянія, которымъ подвергался Петръ въ своемъ семействѣ и въ обществѣ приближенныхъ людей, во время своего дѣтства и первой юности. Здѣсь біографическій интересъ не лишенъ былъ бы и обще-историческаго характера, показывая степень развитія и направленіе стремленій того общества, которое произвело необыкновенную натуру преобразователя. Разумѣется, въ историческомъ отношеніи не важны сами по себѣ мелочи домашней жизни государственнаго человѣка; но въ иныхъ случаяхъ эти мелочи являются намъ какъ ближайшіе поводы важныхъ событій историческихъ, т. е., по общественной пословицѣ, какъ «малыя причины великихъ слѣдствій». Пословица эта, въ высшемъ историческомъ смыслѣ, есть, конечно, не что иное какъ несправедливая пошлость; но она не лишена основательности, если относить ее не къ *причинамъ*, а къ ближайшимъ *поводамъ* событій. Конечно, довольно забавно слышать, что хотя бы, напр., причиною спасенія Рима отъ галловъ были гуси; но все-таки (признавая фактъ справедливымъ) нельзя не согласиться, что именно гуси пробудили спавшихъ римскхъ воиновъ. Такъ точно и семейныя отношенія государственныхъ лицъ хотя въ сущности не могутъ быть истинными причинами историческихъ событій, но во многихъ случаяхъ служатъ ближайшимъ ихъ поводомъ. Это бываетъ именно тогда, когда, по ходу историческаго развитія народа, выдвигаются изъ общей массы нѣкоторыя фамиліи и лица, въ полное распоряженіе которыхъ переходитъ судьба народа. Такъ, напр., въ самомъ началѣ Римской имперіи исторія указываетъ намъ на семейныя огорченія Августа, какъ на

причины того, что въ послѣдніе годы своего правленія онъ не могъ отвратить тѣхъ бѣдствій, которымъ Римъ подвергся тогда извнѣ и внутри. Если хотите, это справедливо: забота о своей дочери очень разстраивала Августа и много мѣшала ему въ распоряженіяхъ на пользу Рима. Но въ самомъ-то дѣлѣ — какое же соотношеніе между исторіей дѣвицы Ливіи и паденіемъ Римской имперіи? Упадокъ Рима начался гораздо раньше; событія, бывшія слѣдствіемъ Актійской битвы, были уже результатами упадка народной доблести въ Римѣ, и если бъ дѣвицы Ливіи не было на свѣтѣ и Августъ наслаждался высочайшимъ семейнымъ благополучіемъ, — римская исторія не измѣнила бы своего хода. При всемъ томъ семейныя отношенія Августа входятъ въ исторію, потому что при немъ Римъ находился уже въ такомъ положеніи, что домашнія дѣла одного лица имѣли для него большое значеніе и могли служить поводомъ важныхъ государственныхъ событій. Большею частію мы видимъ въ исторіи народы и царства, въ которыхъ весьма важное вліяніе имѣютъ частныя отношенія отдѣльныхъ личностей, выдвинутыхъ впередъ ходомъ исторіи. Наша исторія не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія, и вотъ почему мы сказали, что прослѣдить семейныя и общественныя вліянія на Петра въ его дѣтскіе и юношескіе годы было бы любопытно не только въ біографическомъ, но и въ обще-историческомъ отношеніи.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о первыхъ годахъ жизни Петра совершенно неудовлетворительны. Даже исторія г. Устрялова, несмотря на свой преимущественно біографическій характеръ, почти ничего не даетъ въ этомъ отношеніи. Извѣстія о Петрѣ, хо-

тя сколько-нибудь подробныя и достовѣрныя, начинаются только съ шестнадцатаго года его возраста. Анекдоты, какіе до сихъ поръ разсказывали о дѣтствѣ Петра, отвергнуты г. Устряловымъ, какъ не имѣющіе историческаго основанія. Такъ, прежде всего онъ отвергаетъ и признаетъ нелѣпымъ гороскопъ Петра, будто бы составленный Симеономъ Полоцкимъ и Димитріемъ Ростовскимъ по теченію свѣтилъ небесныхъ. Въ прошедшемъ столѣтіи ему всѣ вѣрили безусловно; въ нынѣшнемъ возникли уже глубокомысленныя сомнѣнія въ томъ, чтобы Симеонъ и Димитрій могли дѣйствительно угадывать по звѣздамъ судьбу человѣка. Но самый фактъ предсказанія оставался неприкосновеннымъ. Полевой хотѣлъ объяснить его тѣмъ, что «надежда народа лелѣяла колыбель Петра своими предсказаніями». Подобнымъ образомъ недавно объяснялъ этотъ фактъ г. Щебальскій въ статьѣ своей о правленіи царевны Софіи, обратившей на себя общее вниманіе и отличающейся обиліемъ ошибокъ. Въ подтвержденіе факта предсказанія ссылается г. Щебальскій на переписку Гревія и Гейнзія относительно этого предмета. Переписка эта указана Штелиномъ, *профессоромъ аллегоріи* (какъ его удачно называетъ г. Устряловъ), который обнародовалъ даже вполнѣ письмо Гревія, въ которомъ онъ писалъ къ Гейнзію въ Москву, что сообщенныя имъ астрологическія знаменія провѣрены утрехтскими учеными и признаны справедливыми. Къ сожалѣнію, по изслѣдованіямъ г. Устрялова, оказалось, что Гейнзій выѣхалъ изъ Москвы за два года до рожденія Петра, и былъ въ Бременѣ въ то время, когда наши историки находятъ его въ Москвѣ «въ перепискѣ съ Гревіемъ». Письмо, обнародованное Штелиномъ, со-

ставляетъ, по всей вѣроятности, имъ же самимъ сочиненную аллегорію, чего отъ него, какъ отъ профессора аллегоріи, и ожидать слѣдовало. Исторія же о гороскопѣ, составленномъ Симеономъ и Димитріемъ, изобрѣтена «баснословцемъ» Крекшинымъ: ни въ рукописяхъ, ни въ печатныхъ сочиненіяхъ Симеона такого предсказанія нѣтъ; что же касается до Димитрія, то онъ вовсе и не былъ въ Москвѣ при рожденіи Петра; предсказаніе явно извлечено изъ событій уже совершившихся и составлено по смерти Петра.

Столь же неосновательными оказались и другіе разсказы о дѣтствѣ Петра, напр. о томъ, какъ, ради его храбрости, заведенъ былъ особый *Петровъ* полкъ въ зеленомъ мундирѣ, и Петръ, еще трехлѣтній младенецъ, назначенъ былъ его полковникомъ; какъ Петръ боялся воды и преодолѣвалъ свою боязнь; какъ онъ, будучи десяти лѣтъ, являлся предъ сонмищемъ раскольниковъ и грозно препирался съ ними, и пр. Все это большею частью баснословіе Крекшина; въ самомъ же дѣлѣ, по признанію г. Устрялова, «до пятнадцатилѣтняго возраста Петра мы не имѣемъ никакихъ средствъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ его душевныхъ способностей и можемъ только догадываться, какое вліяніе на его юность могли имѣть люди и событія» (т. I, стр. 10).

Самою естественною и справедливою представляется историку догадка, что воспитаніе Петра было таково же, какъ и другихъ царевичей въ древней Руси. Г. Устряловъ говоритъ, что, по всей вѣроятности, и Петра воспитывали такъ же, какъ, по разсказу Котошихина, обыкновенно воспитывали тогда дѣтей царскихъ. А Котошихинъ говоритъ объ этомъ

вотъ что: «Какъ царевичъ будетъ лѣтъ пяти, и къ нему приставятъ для береженія и наученія боярина, честью великаго, тиха и разумна, а къ нему придадутъ товарища, окольничего, или думнаго человѣка; также изъ боярскихъ дѣтей выбираютъ въ слуги и въ стольники такихъ же младыхъ, что и царевичъ. А какъ приспѣетъ время учити того царевича грамотѣ, и въ учители выбираютъ учительныхъ людей, тихихъ и не бражниковъ; а писать учить выбираютъ изъ посольскихъ подъячихъ; а инымъ языкомъ, латинскому, греческаго, нѣмецкаго, и никоторыхъ, кромѣ русскаго, наученія въ Россійскомъ государствѣ не бываетъ . . . А до 15 лѣтъ и больши царевича, кромѣ тѣхъ людей, которые къ нему уставлены, и кромѣ бояръ и ближнихъ людей, видѣти никто не можетъ (таковый бо есть обычай), а по 15 лѣтѣхъ укажутъ его всѣмъ людямъ, какъ ходитъ со отцомъ своимъ въ церковь и на потѣхи; а какъ увѣдаютъ люди, что ужъ его объявили, и изо многихъ городовъ люди на дивовище ѣздятъ смотрити его нарочно» (Коших., т. I, стр. 28). Слова Кошихина вполнѣ оправдываются тѣмъ, что извѣстно о первоначальномъ воспитаніи Петра. До пяти лѣтъ онъ былъ на рукахъ кормилицы и мамокъ, потомъ къ нему опредѣлены были дядьками двое Стрѣшневыхъ, одинъ бояринъ, другой думный дворянинъ. Учителемъ Петра былъ Зотовъ, подъячій приказа Большого прихода. При воспитаніи своемъ Петръ также имѣлъ и «младыхъ сверстниковъ» изъ дѣтей боярскихъ; изъ нихъ навѣрное извѣстны, впрочемъ, только двое: Григорій Лукинъ и Екимъ Воронинъ, оба убитые въ первомъ азовскомъ походѣ.

До сихъ поръ господствовало мнѣніе, что любовь къ европейскимъ обычаямъ и мысль о преобра-

зованіи Россіи внушилъ Петру Лефортъ. Карамзинъ, не одобряя вообще Петровой реформы, составилъ даже весьма категорическое изложеніе того, какимъ образомъ Петръ задумалъ реформу при посредствѣ Лефорта. «Къ несчастію, — говоритъ онъ, — сей государь, худо воспитанный, окруженный людьми молодыми, узналъ и полюбилъ женевца Лефорта, который отъ бѣдности заѣхалъ въ Москву, и весьма естественно находя русскіе обычаи для него странными, говорилъ ему объ нихъ съ презрѣніемъ, а все европейское возвышалъ до небесъ; вольныя общества Нѣмецкой Слободы, пріятныя для необузданной молодости, довершили Лефортово дѣло, и пылкій монархъ, съ разгоряченнымъ воображеніемъ, увидѣвъ Европу, захотѣлъ сдѣлать Россію Голландіею». Выраженія Карамзина очень рѣшительны, какъ будто бы выведенныя изъ несомнѣнныхъ фактовъ. Но г. Устряловъ опровергаетъ мнѣніе о томъ, что Лефортъ воспиталъ Петра, доказывая достовѣрными фактами и свидѣтельствами, что Петръ сблизился съ Лефортомъ не ранѣе 1689 г.—въ Троицкой лаврѣ, куда Лефортъ явился къ нему одинъ изъ первыхъ. Въ числѣ доказательствъ мнѣнія г. Устрялова, особенно любопытно открытое имъ свидѣтельство самого Петра о началѣ своего ученія. Свидѣтельство это находится въ «Историческомъ извѣстіи о началѣ морского дѣла въ Россіи», писанномъ рукою Петра и сохранившемся въ кабинетныхъ бумагахъ его. Петръ разсказываетъ здѣсь, что князь Яковъ Долгорукій предъ отправленіемъ своимъ въ посольство во Францію сказалъ какъ-то, что у него былъ «такой инструментъ, которымъ можно было брать дистанціи, не доходя до того мѣста». Петръ хотѣлъ увидѣть этотъ

инструментъ, но Долгорукій сказалъ, что его у него украли. Петръ просилъ его купить, «между другими вещами», и такой инструментъ во Франціи. Долгорукій привезъ Петру «астролябію да кокоръ или готовальню съ циркулями и прочимъ». Петръ разумѣется, не зналъ какъ употреблять ихъ и «объявилъ дохтуру Захару фонъ-деръ-Гульсту, что не знаетъ ли онъ? который сказалъ, что онъ не знаетъ, но сыщетъ такого, кто знаетъ», и въ скоромъ времени отыскалъ Франца Тиммермана. У этого-то Тиммермана Петръ, уже шестнадцатилѣтній юноша, принялся учиться ариѳметикѣ, геометріи, фортификаціи. «И такъ, сей Францъ, — говоритъ Петръ, — сталъ при дворѣ быть безпрестанно и въ компаніяхъ съ нами».

Нѣсколько времени спустя Петръ, гуляя съ Тиммерманомъ въ Измайловѣ, увидѣлъ между старыми вещами въ амбарахъ ботикъ, и на вопросъ, что это за судно, получилъ въ отвѣтъ отъ Тиммермана, что «то ботъ англійскій». «Я спросилъ: гдѣ его употребляютъ? Онъ сказалъ, что при корабляхъ для ѣзды и возки. Я паки спросилъ: какое преимущество имѣетъ предъ нашими судами? (Понеже видѣлъ его образомъ и крѣпостью лучше нашихъ.) Онъ мнѣ сказалъ, что онъ ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтра; которое слово меня въ великое удивленіе привело и якобы неимовѣрно. Потомъ я его паки спросилъ: есть ли такой человѣкъ, который бы его починилъ и сей ходъ мнѣ показалъ? Онъ сказалъ мнѣ, что есть. То я съ великою радостію услыша, велѣлъ его сыскать» («Истор. Петра», т. II, стр. 25). Тиммерманъ представилъ Петру Карштена Бранта; ботъ былъ починенъ, и Петръ плавалъ на немъ по Яузѣ,

потомъ на Просяномъ пруду, на Переяславскомъ озерѣ, и наконецъ на Кубенскомъ. Между тѣмъ въ царскомъ семействѣ приготовлялись событія, угрожавшія опасностью Петру, но кончившіяся паденіемъ Софіи. Съ этого-то времени начинается и сближеніе Петра съ Лефортомъ.

Приводя разсказъ Петра о началѣ его ученія, г. Устряловъ справедливо замѣчаетъ, что если бы Лефортъ былъ тогда при Петрѣ, то отчего же бы не обратиться ему къ Лефорту, съ своими разспросами? Кромѣ того, мудрено было бы думать, что Лефортъ, находясь постоянно при царевичѣ, не могъ научить его даже первымъ началамъ ариѳметики и географіи. А между тѣмъ разсказъ Петра и сохранившіяся учебныя тетради его ясно показываютъ, что онъ сталъ учиться ариѳметикѣ только съ тѣхъ поръ, какъ ему отыскали Франца Тиммермана. Изъ этого г. Устряловъ выводитъ заключеніе, что «на первоначальное развитіе душевныхъ способностей Петра, на его думы, планы, занятія, *по крайней мѣрѣ до семнадцатилѣтняго возраста,* прославленный женевецъ не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія» (т. II, стр. 21).

Во всемъ этомъ намъ представляется неразрѣшеннымъ одинъ вопросъ, весьма, кажется, существенный: каковы были эти «*думы, планы, занятія*» Петра до семнадцатилѣтняго возраста? Г. Устряловъ полагаетъ, что въ душу Петра уже заронилась до этого времени «глубокая дума, которой онъ остался вѣренъ до гроба», что геній его уже пробудился, что въ головѣ его сами собою являлись уже мысли о преобразованіи. Все это очень можетъ быть; но мы должны сказать, что мнѣніе г. Устрялова болѣе опирается на его личныхъ соображе-

ніяхъ, нежели на несомнѣнныхъ фактахъ. Факты, представленные имъ, недостаточны «для нашего времени, требующаго отъ бытописателей строгаго отчета въ каждомъ ихъ словѣ» (т. I, стр. 3). Изъ того, что извѣстно о ходѣ ученья Петра подъ руководствомъ Тиммермана, очевидно, конечно, что Петръ обладалъ живою и страстною натурой и замѣчательными умственными способностями; но каковы были его *думы* и *планы* въ это время, мы не можемъ сказать положительно. Мы не можемъ принять за историческій фактъ, напр., слѣдующихъ мыслей г. Устрялова (т. II, стр. 26):

Много было въ жизни Петра минутъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ, ознаменованныхъ творческою силою его генія но та минута, когда онъ, шестнадцатилѣтній юноша, вперилъ вдохновенный взоръ въ полузгнившій богъ, около полвѣка валявшійся въ дѣдовскомъ сараѣ, между всякимъ хламомъ, въ пыли, грязи, безъ мачты, безъ парусовъ, и въ умѣ его мелькнула, какъ молнія, мысль о русскомъ флотѣ, принадлежитъ къ самымъ лучезарнымъ Она ждетъ кисти или рѣзца художника съ могучимъ талантомъ, способнымъ изобразить то, что происходило въ эту минуту въ душѣ Петра и чего не въ силахъ разсказать бытописатель.

Отдавая полную справедливость краснорѣчію и изяществу слога въ выписанномъ отрывкѣ, мы считаемъ, однакоже, обязанностью замѣтить, что онъ болѣе отличается возвышенной мечтательностью, нежели строгой вѣрностью историческимъ даннымъ. Мы привели выше разсказъ самого Петра объ этой минутѣ, которую г. Устряловъ называетъ «одной изъ самыхъ лучезарныхъ». Петръ разсказываетъ очень просто, что увидѣлъ онъ во время прогулки судно особаго устройства, спросилъ, чѣмъ же оно отличается, и, узнавъ, что оно ходитъ на парусахъ противъ вѣтру, удивился и пожелалъ посмотрѣть,

какъ это происходитъ такая странность. Для того и найденъ былъ мастеръ, который починилъ ботъ и показалъ Петру ходъ его. Все происшествіе имѣетъ въ разсказѣ Петра весьма обыкновенный и естественный характеръ. Ни о вперенiи вдохновеннаго взора, ни о «мысли, блеснувшей какъ молнiя», ни о «лучезарности минуты» Петръ не говоритъ ни слова, и мы считаемъ себя вправѣ не полагаться въ этомъ случаѣ на фразы г. Устрялова, какъ не имѣющiя за себя ручательства въ историческихъ извѣстiяхъ [3].

Такимъ образомъ, до открытiя впредь новыхъ достовѣрныхъ свѣдѣнiй о юности Петра, мы должны считать еще неразрѣшеннымъ вопросъ о томъ, задумывалъ ли Петръ самъ собою свои великiе планы ранѣе чѣмъ узналъ Лефорта, даже ранѣе чѣмъ сталъ учиться ариѳметикѣ у Тиммермана (такъ думаетъ г. Устряловъ); или эти *планы* появились уже впослѣдствiи времени, при вліянiи Лефорта и другихъ иноземцевъ (какъ полагалъ Карамзинъ). До сихъ поръ послѣднее мнѣнiе кажется намъ вѣроятнѣе, и мы находимъ подтвержденiе его даже въ

---

[3] Достоинства труда г. Устрялова такъ велики и несомнѣнны, что намъ не хотѣлось бы встрѣчать рядомъ съ ними даже малѣйшихъ недостатковъ изложенiя. Вотъ почему насъ поражаютъ особенно-непрiятно нѣкоторыя фразы, по мѣстамъ допущенныя г. Устряловымъ, для украшенiя простыхъ фактовъ. Такъ, напр., г. Устряловъ разсказываетъ, что, слушая разсказъ объ астролябiи, „державный *отрокъ трепещетъ*; изумленный и образованный, онъ хочетъ видѣть дивную вещь", и пр. ст. II стр. 20. Такая манера разсказа непрiятно напоминаетъ лямартиновскiй способъ сочиненiя исторiи. Въ этомъ случаѣ Карамзинъ былъ осторожнѣе: при всей своей наклонности къ поэтизированiю исторiи, онъ никогда не увлекался до изображенiя тайныхъ думъ и ощущенiй историческихъ лицъ. Онъ довольствовался свое краснорѣчiе тѣмъ, что говорилъ: „Къ сожалѣнiю, лѣтописцы не могли проникнуть во внутренность души Iоанна"; или: „Одинъ Богъ знаетъ, что происходило въ это время въ мрачной душѣ Годунова", и т. п. Нельзя не сознаться, что этотъ историческiй прiемъ имѣетъ свои достоинства.

тѣхъ самыхъ фактахъ, которые г. Устряловъ приводитъ для доказательства того, что не Лефортъ былъ воспитателемъ Петра. Представимъ здѣсь нѣкоторыя соображенія.

Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій возвратился въ Москву изъ посольства 15 мая 1688 г. Онъ привезъ Петру астролябію, которую царевичъ показывалъ Гульсту, а тотъ *въ скоромъ времени* отыскалъ Тиммермана, у котораго Петръ началъ учиться. Чтобы дать понятіе о томъ, каково было предыдущее воспитаніе Петра, мы приведемъ здѣсь изъ приложеній ко II-му тому «Исторіи» г. Устрялова, начало учебныхъ тетрадей, писанныхъ Петромъ подъ руководствомъ Тиммермана. Не выписываемъ ариѳметической задачи, которою онѣ начинаются; но приводимъ текстъ объясненія самыхъ правилъ.

АДИЦОЕ

з л т т
буде хочешь роныя смѣты ско ко шбу въмѣсте сложи
х т т т м т
чтоі буде ітысгафь хо 1000 чи хо 100 хо 10 іопьто недума
т т т л б
хомногое число напере холалое токо что правая сторона
р
была равъна а въ выклатькѣ стафь тѣ слова которыя свехь
г р
десяку на Пъриме гдѣ 17 |7| гдѣ 18 |8| гдѣ 13 |3| гдѣ 14 |4
т и
адесяки стафь точьками только точьки прилага ктому слову
т р т
которое хочешь счита а будекоторое слововено свехь десяку
т з
прилучися ітостафь беточьки. (Т. II, стр. 434.)

Петръ писалъ это будучи уже шестнадцати лѣтъ. Указывая на эти тетради, г. Устряловъ самъ признается, что онѣ ясно свидѣтельствуютъ, какъ не

брежно было воспитаніе Петра. Шестнадцати лѣтъ начинаетъ онъ учиться сложенію, которое называетъ *адицое;* правописанія у него нѣтъ никакого; мало того, г. Устряловъ свидѣтельствуетъ, что тетради эти писаны рукою нетвердою, очевидно непривычною, и даетъ замѣтить, что Петръ въ это время едва могъ еще, съ очевиднымъ трудомъ, выводить буквы (стр. 19). Признавая необыкновенную силу способностей Петра, удивляясь быстротѣ успѣховъ его въ ученьѣ, мы должны, однако, замѣтить, что отъ обученія сложенію далеко еще до преобразовательныхъ *плановъ*. Безъ всякаго сомнѣнія, уже и въ это время Петръ мечталъ о будущемъ и составлялъ дѣтскія предположенія о томъ, что онъ совершитъ; но подобныя мечты непремѣнно бываютъ у всякаго дитяти, одареннаго пылкою натурою, и ихъ нельзя называть *глубокою думою,* опредѣляющею направленіе цѣлой жизни, или серьезнымъ *планомъ* будущихъ дѣйствій. Мечты эти такъ и остаются мечтами, пока въ основаніи ихъ нѣтъ положительнаго знанія и серьезнаго изслѣдованія предмета, на который мечты эти обращаются. А насколько было положительныхъ знаній у Петра въ это время, достаточно показываютъ факты, открытые самимъ же г. Устряловымъ.

Можно бы предположить, что Петръ, какъ натура высшая, геніальная, успѣлъ совершенно развиться въ тотъ годъ, который отдѣляетъ начало его ученья (положимъ съ іюня 1688 г.) отъ сближенія съ Лефортомъ (въ августѣ 1689 г.). Но историческіе факты не совершенно благопріятствуютъ и этому предположенію. Изъ нихъ видно, что въ Петрѣ уже пробудились въ это время какія-то неопредѣленныя стремленія и что къ семнадцати годамъ у него сло-

жился уже тотъ дѣятельный, могучій характеръ, та энергія, не знавшая препятствій, которая отличала его впослѣдствіи. Но мы не можемъ сказать на основаніи историческихъ данныхъ, чтобы этотъ мощный характеръ уже въ то время поставилъ себѣ опредѣленную цѣль, къ которой долженъ былъ стремиться неуклонно. Первыя *потѣхи* Петра, сухопутныя и водяныя, носятъ на себѣ болѣе отпечатокъ юношескихъ увлеченій, отпечатокъ *потѣхъ*, нежели «глубокихъ думъ и плановъ». Мы не находимъ никакой надобности пріискивать глубокомысленныя, геніальныя цѣли и основанія тому, что само по себѣ было очень просто. «Исторія Петра, — скажемъ словами г. Устрялова (т. II, стр. 333), — такъ обильна дѣлами и свойствами истинно великими, что прикрасы ему не нужны».

Живая, страстная пылкость и стремительная рѣшительность характера Петра не допускала его долго останавливаться надъ теоретическими частностями и составлять хладнокровныя, медленныя соображенія будущихъ дѣйствій и ихъ отдаленныхъ послѣдствій. Это была натура вовсе не созерцательная, а по преимуществу дѣятельная. Для него все заключалось въ практическомъ примѣненіи, а до того, что на практикѣ неудобно, ему не было никакого дѣла. Въ юности его мы видимъ это особенно въ отношеніяхъ его къ своимъ наставникамъ. Тиммерманъ, по замѣчанію г. Устрялова, былъ математикомъ, далеко не первокласснымъ. Онъ ошибался даже въ простомъ умноженіи, какъ видно изъ задачъ, писанныхъ его рукою въ учебныхъ тетрадяхъ Петра. Можно представить поэтому степень его знаній въ высшихъ частяхъ математики. Но Петру мало было надобности до этого. Ему нужно было, чтобъ

Тиммерманъ научилъ его какъ употреблять астролябію и вычислять, при какихъ условіяхъ и въ какомъ разстояніи бомба можетъ упасть на данную точку. Тиммерманъ, — худо ли, хорошо ли, — могъ что-нибудь сказать на этотъ счетъ, и ученику его было довольно: онъ тотчасъ же началъ примѣнять наставленія учителя къ своимъ потѣшнымъ занятіямъ. До самаго путешествія своего за границу Петръ не видѣлъ въ Тиммерманѣ того, что открываетъ историкъ, именно, что «какъ способности, такъ и свѣдѣнія его были очень ограничены» («Ист. Петра», т. II, стр. 120). Во время потѣшныхъ походовъ, Тиммерманъ составлялъ планы потѣшныхъ крѣпостей и руководилъ, при осадѣ ихъ, земляными работами. Мало того, Петръ не усомнился поручить ему инженерныя работы даже при первой осадѣ Азова, гдѣ уже дѣло было не шуточное. И тутъ-то Тиммерманъ показалъ себя: взрывы заложенныхъ имъ минъ вредили нашимъ же войскамъ. Несмотря на то, онъ успѣлъ потомъ выпросить у Петра исключительную привилегію завести въ Архангельскѣ въ свою пользу верфь для купеческихъ кораблей, а въ Москвѣ фабрику парусныхъ полотенъ для поставки ихъ въ казну.

Карштенъ Брантъ, первый наставникъ Петра въ кораблестроеніи, также не былъ, конечно, посвященъ слишкомъ глубоко въ теорію морского и корабельнаго дѣла. Онъ былъ простой матросъ и имѣлъ званіе «товарища корабельнаго пушкаря» на кораблѣ «Орелъ», строившемся при Алексѣѣ Михайловичѣ. Во время отысканія бота, Брантъ занимался въ Москвѣ столярной работой. Несмотря на все это, Петръ долго держалъ его при себѣ, какъ главнаго корабельнаго мастера, и подъ его руковод-

ствомъ строились яхты и фрегаты на Плещеевомъ озерѣ еще въ 1691 г. Матросами и корабельными *мостильщиками* (плотниками) на этихъ судахъ были у Петра тѣ же потѣшные солдаты, которые служили ему въ первыхъ его упражненіяхъ въ ратномъ сухопутномъ дѣлѣ и въ фортификаціи.

Ничего не извѣстно о томъ, кто руководилъ потѣшными упражненіями Петра. Сначала, вѣроятно, и не было никого, по замѣчанію г. Устрялова, потому, что потѣхи дѣйствительно служили Петру только забавою, и достаточно было одного надзора дядекъ. Но съ 1687 г., когда уже сформировались полки Преображенскій и Семеновскій, упражненія эти приняли болѣе правильный характеръ и нуждались, конечно, въ руководителѣ. Видно, впрочемъ, что и ратное ученіе не слишкомъ удачно шло въ первое время, особенно въ *артиллерномъ* дѣлѣ. Въ 1690 г., въ первый Семеновскій походъ, маневры ведены были такъ неискусно, что одинъ изъ *горшковъ*, начиненныхъ горючими веществами, лопнулъ близъ Петра; взрывомъ опалило ему лицо и переранило стоявшихъ подлѣ него офицеровъ, что, по всей вѣроятности, вовсе не входило въ планъ маневровъ (т. II, стр. 135). Петръ былъ послѣ этого боленъ, и маневры возобновились только черезъ три мѣсяца. На этотъ разъ пострадалъ генералъ Гордонъ: неловкій выстрѣлъ повредилъ ему ногу выше колѣна, а порохомъ обожгло лицо такъ, что онъ недѣлю пролежалъ въ постели. Второй Семеновскій походъ (въ окт. 1691 г.) также не обошелся безъ ранъ и увѣчья, по словамъ г. Устрялова; а ближній стольникъ, князь Иванъ Дмитріевичъ Долгорукій, «заплатилъ даже жизнью за *воинскій* танецъ», по выраженію Гордона; жестоко раненый въ

правую руку, онъ умеръ на 9-й день (Устр., т. II, стр. 140). Подобныя же трагическія исторіи нерѣдко происходили въ первое время и на увеселительныхъ фейерверкахъ, которые любилъ устраивать Петръ. Такъ, при первомъ фейерверкѣ, сожженномъ на масленицѣ, 26 февр. 1690 г., — пятифунтовая ракета, не разрядившись въ воздухѣ, упала на голову какого-то дворянина, который тутъ же испустилъ духъ; въ 1691 г., при фейерверкѣ 27 января, взрывомъ состава изуродовало Гордонова зятя, капитана Страсбурга, обожгло Франца Тиммермана и до смерти убило троихъ работниковъ (Устр., II, 133).

Такое положеніе дѣлъ вовсе не свидѣтельствуетъ, по нашему мнѣнію, о томъ, чтобы Лефорту уже вовсе ничего не оставалось дѣлать для образованія Петра въ то время, какъ они познакомились. Довольство такими мастерами и учеными, какъ Брантъ и Тиммерманъ, доказываетъ, что геніальный отрокъ не дошелъ еще въ это время до той точки, съ которой должны были открыться ему ихъ ограниченность и неспособность. Да и не могъ онъ дойти до этого при той обстановкѣ, въ которой находился до низверженія Софіи. Вспомнимъ, что и такого человѣка, какъ Тиммерманъ, съ трудомъ могли отыскать для Петра; вспомнимъ, что первый учитель Петра, Зотовъ, избранный къ нему изъ подъячихъ, вѣроятно какъ *лучшій* человѣкъ, едва могъ научить его грамотѣ и не могъ пріучить къ орѳографіи, какая тогда была принята; примемъ въ соображеніе, что и Карштенъ Брантъ былъ выписанъ въ Россію при Алексѣѣ Михайловичѣ для участія въ постройкѣ корабля, какъ для такого дѣла, къ которому способныхъ людей у насъ въ то время

не находилось. Весьма естественно поэтому, что Петръ, привыкшій мѣрять степень образованія и искусства людей по Голицынымъ и Шакловитымъ, Зотовымъ и Стрѣшневымъ, съ почтительнымъ изумленіемъ смотрѣлъ на такихъ искусниковъ и знатоковъ, какъ Брантъ, Тиммерманъ и др. Хотя онъ и чувствовалъ, можетъ быть, съ самаго начала, свое умственное превосходство надъ ними, но вмѣстѣ съ этимъ онъ не могъ не видѣть и того, что они много могутъ принести ему пользы, могутъ научить его многому, чего онъ никогда не узналъ бы отъ окружавшихъ его русскихъ бояръ. И онъ учился, — съ увлеченіемъ, со страстью; новый міръ знаній, открывшійся передъ нимъ, поглощалъ все его вниманіе. Мысли его тотчасъ же обращались къ ближайшимъ практическимъ примѣненіямъ того, что имъ узнано. Онъ немедленно хотѣлъ производить примѣрныя сраженія съ порохомъ и устраивать земляныя укрѣпленія по правиламъ фортификаціи и имѣть хоть какія-нибудь суда, чтобы плавать хоть по своимъ озерамъ. У него не было долгихъ сборовъ, подобныхъ тѣмъ, съ какими приступали, напр., къ постройкѣ «Орла» при Алексѣѣ Михайловичѣ. Трудно предполагать, чтобы могли у него въ это время, — время ученья и практическихъ упражненій, — являться дальновидныя и глубокія государственныя предначертанія. По всей вѣроятности, во время знакомства съ Лефортомъ стремленія Петра еще не были ясно опредѣлены, и многое бродило въ его душѣ въ видѣ смутныхъ мечтаній, а не строго обдуманныхъ и сознанныхъ плановъ. Годъ предъидущаго ученья у Тиммермана и практическихъ занятій подъ руководствомъ Бранта могъ только способствовать полному раскрытію необычайной

любознательности отрока, могъ пробудить въ немъ множество вопросовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ внушить, что рѣшенія этихъ вопросовъ нужно ждать отъ иноземцевъ. Съ такимъ настроеніемъ могъ онъ перейти подъ вліяніе Лефорта. Что вліяніе это было велико, не отвергаетъ и г. Устряловъ. Первые учители Петра исчезаютъ въ скоромъ времени изъ его исторіи, и онъ не обращаетъ на нихъ вниманія, какъ скоро находитъ кѣмъ замѣнить ихъ; только Зотовъ играетъ въ его близкомъ кругу довольно комическую роль князя-папы. Лефортъ, напротивъ того, до конца своей жизни остается другомъ и совѣтникомъ Петра. Назначеніе его начальникомъ «великаго посольства» въ 1697 г. показываетъ, до какой степени полагался на него царь.

Такимъ образомъ мы полагаемъ, что доказательствъ г. Устрялова противъ вліянія Лефорта на развитіе Петра нельзя считать вполнѣ удовлетворительными. Поправка, сдѣланная имъ на основаніи открытыхъ имъ фактовъ, касается времени, а не сущности дѣла. Въ этомъ почти соглашается самъ г. Устряловъ, когда возражаетъ противъ Перри, сказавшаго, что «Лефортъ находился при Петрѣ съ 12-лѣтняго возраста царя, бесѣдовалъ съ нимъ о странахъ Западной Европы, о тамошнемъ устройствѣ войскъ морскихъ и сухопутныхъ, о торговлѣ, которую западные народы производятъ во всемъ свѣтѣ посредствомъ мореплаванія, и обогащаются ею». Приводя это извѣстіе Перри, г. Устряловъ говоритъ (т. II, стр. 325): «Не споримъ, что обо всемъ этомъ говорилъ Лефортъ Петру, когда государь удостоилъ его своею дружбою, но не съ 12-лѣтняго возраста, а гораздо послѣ. Самъ Перри свидѣтельствуетъ, что Лефорта узналъ Петръ только съ того

времени, когда удалился онъ въ Троицкую лавру, спасаясь отъ властолюбивой сестры. Но мало знакомый съ исторіею стрѣлецкихъ мятежей, онъ отнесъ къ одному году (1683) и майское кровопролитіе 1682 г., и бунтъ стрѣльцовъ послѣ казни Хованскаго, и заговоръ Шакловитаго, и паденіе Софіи. Все слито въ одно происшествіе. Компиляторы, не разобравъ дѣла и не вникнувъ, что Петру при удаленіи Софіи было не 12, а 17 лѣтъ, протрубили въ потомствѣ объ участіи Лефорта въ первоначальномъ образованіи Петра». Значитъ, все дѣло только въ томъ, съ 12 или съ 17 лѣтъ Петръ сталъ слушать разсказы и совѣты Лефорта. Для прежнихъ историковъ это былъ вопросъ крайне трудный: они не могли себѣ представить, чтобы настоящее, порядочное образованіе Петра началось только на семнадцатомъ году его жизни. Вотъ, вѣроятно, и причина, почему они непремѣнно хотѣли видѣть Лефорта при Петрѣ сколько возможно ранѣе. Но теперь, когда самъ же г. Устряловъ открылъ, на какой степени стояло образованіе Петра до 1688 г., — теперь ничто не препятствуетъ намъ признать «дѣятельное участіе Лефорта въ настроеніи Петра ко всему, что его впослѣдствіи прославило» (Устр., т. II, стр. 21).

Признавая это участіе, мы, впрочемъ, не даемъ ему особенно важнаго значенія въ исторіи Петра. Лефортъ могъ воспламенять любознательность Петра, могъ возбуждать въ немъ новыя стремленія, могъ сообщать нѣкоторыя понятія, до того не извѣстныя царю. Но едва ли могъ удовлетворить пытливости Петра, едва ли могъ всегда разрѣшать вопросы, рождавшіеся въ его умѣ, едва ли могъ сообщить особенную опредѣлительность самымъ его

стремленіямъ. Послѣднее видно уже и изъ того, что самая энергическая, постоянная дѣятельность Петра, во все время жизни Лефорта, посвящаема была морскому дѣлу, а Лефортъ не только не понималъ, но и не любилъ какъ морскихъ, такъ и вообще всѣхъ воинскихъ занятій. При первой осадѣ Азова ему стало скучно, и онъ старался какъ-нибудь поскорѣе покончить дѣло, чтобы возвратиться въ Москву, къ своимъ обыкновеннымъ удовольствіямъ. Послѣ взятія Азова, когда Петръ искалъ мѣста для гавани и трудился надъ укрѣпленіями, Лефортъ не могъ дождаться его и впередъ всѣхъ ускакалъ въ Москву, хотя ему, какъ *адмиралу,* и не мѣшало бы позаботиться о мѣстѣ для рождавшагося флота, порученнаго его смотрѣнію. Вообще современники Лефорта не хорошо отзываются о его воинскихъ и морскихъ познаніяхъ. Александръ Гордонъ говоритъ, что «онъ почти ничего не разумѣлъ ни на морѣ, ни на сушѣ, но царская милость все замѣнила». Перри также свидѣтельствуетъ: «царскій любимецъ Лефортъ, который ничего не понималъ на морѣ, объявленъ былъ адмираломъ». Такіе отзывы давали полное право г. Устрялову выразиться о Лефортѣ, что «удовольствія веселой жизни, дружеская попойка съ разгульными друзьями, пиры по нѣскольку дней сряду, съ танцами, съ музыкой, были для него, кажется, привлекательнѣе славы ратныхъ подвиговъ» (т. II, стр. 122). «Петръ полюбилъ его за беззаботную веселость, плѣнительную послѣ тяжкихъ трудовъ, за природную остроту ума, доброе сердце, ловкость, смѣлость, а болѣе всего за откровенную правдивость и рѣдкое въ то время безкорыстіе, добродѣтели великія въ глазахъ монарха, ненавидѣвшаго криводушіе и себялюбіе. Долго по-

миль онъ Лефорта и по смерти его, тоскуя по немъ, какъ по веселомъ товарищѣ пріятельскихъ бесѣдъ, незамѣнимомъ въ искусствѣ устроить пиръ на славу».

Но если Лефортъ имѣлъ достоинства только веселаго собесѣдника, то и другіе изъ первыхъ сотрудниковъ Петра не отличались особенно блестящими талантами. Генералъ Гордонъ, изучившій военное искусство, по словамъ г. Устрялова, едва ли лучше Лефорта, постоянно, однако, жалуется на безтолковость и небрежность другихъ начальниковъ. Дѣйствія ихъ подъ Азовомъ даже и ему казались нелѣпыми: «все шло такъ безпорядочно и небрежно, — говоритъ онъ объ осадѣ Азова,—что мы какъ будто шутили, вовсе не думая о важности дѣла» (Устр., т. II, стр. 238). Дѣйствія бояръ-правителей и другихъ людей, удостоенныхъ довѣренности Петра, при открытіи стрѣлецкаго бунта, во время путешествія Петра за границей, доказали, что администраторы Петра были не лучше военачальниковъ. Между стрѣльцами разнесся слухъ о смерти Петра за границей, и правители не знали что дѣлать отъ испуга. Самъ Петръ писалъ по этому случаю къ Ромодановскому: «Зѣло мнѣ печально и досадно на тебя, для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступилъ? Богъ тебя судитъ! Не такъ было говорено на загородномъ дворѣ въ сѣняхъ. Для чего и Автамона (Головина) взялъ, что не для этого? А буде думаете, что мы пропали (для того, что почты задержались) и для того, боясь, и въ дѣло не вступаешь: воистину, скорѣе бы почты вѣсть была; только слава Богу, ни одинъ не умеръ, всѣ живы Я не знаю, откуды на васъ такой страхъ бабій! .. Неколи ничего ожидать съ такою трусостью!» Въ

томъ же родѣ писалъ онъ къ Виніусу: «Я было надѣялся, что ты станешь всѣмъ разсуждать бывалостью своею и отъ мнѣнія отводить; а ты самъ предводитель имъ въ яму! Потому всѣ думаютъ, что коли-де кто бывалъ, такъ боится того, то уже конечно такъ» (Устр., т. III, стр. 439—440). Правда, что на этотъ разъ самые приближенные люди царя находились съ нимъ въ путешествіи; но и они были не лучше другихъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ поведеніе ихъ во время болѣзни Петра въ 1692 г. Какъ только болѣзнь сдѣлалась опасною, любимцы Петра пришли въ ужасъ, уже предвидя владычество Софіи и ожидая ссылки и казни; болѣе близкія къ Петру лица, Лефортъ, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, Апраксинъ, Плещеевъ, на всякій случай запаслись лошадьми, въ намѣреніи бѣжать изъ Москвы (Устр., II, стр. 144). Очевидно, что всѣ они только и держались Петромъ, и потому совершенно справедливо заключеніе, сдѣланное г. Устряловымъ послѣ исчисленій всѣхъ людей, бывшихъ первыми сотрудниками и любимцами Петра. «Такова была любимая *компанія* Петрова, — говоритъ краснорѣчивый историкъ, — чудная смѣсь націй, вѣръ, языковъ, лѣтъ, знаній, пестрая толпа людей, не замѣчательныхъ ни талантами, ни образованіемъ, даже преданности не всегда безукоризненной, и можно ручаться, что всѣ они, за исключеніемъ двухъ-трехъ, при всякихъ другихъ обстоятельствахъ остались бы незамѣтными для потомства. Петръ озарилъ ихъ своею славою, какъ яркое свѣтило бросаетъ лучи на своихъ спутниковъ, и имена ихъ сіяютъ въ скрижаляхъ исторіи» (т. II, стр. 129).

Очевидно, что для всякой другой натуры обще-

ство людей, подобныхъ тѣмъ, которые окружали Петра, мало принесло бы пользы. Очевидно, что въ самомъ Петрѣ заключались условія, необходимыя для развитія и направленія той силы, которую умѣлъ онъ выказать впослѣдствіи. Въ самомъ дѣлѣ — во всей исторіи Петра мы видимъ, что съ каждымъ годомъ прибавляется у него масса знаній, опытность и зрѣлость мысли, расширяется кругъ зрѣнія, сознательнѣе проявляется опредѣленная цѣль дѣйствія: но что касется энергіи его воли, рѣшимости характера, мы находимъ ихъ уже почти вполнѣ сложившимися съ самаго начала его юношескихъ дѣйствій. Въ непремѣнномъ желаніи посмотрѣть хоть украдкой, тайно отъ матери, на Плещеево озеро, и потомъ построить тамъ суда, во что бы то ни стало, хоть какія-нибудь, только бы поскорѣе, — въ этомъ юношескомъ стремленіи таится та же сила, которая впослѣдствіи выразилась въ назначеніи *кумпанствъ* для сооруженія флота въ полтора года и потомъ въ цѣломъ годѣ неутомимой работы на голландскихъ верфяхъ. Люди не могутъ такъ закалить характеръ человѣка; это дается отъ природы и образуется событіями. События и воспитали въ Петрѣ природную живость и энергію его натуры; событія же до извѣстной степени опредѣлили и его отношенія къ древней Руси, съ ея предразсудками, грубостью и невѣжествомъ. Положительныхъ фактовъ, доказывающихъ это вліяніе событій на развитіе Петра, прежде чѣмъ онъ узналъ начала правильнаго образованія, весьма мало. Но стоитъ всмотрѣться въ характеръ явленій, окружавшихъ дѣтство и юность Петра, чтобъ не сомнѣваться въ силѣ этого вліянія.

На четвертомъ году Петръ лишился отца, и съ

этого времени сдѣлался предметомъ крамольной ненависти одной изъ придворныхъ партій. Приверженцы его матери вздумали уговаривать Алексѣя Михайловича, чтобы онъ назначилъ своимъ преемникомъ трехлѣтняго Петра, обошедши двоихъ старшихъ сыновей отъ перваго брака. Главою этого замысла былъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, изъ дома котораго взялъ царь свою супругу, и который со времени женитьбы царя постоянно находился во враждѣ съ большею частію прочихъ бояръ. Трудно повѣрить, чтобы Матвѣевъ дѣлалъ это изъ безкорыстнаго и прозорливаго желанія добра для Россіи, потому будто бы, что, какъ свидѣтельствуетъ Таннеръ, — «Петра считали способнѣе къ правленію, чѣмъ Ѳеодоръ». Угадать эту способность въ трехлѣтнемъ младенцѣ мудрено было бы и для людей, болѣе проницательныхъ, чѣмъ тогдашніе царедворцы. Гораздо вѣроятнѣе свидѣтельство Залусскаго, что «до совершеннолѣтія царя Матвѣевъ думалъ самъ управлять государствомъ и такимъ образомъ дѣйствовалъ въ пользу матери, а еще болѣе въ свою собственную» (Устр., т. I, стр. 263) [1]. Замыселъ его не удался, и Петръ невинно понесъ на себѣ нелюбовь брата и отчужденіе отъ царствующей

[1] Г. Устряловъ не принимаетъ свидѣтельствъ ни Таннера, ни Залусскаго, на томъ основаніи, что Матвѣевъ оставался въ прежнихъ должностяхъ около полугода по вступленіи Ѳеодора и что въ замыслѣ о возведеніи Петра на престолъ его не обвиняли, и онъ не оправдывался. Но полугодовая отсрочка ссылки Матвѣева ничего не доказываетъ: слабый Ѳеодоръ, огорченный потерею отца, могъ въ первое время не позаботиться о немедленномъ возмездіи своему недоброхоту. Что же касается до молчанія обвинительныхъ актовъ, то весьма естественно, кажется, что Ѳеодоръ и его совѣтники не хотѣли объявлять по судамъ и приказамъ семейной распри царя съ мачехою и братомъ. Гдѣ же и когда бывалъ обычай обнародывать придворныя комнатныя интриги? Довольно и того, что Матвѣевъ былъ сосланъ и что ни мачеху, ни родственниковъ Ѳеодоръ, по словамъ самого же г. Устрялова, во все время своего правленія *не жаловалъ*.

семьи и всѣхъ ея приверженцевъ. Оставаясь, по малолѣтству своему, на попеченіе дядекъ (Стрѣшневыхъ), очень любившихъ его, и подъ надзоромъ матери, не любившей отпускать его далеко отъ себя, даже когда ему было уже 17 лѣтъ, — Петръ не могъ не слышать ихъ жалобъ и неудовольствій, не могъ не знать ихъ враждебныхъ отношеній къ лицамъ, окружавшимъ царя. Безъ всякаго сомнѣнія, ни Нарышкины, ни Стрѣшневы не могли внушить Петру недовольство стариною; но отъ нихъ слышалъ онъ, безъ сомнѣнія, многое о непригожихъ дѣлахъ Милославскихъ, Куракиныхъ, Хитрово и пр. Многіе недостатки боярства, которые при другихъ обстоятельствахъ могли бы пройти незамѣченными или даже понравиться царственному отроку, теперь должны были представляться ему въ крайне мрачномъ видѣ, потому что если не онъ самъ, то близкіе къ нему терпѣли отъ нихъ. Воспоминаніе о ссылкѣ Матвѣева не должно было исчезнуть между Нарышкиными, а при этомъ воспоминаніи нерѣдко обращалось, конечно, вниманіе и на невѣжество бояръ, обвинившихъ Матвѣева въ чернокнижіи, и на то, какъ они обманываютъ добродушнаго Ѳеодора, и на то, какъ сами пользуются своими мѣстами, взводя, между тѣмъ, обвиненіе въ лихоимствѣ на Матвѣева, и т. п. Извѣстно, какъ вѣрно умныя дѣти угадываютъ отношенія, существующія между лицами, ихъ окружавшими. Извѣстно и то, какъ часто они переносятъ на цѣлый разрядъ предметовъ то, что узнаютъ объ одномъ изъ нихъ. Не мудрено, поэтому, что онъ съ самаго начала раскрытія своего сознанія сталъ уже получать не слишкомъ выгодное понятіе о существовавшемъ тогда порядкѣ вещей. Во всякомъ

случаѣ несомнѣнно то, что онъ не сблизился, не сроднился съ этимъ порядкомъ, потому что всегда былъ отъ него въ отчужденіи, живя вмѣстѣ съ матерью въ Преображенскомъ, далеко отъ дворскихъ интригъ. Уже это одно было для него счастіемъ и должно было предохранить его отъ многихъ заблужденій и дурныхъ привычекъ, бывшихъ неизбѣжными при тогдашнемъ придворномъ воспитаніи. Правда, что Петръ, какъ мы видѣли, ничему не учился; но у него не отбивалась все-таки охота къ ученью. У него не было дѣльныхъ занятій: но дѣтская энергія его не притуплялась и не отбивалась. Мы можемъ безъ всякаго сомнѣнія утверждать, что подъ надзоромъ матери, воспитанной Матвѣевымъ, эманципированнымъ человѣкомъ того времени — Петръ былъ гораздо менѣе стѣсненъ и гораздо менѣе могъ набраться всякихъ предразсудковъ, нежели среди знатныхъ лицъ, окружавшихъ престолъ его брата.

Мы видѣли въ прошедшей статьѣ, что новыя, иноземныя начала уже входили въ русскую жизнь и до Петра; но тутъ же мы сказали, что высшее боярство тогдашнее, царскіе совѣтчики, люди, дававшіе направленіе дѣламъ собственно-государственнымъ, менѣе всего увлекались этими началами. Они-то именно, по выраженію г. Устрялова, «коснѣли въ старыхъ понятіяхъ, которыя переходили изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ; спесиво и съ презрѣніемъ смотрѣли на все чужое, иноземное; ненавидѣли все новое и въ какомъ-то чудномъ самозабвеніи воображали, что православный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь — первое государство» (Устр., т. I. Введ., XXIX). Только предъ волею царя сми-

рялась ихъ невѣжественная спесь. Призывалъ ихъ Алексѣй Михайловичъ на комедіи смотрѣть, — и смотрѣли; одѣлся Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ польское платье, — и придворные одѣлись (см. Берха, «Царств. Ѳеод. Алекс.»); велѣлъ мѣстничества уничтожить, — и уничтожили. Но зато, не сдержанные царской волей, они безобразно и дико проявляли свое невѣжество и спесь. Суевѣріе господоствовало въ страшныхъ размѣрахъ и служило нерѣдко орудіемъ жестокихъ несправедливостей и преступленій. Такъ, еще при царѣ Михаилѣ пострадалъ Илья Даниловичъ Милославскій по обвиненію его въ томъ, что онъ владѣлъ какимъ-то волшебнымъ перстнемъ; у него отняли имѣніе и самого долго держали подъ стражею. Подобное же обвиненіе было употреблено партіею Милославскихъ, какъ средство для отвращенія Алексѣя Михайловича отъ женитьбы на дочери Рафа Всеволожскаго: невѣстѣ, уже выбранной царемъ, такъ туго зачесали волосы, что она упала въ обморокъ въ присутствіи царя, и вслѣдствіи того на нее донесли, что она страждетъ черной немочью, а отца обвинили въ колдовствѣ, за что онъ со всей семьей и отправленъ былъ въ ссылку. Подобнымъ образомъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ, дядя Алексѣя Михайловича, лишенъ былъ боярскаго сана и сосланъ въ Вологду, по обвиненію въ чародѣйствѣ. Такъ и на самого Матвѣева доносили, что онъ чародѣй и знаетъ тайную силу травъ, — тогда еще, какъ только Алексѣй Михайловичъ объявилъ свое намѣреніе жениться на его воспитанницѣ (Устр., I, стр. 6). Въ то время онъ успѣлъ оправдаться; но при Ѳеодорѣ снова обвинили его въ сношеніяхъ съ нечистыми духами, по доносу какого-то раба, и допрашивали с

лѣчебникъ, писанномъ цыфирью, и о какой-то *черной* книгѣ. Слѣдствіемъ розыска была ссылка въ Пустозерскій острогъ! Во время перваго стрѣлецкаго бунта докторъ фонъ-Гаденъ схваченъ былъ какъ волшебникъ, потому что у него нашлись сушеныя змѣи (т. I, стр. 39). Василій Васильевичъ Голицынъ пыталъ дворянина Бунакова, который, идя съ нимъ, вдругъ упалъ на землю отъ болѣзни, называемой *утихомъ*, и по существовавшему повѣрью взялъ въ платокъ земли съ того мѣста, гдѣ онъ упалъ. Голицынъ, испугавшись, билъ челомъ въ Земскій приказъ, что Бунаковъ «*вымалъ у него слѣдъ*»; Бунакова пытали (см. Желябужъ въ изд. Сахар., стр. 22). Тотъ же самый Голицынъ, увидавъ благосклонность Софіи къ Шакловитому, призвалъ одного изъ своихъ крестьянъ, слывшаго знахаремъ, и бралъ у него коренья, которые и клалъ «*для приворотенія*» въ кушанье царевны; а потомъ, чтобы не было проносу отъ колдуна, Голицынъ велѣлъ его сжечь въ банѣ (Устр., т. II, стр. 48). Сама Софія вѣрила волхвамъ и прорицателямъ и совѣтовалась съ ними, всего чаще черезъ посредство Сильвестра Медвѣдева, который также въ нихъ вѣровалъ. Такъ, между прочимъ, довѣрялись они одному польскому пройдохѣ, Митькѣ Силину, который и князя Голицына пользовалъ и нашелъ въ немъ одну болѣзнь: «что онъ любитъ *чужбину*, а жены своей не любитъ». Такъ точно уже при паденіи Софіи Медвѣдевъ совѣтовался съ волхвомъ Васильемъ Иконниковымъ, который увѣрялъ, что «самимъ сатаною владѣетъ», и что если царевна дастъ ему 5.000 червонцевъ, то все будетъ попрежнему (Устр., II, 68). Старшія сестры Петра всѣ, по свидѣтельству историка, постоянно были окруже-

ны ханжами и юродивыми; первая супруга его, Евдокія, также выказывала большую «наклонность къ видѣніямъ и пророчествамъ» (т. II, стр. 119). Даже бояре, приверженные къ Петру, не возвышались надъ предразсудками своего времени, какъ видно изъ приводимаго г. Устряловымъ (т. II, стр. 347—350) розыскнаго дѣла о стольникѣ Безобразовѣ 1689 г. Безобразовъ этотъ, «старичишка дряхлый, увѣчный, почти оглохшій и ослѣпшій» (по его словамъ въ челобитной) отправленъ былъ послѣ 47-лѣтней службы, воеводою въ крѣпость Теркн. Доѣхавъ до Нижняго, онъ послалъ челобитную къ царямъ о дозволеніи ему возвратиться въ Москву или хоть остаться въ Казани. Крѣпостные люди его, Персидскій и Ивановъ, обокрали старика, бѣжали отъ него и явились въ Москву съ извѣтомъ, что Безобразовъ: 1) имѣлъ сношенія съ Шакловитымъ, 2) на пути къ Нижнему и въ Нижнемъ призывалъ къ себѣ разныхъ ворожей и вѣдуновъ, изъ которыхъ одинъ «накупился напустить по вѣтру тоску на царя Петра и мать его, чтобы они сдѣлались къ Безобразову добры и воротили его въ Москву». Какъ ни важно было тогда первое обстоятельство — знакомство съ Шакловитымъ, но волшебство болѣе испугало бояръ, и въ розыскномъ дѣлѣ все вниманіе слѣдователей обращено именно на этотъ пунктъ. Захватили нѣсколько вѣдуновъ, оговоренныхъ доносчиками, допрашивали ихъ подъ пыткою, равно какъ и самого Безобразова, вынудили, разумѣется, признаніе и приговорили: Безобразову отсѣчь голову, жену его сослать по смерть въ тихвинскій Введенскій монастырь, двухъ главныхъ вѣдуновъ — Коновалова и Бобыля — сжечь въ срубѣ, прочихъ вѣдуновъ нещадно бить

кнутомъ на козлѣ... Но и этимъ слѣдователи не были успокоены; около двухъ лѣтъ послѣ того производились розыски въ Коломнѣ, Касимовѣ, Переяславѣ-Рязанскомъ и Нижнемъ-Новгородѣ. Одинъ вѣдунъ оговаривалъ другого, другой третьяго. Воеводамъ предписано: разспрашивать «про все накрѣпко; а буде учнутъ запираться, пытать». «Воеводскіе розыски были ужасны, — прибавляетъ г. Устряловъ (стр. 350): — сысканные вѣдуны и ворожеи *подлыманы* были при допросахъ по нѣскольку разъ *со встряскою*. Нѣкоторые изъ оговоренныхъ винились въ ворожбѣ на бобахъ, на водѣ, на деньгахъ; другіе, при всѣхъ истязаніяхъ, ни въ чемъ не сознавались и умирали подъ пыткою или въ тюрьмѣ, до разрѣшенія дѣла». Подобнымъ же усердіемъ отличались бояре, когда пришлось имъ разбирать лжепророчество бродяги Кульмана, появившагося въ Москвѣ въ послѣднее время правленія Софіи. Толкуя всякій вздоръ, проповѣдуя о какихъ-то видѣніяхъ, бывшихъ ему, сочиняя свой особенный религіозный кодексъ, Ruhl-Psalter, какъ онъ назвалъ, этотъ полоумный нѣмецъ имѣлъ однако же столько смысла, чтобы сказать при допросѣ: «меня послалъ въ Москву духъ для проповѣданія моихъ видѣній; если же вы не хотите меня слушать, то позвольте мнѣ удалиться». Но бояре не подались на такое убѣжденіе; они распорядились проще: «еретика Кульмана, съ его богомерзкими книгами, за прелестное ученіе сжечь всенародно». И сожгли... (Устр., т. II, стр. 113). Такимъ образомъ все, что могъ встрѣтить Петръ около своего брата и вообще при дворѣ, погружено было тогда въ грубѣйшее суевѣріе, нисколько не возвышаясь въ этомъ случаѣ надъ простонародьемъ. Чтобы не

приводить частныхъ примѣровъ и показать, до какой степени волшебство и чернокнижіе вошло въ древней Руси въ рядъ ординарныхъ, юридически-опредѣленныхъ преступленій, — укажемъ на *повальное* свидѣтельство Кошихина: «А бываютъ мужескому полу смертныя и всякія казни: головы отсѣкаютъ за убійства смертныя и за иныя злыя дѣла, вѣшаютъ за убійства жь и за иныя злыя дѣла, жгутъ живого за богохульство, за церковную татьбу, за содомское дѣло, за *волховство*, за *чернокнижество*, за книжное преложеніе, кто учнетъ вновь толковать воровски противъ апостоловъ и пророковъ и св. отцовъ. А смертныя казни женскому полу бываютъ: за богохульство и за церковную татьбу, за содомское дѣло жгутъ живыхъ, за *чаровство* и за убійство отсѣкаютъ головы», и пр (Коших., т. VII, стр. 33). Таковы были понятія о высшихъ силахъ у тѣхъ людей, отъ которыхъ такъ счастливо удаленъ былъ Петръ во время своего дѣтства.

Не лучше были и общія нравственныя понятія. О заслугахъ, о личномъ достоинствѣ никто и не думалъ; гордились только знатностью рода, мѣстническими счетами. Несмотря на неоднократные указы, что за мѣстничество быть «въ наказаньи, разореньи и ссылкѣ, безъ всякаго милосердія и пощады», счеты породою не только не переставали, но доходили до страшныхъ размѣровъ, все болѣе теряя и тотъ смыслъ, какой былъ въ нихъ прежде, и все болѣе привязывалъ къ мелочамъ и внѣшности. Доходило до того, что одинъ боярин билъ челомъ на другого за то, что тотъ за столомъ «смотрѣлъ на него звѣрообразно». Даже послѣ сожженія разрядныхъ списковъ, прежняя спесь еще долго оставалась въ боярахъ. Такъ передъ пер-

вымъ крымскимъ походомъ царедворцы пришли въ негодованіе, когда Голицынъ распредѣлилъ ихъ по ротамъ, такъ что стольникамъ пришлось писаться ниже стряпчихъ и жильцовъ. Во главѣ недовольныхъ были тогда: князь Борисъ Долгорукій, князь Юрій Щербатый, Дмитріевъ и Масальскій. Въ ознаменованіе своего неудовольствія, они явились на смотръ въ траурныхъ одеждахъ, на коняхъ подъ черными попонами, — что суевѣрный Голицынъ принялъ даже за зловѣщее пророчество (Устр., т. I, стр. 196). Мало того, при самомъ Петрѣ, въ первые годы его правленія, извѣстны *родовые* перебранки самыхъ приближенныхъ къ нему людей. Такъ, въ 1691 г., по извѣстію Желябужскаго, князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій во дворцѣ побранился съ княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ; «называлъ онъ Голицына измѣнничьимъ *правнукомъ*, что *при Растригѣ прадѣдъ* его въ яузскихъ воротахъ былъ проповѣдникомъ». Въ 1693 г. въ домѣ боярина П. В. Шереметьева поссорились князь М. Г. Ромодановскій и бояринъ А. С. Шеинъ, при многочисленномъ собраніи бояръ. Ромодановскій безчестилъ Шеина всячески, билъ, даже хотѣлъ рѣзать ножемъ, называя прадѣда его (Мих. Бор. Шеина) измѣнникомъ, а его измѣнничьимъ *внукомъ*. Шеинъ съ своей стороны, по жалобѣ Ромодановскаго, называлъ его *малопородным*ъ и худымъ князишкомъ; отца же его, Григорья Григорьевича, — неслугою... (Устр., т. II, стр. 364). Видно, что мѣстничество не умерло въ сердцахъ боярскихъ съ уничтоженіемъ разрядныхъ списковъ. Къ счастью, Петръ удаленъ былъ въ дѣтствѣ своемъ отъ этой родословной спеси. Нарышкины были люди не родословные и, по всей вѣроятности, при Ѳеодорѣ и при владыче-

ствѣ Софіи, не слишкомъ были уважаемы высшимъ боярствомъ. Значитъ Петръ не только не могъ напитаться ядомъ этой тлетворной атмосферы, но даже долженъ былъ получить къ ней отвращеніе. Всякое проявленіе высокомѣрія и дерзости боярской, начиная отъ колкихъ выходокъ царской няньки, злобной боярыни Хитрово, до посягательствъ Шакловитаго, говорившаго, что нечего смотрѣть на Наталью Кирилловну: «она прежде ничѣмъ была, въ лаптяхъ ходила», — всякое подобное проявленіе, сдѣлавшись извѣстнымъ Петру, должно было возбуждать въ немъ горькія чувства и тяжелыя мысли. А, конечно, очень многое не могло скрыться отъ него, да, вѣроятно, и не старались скрывать. Въ немъ партія Нарышкиныхъ видѣла свою надежду, свое торжество, и потому незачѣмъ было ей щадить передъ нимъ враговъ своихъ. Часто находясь вмѣстѣ съ матерью, онъ могъ слышать многое, что передавалось ей въ разговорахъ, и что она сама говорила. Весьма естественно развилось въ немъ чувство отвращенія къ спеси и чванству старинныхъ бояръ, и здравыя понятія о достоинствѣ заслугъ и трудовъ, столь простыя и близкія человѣку, не исказившему природнаго смысла, — очень легко, конечно, могли овладѣть его умомъ. Въ своей послѣдующей дѣятельности онъ постоянно доказывалъ, что не дорожитъ *породою,* возвышая и приближая къ себѣ людей всѣхъ званій.

Этого недостаточно: Петръ, выросши на свободѣ и привыкши запросто обращаться съ своими сверстниками, и самъ не могъ слишкомъ дорожить той величавой торжественностью, съ которой являлись обыкновенно народу его предшественники. Даже

Θеодоръ не отступалъ въ этомъ случаѣ отъ древняго обычая. Тапперъ разсказываетъ, какъ очевидецъ, что когда Θеодоръ Алексѣевичъ ѣздилъ куда-нибудь, то впереди кареты бѣжали два скорохода, крича встрѣчнымъ въ городѣ, чтобы они прятались, а на полѣ или въ другомъ мѣстѣ гдѣ спрятаться было негдѣ — чтобы падали на землю... (см. у Берха, «Царств. Θеод. Алекс.», ч. I, стр. 63). Петръ, какъ мы знаемъ, держалъ себя совершенно просто со всѣми и не только запросто показывался народу, но готовъ былъ разсуждать о чемъ угодно со всякимъ матросомъ, плотникомъ, кузнецомъ. Не легко было бы ему привыкнуть къ этому, если бы онъ прошелъ всю мудреную школу тогдашняго дворскаго этикета, приличнаго тогдашнему царевичу. Но живая натура не поддалась этому этикету съ самаго начала, обстоятельства доставили ему возможность вырости на свободѣ, а знакомство съ нѣмцами довершило торжество его стремленій надъ старинною рутиной придворныхъ обычаевъ и боярской неподвижности [5].

Самыя удовольствія, бывшія при дворѣ предшественниковъ Петра, не успѣли привиться къ нему.

---

[5] Изъ дѣтства Петра г. Устряловъ приводитъ два случая, какъ совершенно достовѣрные, въ доказательство пылкости и стремительности его натуры, выразившихся уже и въ дѣтской его рѣзвости и живости. Первый случай разсказываетъ Лизекъ, бывшій секретаремъ шведскаго посольства въ Москвѣ, въ послѣдній годъ жизни Алексѣя Михайловича. Когда послы представлялись царю, царица, мать Петра, по обыкновенію не могшая присутствовать при аудіенціи, смотрѣла на пріемъ пословъ изъ-за двери сосѣдняго покоя. Петръ, еще трехлѣтній мальчикъ, былъ тутъ же при матери: вѣроятно, ему наскучило смотрѣть изъ-за двери и показалось страшнымъ, что ему нельзя войти туда, гдѣ другіе: онъ распахнулъ двери настежь и этимъ, замѣчаетъ Лизекъ, далъ возможность посламъ увидѣть московскую государыню (Устр., т. I, стр. 10). Другой случай записанъ Кемпферомъ въ своихъ „Запискахъ". Это было въ 1683 г., тоже при представленіи пословъ; Петру было тогда уже одиннадцать лѣтъ. Онъ сидѣлъ на тронѣ,

Онъ не любилъ соколиной охоты, не любилъ проводить цѣлые дни, забавляясь шутами и дураками. Между тѣмъ, царь Алексѣй Михайловичъ самъ сочинилъ «*Урядникъ*», въ которомъ изложилъ чинъ охоты; охота была при немъ дѣломъ высокой важности, дѣломъ государственнымъ. При немъ посылали особыхъ, нарочитыхъ людей для сокольей и кречетьей ловли даже до Тобольска. Столь важное значеніе имѣла въ то время охота! Но Петръ не имѣлъ къ ней пристрастія, точно также какъ и къ музыкѣ, которая тоже введена была при дворѣ Алексѣя Михайловича. Онъ признался въ этомъ курфирстинѣ ганноверской, съ которой видѣлся въ Коппенбургѣ во время своего путешествія, въ 1697 г. «Я болѣе всего люблю плавать по морямъ, спускать фейерверки, строить корабли», — сказалъ онъ, и далъ принцессѣ пощупать свои руки, загрубѣвшія отъ работы (Устр., т. III, стр. 58).

Шутовъ Петръ еще держалъ при себѣ, но при немъ они играли уже не ту роль, что прежде; они рѣзали бороды приближеннымъ боярамъ да подсмѣивались надъ стариной. Прежніе шуты, напротивъ, служили почти всегда праздною потѣхою, и

вмѣстѣ съ братомъ — Іоанномъ. „Старшій братъ, надвинувъ шапку на глаза, съ потупленнымъ взоромъ, никого не видя, сидѣлъ почти неподвижно; младшій смотрѣлъ на всѣхъ съ открытымъ, прелестнымъ лицомъ, на которомъ, при обращеніи къ нему рѣчи, безпрестанно играла кровь юношества. Дивная красота его, говоритъ Кемпферъ, — плѣняла всѣхъ предстоявшихъ, а живость его приводила въ замѣшательство степенныхъ сановниковъ московскихъ. Когда посланникъ подалъ вѣрящую грамоту, и оба царя должны были встать въ одно время, чтобы спросить о королевскомъ здоровьѣ, младшій не далъ времени дядькамъ приподнять себя и брата, какъ требовалось этикетомъ, быстро всталъ съ своего мѣста, самъ приподнялъ царскую шапку и бѣгло заговорилъ обычный привѣтъ: „его королевское величество, братъ нашъ Королусъ свейскій поздорову ль?“ Петру было тогда съ небольшимъ одиннадцать лѣтъ; но Кемпферу онъ показался не менѣе шестнадцати лѣтъ“ (Устр., т. II, стр. 1—2).

«царское *жалованье*» къ нимъ было сообразно съ этимъ ихъ назначеніемъ. Въ сочиненіи Берха о царствованіи Ѳеодора Алексѣевича помѣщены два указа о спѣвакѣ Григорьѣ и о дуракѣ Тарасѣ (прилож. XIII и XIV); въ одномъ говорится: «Великій государь-царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ — спѣвакѣ Григорью Воробьеву сдѣлать рукавицы суконныя, кармазиновыя». Въ другомъ, съ такими же величаніями, заключается приказъ о томъ, чтобы сшить дураку Тарасу кафтанъ суконный; и мѣрка его опредѣлена подробно... Впрочемъ, иногда шуты получали «жалованье» и побольше: такъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ шуту Чердынцу Бухонину пожалованъ былъ *Печерскій волокъ*...

Потѣха шутами и дураками не нужна была Петру уже и потому, что онъ нашелъ возможность лучшаго веселья, открывши свободный входъ въ общество женщинѣ. Запертая въ своемъ теремѣ, не видя свѣта, не зная никакихъ развлеченій, русская дѣвушка, подъ родительскимъ надзоромъ, и потомъ женщина, подъ властью мужа, не могла не роптать на свою грустную участь. Свидѣтельство этого слышится въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ. Но болѣе всѣхъ испытывали все горе затворничества дочери царя. Объ ихъ положеніи очень хорошо говоритъ Кошихинъ въ 25-й статьѣ первой главы своей книги. Но его выраженія могутъ показаться не совсѣмъ изящными для тонкаго вкуса современныхъ читателей, и потому мы приведемъ его замѣчанія не въ подлинникѣ, а въ изящномъ и краснорѣчивомъ перифразѣ, какой сдѣлалъ изъ нихъ г. Устряловъ (т. I, стр. 25).

Никакой монастырь не могъ быть скромнѣе и благочестивѣе царскихъ теремовъ, гдѣ въ глубокомъ уединеніи, частью въ молитвѣ и постѣ, частью въ занятіяхъ рукодѣліемъ и въ невинныхъ забавахъ съ сѣнными дѣвушками, проводили дни благовѣрныя царевны, дочери Михаила и Алексѣя. Никогда постороннiй взоръ не проникалъ въ ихъ хоромы; только патріархъ и ближніе сродники царицы могли имѣть къ нимъ доступъ. Самые врачи приглашались развѣ въ случаѣ тяжелаго недуга и не должны видѣть лица больной царевны. Въ церковь онѣ выходили скрытыми переходами и становились въ такомъ мѣстѣ, гдѣ были никѣмъ не зримы. Если же отправлялись во святыя обители внѣ дворца, для молитвы, или въ окрестныя дворцовыя села, что случалось, впрочемъ, рѣдко, то выѣзжали въ колымагахъ и рыдванахъ, отвсюду закрытыхъ, съ завѣшанными тафтою стеклами. Не было при дворѣ ни одного праздника или торжества, на которое являлись бы царевны. Только погребеніе отца или матери вызывало ихъ изъ терема: онѣ шли за гробомъ въ непроницаемыхъ покрывалахъ. Народъ зналъ ихъ единственно по имени, возглашаемому въ церквахъ при многолѣтіи царскому дому, также по щедрымъ милостынямъ, которыя онѣ приказывали раздавать нищимъ. Ни одна изъ нихъ не испытала радостей любви, и всѣ онѣ умирали безбрачными, большею частью въ лѣтахъ преклонныхъ. Выходить царевнамъ за подданныхъ воспрещалъ обычай; выдавать ихъ за принцевъ иноземныхъ мѣшали многія обстоятельства[6], въ особенности различіе вѣроисповѣданій.

Подобную жизнь вели дѣвушки въ древней Руси, исключая, разумѣется, того обстоятельства, что для нихъ предстояло впереди замужество. Но и въ замужествѣ затворничество не прекращалось, и въ кругу мужчинъ могли быть только женщины, уже отверженныя отъ общества, о существованіи которыхъ въ древней Руси, совершенно независимо отъ Нѣмецкой Слободы, разсказываетъ Таннеръ. Онъ

[6] Кошихинъ прибавляетъ, между прочимъ: „да и для того, что иныхъ государствъ языка и политики не знаютъ“.

говоритъ, что видѣлъ «на рынкѣ, въ Китаѣ-городѣ, многихъ женщинъ, которыя были нарумянены, набѣлены и держали во рту бирюзовые перстни. На вопросъ, что это значитъ, отвѣчали мнѣ, что женщины эти торгуютъ своими прелестями» (см. у Берха, «Царств. Θеод. Алекс.», стр. 68). Очевидно, что этотъ разрядъ женщинъ еще болѣе унижалъ положеніе женщины въ древней Руси, и судьба ея вообще была невесела.

Нѣтъ сомнѣнія, что и Петръ, воспитывавшійся долго на женскихъ рукахъ, слыхалъ грустныя жалобы своей матери и сестеръ; а примѣръ Софіи долженъ былъ доказать ему, какія странныя и грустныя явленія возможны, когда развитіе и жизнь женщины принуждены идти неестественнымъ путемъ. Если въ Петрѣ до знакомства съ жизнью иноземцевъ въ Нѣмецкой Слободѣ и не было мысли объ измѣненіи общественнаго положенія женщины въ Россіи, — то, по крайней мѣрѣ, въ немъ не могла развиться и особенная любовь къ ея заключенному, *теремному* положенію въ древней Руси.

Не безызвѣстны, конечно, были Петру, еще отроку, и другія общественныя отношенія, не проявлявшіяся, можетъ быть, прямо при дворѣ, но тѣмъ не менѣе дававшія всему управленію какой-то особенный отпечатокъ нестройности, неурядицы, ненадежности. Военныя дѣйствія, напр., производились около этого времени далеко отъ Москвы, въ краяхъ пограничныхъ; тѣмъ не менѣе до правительства доходили извѣстія о *непорядкахъ* въ войскѣ, и непорядки эти гласно и всенародно выставлялись на видъ при началѣ каждаго новаго похода. Въ 1677 г. созывая воиновъ и посылая ихъ въ походъ, Θеодоръ Іоанновичъ писалъ: «Вѣдомо намъ учинилось,

что изъ васъ многіе сами, и люди ваши, идучи дорогою, въ селахъ и деревняхъ, и на поляхъ, и на сѣнокосахъ, уѣздныхъ людей били и грабили, и что кому надобно, то у нихъ отнималось безденежно, и во многихъ мѣстахъ луга лошадьми вытомчили и хлѣбъ потравили». Послѣ исчисленія всякихъ обидъ, чинимыхъ жителямъ отъ ратныхъ людей, дается имъ совѣтъ впредь того не дѣлать, подъ страхомъ наказанія (см. у Берха, «Царств. Θеод. Алекс.», прилож. XIX). Подобный же указъ данъ былъ и предъ первымъ крымскимъ походомъ. Кромѣ того, важною статьей въ старинныхъ походахъ русскихъ были *нѣтчики:* въ первомъ крымскомъ походѣ въ стотысячномъ войскѣ Голицына ихъ оказалось болѣе 1,300. Многіе являлись на смотръ, но потомъ отставали на походѣ. Такъ въ полку Гордона на смотру Бутырскомъ было 894 человѣка; а въ Ахтырку пришло только 789 (Устр., т. I, стр. 195). Даже не имѣя никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ, можно сообразить, что Петру не могло быть неизвѣстнымъ подобное положеніе дѣлъ, и что оно не могло ему нравиться. Это мы должны предположить уже и потому, что съ десяти лѣтъ Петръ, вмѣстѣ съ Іоанномъ, величался царемъ всея Руси; онъ принималъ пословъ, именемъ его писались указы, на его имя подавались челобитныя и донесенія. Если онъ не интересовался самъ по себѣ этими дѣлами, то его мать, родственники и приверженцы должны были стараться обратить на нихъ его вниманіе. Но, кромѣ этого весьма естественнаго соображенія, на то, что Петру отчасти были извѣстны текущія дѣла, указываютъ нѣкоторыя сохранившіяся свидѣтельства. Съ 1686 г., т.е. съ четырнадцатилѣтняго возраста, Петръ внушаетъ

уже страхъ Софіи, и она старается, по возможности, преслѣдовать даже тѣхъ, на которыхъ обращалась его благосклонность. Вообще Петръ былъ центромъ, около котораго сосредоточивалась борьба двухъ партій. Приверженцы Софіи смотрѣли на него какъ на главную помѣху въ ихъ дѣйствіяхъ, противники царевны возлагали на него всѣ свои надежды. Кромѣ родственниковъ царицы, въ числѣ первыхъ явныхъ приверженцевъ Петра замѣчательны: князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. На нихъ также обращено было вниманіе враговъ Петра. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ особенно боялся князя Черкасскаго, который не боялся открыто порицать не только его, но и Софію. Во время перваго крымскаго похода Голицынъ неоднократно писалъ Шакловитому, съ безпокойствомъ освѣдомляясь, что этотъ «*пріятель* о немъ глаголетъ». Въ одномъ письмѣ онъ умоляетъ Шакловитаго смотрѣть за Черкасскимъ «недреманнымъ окомъ», «*отбивать* его хотя бъ патріархомъ или царевною Анною Михайловной, или Татьяной Михайловной». Въ другомъ письмѣ онъ спрашиваетъ: «пожалуй, отпиши, нѣтъ ли какихъ дьявольскихъ препонъ *отъ тѣхъ?*» (Устр., т. I, стр. 341). По всей вѣроятности, подъ *тѣми* разумѣется опять партія Петра.

Съ своей стороны приверженцы Петра также слѣдили за людьми и старались отыскивать и представлять Петру людей надежныхъ и имъ благопріятныхъ. Что представленія Петру разныхъ лицъ были дѣломъ обыкновеннымъ и что за ними зорко слѣдили приверженцы обѣихъ партій, видно изъ слѣдующей выписки изъ письма Шакловитаго къ Голицыну во время перваго крымскаго похода: «Се-

го жъ числа, послѣ часовъ были у государя у руки новгородцы, которые ѣдутъ на службу; и какъ ихъ изволилъ жаловать государь царь Петръ Алексѣевичъ, въ то время подступя, нарочно вставъ съ лавки, Черкасскій объявилъ тихимъ голосомъ князь Василья Путятина: прикажи, государь мой, въ полку присмотрѣть, каковъ онъ тамъ будетъ» (Устр., т. I, прил. VII, стр. 356). Изъ этого видно, что офиціальныя представленія государю совершались въ то время предъ Петромъ, но частный доступъ къ нему для лицъ постороннихъ былъ, вѣроятно, не совсѣмъ удобенъ. Иначе не за чѣмъ было бы князю Черкасскому, при торжественномъ отпускѣ, *тихимъ голосомъ* рекомендовать ему Путятина. Князь могъ, конечно, знать, что такая рекомендація обратитъ на Путятина непріязненное вниманіе противной партіи, и постарался бы, конечно, частнымъ образомъ представить его Петру. Но Софія, какъ видно, боялась расширенія круга Петровыхъ приверженцевъ и всячески затрудняла доступъ къ нему. Это, между прочимъ, доказывается показаніемъ стольника Григорія Языкова (въ розыскномъ дѣлѣ о Шакловитомъ). Языковъ этотъ какъ-то выразилъ неудовольствіе, что «государское имя царя Петра Алексѣевича видимъ, а бить челомъ ему ни о чемъ не смѣемъ». За это Шакловитый подвергъ Языкова жестокой пыткѣ и потомъ выслалъ изъ Москвы, съ строжайшимъ указомъ, подъ смертною казнью, никому не говорить, куда его приводили и о чемъ разспрашивали . . . Подобнымъ образомъ пыталъ Шакловитый татарина Обраима Долокодзина, разспрашивая, для чего бывалъ онъ у Кирилла Полуектовича Нарышкина и у князя Бориса Алексѣевича Голицына (Устр., т. II, стр. 38). Видно, что опасно

было приближаться даже къ любимцамъ Петра во время владычества Софіи.

Очевидно, однакожъ, что нельзя было усмотрѣть за всѣми, и, преслѣдуя всѣхъ подозрѣваемыхъ въ приверженности къ Петру, Софія только еще болѣе ожесточала противную партію, которая очень откровенно и свободно, въ присутствіи Петра, выказывала въ Преображенскомъ свою непріязнь къ правительницѣ и ея партіи. Еще въ апрѣлѣ 1686 г., когда Петру не было и четырнадцати лѣтъ и Софія «учала писаться вмѣстѣ съ братьями, самодержицею», Наталья Кирилловна съ негодованіемъ говорила теткамъ и старшимъ сестрамъ Софіи: «Для чего учала она писаться съ великими государями обще? У насъ люди есть, и того дѣла не покинутъ». Петру, безъ сомнѣнія, объяснено было тогда же это обстоятельство, хотя возможность гласно протестовать противъ него представлялась только черезъ три года. Въ 1689 г. Петръ писалъ къ брату изъ Троицкой Лавры: «Какъ сестра наша, царевна Софія Алексѣевна, государствомъ нашимъ учала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи, что явилось особамъ нашимъ противное, и народу тягость, и *наше терпѣніе* о томъ тебѣ, государь, извѣстно... А теперь, государь братецъ, настоитъ время нашимъ обѣимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего[7], а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей (ц. С. А.) съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ; на то бъ и твоя бъ государя моего брата

[7] Петръ, очевидно, говоритъ здѣсь объ одномъ себѣ, потому что Іоаннъ родился въ 1666 г., слѣд. ему было уже 16 лѣтъ при смерти Ѳеодора, а теперь было уже 23 года.

воля склонилася, потому что стала она въ дѣла вступать и въ титлахъ писаться собою безъ нашего изволенія» (Устр., т. II, стр. 78). Петръ упоминаетъ здѣсь о своемъ *терпѣніи*, конечно, не безъ основанія. Ясно, что онъ давно уже смотрѣлъ съ горькимъ чувствомъ на самовластіе сестры. Вообще, въ Преображенскомъ противъ нея говорилось много дурного. Изъ розыскнаго дѣла о Шакловитомъ оказалось, что постельницы Натальи Кирилловны переносили Софіи враждебныя рѣчи царицы и ея братьевъ. Онѣ извѣщали Софію, что «въ комнатѣ ихъ говорятъ про нее непристойныя и бранныя слова и здравія ей не желаютъ, а пуще всѣхъ Левъ Нарышкинъ и князь Борисъ». Шакловитый, утѣшая при этомъ Софію, говорилъ ей: «чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу известь». То же говорилъ и Василій Голицынъ: «для чего и прежде,—сказалъ онъ,—не уходили ее вмѣстѣ съ братьями? Ничего бы теперь не было». Можетъ быть, что эти рѣчи обратно переносимы были кѣмъ-нибудь къ Нарышкинымъ и еще болѣе воспламеняли ихъ ненависть. Все это Петръ долженъ былъ терпѣть, и въ этомъ терпѣніи болѣе и болѣе закалялся его энергическій, неутомимый характеръ. Характеръ этотъ проявился уже почти вполнѣ сложившимся вскорѣ послѣ перваго крымскаго похода, въ ссорѣ съ Софіей. Послѣ второго же похода произошелъ рѣшительный разрывъ, показавшій, что Петръ лучше, можетъ быть, чѣмъ сама Софія, зналъ и понималъ весь ходъ крымскихъ походовъ и уже рѣшился ясно и открыто опредѣлить свои отношенія — какъ къ сестрѣ, такъ и къ вельможамъ-любимцамъ ея, Голицыну и Шакловитому. Съ этого времени могучая воля Петра является главнымъ двигателемъ послѣдующихъ происшествій.

Но важнѣйшее событіе Петровой юности, нѣсколько разъ отзывавшееся ему и впослѣдствіи, и имѣвшее, безъ сомнѣнія, самое сильное вліяніе на развитіе его характера, было возстаніе стрѣльцовъ. Намъ нѣтъ надобности разсказывать здѣсь это кровавое событіе, столько десятковъ разъ уже разсказанное въ разныхъ исторіяхъ, служившее предметомъ столькихъ разсужденій и соображеній и, наконецъ, сдѣлавшееся такъ общеизвѣстнымъ. Мы упомянемъ только о нѣкоторыхъ чертахъ его, которыя, по нашему мнѣнію, должны были служить къ развитію нѣкоторыхъ сторонъ характера Петра.

Извѣстно, что царевна Софія похвалила и наградила стрѣльцовъ за ихъ буйства, которыя она назвала *побіеніемъ за домъ Пресвятыя Богородицы*. Понятно, какое впечатлѣніе должно было это произвести на Петра. Правда, «мы не знаемъ, — какъ говоритъ г. Устряловъ, — съ какими чувствами смотрѣлъ Петръ на страшное зрѣлище, на гибель дядей, на слезы и отчаяніе матери, на преступныя дѣйствія сестры, готовой все принести въ жертву своему властолюбію» (Устр., т. I, стр. 45). Но зато мы знаемъ, какъ смотрѣла на все событіе партія приверженцевъ Петровыхъ по минованіи перваго страха. Конечно, Петру были сообщены тѣ же воззрѣнія, которыя, хотя и были, конечно, односторонни и пристрастны, но не могли не быть имъ приняты потому, что согласны были съ его собственными, личными впечатлѣніями. Мы имѣемъ, между прочимъ, два описанія перваго стрѣлецкаго мятежа, весьма рѣзко отличающіяся между собою. Одно составлено Матвѣевымъ, котораго отецъ убитъ былъ стрѣльцами, другое — Медвѣдевымъ, сторонникомъ Софіи. Параллельно сличать ихъ разсказъ чрезвы-

чайно любопытно. Оба они стрѣльцовъ не оправдываютъ. Но во взглядѣ на причины, породившія событіе, оба автора далеко расходятся, и историку нужно много проницательности и безпристрастія, чтобы изъ ихъ противорѣчащихъ показаній вывести заключеніе безукоризненно-вѣрное. Къ сожалѣнію, изложеніе этого событія въ сочиненіи г. Устрялова не удовлетворило насъ. Онъ слишкомъ много далъ вѣсу сказаніямъ Матвѣева и мало обратилъ вниманія на Медвѣдева, который уже и потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что подробно и обстоятельно разсказываетъ о началѣ дѣла, изложенномъ у Матвѣева очень кратко и неопредѣлительно. При томъ же сказанія Медвѣдева о причинахъ бунта совершенно согласны съ донесеніемъ датскаго резидента, Бутенанта фонъ-Розенбуша, напечатаннымъ у г. Устрялова въ VI приложеніи къ первому тому «Исторіи Петра» (стр. 330—346). Матвѣевъ, какъ и вся партія, противная Софіи, видитъ въ бунтѣ стрѣльцовъ не болѣе какъ интригу Ивана Михайловича Милославскаго, котораго онъ поэтому и называетъ *скорпіономъ*, заразившимъ ядомъ своимъ все войско стрѣлецкое. Въ этомъ же родѣ разсказываетъ и г. Устряловъ, представляя, разумѣется, Милославскаго орудіемъ Софіи (т. I, стр. 28—31). «Софія, — говоритъ онъ, — хотѣла вырвать кормило правленія изъ рукъ ненавистной мачехи. Въ замыслѣ своемъ она открылась Милославскому, который указалъ ей на стрѣльцовъ и далъ совѣтъ возмутить ихъ. Рѣшено было разгласить въ стрѣлецкихъ слободахъ разныя клеветы на Нарышкиныхъ, и тѣмъ подвинуть ихъ къ бунту. Такъ и сдѣлали: въ стрѣлецкихъ слободахъ молва смѣнялась молвою, одна другой зловѣщье. Нако-

нецъ разнесся слухъ, что Нарышкины задушили царевича. Мятежъ вспыхнулъ.» Въ такомъ видѣ представляется дѣло стрѣльцовъ современному историку, который мало придаетъ значенія предыдущимъ обстоятельствамъ. Тѣмъ естественнѣе было партіи, сдѣлавшейся жертвою кроваваго возстанія, на видѣть въ немъ ничего, кромѣ интригъ Софіи и ея приверженцевъ. Въ стрѣльцахъ всѣ близкіе къ Петру видѣли своихъ личныхъ враговъ, видѣли злодѣевъ, готовыхъ на все по первому слову враждебной имъ партіи. То же чувство успѣло запасть и въ душу Петра, и оно, можетъ быть, вызвало его на потѣшныя игры, сдѣлавшіяся началомъ образованія у насъ регулярнаго войска. Чувство это выражалось потомъ въ недовѣріи къ стрѣльцамъ, въ разсылкѣ ихъ изъ Москвы на границы и въ отдаленные города и наконецъ въ ужасномъ стрѣлецкомъ розыскѣ 1698 г. Ничто не могло измѣнить мнѣніе Петра о стрѣльцахъ, ничто не могло уничтожить въ немъ убѣжденіе, что это опасные крамольники, своевольные злодѣи, готовые всякую минуту поднять знамя бунта. Много лѣтъ спустя, готовясь уже уничтожить стрѣльцовъ (въ 1698 г.), Петръ вспоминалъ, что это все — «сѣмя Ивана Михайловича (Милославскаго) растетъ» (Устр., т. III, стр. 145): такъ сильны въ немъ были впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ, такъ глубоко хоронилось въ душѣ его убѣжденіе, что виною всего была крамола Милославскаго!

Но событія, слѣдовавшія за первымъ стрѣлецкимъ бунтомъ, до 1698 г., должны были показать Петру, что крамола Милославскаго была только случайнымъ обстоятельствомъ, которое пришлось стрѣльцамъ очень кстати и безъ котораго, одна-

кожъ, они поступили бы точно такъ же. Само собою разумѣется, что отъ этого открытія не могло и не должно было исчезнуть въ Петрѣ чувство отвращенія къ стрѣлецкой крамолѣ. Тѣмъ не менѣе, при разъясненіи дѣла, не могло не возникнуть въ душѣ Петра другое чувство, болѣе широкое и сильное: это — отвращеніе отъ всего порядка дѣлъ, производившаго такія явленія, какъ мятежъ стрѣлецкій. Что мятежъ этотъ не былъ просто произведеніемъ Софіи и Милославскаго, а зародился гораздо ранѣе, вслѣдствіе обстоятельствъ совершенно другого рода, въ этомъ Петръ не могъ не убѣдиться послѣдующими событіями и розысками, въ разное время произведенными о стрѣльцахъ. Изъ розысковъ этихъ, равно какъ изъ правительственныхъ актовъ того времени и изъ описанія Медвѣдева, оказывается слѣдующее.

Стрѣльцы составляли лучшее московское войско въ продолженіе цѣлаго столѣтія. Со временъ Бориса Годунова, ихъ подвиги безпрестанно упоминаются въ описаніяхъ дѣлъ ратныхъ. Мало того — во все предыдущее время они отличались непоколебимой вѣрностью престолу и отвращеніемъ отъ всякихъ своевольныхъ дѣйствій. Г. Устряловъ говоритъ о нихъ: «Среди смутъ и неустройствъ XVII вѣка московскіе стрѣльцы содѣйствовали правительству къ возстановленію порядка: они смирили бунтующую чернь въ селѣ Коломенскомъ, подавили мятежъ войска на берегахъ Семи и вмѣстѣ съ другими ратными людьми нанесли рѣшительное пораженіе Разину подъ Симбирскомъ; а два полка московскихъ стрѣльцовъ, бывшіе въ Астрахани, при разгромѣ ея злодѣемъ, хотѣли лучше погибнуть, чѣмъ пристать къ его сообщникамъ, и погибли»

(т. I, стр. 21). Такая вѣрность, доходившая до самоотверженія, была необходимою и естественною отплатою со стороны стрѣльцовъ за тѣ преимущества и привилегіи, какими они постоянно пользовались. Имъ давалось отъ казны оружіе и одежда, тогда какъ помѣстные владѣльцы съ своими людьми должны были снаряжаться въ походъ на собственномъ иждивеніи. Кромѣ того стрѣльцамъ производилось отъ казны жалованье. Сверхъ этого — имъ дохволялось заниматься торговлею и различными промыслами, при чемъ они также освобождены были отъ нѣкоторыхъ повинностей. Суду они подлежали только въ своемъ приказѣ, исключая случаевъ воровства и разбоя. Замѣтимъ при этомъ, что стрѣльцы въ концѣ XVII вѣка были большею частью дѣти стрѣльцовъ же; слѣдовательно права и привилегіи ихъ имѣли уже въ это время видъ какъ бы наслѣдственный. Изъ постороннихъ людей поступали въ стрѣльцы люди вольные, по своей охотѣ, и за каждаго охотника обыкновенно ручался какой-нибудь старый стрѣлецъ. Ясно изъ этого, что стрѣльцы должны были дорожить своей службой и всѣми силами стоять за тотъ порядокъ вещей, при которомъ они могли пользоваться такими удобствами. Точно также очевидно и то, что съ разстройствомъ этого порядка постепенно должна была разстраиваться и вѣрность стрѣльцовъ. До нихъ дошло дѣло позже, чѣмъ до другихъ, но дошло, наконецъ, и до нихъ; тогда они и возстали. Г. Устряловъ, кажется, самъ признаетъ это, хотя и не проводитъ послѣдовательно въ своемъ изложеніи перваго стрѣлецкаго бунта. Мы видѣли выше, что онъ слишкомъ много приписываетъ Софіи и Милославскому; тѣмъ не менѣе, за нѣсколько стра-

ницъ раньше, онъ дѣлаетъ слѣдующія, большею частью вполнѣ справедливыя, замѣчанія.

Первою, главною виною зла было всеобщее разслабленіе гражданскаго порядка, обнаружившееся съ половины XVII вѣка неоднократными бунтами. Не взирая на всю заботливость государей изъ дома Романовыхъ утвердить и обезпечить права и преимущества подданныхъ силою закона, во всѣхъ частяхъ тогдашняго управленія свирѣпствовала общая зараза — безсовѣстное корыстолюбіе. Народъ постоянно роптalъ на лихоимство, неправосудіе и жестокосердіе лицъ, облеченныхъ властью. Самые ближніе царскіе совѣтники не избѣгали нареканій. Общія жалобы и сѣтованія въ особенности усилились въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича. Въ Москвѣ только и говорили о неправдахъ и обидахъ. Стрѣльцы роптали громче другихъ. Издавна дарованное имъ право торговли, съ значительными преимуществами предъ людьми посадскими, поставило ихъ въ положеніе, несообразное съ званіемъ воиновъ, и повлекло за собою неминуемое разслабленіе воинскаго порядка: пустившись въ промыслы, которыми пріобрѣтали значительныя богатства, они думали только о корысти, нерадиво исполняли свои прямыя обязанности, тяготились службою, и самыя справедливыя мѣры строгости считали жестокимъ для себя притѣсненіемъ. Тѣмъ нестерпимѣе было для нихъ наглое насиліе, явное корыстолюбіе, которое *по всей вѣроятности* [!] и имъ не давало пощады". (Т. I, стр. 21—22.)

Факты, разсказанные самимъ г. Устряловымъ, не позволяютъ сомнѣваться, что стрѣльцы не *по всей вѣроятности,* а дѣйствительно терпѣли отъ насилія и корыстолюбія тогдашнихъ правителей. Сначала стрѣльцы только роптали на обиды, имъ причиняемыя; потомъ ропотъ ихъ принялъ характеръ жалобы и угрозы. Еще при царѣ Ѳеодорѣ, незадолго до его кончины (въ апрѣлѣ 1682 г.), стрѣльцы одного полка били челомъ на своего полковника Семена Грибоѣдова «въ несправедливомъ порабо-

щеніи и немилостивомъ мучительствѣ». Главныя обвиненія были тѣ, что Грибоѣдовъ не доплачивалъ стрѣльцамъ жалованья и заставлялъ ихъ строить для него загородный домъ, не увольняя отъ работы даже на свѣтлую недѣлю. Челобитную эту принялъ дьякъ Павелъ Языковъ и велѣлъ принесшему ее стрѣльцу придти за отвѣтомъ на другой день. Представляя эту жалобу князю Долгорукову, управлявшему тогда Стрѣлецкимъ приказомъ, Языковъ сказалъ, что челобитная принесена пьянымъ стрѣльцомъ, который при томъ бранился и грозилъ. Долгорукій велѣлъ высѣчь стрѣльца кнутомъ, «чтобы другимъ неповадно было и чтобы впредь были всегда полковникамъ отъ того страха въ покореніи тяжкомъ», по замѣчанію Медвѣдева. «О неразумнаго и бѣдственнаго совѣта, — прибавляетъ этотъ писатель: — яко неправеднымъ паче хощутъ народъ удержати страхомъ, нежели праведною любовію!» (Медв. у Туманск., VI, 54). Къ этому г. Устряловъ, основываясь на «реляціи» датскаго резидента, прибавляетъ слѣдующія подробности. Стрѣльца, принесшаго просьбу, дѣйствительно взяли, отвели къ съѣзжей избѣ и тамъ, въ толпѣ собравшихся стрѣльцовъ, объявили приговоръ, и приказные служители готовились тутъ же исполнить его. Стрѣлецъ закричалъ толпѣ: «просьбу я подавалъ съ вашего согласія; зачѣмъ же вы допускаете ругаться надо мною?» Воззваніе имѣло свое дѣйствіе: стрѣльцы отняли своего товарища, при чемъ побили приказныхъ служителей и добирались да самого дьяка, который успѣлъ однако ускакать. На другой день во всѣхъ стрѣлецкхъ полкахъ обнаружилось сильное волненіе. Отъ 16 полковъ (всѣхъ было тогда въ Москвѣ 19) написали челобитныя

одного содержанія и хотѣли подать ихъ самому Ѳеодору. Но въ это самое время Ѳеодоръ умеръ (27 апрѣля 1682 г.).

Извѣстно, что стрѣльцы ни мало не препятствовали нареченію Петра царемъ, не обнаружили никакихъ враждебныхъ расположеній къ новому правительству и безпрекословно присягнули вмѣстѣ съ другими. Ясно, что они ничего болѣе не замышляли, какъ только отыскать въ высшемъ правосудіи защиту противъ своихъ полковниковъ. На третій день по воцареніи Петра къ его дворцу пришла толпа стрѣльцовъ съ тою же челобитною, которую хотѣли подать Ѳеодору Алексѣевичу. Въ челобитной было длинное исчисленіе обидъ, причиненныхъ стрѣльцамъ полковниками и даже низшими начальниками. «Они, — говорилось въ челобитной,— стрѣльцамъ налоги, и обиды, и всякія тѣсности чинили, и приметывались къ нимъ для взятковъ своихъ и для работы, и били жестокими побоями, и на ихъ стрѣлецкихъ земляхъ построили загородные огороды, и всякіе овощи, и сѣмена на тѣхъ огородахъ покупать имъ велѣли на сборныя деньги; и для строенія и работы на тѣ свои загородные огороды ихъ и дѣтей ихъ посылали работать; и мельницы дѣлать, и лѣсъ чистить, и сѣно косить, и дровъ сѣчь и къ Москвѣ на ихъ стрѣлецкихъ подводахъ возить заставляли... и для тѣхъ своихъ работъ велѣли имъ покупать лошадей неволею, бивъ батоги; и кафтаны цвѣтные съ золотыми нашивками, и шапки бархатныя, и сапоги желтые неволею же дѣлать имъ велѣли. А изъ государскаго жалованья вычитали у нихъ многія деньги и хлѣбъ, и съ стѣнныхъ и прибылыхъ карауловъ по 40 и по 50 человѣкъ спускали и имали за то съ человѣка

по 4 и по 5 алтынъ, и по 2 гривны, и больше, а съ недѣльныхъ по 10 алтынъ, и по 4 гривны и по полтинѣ, жалованье же, какое на тѣ караулы шло, себѣ брали, а къ себѣ на дворъ, кромѣ денщиковъ, многихъ брали въ караулъ и работу работать». Все это стрѣльцы хотѣли *доправить,* и для того представили при челобитной даже счетъ недоплаченнаго жалованья. Кромѣ того стрѣльцы требовали, чтобы полковники были отставлены и выданы имъ головою для правежа. Положеніе новаго правительства въ этомъ случаѣ едва ли было слишкомъ затруднительно. Челобитная была написана обдуманно и спокойно; стрѣльцы обращались къ правительству съ полнымъ довѣріемъ, требуя только правосудія, фактовъ въ челобитной было представлено такъ много, и выставлены они были такъ опредѣлительно, что разыскать ихъ было нетрудно. Правительство Нарышкиныхъ могло въ это время удовлетворить справедливымъ требованіямъ стрѣльцовъ, не роняя своего достоинства, не выказывая своей слабости. Но оно не сумѣло поддержать себя. Испуганное криками нѣкоторыхъ стрѣльцовъ, что въ случаѣ отказа они пойдутъ и сами перебьютъ своихъ полковниковъ, — правительство согласилось на требованія челобитчиковъ, не предоставивши себѣ даже права изслѣдовать дѣло. Но, дѣлая это пожертвованіе, не умѣли и его сдѣлать вполнѣ: не выдали полковниковъ стрѣльцамъ въ слободы на полную волю, какъ тѣ требовали, а приняли дѣло расправы съ полковниками на себя. Патріархъ и другія духовныя лица уговорили стрѣльцовъ сдѣлать эту уступку, стрѣльцы согласились: видно, что довѣріе къ новому правительству еще не было потеряно. Но и этимъ благопріятнымъ обстоятель-

ствомъ не умѣли воспользоваться: вмѣсто того, чтобы положить мѣру наказанія каждому полковнику по дѣламъ его, сообразившись предварительно съ требованіями стрѣльцовъ, — имъ самимъ позволили распоряжаться при правежѣ. Въ теченіе восьми дней полковниковъ били батогами ежедневно часа по два, до уплаты предъявленныхъ на нихъ счетовъ. Съ иныхъ взыскано было до 2,000 рублей или червонныхъ. «Все дѣлалось именемъ правительства,—замѣчаетъ очевидецъ (датскій резидентъ),— но волею стрѣльцовъ: они толпились на площади, предъ приказомъ, и распоряжались какъ судьи; правежъ прекращался только тогда, когда они кричали: ‹довольно!› Иные полковники, на которыхъ болѣе они злобились, были наказываемы по два раза въ день». При всемъ томъ стрѣльцы, какъ видно, не были вполнѣ довольны этимъ оборотомъ дѣла: въ то время какъ одни расправлялись на площади передъ Разрядомъ съ полковниками, другіе принялись въ своихъ слободахъ за пятисотныхъ и сотниковъ, которыхъ подозрѣвали въ единомысліи съ полковниками: ихъ сбрасывали съ каланчей съ криками: ‹любо! любо!› . . . Князь Долгорукій, — тотъ самый, который хотѣлъ высѣчь кнутомъ стрѣльца, принесшаго общую челобитную въ приказъ, — старался теперь укротить стрѣльцовъ. Весьма естественно, что ему отвѣчали бранью и угрозами. Умы уже были раздражены, и, можетъ быть, правительству нужно было уже тогда сдѣлать что-нибудь побольше того, чѣмъ наказать полковниковъ, которые притѣсняли стрѣльцовъ. Напр., мы видимъ, что начальникъ Стрѣлецкаго приказа, князь Долгорукій, управлявшій имъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, не былъ любимъ стрѣльцами и не умѣлъ съ ними об-

ходиться; однакоже онъ остался на своемъ мѣстѣ и во время мятежа былъ убитъ.

Вмѣсто того чтобы позаботиться объ отвращеніи общаго бѣдствія, Нарышкины въ это опасное время хлопотали только о себѣ. Въ самомъ разгарѣ стрѣлецкой расправы съ полковниками, Нарышкины забирали себѣ важныя мѣста въ государствѣ. Боярин Иванъ Языковъ отставленъ былъ отъ должности оружейничаго, и на мѣсто его опредѣленъ Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ, имѣвшій тогда всего 22 года отъ роду и отличавшійся чрезмѣрной пылкостью и рѣзкостью. Два брата Лихачевы были отставлены отъ должностей комнатнаго стольника и кравчаго, и вмѣсто нихъ назначены стольникомъ Аѳанасій Кирилловичъ Нарышкинъ, а кравчимъ — Кириллъ Алексѣевичъ Нарышкинъ. Стрѣльцы, не чуждые также родословныхъ интересовъ, негодовали на слишкомъ быстрое возвышеніе Нарышкиныхъ, не бывшихъ доселѣ въ числѣ родословной знати. Но главной причиной ихъ ропота было, вѣроятно, опасеніе, что родственники Нарышкиныхъ, забравши себѣ всю власть, станутъ ихъ притѣснять, какъ въ памятное еще тогда время первыхъ лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича притѣсняли народъ родственники Морозова и Милославскаго. Личный характеръ Ивана Нарышкина подтверждалъ подобныя опасенія: не даромъ же про него распустили басню, будто онъ надѣвалъ корону и хотѣлъ задушить царевича Іоанна. Басня была нелѣпа, но, выдумывая ее, старались же, конечно, о томъ, чтобъ она подходила къ его характеру: это было необходимо, чтобы сохранить хоть какое-нибудь правдоподобіе.

Со времени возвышенія Нарышкиныхъ и начина-

ются сношенія стрѣльцовъ съ приверженцами Софіи и сенсаціи въ пользу Іоанна, будто бы обойденнаго въ престолонаслѣдіи [8]. Еще болѣе стрѣльцы были раздражены и, можетъ быть, отчасти испуганы, когда Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, призванный въ Москву изъ ссылки, какъ лучшая опора новаго правительства, сталъ упрекать его за излишнее послабленіе стрѣльцамъ и предсказывать, что данная имъ воля не поведетъ къ добру. Стрѣльцы тотчасъ узнали его рѣчи и еще съ тѣмъ прибавленіемъ, что, по совѣту Матвѣева, намѣрены произвести строгій розыскъ между стрѣльцами, главныхъ заводчиковъ казнить, а прочихъ разослать въ дальніе города. Черезъ три дня послѣ прибытія Матвѣева въ Москву, вспыхнулъ бунтъ — противъ Нарышкиныхъ. Стрѣльцамъ сказали, что они убили царевича Іоанна и сами хотятъ властвовать. Вслѣдствіе этого, стрѣльцы бросились ко дворцу, чтобы удостовѣриться въ справедливости слуха. Увидавши, что царевичъ живъ, они успокоились и требовали только, чтобъ выдали имъ Ивана Нарышкина, надѣвавшаго царскую корону. Но и на этотъ счетъ умѣли успокоить ихъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и патріархъ. Стрѣльцы притихли, очевидно, не зная что дѣлать. Въ эту-то критическую минуту сказалась величавая спесь одного изъ бояръ московскихъ. Князь Михаилъ Долгорукій (сынъ того, который хотѣлъ кнутовать стрѣльца, принесшаго челобитную), вздумалъ воспользоваться нерѣшитель-

---

[8] Матвѣевъ говоритъ, правда, что это началось еще раньше; но ему можно и не вѣрить. Вѣдь сказалъ же онъ, что жалобы стрѣльцовъ на своихъ полковниковъ были ложныя: подъ нѣкоторыми *ложными своими вымыслами якобы* (!) за учиненныя имъ, стрѣльцамъ, отъ командировъ ихъ тягости и обиды и нападки, стали уже самихъ полковниковъ всемѣрно унижать и ругать. (Туман. VI, 11)

ностью стрѣльцовъ и *пугнуть* ихъ. Онъ грозно крикнулъ на нихъ, повелѣвая немедленно удалиться. Но результатъ вышелъ совершенно противный его ожиданіямъ: стрѣльцы бросились на него и подняли его на копья. Вслѣдъ затѣмъ умертвили Матвѣева[2], и потомъ началось кровопролитіе, котораго мы не хотимъ разсказывать.

Нѣтъ сомнѣнія, что истинныя начала стрѣлецкаго мятежа Петръ понялъ уже впослѣдствіи. Въ первое же время онъ не могъ его приписывать ничему иному кромѣ злобы и властолюбія своей сестры. Враждебнаго чувства къ ней не могъ побѣдить онъ и впослѣдствіи, когда при открытіи третьяго стрѣлецкаго бунта онъ настойчиво доискивался ея соучастія въ этомъ дѣлѣ. Ужасная строгость, выказанная имъ въ то время въ отношеніи къ виновнымъ стрѣльцамъ, также была не чужда, конечно между прочимъ, и кровавыхъ воспоминаній дѣтскихъ годовъ. Но если даже Петръ и до конца жизни не избавился отъ мысли, что единственно Софія была виновницей бунта, все же происшествія этого времени должны были открыть ему многое относительно внутренняго управленія древней Руси. Одна стрѣлецкая челобитная, по простотѣ своей понятная

---

[2] Матвѣевъ семны въ описаніи мятежа говоритъ также, что прибытія Артамона Сергѣевича только и ждали стрѣльцы, руководимые Софіей, для начатія бунта: именемъ Матвѣя начинался кровавый списокъ людей, обреченныхъ на смерть Софіею. Трудно съ этимъ показаніемъ согласить то, что Матвѣеву, тотчасъ по прибытіи его, всѣ стрѣльцы поднесли хлѣбъ-соль; кромѣ того, мудрено себѣ представить, чтобы стрѣльцы, имѣвшіе Матвѣева въ заголовкѣ кроваваго списка, позволили ему уговаривать себя въ самую рѣшительную минуту. Неужели и смѣлыхъ злодѣевъ не было между людьми, выбранными Софіею? Или они скрывались назади, а впереди стояли люди, чуть не допустившіе Матвѣева разослать ихъ мирно по домамъ? Надо замѣтить, что Матвѣевъ сходилъ къ нимъ съ краснаго крыльца за рѣшетку, очень долго говорилъ съ ними и *„стыдилъ ихъ въ нелѣпомъ заблужденіи.* (Устр., т. I, стр. 32.)

малому ребенку и тѣмъ не менѣе заключающая въ себѣ факты возмутительные для человѣка даже очень *бывалаго,* — одна эта челобитная многому могла научить Петра и не могла не подѣйствовать на его дѣятельную, страстную натуру. Хоть смутно, хоть безсознательно, но уже съ этого времени онъ долженъ былъ почувствовать, что начала управленія древней Руси оказываются вовсе несостоятельными въ дѣлѣ народнаго благоденствія. Дальнѣйшій ходъ событій долженъ былъ все болѣе и болѣе убѣждать его въ этомъ.

Чтобы убѣдиться въ томъ, какъ ничтожны всѣ частныя усилія пробудить волненіе, котораго нѣтъ въ массѣ, Петру стоило привести себѣ на мысль всю исторію паденія Софіи. Тутъ уже замыслы царевны на погибель брата и на возмущеніе стрѣльцовъ несомнѣнны. Она находилась при этомъ въ самомъ лучшемъ положеніи, какое только возможно; Петръ же въ самомъ неблагопріятномъ. Она была уже нѣсколько лѣтъ правительницею государства; важнѣйшіе государственные сановники Голицынъ, Шакловитый, самъ патріархъ (до послѣдняго времени) были къ ней въ отношеніяхъ весьма дружественныхъ; стрѣльцы были ей преданы, какъ всегда; въ рукахъ ея были награды, почести, деньги и вмѣстѣ съ тѣмъ пытки и казни. Съ другой стороны, Петръ уже началъ досаждать многимъ своими потѣшными, и по милости слуховъ, распущенныхъ сестрою, многіе полагали, что его дѣйствительно «*съ ума спошли*» (Устр., т. II, стр. 53). Хитрости и обманы употреблялись царевною и ея клевретами такіе, какихъ и подобія не было при первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ. Цѣлыхъ два года систематически дѣйствовалъ на стрѣльцовъ Шакловитый, распуская

ужасныя вѣсти про Нарышкиныхъ и про опасность, которая грозитъ стрѣльцамъ. Мало того, не ограничиваясь словами, употребили въ дѣло другое оруліе для озлобленія стрѣльцовъ противъ рода Нарышкиныхъ. Подъячій Шошинъ, одинъ изъ самыхъ близкихъ повѣренныхъ Софіи, нарядившись въ бѣлый атласный кафтанъ и боярскую шапку, подъ именемъ боярина Льва Кирилловича Нарышкина въ іюлѣ 1688 г ѣздилъ по ночамъ по Земляному Городу съ нѣсколькими сообщниками, также переряженными, и до полусмерти билъ обухами и кистенями караульныхъ стрѣльцовъ при Мясницкихъ и Покровскихъ воротахъ. При этомъ онъ приговаривалъ: «заплачу я вамъ за смерть братьевъ моихъ! Не то еще вамъ будетъ!» и сообщники его говорили: «полно бить, Левъ Кирилловичъ: и такъ уже умретъ». На другой день избитые стрѣльцы приходили въ Стрѣлецкій приказъ жаловаться. Шакловитый самъ осматривалъ ихъ раны и, съ видомъ состраданія къ стрѣльцамъ, повторялъ свою любимую поговорку о Нарышкиныхъ: «будутъ и васъ таскать за ноги» (Устр., т. II, стр. 43).

Но и это, столь энергическое, средство не помогло Софіи поднять стрѣльцовъ. Она прибѣгла къ другимъ мотивамъ. Нѣкоторые изъ сообщниковъ ея старались заманить стрѣльцовъ надеждою грабежа и богатой поживы. Такъ одинъ изъ нихъ, Гладкій, открыто говорилъ: «нынѣ терпите, да ѣшьте въ долгъ; будетъ ярмарка, станемъ боярскіе домы и торговыхъ людей лавки грабить и сносить въ дуваны. А на Рязанскомъ подворьѣ я знаю, у боярина Бутурлина есть 60 чѣпей гремячихъ серебряныхъ; мы ихъ раздѣлимъ между собою, а остальное отдадимъ на церковныя главы». И это осталось

безъ дѣйствія. Софія хотѣла найти поддержку въ расколѣ; ея сообщники говорили противъ патріарха, хотѣли возвести на патріаршій престолъ Сильвестра Медвѣдева, увѣряя, что «нынѣ де завелись въ церкви новые учители», но рѣшительно никакія ухищренія не помогали. Царевна рѣшилась дѣйствовать прямѣе и уже сама лично, призывая стрѣльцовъ, говорила имъ: «Долго ль намъ терпѣть? Ужъ житья нашего не стало отъ Бориса Голицына да отъ Льва Нарышкина. Царя Петра они съ ума споили; брата Іоанна ставятъ ни во что, комнату его дровами закидали: меня называютъ дѣвкою, какъ будто я и не дочь царя Алексѣя Михайловича; князю Василью Васильевичу (Голицыну) хотятъ голову отрубить, — а онъ добра много сдѣлалъ: польскій миръ учинилъ; съ Дону выдачи бѣглыхъ не было, а его промысломъ и съ Дону выдаютъ. Радѣла я всячинѣ, а они все изъ рукъ тащатъ. Мощно ль на васъ надѣяться? Надобны ль мы вамъ? А буде не надобны, мы поидемъ себѣ съ братомъ гдѣ келыи искать». Такія искусныя рѣчи заключались всегда подачкою стрѣльцамъ, нерѣдко по 25 р. на человѣка. Стрѣльцы отвѣчали обыкновенно, что они готовы служить своей государынѣ: что она повелитъ, то и сдѣлаютъ. Но когда разъ предложили имъ перебить Петровыхъ приверженцевъ, то они отвѣтили: «буде до кого какое дѣло есть, пусть думный дьякъ скажетъ царскій указъ, того возьмемъ; а безъ указу дѣлать не станемъ, хоть многажды бей въ набатъ». Наконецъ, когда уже дѣло подходило къ концу, Софія объявила, что головы отрубитъ тѣмъ, кто задумаетъ бѣжать къ Троицѣ, и потомъ, призвавъ стрѣльцовъ, говорила: «обѣщаю вамъ новыя

милости и награды, если докажете свою вѣрность и не станете мѣшаться въ мои дѣла. Но горе непослушнымъ и мятежникамъ! Вы можете бѣжать къ Троицѣ (гдѣ былъ Петръ): но помните, что здѣсь останутся ваши жены и дѣти» (Устр., т. II, стр. 71). И несмотря на все это, Софія была оставлена, всѣ побѣжали къ Троицѣ, всѣ спѣшили изъявить Петру свою покорность. Отчего зависѣло такое неимовѣрное различіе въ настроеніи умовъ и въ направленіи дѣятельности у стрѣльцовъ въ эти недолгіе промежутки времени, мы не беремся здѣсь рѣшить. Но какъ бы то ни было, сличеніе этихъ двухъ годовъ — 1682 и 1689 — ясно показываетъ, что первый бунтъ стрѣлецкій былъ только направленъ Софіею, а не произведенъ ею. Да и вообще не можетъ одинъ — или даже и нѣсколько человѣкъ — произвести въ массахъ волненіе, къ которому онѣ не приготовлены, которое не бродитъ уже въ умахъ ихъ, вслѣдствіе фактовъ прошедшей жизни.

Всѣ изложенныя нами явленія, проходившія передъ глазами Петра во время его дѣтскихъ и юношескихъ годовъ, не совсѣмъ удобны были для того, чтобы внушить ему особенную любовь къ преданіямъ, обычаямъ и всему порядку вещей въ древней Руси. Долго онъ, разумѣется, не сознавалъ, что именно дурно въ древней Руси и чего именно нужно ей, тѣмъ не менѣе, чувство недовольства этимъ порядкомъ вещей зародилось у него весьма рано. Въ первое время недовольство это оставалось, конечно, въ предѣлахъ личныхъ отношеній; потомъ приняло оно и болѣе обширные размѣры, послуживши первымъ шагомъ къ преобразовательной дѣятельности. Сама жизнь постоянно воспитывала Петра, безъ всякаго посторонняго руковод-

ства; сама жизнь вызывала его на противодѣйствіе старому порядку, такъ какъ вызывала она и всѣхъ другихъ. Но другіе — или предавались жалкой, тупой апатіи, отворачиваясь отъ всего живого и свѣжаго, или растрачивались на мелочи, выписывая комедіантовъ изъ Нѣметчины да обучая полки на иноземный манеръ. Петръ не поддался ни тому, ни другому. Онъ взросъ среди тревогъ, смутъ и крамолъ; не разъ приходилось ему видѣть кровь и слышать стоны близкихъ ему людей; онъ видѣлъ умерщвленіе своихъ дядей, трепеталъ за жизнь матери, нѣсколько разъ долженъ былъ опасаться за свою собственную; не одинъ разъ онъ видѣлъ власть отнимаемою изъ рукъ его происками хитрой сестры. Много вытерпѣло это сердце, многихъ ужасовъ и гадостей насмотрѣлся онъ въ раннюю пору жизни; но за то закалился этотъ характеръ, окрѣпло это сердце и проницательнѣе сдѣлался этотъ взглядъ людей, принадлежавшихъ допетровской Руси и во всю жизнь не пережившихъ того, что пришлось пережить Петру до 17-лѣтняго возраста.

Въ слѣдующей статьѣ мы постараемся представить очеркъ перваго времени самостоятельной дѣятельности Петра, его первые, еще не широкіе и не совсѣмъ вѣрные шаги на поприщѣ преобразованія, до 1700 г., на которомъ пока прерывается повѣствованіе г. Устрялова.

III.

Событія, волновавшія Россію во время дѣтства и ранней юности Петра, закалили его характеръ и благопріятствовали отреченію его отъ многихъ

предразсудковъ древней Руси. Но событія эти еще недостаточны были для того, чтобы развить въ душѣ Петра опредѣленную идею преобразованія, въ какомъ нуждалась тогда Россія. Оттого въ первоначальной дѣятельности его мы не видимъ строгаго послѣдованія заранѣе обдуманному и глубоко-соображенному плану. Видно стремленіе къ чему-то *другому, новому*, видно недовольство существующимъ порядкомъ, видна жажда дѣятельности въ молодомъ государѣ и во всемъ, что ближайшимъ образомъ окружаетъ его. Но замѣтно и то, что ни у кого еще, ни даже у самого Петра, не сложилось въ это время опредѣленнаго идеала, къ осуществленію котораго нужно было стремиться. Даже конечная цѣль преобразованій — дать большій просторъ развитію естественныхъ силъ народа, какъ вещественныхъ, такъ и нравственныхъ, — даже самая цѣль эта не была никѣмъ ясно сознаваема во время преобразованій Петра. Многія подробности фактовъ, находящіяся въ «Исторіи Петра» г. Устрялова, явно указываютъ на это, и свидѣтельство фактовъ довольно легко объясняется и подтверждается нѣкоторыми соображеніями. Изложимъ сначала эти соображенія и потомъ перейдемъ къ фактамъ.

При изученіи исторіи великихъ людей мы обыкновенно впадаемъ въ маленькую иллюзію, мѣшающую ясности нашего взгляда. Мы почти никогда не умѣемъ ясно различить отдѣльныхъ моментовъ въ жизни историческаго лица и представляемъ его себѣ въ полномъ блескѣ его чрезвычайныхъ качествъ и дѣяній, въ томъ видѣ, какъ онъ сдѣлался достояніемъ исторіи. При этомъ къ достоинствамъ или недостаткамъ лица мы часто от-

носимъ не только самыя его дѣйствія, но и послѣдствія этихъ дѣйствій, можетъ быть вовсе не зависѣвшія отъ его воли. Великій полководецъ началъ войну, разсчитывая только необходимые и самые вѣрные шансы; но во время самой войны произошли благопріятныя обстоятельства, на которыя онъ не разсчитывалъ и которыми, однако, умѣлъ воспользоваться. Мы охотно вѣримъ, что полководецъ заранѣе предвидѣлъ эти обстоятельства, вводилъ ихъ въ свой разсчетъ, располагалъ по нимъ свои дѣйствія, — и отъ такого соображенія величіе полководца чрезмѣрно увеличивается въ нашихъ глазахъ. Искусный правитель, по очень естественному чувству, старался расширить кругъ своей власти и унизить власть своихъ соперниковъ; мы находимъ въ этихъ дѣйствіяхъ глубокую и ясносознанную мысль о централизаціи государства и прославляемъ необычайную дальновидность и мудрость правителя. Другой правитель издалъ законъ, имѣвшій черезъ сто или двѣсти лѣтъ огромное вліяніе на состояніе цѣлаго государства; мы и это позднее вліяніе относимъ къ генію правителя, который, по нашимъ предположеніямъ, совершенно ясно понималъ всѣ слѣдствія, какія въ будущемъ должны произойти отъ его закона, и т. п. Во всѣхъ такого рода случаяхъ мы смѣшиваемъ результаты съ самимъ дѣломъ и сдѣланный нами логическій выводъ навязываемъ самимъ фактамъ. Въ старые годы такъ точно судили о великихъ людяхъ въ области поэзіи. Послѣ разбора, напримѣръ, всѣхъ произведеній поэта, опредѣливши ихъ господствующій характеръ, говорили, что поэтъ задалъ себѣ и всю свою жизнь развивалъ такія-то и такія-то темы. Нынѣ въ эстетическихъ разборахъ

оставили такую манеру, убѣдившись, что произвольной преднамѣренности въ характерѣ и цѣлой жизни человѣка быть не можетъ. Въ произведеніяхъ поэта, художника — отражаются впечатлѣнія его жизни, и характеръ ихъ опредѣляется тѣми фактами, изъ которыхъ составилось его существованіе. Онъ не дѣйствуетъ по заданной программѣ, составленной для него съ дѣтства на цѣлую жизнь, а слѣдуетъ за живымъ теченіемъ событій, отражая въ себѣ недостатки и достоинства, скорби и радости своего общества и времени. Такъ теперь смотрятъ на великихъ дѣятелей въ области поэзіи. Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ рѣдко примѣняется къ великимъ дѣятелямъ исторіи, хотя здѣсь онъ еще умѣстнѣе, нежели въ эстетикѣ. Мы до сихъ поръ, по старой привычкѣ, разсмотрѣвши всю дѣятельность историческаго мужа, со всѣми ея безчисленными послѣдствіями, тотчасъ же проникаемся мыслью, что всѣ выведенныя нами послѣдствія вѣрно и положительно были имъ самимъ разсчитаны. Вслѣдъ затѣмъ мы начинаемъ безмѣрно прославлять его, если слѣдствія эти намъ кажутся хорошими, или безъ милосердія порицать, если они намъ почему-нибудь не нравятся. А между тѣмъ и то и другое неосновательно, или, по крайней мѣрѣ, преувеличено съ нашей стороны. Будущее никогда не бываетъ намъ столь ясно, какъ прошедшее, точно также какъ прошедшее въ свою очередь никогда не имѣетъ надъ нами той силы, какую имѣетъ настоящее. Поэтому всякій современный дѣятель гораздо яснѣе понимаетъ отношеніе своихъ дѣйствій къ прошедшимъ фактамъ, на которыхъ они основаны, нежели къ отдаленнымъ послѣдствіямъ въ будущемъ. Но и прошед-

шее служитъ для него не какъ указатель того необходимаго историческаго преемства, въ которомъ давно явившіяся причины связываются съ далекими, имѣющими явиться, послѣдствіями. Такое преемство изучается только въ исторіи, когда и причины и дѣйствія уже совершились въ извѣстномъ кругѣ явленій. Для современнаго же дѣятеля прошедшее служитъ возбужденіемъ лишь настолько, насколько оно еще существуетъ въ настоящемъ, мѣшая или благопріятствуя ему. Не тогда измѣняется извѣстная мѣра, установленіе, вообще положеніе вещей, когда геніальный умъ сообразитъ, что оно можетъ повести къ дурнымъ послѣдствіямъ черезъ нѣсколько столѣтій, такъ какъ повело къ нимъ за нѣсколько вѣковъ предъ тѣмъ. Нѣтъ, оно измѣняется тогда, когда уже дѣлается несоотвѣтствующимъ настоящему положенію вещей, когда неблагопріятное его вліяніе уже не нѣкоторыми только предвидится, а дѣлается ощутительнымъ для большинства. Въ это-то время и являются энергическіе дѣятели, становящіеся тотчасъ во главѣ движенія и придающіе ему стройность и единство. Они одни замѣтны намъ въ историческомъ разсказѣ, и для невнимательнаго взора представляются единственными и первоначальными виновниками событій, происшедшихъ при ихъ участіи. Но болѣе внимательное разсмотрѣніе открываетъ всегда, что исторія въ своемъ ходѣ совершенно независима отъ произвола частныхъ лицъ, что путь ея опредѣляется свойствомъ самыхъ событій, а вовсе не программою, составленною тѣмъ или другимъ историческимъ дѣятелемъ. Напротивъ, дѣятельность всѣхъ историческихъ лицъ развивается не иначе какъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ,

предшествовавшихъ появленію ихъ на историческомъ поприщѣ и сопровождавшихъ его. Поэтому приписывать замѣчательнымъ двигателямъ исторіи ясное созданіе отдаленныхъ послѣдствій ихъ дѣйствій, или всѣ самыя мелкія и частныя ихъ дѣянія подчинять одной господствующей идеѣ, представителями которой они являются во всей жизни, дѣлать это — значитъ ставить частный произволъ выше, чѣмъ неизбѣжная связь и послѣдовательность историческихъ явленій. Мало того — это значитъ, дѣтски повергаясь ницъ предъ великими людьми, совершенно забывать, что они — все-таки люди и слѣдовательно подвержены общей всѣмъ людямъ ограниченности силъ и знаній. Мы забываемъ это, когда предписываемъ человѣку основательное соображеніе и знаніе того, о чемъ онъ могъ развѣ только смутно догадываться. Заоблачное вдохновеніе, внезапное наитіе, предсказаніе, ясновидѣніе — относится, какъ извѣстно, къ области фокусниковъ. Въ самомъ же дѣлѣ, какъ бы человѣкъ ни былъ уменъ и геніаленъ, онъ можетъ производить свои соображенія только на основаніи данныхъ, имѣющихся у него подъ руками. Поэтому всѣ великіе планы, высокія идеи, сложные замыслы ограничиваются обыкновенно достиженіемъ *ближайшей* цѣли. Когда эта цѣль достигнута, тогда уже начинается дальнѣйшее развитіе идеи, планы расширяются, прежняя цѣль въ свою очередь становится основаніемъ, точкой отправленія для новыхъ цѣлей, и т. д. Но чѣмъ далѣе въ будущее простирается замыселъ, чѣмъ болѣе долженъ онъ опираться на событіяхъ еще не совершившихся, а только задуманныхъ, тѣмъ глубже уходитъ онъ изъ міра дѣйствительности въ область

фантазіи. Всякій историческій дѣятель хорошо чувствуетъ это, и всякій естественно старается остерегаться отъ этихъ воздушныхъ замковъ. Вотъ почему намъ кажется, что необъятныя, міровыя соображенія, привязываемыя къ каждому, самому простому поступку великаго человѣка, ставятъ его въ какое-то странное, неестественное положеніе. Это, если хотите, поднимаетъ его на высоту, недосягаемую для обыкновенныхъ смертныхъ, и придаетъ ему какой-то чудный, сверхъестественный блескъ. Но это же самое отнимаетъ у него простое, человѣческое величіе, дѣлая его чѣмъ-то сказочнымъ, непостижимымъ для ума человѣческаго. Такъ фантастическія сказанія о богатырскихъ подвигахъ разныхъ героевъ, возвышая ихъ надъ обыкновенными людьми, чрезъ то самое уничтожаютъ истинную, человѣческую сторону ихъ доблести. Въ исторіи подобныя преувеличенія дѣлаются сказкой, въ настоящей дѣйствительности они ведутъ къ шарлатанству и фокусничеству. Фокусы эти озадачиваютъ невѣждъ, но не обманываютъ человѣка образованнаго. Какъ бы ни было велико искусство доктора, но если онъ станетъ вамъ предсказывать на основаніи медицинскихъ соображеній, сколько проживутъ дѣти, которыхъ вы надѣетесь имѣть, то вы, конечно, не слишкомъ-то повѣрите... Такъ точно не повѣрите вы садовнику, который, посадивши дерево, станетъ утверждать, что онъ знаетъ, сколько на будущій годъ будетъ листьевъ на этомъ деревѣ. Такъ точно не вѣрятъ люди и историческому дѣятелю, который убѣждаетъ ихъ принять такое-то рѣшеніе, во имя благихъ послѣдствій, какія должны произойти изъ него по прошествіи столѣтій. Только тогда чело-

вѣкъ можетъ заставить людей сдѣлать что-нибудь, когда онъ является какъ бы воплощеніемъ общей мысли, олицетвореніемъ той потребности, какая выработалась уже предшествующими событіями. Потребности эти, какъ извѣстно, никогда не заходятъ слишкомъ далеко въ будущее и часто ограничиваются одной настоящей минутой. Таковъ, болѣе или менѣе, долженъ быть и дѣятель историческій, служащій представителемъ общаго движенія. Болѣе отдаленныя потребности, которыхъ еще не чувствуетъ масса, могутъ быть поняты и обсуждены теоретиками и философами, стоящими обыкновенно внѣ движенія настоящей минуты. Но за то подобные люди и не являются обыкновенно въ исторіи, какъ великіе двигатели событій своего времени. Ихъ оцѣниваютъ потомъ, когда идеи ихъ подтверждаются фактами и дѣлаются современными, т. е. соотвѣтствующими сознанію большинства. Практическіе же дѣятели, которыхъ прославляетъ исторія, обыкновенно потому и имѣютъ успѣхъ, что твердо и прямо идутъ къ *ближайшей цѣли,* видимой для всѣхъ, представляя *конечную* цѣль дальнѣйшему теченію событій.

Высказать эти соображенія мы сочли необходимымъ для того, чтобы предусмотрѣть недоумѣніе, которое многіе обнаруживаютъ, находя въ книгѣ г. Устрялова ясныя доказательства того, что Петръ, начиная свою преобразовательную дѣятельность, далеко не былъ проникнутъ опредѣленными и обширными преобразовательными идеями. До сихъ поръ намъ обыкновенно рисовали Петра реторическими красками, заимствованными изъ похвальнаго слова ему, сочиненнаго Ломоносовымъ. Петръ представляется намъ въ сверхъестественномъ, не-

возможномъ величіи какого-то полубога, а не великаго человѣка, и мы привыкли соединять возвышенныя идеи, міровые замыслы со всѣми, самыми простыми и случайными его поступками. Намъ казалось, что уже съ колыбели Петръ замыслилъ преобразованіе Россіи, что потѣшными началъ онъ играть для того, чтобы приготовить въ Россіи побѣдоносное регулярное войско; что ботикъ велѣлъ починить, проникнутый идеею о сооруженіи флота; что онъ дружился съ Лефортомъ и ѣздилъ въ Нѣмецкую Слободу затѣмъ, что съ раннихъ лѣтъ замыслилъ «вдвинуть Россію въ систему европейскихъ государствъ». Мало того, мы старались до сихъ поръ придавать особенное, какое-то мистическое значеніе всякому дѣйствію Петра, доводя до смѣшной точности мысль, что *вся жизнь* Петра была посвящена заботѣ о благѣ его подданныхъ. Онъ ѣздилъ въ одноколкѣ съ однимъ денщикомъ: мы сейчасъ находимъ, что онъ дѣлалъ это, желая предостеречь свой народъ отъ роскоши. Онъ работалъ топоромъ: мы говоримъ, что онъ руководился при этомъ мыслью показать подданнымъ примѣръ трудолюбія. Онъ выковалъ полосу желѣза: намъ кажется, что онъ сдѣлалъ это потому единственно, что хотѣлъ поощрить развитіе національной промышленности... Все это хорошо придумывать теперь, и все это отчасти справедливо въ своихъ послѣдствіяхъ: простота Петра дѣйствительно нанесла ударъ боярской роскоши, его примѣръ дѣйствительно имѣлъ вліяніе на окружающихъ. Но чрезвычайно странно предполагать, будто Петръ заранѣе придумывалъ себѣ: «Попробую я выковать полосу желѣза; отъ этого, вѣроятно, промышленность въ государствѣ разовьется». Такого рода

выдумки приличны развѣ тому, кто ни къ чему, болѣе серьезному, неспособенъ. Что же касается до Петра, то нѣтъ надобности видѣть въ каждомъ его поступкѣ плодъ заранѣе заданной теоремы. Мы уже имѣли случай замѣтить въ прошедшей статьѣ, что Петръ былъ натура по преимуществу дѣятельная, а не созерцательная. Въ его дѣлахъ выражалась прямо его живая, пылкая натура, а не государственная программа. Если уже въ государственныхъ внѣшнихъ дѣлахъ онъ не могъ удерживать своихъ стремленій и, совершенно вопреки всѣмъ правиламъ этикета, самъ первый пріѣзжалъ къ послу, котораго ждалъ (см. Устр., т. III, стр. 374), то тѣмъ болѣе проявлялась, конечно, эта пылкость и нетерпѣливость въ дѣлахъ частныхъ и менѣе важныхъ. Ничего нѣтъ легче для біографа какъ увлечься страстностью натуры необыкновеннаго человѣка и приписать вдохновенію высокой мысли, глубокимъ соображеніямъ и т. п. то, что было простымъ слѣдствіемъ этой страстности. Въ этомъ нѣтъ даже ничего дурного, но все-таки это несправедливо и, по нашему мнѣнію, можетъ вредить правильности взгляда на историческое лицо. Мы видѣли уже выше, какъ г. Устряловъ увлекся, сказавши, что при видѣ ботика у Петра, какъ молнія, блеснула мысль о преобразованіи Россіи. Видѣли и другое увлеченіе, вслѣдствіе котораго г. Устряловъ полагаетъ, что еще до 17-лѣтняго возраста, до знакомства съ Лефортомъ, въ душѣ Петра уже совершенно сложились геніальные планы будущей дѣятельности. Мы имѣли случай замѣтить въ прошедшей статьѣ, что такія предположенія не имѣютъ историческаго основанія. Теперь въ продолженіе нашей статьи мы увидимъ, что и послѣ знакомства

съ Лефортомъ, послѣ низверженія Софіи, Петръ не вдругъ принялся за преобразованіе, а задумалъ ихъ постепенно, шагъ за шагомъ, по мѣрѣ пріобрѣтенія новыхъ знаній и расширенія собственнаго круга зрѣнія. Факты, свидѣтельствующіе объ этомъ, представляетъ намъ самъ г. Устряловъ.

Самое первое и несомнѣнное, что всѣми выставляется въ исторіи Петра, это — привязанность его къ иноземному, желаніе сблизить Россію съ Европой. Когда же развилась въ немъ эта любовь къ иноземцамъ и въ какой мѣрѣ она овладѣла его душою при началѣ его правленія? Съ дѣтскихъ лѣтъ, — утверждали доселѣ источники, полагавшіе, что Петръ въ дѣтствѣ сошелся съ Лефортомъ. Нынѣ г. Устряловъ опровергъ мнѣніе, что Петръ развивался въ дѣтствѣ подъ вліяніемъ Лефорта, и потому начало глубокихъ замысловъ Петра касательно сближенія Россіи съ Европою должно быть отнесено ко времени нѣсколько позднѣйшему. Впрочемъ, самъ г. Устряловъ говоритъ объ этомъ весьма неопредѣлительно, и скорѣе можно думать, что и онъ еще въ дѣтскихъ годахъ Петра находитъ уже геніальный замыселъ, выраженіемъ котораго явилась вся жизнь Петра. Такъ думать заставляютъ насъ слѣдующія выраженія, найденныя нами у г. Устрялова: «Незапно, какъ будто изъ непроницаемой мглы, явился Петръ предъ взорами изумленнаго потомства съ несомнѣнными признаками какой-то великой, хотя еще не совсѣмъ ясной мысли... На величественномъ челѣ Петра, какъ только исторія озаритъ его своимъ яркимъ свѣтомъ (этимъ тропомъ г. Устряловъ хочетъ сказать: съ тѣхъ поръ, какъ начинаются первыя извѣстія о жизни Петра), нельзя не замѣ-

тить глубокой думы, уже зароившейся въ душу великаго царя, думы, которой впослѣдствіи онъ остался вѣренъ до гроба» (Устр., т. II, стр. 6 и 7). Красноръчіе этихъ выраженій дѣлаетъ честь г. Устрялову; но мы, къ сожалѣнію, не совсѣмъ хорошо могли выразумѣть, о какой именно «великой думѣ» говоритъ здѣсь краснорѣчивый историкъ. Если онъ разумѣетъ здѣсь общую мысль преобразованія государства, то онъ очевидно увлекается собственнымъ краснорѣчіемъ, забывая о фактахъ. Если онъ имѣетъ въ виду частное проявленіе общей идеи преобразованія, т. е. сближеніе съ иноземцами для ученія отъ нихъ, то и въ этомъ случаѣ, какъ увидимъ, въ жертву краснорѣчію нужно будетъ принести факты. Если наконецъ подъ глубокой думой, которой Петръ остался вѣренъ до гроба, краснорѣчивый историкъ разумѣетъ страсть Петра къ военному и морскому дѣлу, ранѣе другихъ у него развившуюся, то и эта страсть въ Петрѣ-юношѣ не произвела еще тѣхъ замысловъ, которые дѣйствительно можно бы назвать глубокой думой. Мы увидимъ, что создать какъ регулярное войско, такъ и флотъ Петръ думалъ уже впослѣдствіи. Вотъ факты, находящіеся въ книгѣ г. Устрялова. Начнемъ съ отношенія Петра къ иноземцамъ въ первое время его правленія.

Астролябію, привезенную княземъ Долгорукимъ, Петръ показалъ Гульсту, Гульстъ отрекомендовалъ ему Тиммермана, Тиммерманъ отыскалъ Каршtена Бранта, Брантъ познакомилъ царя съ Кортомъ. Въ Троицкой лаврѣ Петръ узналъ Лефорта и Патрика Гордона, чрезъ Гордона сдѣлались ему извѣстны Мегденъ и Виніусъ, чрезъ Виніуса Кревстъ, и т. д. Вскорѣ Петръ является окруженный ино-

земцами, и вотъ видимое основаніе той мысли, что усвоеніе Россіи европейскихъ нравовъ и обычаевъ съ самаго начала правленія Петра было его задушевною мыслью. Но такъ ли это? Всмотритесь въ положеніе дѣлъ. Тотчасъ по низверженіи Софіи, Петръ смѣняетъ сановниковъ, занимавшихъ при ней важнѣйшія мѣста въ государствѣ. Кто же назначается на ихъ мѣста? Нарышкины, Лопухины, Стрѣшневы, Ромодановскіе, Голицыны, Долгорукіе и пр., т. е. родственники царя, его дядьки, друзья, и все именитые бояре русскіе. Никто изъ иноземцевъ не занялъ важнаго мѣста; они всѣ остались при своихъ полкахъ, какъ это заведено было ужъ изстари.

Мало того Петръ очень мало показалъ участія къ иноземцамъ, когда противная партія воздвигла на нихъ гоненіе въ началѣ его царствованія. Въ первые дни его правленія сожженъ былъ въ Москвѣ еретикъ Кульманъ. Вслѣдъ затѣмъ изданъ былъ указъ не впускать въ Россію ни одного иноземца безъ царскаго повелѣнія (Устр., т. II, стр. 111). Въ началѣ 1689 г. Софія особымъ манифестомъ призывала въ Россію французскихъ эмигрантовъ протестантскаго исповѣданія, изгнанныхъ Людовикомъ XIV; въ концѣ того же года Петръ обнародовалъ указъ, стѣснительный для всѣхъ пріѣзжающихъ иноземцевъ. Всѣмъ пограничнымъ воеводамъ приказано было: пріѣзжихъ изъ-за рубежа иностранцевъ разспрашивать накрѣпко, изъ какой они земли, какого чина, къ кому и для чего ѣдутъ, кто ихъ въ Москвѣ знаетъ, бывали ль въ Россіи прежде, имѣютъ ли отъ своихъ правительствъ свидѣтельства и проѣзжіе листы. Отобравъ всѣ эти свѣдѣнія, слѣдовало доносить обо всемъ въ Москву и ждать царскаго указа; а безъ указа никого изъ-за рубежа въ Россію отнюдь не

пускать (Полн. собр. зак., т. III, № 1358). Спрашивается: могъ ли бы состояться такой указъ, если бы Петръ уже рѣшилъ въ умѣ своемъ, какую роль иноземцы должны играть въ его царствованіе? Могутъ сказать, что Петръ уступилъ въ этомъ случаѣ требованіямъ противной партіи; но менѣе нежели въ чемъ-нибудь можно обвинить Петра въ излишней податливости и уступчивости. Энергія его характера сложилась весьма рано, и твердая рѣшимость, не знающая преградъ, обнаруживается и въ юныхъ лѣтахъ его столь же ярко, какъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Нѣтъ, если онъ согласился издать указъ, затруднявшій иностранцамъ доступъ въ Россію, то именно потому, что въ умѣ его еще не опредѣлилась тогда идея объ отношеніи его къ иноземцамъ. Петръ любилъ Лефорта, Тиммермана, Бранта и пр., любилъ тѣхъ иноземцевъ, съ которыми случилось ему познакомиться въ Нѣмецкой Слободѣ; но онъ вовсе не думалъ въ то время обобщать это чувство, распространяя его на всѣхъ иноземцевъ. Брантъ былъ для него дорогъ, какъ человѣкъ, умѣющій построить яхту, Лефортъ служилъ для него образцомъ веселаго собесѣдника и хорошаго разсказчика, но вовсе не представителемъ европейскихъ началъ. Любя и уважая своихъ друзей *изъ нѣмцевъ,* Петръ любилъ и уважалъ *ихъ лично,* мало заботясь о томъ, какія начала представляли они собою. Это видно и изъ того, что Петръ допустилъ покушеніе стѣснить свободу исповѣданія обывателей Нѣмецкой Слободы (Устр., т. II, стр. 114), видно и изъ оригинальнаго способа, которымъ онъ вознаградилъ Гордона за одно публичное оскорбленіе. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ г. Устряловъ.

Гордонъ, приглашенный къ торжественному столу (28 февр. 1690 г.), по случаю празднованія рожденія царевича Алексѣя Петровича, долженъ былъ удалиться изъ дворца по настоятельному требованію первосвятителя (патр. Іоакима), который объявилъ рѣшительно, что иноземцамъ при такихъ случаяхъ быть неприлично, — безъ сомнѣнія къ не малой досадѣ Петра. На другой день царь утѣшилъ оскорбленнаго генерала роскошнымъ пиромъ и дружеской бесѣдою въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ.

Не ясно ли, что во всей этой исторіи интересъ Петра ограничивается пока личностью Гордона? Онъ пока не стоитъ за то, прилично или нѣтъ иноземцамъ быть при царскихъ торжественныхъ пиршествахъ; онъ уступаетъ голосу, требующему, чтобы иноземецъ удалился, и только на другой день, по дружбѣ къ этому иноземцу, хочетъ вознаградить его за полученное неудовольствіе.

Можно бы предположить, что уступчивость Петра происходила единственно отъ его уваженія къ патріарху Іоакиму. Но во всякомъ случаѣ эта уступчивость должна была тяготить его, и онъ, конечно, постарался бы воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы отъ нея избавиться. Между тѣмъ мы видимъ, что по смерти Іоакима (въ мартѣ 1690 г.) Петръ хотя и желалъ назначить на его мѣсто Маркелла, пастыря кроткаго и снисходительнаго къ иновѣрцамъ, но не слишкомъ настаивалъ на своемъ выборѣ. Согласно съ желаніемъ царицы Наталіи Кирилловны, патріархомъ назначенъ былъ Адріанъ «единоравный совѣтникъ и задушевный другъ покойному патріарху», по выраженію г. Устрялова (т. II, стр. 118), тотъ самый, которому принадлежитъ грозное обличительное посланіе противъ брадобритія, упомянутое нами въ первой статьѣ.

Вообще въ первое время любовь Петра къ иноземцамъ ограничивалась, кажется, тѣснымъ кругомъ личностей, окружавшихъ его, и не имѣла въ основаніи своемъ какихъ-нибудь дальнѣйшихъ соображеній. Нѣсколько болѣе общее значеніе получаетъ она съ тѣхъ поръ, какъ Петръ съѣздилъ (уже въ 1693 г.) въ Архангельскъ и посмотрѣлъ голландскіе и гамбургскіе корабли. Настоящій же государственный смыслъ принимаетъ она только послѣ перваго азовскаго похода, когда Петръ, наученный неудачнымъ опытомъ, начинаетъ нетерпѣливо вызывать въ Россію заграничныхъ инженеровъ, артиллеристовъ, корабельныхъ мастеровъ и капитановъ, и пр. Это началось съ 1696 г., и въ томъ же году назначены были русскіе молодые люди за границу и рѣшена поѣздка самого царя. Здѣсь уже видно дѣйствительное, обдуманное убѣжденіе, что намъ нужно учиться у Европы, заимствовать для Россіи полезныя знанія и искусства иностранцевъ. Но чтобы почувствовать и опредѣленно сознать это намѣреніе, Петру недостаточно было, какъ видно, ни однихъ разсказовъ Лефорта, ни какого-то внезапнаго таинственнаго прозрѣнія, которое хотятъ приписать ему нѣкоторые историки. Дѣло было просто: опытъ нѣсколькихъ лѣтъ показалъ ему негодность наличныхъ средствъ, существовавшихъ тогда въ Россіи; близкіе къ нему иноземцы указали ему гдѣ можно искать другихъ, лучшихъ средствъ; онъ же нашелъ въ себѣ столько характера, чтобы посвятить послѣдующую часть своей дѣятельности на ревностное отысканіе и усвоеніе этихъ средствъ и на уничтоженіе того, что при нихъ оказалось негоднымъ. Петръ сдѣлалъ то, на что никто до него не смѣлъ рѣшиться, хотя и до

него, конечно, понимали необходимость многаго, введеннаго имъ.

Что въ первое время своего царствованія Петръ еще не имѣлъ опредѣленной рѣшимости вообще касательно образа своихъ дѣйствій, доказываетъ его бездѣйствіе въ первыя пять лѣтъ правленія до азовскихъ походовъ. Мы знаемъ, что Петръ не любилъ медлить ни въ чемъ; какъ скоро онъ ставилъ себѣ какую-нибудь цѣль для дѣйствій, онъ шелъ къ этой цѣли быстро и неуклонно. Никакія постороннія занятія и развлеченія, никакія внѣшнія преграды не могли заставить его отказаться отъ своей мысли, какъ скоро она овладѣвала его душою. Поэтому бездѣйствіе Петра до азовскихъ походовъ можно объяснить не иначе какъ только отсутствіемъ такой ясно сознанной мысли, неимѣніемъ въ виду опредѣленной цѣли. По ясному и прямому свидѣтельству историка (Устр., т. II, стр. 133), «первыя пять лѣтъ царствованія Петра протекли въ военныхъ экзерциціяхъ, въ маневрахъ на сушѣ и на водѣ, въ фейерверкахъ и веселыхъ пирахъ. Въ это время не было издано *ни одного* замѣчательнаго закона, не было сдѣлано *ни одного* важнаго распоряженія *ни по одной* отрасли общественнаго благоустройства». Въ подтвержденіе словъ своихъ, г. Устряловъ приводитъ (изъ Полнаго собранія законовъ) важнѣйшія законодательныя и правительственныя распоряженія за пять лѣтъ (1690—1694), и между этими *важнѣйшими* постановленіями мы находимъ нѣсколько простыхъ подтвержденій прежнихъ законовъ. Вообще же о степени ихъ важности можно судить по тому, что въ числѣ ихъ находятся, напр., такія распоряженія: о незасѣданіи въ приказахъ съ 24 декабря по 8 января; о клейменіи преступниковъ, подверг-

шихся вторичному наказанію и ссылкѣ, буквою *В;* о запрещеніи извозчикамъ стоять въ Кремлѣ съ лошадьми и пр. (II, стр. 356—357).

Правда, что Петръ и въ это время не оставался въ праздности. Напротивъ, онъ самъ съ удовольствіемъ упоминаетъ не разъ въ своихъ письмахъ, что онъ трудится неутомимо. Еще въ 1689 г. онъ писалъ къ матери изъ Переяславля: «Сынишка твой, *въ работѣ пребывающій,* Петрушка, благословенія прошу» (Устр., т. II, стр. 401). Въ 1695 г. онъ писалъ къ Ромодановскому изъ похода подъ Азовъ: «Чаемъ за ваши многія и теплыя молитвы, вашимъ посланіемъ, а *нашими трудами и кровьми,* оное совершить». Въ томъ же году изъ-подъ Азова писалъ онъ Виніусу: «въ марсовомъ ярмѣ непрестанно труждаемся» (т. II, стр. 420). Въ одномъ письмѣ къ Ромодановскому говоритъ онъ, что не писалъ долго потому, «что былъ въ непрестанныхъ трудахъ». Въ 1696 г. изъ Воронежа Петръ писалъ Стрѣшневу: «А мы, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой». Въ это время Петръ уже трудился надъ сооруженіемъ флота, и очевидно, что своей работѣ онъ уже придавалъ смыслъ гораздо важнѣйшій, нежели значеніе простой потѣхи. Это понимали и окружающіе его, не только онъ самъ. Въ отвѣтъ на письмо Петра о прадѣдѣ Адамѣ, Стрѣшневъ отвѣчалъ: «Пишетъ ваша милость, что пребываете по приказанію Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица своего кушаете хлѣбъ свой: и то вѣдаемъ, что праздень николи, а всегда трудолюбно быть имѣешь, *и то не для себя, а для всѣхъ православныхъ христіанъ*» (стр. 423). Но повторяемъ — мысль о томъ, что Петръ трудится для блага общаго, является опредѣ-

леннымъ образомъ, какъ у его приверженцевъ, такъ и у него самого, только со времени азовскаго похода. Даже самая лесть царедворцевъ, которой не могло не быть и при Петрѣ, становится отважнѣе и размашистѣе только съ этого времени. По взятіи Азова Ромодановскій писалъ уже къ Петру такимъ образомъ: «Вѣмъ, что паче многихъ въ трудехъ ты, господине, пребываешь и намъ желаемое исполняешь, и по всему твоему дѣлу мнилъ тя быть подобна многимъ: «вѣрю къ Богу, яко Петра, мудростію — яко Соломона, силою — яко Самсона, славою — яко Давида, а паче, что лучшее въ людехъ, чрезъ многія науки изобрѣтается и чрезъ продолжные дни снискательства ихъ, то въ тебѣ, господине, чрезъ малое исканіе все то является, во всякомъ полномъ исправномъ томъ видѣ» (Устр., прилож. къ II тому, II, 65). Такимъ языкомъ не рѣшались говорить съ Петромъ до азовскаго похода даже придворные его времени. Видно, и они понимали, что еще не время придавать занятіямъ Петра государственное значеніе... Тѣмъ страннѣе было бы, если бы позднѣйшій историкъ сталъ находить въ нихъ глубокія идеи и намѣренія для блага государства. Такъ можно было разсуждать только до тѣхъ поръ, пока факты скрывались подъ спудомъ и не были достаточно разъяснены. Теперь матеріалы, обнародованные г. Устряловымъ, несомнѣнно доказываютъ, что труды первыхъ лѣтъ правленія Петрова, большею частью механическіе и потѣшные, служили для него особымъ родомъ развлеченія, любимымъ упражненіемъ и только; ими онъ, по собственному выраженію, *тѣшилъ охоту* свою. При томъ же труды эти нерѣдко смѣнялись различными увеселеніями и отдыхами въ кругу друзей. О ха-

рактерѣ этихъ увеселеній даетъ понятіе слѣдующее описаніе, представленное г. Устряловымъ (т. II, стр. 131—132).

Бывали дни, когда Петръ покидалъ всѣ свои работы и съ товарищами своихъ трудовъ предавался шумному веселью. Онъ зазывалъ свою компанію обыкновенно къ Лефорту, которому впослѣдствіи выстроилъ великолѣпныя палаты на берегу Яузы, иногда ко Льву Кирилловичу Нарышкину въ Филя, къ князю Борису Алексѣевичу Голицыну, къ Петру Васильевичу Шереметеву, къ генералу Гордону, и веселился далеко за полночь, съ музыкою, танцами, нерѣдко при залпѣ орудій, разставленныхъ вокругъ дома, гдѣ пировала царская компанія.

Предсѣдателемъ пиршества всегда былъ прежній учитель царя, думный дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ, прозванный „князь-папою, патріархомъ пресбургскимъ, яузскимъ и всего Кокуя". Онъ строго наблюдалъ за исправнымъ осушеніемъ кубковъ и собственнымъ примѣромъ поощрялъ собесѣдниковъ къ бою съ Иваникою-Хмѣльницкимъ, врагомъ невидимымъ, но лукавымъ и опаснымъ, проявлявшимъ свою силу тѣмъ, что одни изъ гостей засыпали на мѣстѣ и ночевали у хозяина, другіе съ трудомъ добирались до своихъ домовъ, и, какъ напримѣръ Гордонъ, едва въ трое сутокъ могли оправиться.

Здравъ и невредимъ бывалъ одинъ царь, котораго на другой день восходящее солнце находило уже за работою. Онъ былъ душою пирующихъ, придумывалъ замысловатыя потѣхи, обходился со всѣми запросто, дружелюбно, не сердился за прекословіе; но не любилъ ни упорнаго противорѣчія, ни упорной лести; въ особенности не терпѣлъ, если хвалили невѣжество, порицали науку, искусство или его друзей, и часто одно досадное или неумѣстное слово воспламеняло его такимъ гнѣвомъ, что среди самаго жаркаго разгула собесѣдники умолкали и приходили въ трепетъ. Въ подобныхъ случаяхъ одинъ Лефортъ могъ успокоить взволнованнаго царя. Чрезъ нѣсколько минутъ мрачное чело его прояснялось, гроза утихала, и всѣ принимались за круговую чашу, при громѣ орудій, потрясавшемъ палаты пирующихъ.

Особенно весело проводилъ онъ святки и масленицу. На святкахъ, сопровождаемый всею компаніею своею, человѣкъ до 80 и болѣе, подъ именемъ славильщиковъ, онъ посѣщалъ бояръ, генераловъ, богатыхъ купцовъ, славилъ Христа, принималъ дары и веселился по нѣсколько дней сряду. На масленицѣ непремѣнно спускалъ блестящіе фейерверки, которые всегда самъ устраивалъ, собственными руками изготовляя на потѣшномъ дворѣ ракеты, звѣзды, колеса, шутихи, огненныя картины.

Г. Устряловъ весьма неопредѣленно говоритъ о томъ, какъ часто совершались празднества, обѣды и прочія увеселенія Петра: «*бывали дни*», — говоритъ онъ, и это выраженіе какъ будто намекаетъ на то, что такіе дни бывали не часто. Однакоже дальнѣйшее изложеніе г. Устрялова ясно показываетъ, что все пятилѣтіе 1690—1694 гг. было почти непрерывнымъ рядомъ военныхъ и морскихъ потѣхъ, сопровождавшихся обыкновенно торжественными увеселеніями. Петръ принялъ правленіе въ октябрѣ 1689 г. Въ январѣ и февралѣ 1690 г., по свидѣтельству Гордона, онъ уже спускалъ фейерверки; съ весны начались военныя потѣхи и маневры, при которыхъ, между прочимъ, Петръ былъ опаленъ взрывомъ какой-то гранаты. Лѣто пролежалъ онъ больной, осенью возобновилъ маневры, а зимой опять работалъ надъ фейерверками къ Рождеству и маслянницѣ. Весна и лѣто 1691 г. посвящены были маневрамъ и приготовленію къ примѣрной битвѣ, которая и разыграна была въ октябрѣ, и заключена веселымъ пиромъ. Осень и зиму Петръ разъѣзжалъ изъ Москвы къ Переяславлю-Залѣсскому, гдѣ строились у него новыя суда. Съ весны 1692 г. принялся онъ за спускъ этихъ судовъ и, не довольствуясь присутствіемъ при этомъ торжествѣ своей любимой компаніи, призвалъ въ Переяславль и ца-

рицъ: мать и жену свою. Въ августѣ прибыли онѣ сюда изъ Москвы, и 14 августа былъ обѣдъ на адмиральскомъ кораблѣ съ церемоніею. Чрезъ недѣлю потомъ праздновали спускъ корабля, и тутъ уже начались непрерывныя пиршества. Царица Наталья Кирилловна отпраздновала здѣсь день своего тезоименитства и уже въ началѣ сентября отправилась въ Москву, — не совсѣмъ, однакожъ, здоровая. Петръ оставался еще нѣкоторое время въ Переяславлѣ, потомъ возвратился въ Москву и самъ захворалъ — кровавымъ поносомъ «отъ чрезмѣрныхъ трудовъ и, вѣроятно, отъ излишнихъ пиршествъ», по замѣчанію историка (т. II, стр. 144). Болѣзнь его продолжалась до Рождества и возбудила серьезныя опасенія. Тутъ-то именно нѣкоторые изъ любимцевъ Петра запаслись лошадьми, чтобы при первомъ извѣстіи о смерти его бѣжать изъ Москвы. «Но Провидѣніе сохранило Петра для Россіи, — продолжаетъ историкъ. — Около Рождества онъ сталъ поправляться и въ концѣ января, еще не совсѣмъ впрочемъ здоровый, разъѣзжалъ по городу, созывая гостей, въ званіи шафера, на свадьбу нѣмецкаго золотыхъ дѣлъ мастера, распоряжался на свадебномъ пиру и безпрестанно потчевалъ гостей напитками; самъ однакоже пилъ мало». На масляницѣ Петръ, по обыкновенію, спустилъ фейерверкъ, имъ самимъ изготовленный, и заключилъ его «роскошнымъ ужиномъ, который продолжался до трехъ часовъ пополуночи». Весну 1693 г. Петръ провелъ въ кораблестроеніи, въ іюлѣ отправился въ Архангельскъ. Здѣсь прожилъ онъ до половины сентября, поджидая прихода иноземныхъ кораблей, плавая въ Бѣломъ морѣ и знакомясь съ иноземцами, жившими въ Архангельскѣ. Г. Устряловъ говоритъ, что

Петръ въ Архангельскѣ «охотно принималъ приглашеніе иностранныхъ купцовъ и корабельныхъ капитановъ на обѣды и вечеринки, и съ особеннымъ удовольствіемъ проводилъ у нихъ время за кубками вина заморскаго, разспрашивая о житьѣ-бытьѣ на ихъ родинѣ» (Устр., т. II, стр. 158). Посѣщалъ онъ также и архіепископа архангельскаго Аѳанасія, съ которымъ, по свидѣтельству «Двинскихъ Записокъ», разсуждалъ также «о плаваніи по морямъ и рѣкамъ кораблями и другими судами, со многимъ искусствомъ». Въ октябрѣ 1693 г. Петръ возвратился въ Москву и занялся приготовленіями къ новому морскому походу въ Бѣлое море, назначенному слѣдующею весною. «А между тѣмъ весело и шумно проводилъ вечера въ кругу своей компаніи, нерѣдко далеко за полночь (Гордонъ: 5 ноября 1693 г. веселились у Лефорта до 6 часовъ утра), ировалъ на свадьбахъ въ Нѣмецкой Слободѣ у офицеровъ, купцовъ, разнаго званія мастеровъ» (т. II, стр. 160).

Въ январѣ 1694 г. скончалась мать Петра. Смерть ея сильно поразила Петра, и горесть его была столь же порывиста, какъ и всѣ его ощущенія и стремленія. «Трое сутокъ онъ тосковалъ и горько плакалъ; въ четвертыя былъ уже спокойнѣе, провелъ вечеръ у друга своего Лефорта съ компаніею; въ слѣдующій день — тоже, и принялся за дѣла». Весною онъ рѣшился опять отправиться въ Архангельскъ и заранѣе писалъ туда къ Апраксину, прося его, между прочимъ, «пива не забыть». Отправился онъ туда въ апрѣлѣ, «послѣ прощальнаго обѣда, даннаго Лефортомъ, и на которомъ пировали *отъ полудня до полуночи*». Изъ Архангельска ѣздилъ онъ въ іюнѣ поклониться мощамъ соловецкихъ чудотворцевъ, и на пути чуть не былъ

разбить бурею. Вслѣдствіе этого — возвращеніе его изъ столь опаснаго путешествія было празднуемо въ Архангельскѣ нѣсколько дней веселыми пирами. «Сначала пригласилъ къ себѣ Петра на обѣдъ со всею компаніею капитанъ англійскаго корабля, при чемъ, по словамъ Гордона, не щадили ни вина, ни пороху. Черезъ день потомъ Петръ былъ на именинномъ пирѣ у Тихона Никитича Стрѣшнева; отъ него отправился на яхту «Св. Петръ», назначенную въ тотъ же день для контръ-адмирала Гордона, и, повеселившись у него на новосельѣ, вечеръ и всю ночь до двухъ часовъ утра провелъ у адмирала, а въ слѣдующій день былъ на большомъ пиру у воеводы Ѳ. М. Апраксина». Вскорѣ потомъ Петръ праздновалъ день своего ангела (29 іюня); обѣденный столъ былъ въ царскихъ палатахъ, а вечеръ провелъ Петръ у англійскаго капитана Джона Греймса, который угостилъ гостей своихъ на славу. Черезъ нѣсколько дней потомъ праздновали спускъ новаго корабля; тутъ угощалъ всѣхъ веселымъ и продолжительнымъ пиромъ вице-адмиралъ Бутурлинъ. Спустя десять дней потомъ торжествовали прибытіе голландскаго фрегата. «Торжество было неописанное; вся *компанія* собралась на корабль и веселилась на немъ долго». Въ самый разгулъ пированія, прибавляетъ г. Устряловъ, Петръ хотѣлъ подѣлиться радостью съ своими отсутствующими товарищами, и кратко извѣстилъ ихъ письмомъ о прибытіи фрегата. «Пространнѣе буду писать въ настоящей почтѣ,—заключаетъ Петръ это письмо; — а нынѣ обвеселяся, неудобно пространно писать, паче же и нельзя: понеже при такихъ случаяхъ всегда Бахусъ почитается, который своими листьями заслоняетъ очи хотящимъ пространно писати».

По возвращеніи изъ Архангельска Петръ опять *тѣшился* въ Москвѣ кожуховскимъ походомъ, который, по обычаю, заключенъ былъ большимъ пиромъ. Это было въ октябрѣ 1694 г. Вскорѣ послѣ того задуманъ былъ азовскій походъ, и потѣхи Петра уступили мѣсто дѣйствительнымъ, серьезнымъ трудамъ и военному опыту.

Мы сдѣлали это коротенькое извлеченіе изъ нѣсколькихъ главъ второго тома г. Устрялова, чтобы показать, чѣмъ наполнено было это пятилѣтіе, въ теченіе котораго историкъ замѣчаетъ полное отсутствіе государственной дѣятельности въ молодомъ царѣ. Послѣ нашего извлеченія для читателей понятнѣе будетъ и слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное г. Устряловымъ относительно бездѣйствія Петра въ это время. «Очевидно, — говоритъ онъ, — царь, еще мало опытный въ искусствѣ государственнаго управленія, *исключительно преданный задушевнымъ мыслямъ своимъ*, предоставилъ дѣла обычному теченію въ приказахъ, и едва ли находилъ время для продолжительныхъ совѣщаній съ своими боярами; нерѣдко онъ слушалъ и рѣшалъ министерскіе доклады на пушечномъ дворѣ» (т. II, стр. 133).

Замѣтимъ, что здѣсь подъ *задушевными мыслями* Петра разумѣются, конечно, не государственныя идеи преобразованія, а страсть къ военному и особенно къ морскому дѣлу. Страсть къ морю дѣйствительно является въ это время у Петра уже въ сильной степени развитія. Для нея онъ позабылъ все, ей онъ отдавался съ тѣмъ увлеченіемъ и пылкостью, которыя вообще отличали его стремительную натуру. Безпрестанно ѣздилъ онъ въ Переяславль, и даже въ Москвѣ работалъ надъ судами.

На спускъ корабля призвалъ онъ изъ Москвы мать и жену; смотрѣть на корабли отправился онъ въ Архангельскъ. И уже оттуда ничѣмъ нельзя было его выманить. Напрасно мать посылала ему письмо за письмомъ, прося поскорѣе возвратиться. «Прошу у тебя, свѣта своего, — писала она, — помилуй родшую тя, — какъ тебѣ, радость моя, возможно, пріѣзжай къ намъ не мѣшкавъ...» — «Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость, пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ. Ей-ей, свѣтъ мой, велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта-радости, не вижу». — Петръ не внималъ мольбамъ скорбящей матери, непремѣнно хотѣлъ дождаться кораблей и отвѣчалъ ей успокоеніями, въ родѣ слѣдующаго: «О единомъ милости прошу: чего для изволишь печалиться обо мнѣ? Изволила ты писать, что предала меня въ паству Матери Божіей; и такого пастыря имѣючи, почто печаловать?» Столь же равнодушенъ былъ Петръ въ это время и къ другимъ обстоятельствамъ, выходящимъ изъ круга морского и военнаго дѣла. Такъ, въ 1694 г. въ Архангельскѣ, получивши извѣстіе о томъ, что въ Москвѣ много было пожаровъ въ отсутствіе царя, Петръ отвѣтное письмо свое начинаетъ извѣстіемъ о новомъ кораблѣ, который спущенъ и «марсовымъ ладономъ окуренъ; въ томъ же куреніи и Бахусъ припочтенъ былъ довольно. О сколь нахалчивъ вашъ Вулканусъ! — продолжаетъ онъ потомъ. — Не довольствуется вами, на сушѣ пребывающими, но и здѣсь, на Нептунусову державу дерзнулъ, и едва не всѣ суда, въ Кончурьѣ лежащія, къ ярмонкѣ съ товары, всѣ пожегъ; обаче чрезъ наши труды весьма разоренъ...» Шутливый тонъ письма показываетъ, что подъ вліяніемъ радостнаго впечатлѣнія

отъ спуска корабля Петръ вовсе не принялъ къ сердцу извѣстія о московскихъ пожарахъ. Онъ и упоминаетъ о нихъ какъ будто только для сближенія миѳологическихъ именъ, разсѣянныхъ въ его письмѣ.

Но и этого мало: предаваясь своей страсти къ кораблямъ, Петръ готовъ былъ пожертвовать для нея даже серьезными политическими интересами... Такъ, въ началѣ 1692 г. онъ, съ 16 учениками своими, отправился въ Переяславль, и, заложивши тамъ корабль, не хотѣлъ возвратиться въ Москву даже для торжественнаго пріема персидскаго посланника. Министры его, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, нарочно должны были ѣхать въ Переяславль, чтобы убѣдить Петра въ необходимости обычной аудіенціи, для избѣжанія ссоры съ шахомъ. Петръ поѣхалъ въ Москву, но черезъ два дня послѣ пріема посла опять ускакалъ къ своимъ кораблямъ (Устр., т. II, стр. 142).

Немудрено поэтому, что въ дѣлахъ внѣшнихъ историкъ замѣчаетъ то же бездѣйствіе, какъ и во внутреннихъ. Постоянная опасность Россіи со стороны крымскихъ татаръ не возбуждала ни малѣйшаго вниманія Петра. «Вопреки настоятельнымъ требованіямъ польскаго короля, говоритъ г. Устряловъ, — подкрѣпляемымъ просьбами цесаря, Петръ тщательно уклонялся отъ рѣшительныхъ предпріятій противъ крымскихъ татаръ, не взирая на то, что, озлобленные походами князя Голицына, они не давали намъ покою ни зимою, ни лѣтомъ, и довольствовался только охраненіемъ южныхъ границъ, поручивъ защиту ихъ Бѣлгородскому Разряду, подъ начальствомъ боярина Бориса Петровича Шереме-

тева» (т. II, стр. 133). Мало того, Петръ даже почти соглашался примириться на условіяхъ Бахчисарайскаго договора, и только условіе о платежѣ ежегодной дани хану его удерживало (Устр., т. II, стр. 219). А между тѣмъ вспомнимъ, какъ онъ былъ разгнѣванъ на Голицына за неудачу крымскихъ походовъ...

Г. Устряловъ полагаетъ, что «главною виною нерѣшительности Петра въ этомъ случаѣ было намѣреніе его прежде всего изучить военное искусство во всѣхъ видахъ его, чтобы тѣмъ надежнѣе вступить съ врагами въ борьбу на морѣ и на сушѣ» (т. II, стр. 190). Но едва ли можно принять это объясненіе во всей его обширности. Безъ всякаго сомнѣнія, Петръ, какъ и всякій человѣкъ съ здравымъ смысломъ, понималъ, что войско нужно для войны. Нужна замѣчательная степень тупоумія для того, чтобы полагать, что войско составляетъ лишь блестящую, парадную игрушку, которую война можетъ только испортить. Петръ, конечно, этого не думалъ. При всемъ томъ сказать, будто онъ пять лѣтъ не обращалъ вниманія на внѣшнія государственныя отношенія *намѣренно*, имѣя въ виду приготовленіе хорошаго войска для борьбы съ врагомъ, сказать это, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакого историческаго основанія. Мало того, желая такою оговоркою какъ бы прикрыть временное бездѣйствіе Петра, мы тѣмъ самымъ оказали бы плохую услугу защищаемому дѣлу. Послѣдствія показали, что въ теченіе времени отъ 1690 до 1695 г. для образованія войска и даже для развитія морского дѣла въ Россіи сдѣлано было весьма мало, почти ничего не сдѣлано. Если бы Петръ заботился объ этомъ, и заботился до того, что пренебре-

галъ изъ-за этого важнѣйшими дипломатическими отношеніями, то неужели бы онъ допустилъ столько неисправностей и недостатковъ, сколько ихъ обнаружилось при азовскомъ походѣ, первомъ серьезномъ дѣлѣ, предпринятомъ Петромъ? Мы видимъ впослѣдствіи, какъ Петръ умѣетъ входить во все, обо всемъ заботиться, все предусматривать и устраивать заранѣе въ тѣхъ дѣлахъ, на которыя онъ уже рѣшился. Ничего похожаго не встрѣчаемъ мы до азовскихъ походовъ. Видно, что до этого времени военныя занятія и потѣхи Петра на морѣ и сухомъ пути были еще только *личною* его страстью, съ которою не соединялось пока никакихъ опредѣленныхъ замысловъ. Самъ Петръ нигдѣ ни одного намека не дѣлаетъ на то, чтобы онъ уже имѣлъ въ виду государственныя цѣли, упражняясь въ строеніи кораблей, изготовленіи фейерверковъ и учрежденіи примѣрныхъ битвъ. «Нѣсколько лѣтъ *исполнялъ я охоту свою* на озерѣ Переяславскомъ, — пишетъ онъ въ предисловіи къ морскому регламенту, — но потомъ оно мало показалось; то ѣздилъ на Кубенское; но оное ради мелкости не показалось. Тогда сталъ проситься у матери, чтобы видѣть море. Она не пускала сначала, но потомъ, *видя великое мое желаніе и неотмѣнную охоту,* и нехотя позволила». Послѣ того, насмотрѣвшись на голландскіе и англійскіе корабли, Петръ, по собственнымъ словамъ его, всю мысль свою уклонилъ для строенія флота, и «*когда за обиды татарскія учинилась осада Азова, и потомъ оный счастливо взятъ,* по неизмѣнному своему желанію не стерпѣлъ долго думать о томъ — скоро за дѣло принялся». (Устр., т. II, прил. I, стр. 400). Ясно, что первая мысль о флотѣ мелькнула у Петра только при видѣ

иностранныхъ кораблей въ Бѣломъ морѣ, т. е. въ сентябрѣ 1693 г. Окончательно же опредѣлилась она послѣ похода подъ Азовъ. До тѣхъ поръ это была просто *охота* къ мореплаванію, не имѣвшая въ виду ничего, кромѣ бо́льшаго и бо́льшаго простора себѣ.

То же надобно сказать и про сухопутное военное дѣло. Петръ самъ ясно засвидѣтельствовалъ, въ письмѣ къ Апраксину предъ азовскимъ походомъ, что потѣшныя занятія были для него просто игрою. «Хотя въ ту пору, какъ осенью, — пишетъ онъ, — въ продолженіе пяти недѣль трудились мы подъ Кожуховымъ въ Марсовой потѣхѣ, — *ничего, кромѣ игры, на умѣ не было,* однакожъ эта игра стала предвѣстникомъ настоящаго дѣла» (Устр., т. II, стр. 219). Невозможно прямѣе и рѣзче опровергнуть всѣ возгласы, которые дѣлаются опрометчивыми панегиристами о великихъ замыслахъ и планахъ, какіе Петръ соединялъ будто бы съ потѣшными занятіями. «*Ничего, кромѣ игры, у меня на умѣ не было*»,—говоритъ онъ имъ просто и строго, въ полномъ сознаніи, что для дѣлъ его не нужно льстивыхъ украшеній, придуманныхъ досужимъ воображеніемъ. Когда онъ занятъ *игрою,* онъ не боится признаться въ томъ: настанетъ у него время и для серьезнаго дѣла. Въ это-то время и игра обратится для него на пользу, которой онъ прежде и самъ не предполагалъ.

Но и независимо отъ признанія самого Петра, мы имѣемъ фактическое свидѣтельство касательно состоянія военнаго дѣла въ Россіи подъ конецъ перваго пятилѣтія Петрова царствованія. Свидѣтельство это представляется намъ въ первомъ азовскомъ походѣ. Походъ этотъ предпринятъ былъ безъ дальнихъ разсужденій. Совѣщаніе о немъ происходило

на Пушечномъ дворѣ. Петръ предъ началомъ похода выражался о немъ въ письмѣ къ Апраксину такимъ образомъ: «Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ». Съ собою Петръ взялъ 31,000 войска, состоявшаго изъ новыхъ полковъ и изъ стрѣльцовъ московскихъ, а на Крымъ, по его повелѣнію, «поднялась огромная масса ратныхъ людей, наиболѣе конныхъ, стариннаго московскаго устройства, въ числѣ 120,000 человѣкъ». Подъ Азовъ впередъ всѣхъ отправили Гордона съ стрѣльцами сухимъ путемъ. Разсчитывали, что дойдетъ онъ въ три недѣли; но состояніе дорогъ было таково, что путь продолжался два мѣсяца. Черезъ Сѣверный Донецъ нужно было, напримѣръ, построить мостъ для переправы войска; онъ былъ изготовленъ весьма не скоро «по лѣности, непослушанію и нерасторопности стрѣльцовъ», — какъ замѣчаетъ Гордонъ. Самъ Петръ отправился водою съ Лефортомъ и Головинымъ. Отъ самой Москвы плыли на судахъ по Москвѣ и Окѣ; путь этотъ былъ не совсѣмъ удаченъ. Во время плаванія погода была бурная, а суда оказались никуда не годными, да и кормчіе — тоже. Нѣсколько разъ садились они на мель, и многія такъ повредились, что едва могли дойти до Нижняго. Плаваніе такъ было безпорядочно, что иныя суда, по словамъ самого Петра, тремя днями отстали, да и то *въ силу пришли*. Все это было отъ небреженія глупыхъ кормщиковъ, «а такихъ была большая половина въ караванѣ», — прибавляетъ Петръ (т. II, стр. 410). Дальнѣйшій походъ былъ совершенъ не лучше. Отъ Царицына войска шли степью, съ необыкновенными затрудненіями. Изнуренные уже солдаты должны были трое сутокъ везти на себѣ орудія, снаряды и тяжести, по-

тому что при войскѣ находилось не болѣе 500 конныхъ и вовсе не было ни артиллерійскихъ, ни обозныхъ лошадей. Къ довершенію всего, въ Паншинѣ (казачій городокъ) обнаружился недостатокъ продовольствія «отъ неисправности московскихъ подрядчиковъ, которые вовсе не заботились о своевременной поставкѣ запасовъ; соли не было ни фунта» (Устр., т. II, стр. 230).

Съ такими-то приключеніями добрались кое-какъ до Азова. Здѣсь Петръ расположился, «на молитвахъ святыхъ апостолъ, яко на камени утвердяся», по его выраженію. Но уже при самомъ расположеніи войска оказалось, какъ оно плохо. Едва только Гордонъ съ своею дивизіею успѣлъ занять назначенное ему возвышеніе, какъ турки открыли огонь и бросились на нашу конницу, которая тотчасъ же обратилась въ бѣгство, впрочемъ, была поддержана пѣхотою. Историкъ прибавляетъ: «летѣвшія ядра такъ испугали людей и даже командныхъ полковниковъ, что они просили своего генерала укрѣпиться шанцами». Гордонъ съ трудомъ удерживалъ людей отъ малодушнаго бѣгства. Въ такомъ положеніи три дня дожидался онъ прибытія на позицію дивизіи Лефорта и Головина. Что же ихъ задержало? То, что у нихъ не было повозокъ и телѣгъ, и потому, чтобы они могли подняться, нужно было привезти имъ повозки изъ Гордонова лагеря, что посреди многочисленной непріятельской конницы исполнить было довольно затруднительно.

Петръ и Гордонъ дѣйствовали неутомимо, казаки отличались храбростью. Послѣдніе много подвинули впередъ дѣло осады, овладѣвши двумя турецкими каланчами, въ трехъ верстахъ выше Азова, на обоихъ берегахъ Дона. Но масса войска не ста-

ла отъ того лучше. На другой день послѣ взятія каланчей турки привели въ ужасъ русскихъ, напавъ на нихъ въ то время, какъ они *отдыхали послѣ обѣда*, — «обычай, которому мы не измѣняли ни дома, ни въ станѣ военномъ», по замѣчанію историка. Гордонъ пишетъ при этомъ: «Стрѣльцы и солдаты, испуганные нападеніемъ, разсѣялись по полю въ паническомъ страхѣ, какого я въ жизнь мою не видывалъ». Слѣдствіемъ этого страха было занятіе турками нашего редута, который, впрочемъ, потомъ отбитъ былъ новыми подоспѣвшими полками. Гордонъ предлагалъ много мѣръ для лучшаго успѣха осады, но его не слушали и поступали такъ, что все какъ будто бы шутили. Даже и на дѣлѣ оставляли Гордона безъ подкрѣпленія, такъ что однажды часть отряда Гордона спасена была только внезапнымъ отступленіемъ чѣмъ-то обманутыхъ турокъ. «Это неожиданное отступленіе, — замѣчаетъ Гордонъ, — спасло насъ отъ большой бѣды: отрядъ нашъ, бывшій на другой сторонѣ, не имѣлъ никакой защиты, кромѣ рогатокъ». Наши генералы замѣтно скучали и трусили ратнаго дѣла. Въ концѣ іюля они посылали даже письмо къ пашѣ, пытаясь склонить его къ сдачѣ города предложеніемъ ему *выгодныхъ условій»*, неизвѣстно какихъ... Паша не согласился.

Наскучивъ осадой и потерявъ надежду склонить пашу *выгодными условіями*, заговорили о штурмѣ. Гордонъ много спорилъ, доказывая, что штурмъ предпринимать еще рано. Его не послушали; самъ Петръ рѣшился на штурмъ. Кликнули охотниковъ, обѣщая рядовымъ по 10 рублей за каждое взятое орудіе, офицерамъ — особое вознагражденіе. Вызвалось 2,500 охотниковъ изъ казаковъ. Въ пол-

кахъ же солдатскихъ и стрѣлецкихъ — *охотниковъ не оказалось*. Въ подкрѣпленіе охотникамъ назначено было по 1,500 человѣкъ изъ каждой дивизіи. Между охотниками мало было офицеровъ, да и тѣ были — или по неопытности слишкомъ самонадѣянны, или очень унылы. На приступъ отправились безъ лѣстницъ и фашинъ. Во время самаго приступа колонна стрѣльцовъ, назначенная въ помощь штурмующимъ, расположилась въ садахъ и спокойно смотрѣла на усилія своихъ товарищей. Оттого приступъ, конечно, не удался. Русскіе въ четырехъ полкахъ потеряли 1,500 человѣкъ; уронъ турокъ простирался только до 200 . . .

Послѣ неудачнаго приступа снова принялись за осадныя работы. Но онѣ шли крайне плохо. Въ особенности у Лефорта ничего не было сдѣлано, вслѣдствіе его беззаботности и неискусства инженеровъ. Лефортъ вовсе не заботился даже объ устройствѣ коммуникаціонныхъ линій съ лагеремъ Гордона, для взаимной обороны. Минныя галлереи, начатыя имъ, непріятели открывали и разрушали. Гордонъ также повредилъ собственныя работы, взрывая непріятельскую контръ-мину. Въ дивизіи Головина молодой инженеръ (кажется, Адамъ Вейде) объявилъ, что онъ подрылся подъ самый флангъ бастіона, и что нужно сдѣлать взрывъ. Военный совѣтъ рѣшилъ: взорвать подкопъ и, какъ скоро обрушится крѣпостная стѣна, занять проломъ ближайшими войсками. Взорвали подкопъ. «Бревна, доски, каменья взлетѣли на воздухъ и всею тяжестью обрушились на наши траншеи, гдѣ перебили 30 человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ полковниковъ и одного подполковника да человѣкъ сотню изувѣчили. Стѣна же крѣпостная осталась невредимою».

Какъ послѣднее средство, хотѣли испытать еще приступъ, и для большаго успѣха рѣшились начать штурмъ тотчасъ по взрывѣ минъ, заложенныхъ противъ крѣпости, въ самомъ центрѣ. Приступъ назначенъ былъ общій со всѣхъ сторонъ, съ сухого пути и съ Дона. Напрасно Гордонъ толковалъ о безполезности нападенія съ рѣчной стороны, приводя весьма основательныя соображенія; его не послушали и на его возраженія отвѣчали какими-то темными надеждами. При самомъ распредѣленіи войскъ для атаки сдѣлали странную ошибку. Казаковъ, уже столько разъ показавшихъ свое мужество, оставили для защиты лагеря отъ предполагаемаго нападенія татаръ изъ степи, а на приступъ повели солдатъ и стрѣльцовъ, которые и тутъ показали, разумѣется, не больше храбрости, чѣмъ прежде. Второй штурмъ окончился такъ, какъ и слѣдовало ожидать. Взрывомъ минъ повредило часть бастіона, но едва ли не большій вредъ нанесло самимъ русскимъ. «Взлетѣвшіе на воздухъ камни обрушились, какъ и прежде, на наши аппроши, гдѣ задавили полковника Бана, нѣсколько офицеровъ, много нижнихъ чиновъ и до 100 человѣкъ перераниля». На приступъ шли опять безъ лѣстницъ; весь бой шелъ вяло и не единодушно. Отрядъ Лефорта, которому велѣно было развлекать силы непріятеля нападеніемъ на укрѣпленія, ближайшія къ атакуемымъ главными силами, подошелъ къ нимъ, и видя, что тутъ нѣтъ пролома и даже ровъ не засыпанъ, счелъ за лучшее присоединиться къ гордоновымъ стрѣльцамъ, шедшимъ въ проломъ стѣны. Прочія же войска ограничивались однимъ видомъ нападенія и ждали, когда другіе проложатъ имъ путь въ городъ. Замѣтивъ это, турки всѣ свои силы сосредоточили у

пролома, прогнали солдатъ съ валу, потомъ выпустили на русскихъ 400 яростныхъ янычаръ. Стрѣльцы, при видѣ ихъ, тотчасъ же побѣжали, не дожидаясь нападенія, и остановились на внѣшней части вала, откуда скоро были опрокинуты въ ровъ. Гордонъ ударилъ отбой... Второй и третій приступъ были столь же безуспѣшны. Солдаты шли неохотно и не умѣли держаться противъ непріятеля. Потерявши множество народа, принуждены были, наконецъ, отказаться отъ всякой надежды завладѣть Азовомъ на этотъ разъ. Черезъ день послѣ второго штурма рѣшено было снять осаду Азова. Трофеи наши на этотъ разъ состояли въ одномъ турецкомъ значкѣ, да въ одной желѣзной пушкѣ.

Отступленіе совершилось съ бѣдствіями и затрудненіями, еще худшими, чѣмъ первый путь до Азова. Въ степи безпрестанно тревожила отступавшихъ татарская конница, и Гордонъ, бывшій въ аррьергардѣ, едва могъ сохранять хоть какой-нибудь порядокъ въ своихъ полкахъ. Одинъ полкъ, бывшій подъ начальствомъ Сверта, отсталъ; татары напали на него, разбили совершенно и взяли въ плѣнъ самого полковника съ нѣсколькими знаменами. Весь аррьергардъ пришелъ отъ этого въ большое смущеніе; поддержалъ порядокъ одинъ Бутырскій полкъ. За Черкасомъ непріятель болѣе не преслѣдовалъ отступающихъ; но тутъ начались морозы и вьюги. Войска шли безлюдной и обгорѣлой степью; люди и лошади гибли отъ голода и холода. Чрезъ мѣсяцъ послѣ удаленія арміи проѣзжалъ по слѣдамъ ея Плейеръ, цесарскій посланникъ, и онъ говоритъ, что не могъ видѣть безъ содроганія множества труповъ, разбросанныхъ на пространствѣ 800 верстъ и пожираемыхъ волками... Чрезъ два

мѣсяца, уже въ концѣ ноября, полки вступили въ Москву, впрочемъ съ торжествомъ. Въ знакъ побѣды, конечно, «предъ царскимъ синклитомъ вели турченина, руки назадъ; у руки по цѣни большой, вели два человѣка». Этимъ жалкимъ подобіемъ побѣднаго тріумфа Петръ отдавалъ еще послѣднюю дань своимъ прежнимъ потѣхамъ. Но на *такомъ* тріумфѣ онъ не могъ успокоиться.

Азовскія неудачи многому научили Петра, на многое заставили его смотрѣть совсѣмъ иными глазами. Онъ не могъ не замѣтить недостаточности и легкомысленности того, чему прежде предавался съ страстнымъ увлеченіемъ. Походъ подъ Азовъ былъ отчасти также плодомъ увлеченія, пробою воинской игры съ настоящимъ непріятелемъ. Но проба эта обошлась дорого и была рѣшительно неудачна. Причиною неудачъ было именно то, что до начала войны не позаботились ни о чемъ, что необходимо было для успѣха. Ни о средствахъ сообщенія, ни о продовольствіи, ни объ артиллерійскихъ и инженерныхъ принадлежностяхъ, ни о способныхъ офицерахъ, ни о внушеніи воинскаго духа всему войску, ни о порядочномъ устройствѣ полковъ, — ни о чемъ не подумали. Съ перваго шага до послѣдняго во всемъ обнаруживалось крайнее неустройство, безпорядокъ, слабость, невѣжественныя ошибки. Петръ не могъ не видѣть тутъ, что нужны перемѣны быстрыя и рѣшительныя, для того чтобы сдѣлать что-нибудь для Россіи. Онъ долженъ былъ понять теперь, что успѣхи и неуспѣхи военные не отъ ловкаго маневрированія зависятъ, а что для нихъ нужно и кое-что другое. Эта мысль на каждомъ шагу должна была преслѣдовать его при азовскихъ неудачахъ. Ее должны были еще

болѣе усиливать и извѣстія, получавшіяся изъ Бѣлгородской арміи. Ему писали, что «промысла подъ Казыркеманомъ чинить невозможно, затѣмъ что съ денежнымъ жалованьемъ не бывали, и деньги всѣ вышли, да ружья мало». Далѣе объясняли Петру, что Шереметевъ жаловался на недостатокъ «ломовыхъ пушекъ», т. е. осадной артиллеріи, и что тѣ пушки велѣно ему дать изъ Кіева, но онъ пишетъ, «что взять ихъ неколи, время испоздалось». Всѣ подобныя извѣстія ясно указывали Петру на необходимость образовать правильную военную администрацію и заботиться о средствахъ для войны еще болѣе, нежели о храбрости въ битвахъ. Онъ понялъ это, и съ тѣхъ поръ образъ дѣятельности его замѣтно измѣняется. Нельзя сказать, чтобы Петръ въ это время вполнѣ уже обнялъ всѣ отрасли государственнаго управленія, вполнѣ и ясно созналь все, что необходимо было сдѣлать для благоденствія и славы Россіи; но по крайней мѣрѣ относительно военнаго дѣла взглядъ Петра значительно уяснился и расширился послѣ перваго азовскаго похода. И тутъ-то мы видимъ, какая разница между дѣятельностію Петра, когда она направлена къ какой-нибудь опредѣленной цѣли, какъ теперь, — и между его же дѣятельностью, когда она вызвана просто его личными увлеченіями, безъ всякихъ дальнѣйшихъ плановъ, какъ было съ воинскими и морскими потѣхами Петра до азовскихъ походовъ. Въ тѣхъ потѣхахъ онъ только изучалъ технику самыхъ простыхъ и незначительныхъ работъ, и физическими трудами, съ перемежкой увеселеній и пиршествъ, какъ будто заглушалъ ту безмѣрную жажду дѣятельности, которая томила его душу, не находя себѣ достойнаго предмета для удовлетворенія. Оттого-

то онъ и не приготовилъ ничего для успѣшной войны, что не зналъ и не думалъ, что выйдетъ изъ его потѣхъ. Если бы онъ въ самомъ дѣлѣ потому только и съ турками и съ поляками не хотѣлъ вступать въ рѣшительные переговоры, что хотѣлъ прежде приготовиться къ войнѣ, то, безъ сомнѣнія, онъ дѣйствительно и приготовился бы къ ней въ теченіе пяти лѣтъ, отъ 1690 до 1694 г. А между тѣмъ мы видимъ, что приготовлено ничего не было и что въ полгода, прошедшіе отъ перваго азовскаго похода до второго, сдѣлано было больше, нежели въ тѣ пять лѣтъ. Такимъ образомъ и здѣсь ясно становится, какъ Петръ увлекаемъ былъ силою событій, какъ онъ постепенно вразумленъ былъ фактами, совершавшимися передъ его глазами, и какъ его стремленія раскрывались и расширялись все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того какъ явленія жизни указывали ему на новыя государственныя потребности, которыя нужно было удовлетворить. Рѣшимость удовлетворить этимъ потребностямъ во что бы то ни стало и составляетъ главную его заслугу. Не нужно, впрочемъ, думать, чтобы Петръ разомъ, однимъ геніальнымъ воззрѣніемъ, охватилъ всѣ отрасли государственной дѣятельности и тотчасъ же послѣ азовскаго похода составилъ полный планъ преобразованія. Вовсе нѣтъ. Мы видимъ, что, оставляя пока въ сторонѣ многіе важнѣйшіе государственные вопросы и настоятельныя потребности Россіи, Петръ обратился на этотъ разъ только еще къ тому, что всего прямѣе и непосредственнѣе связано было съ предыдущими событіями и что всего болѣе согласовалось съ его собственными, личными наклонностями. Прежде всего Петръ обратилъ вниманіе на то, что могло способствовать усовершен-

ствованію военнаго дѣла и созданію морской силы нашей. Опирать всю силу государства на войскѣ было свойственно тому времени, когда высшія понятія о благѣ и величіи народовъ не были еще выработаны. Поэтому нисколько неудивительно, что и Петръ прежде всего позаботился о войскѣ, оставивъ на это время безъ вниманія другіе интересы страны. Еще понятнѣе забота Петра о флотѣ, такъ какъ мы знаемъ, что страсть къ морю была одною изъ сильнѣйшихъ и постояннѣйшихъ страстей его. Мысли свои вообще о военной силѣ очень ясно высказалъ Петръ нѣсколько позже — въ указѣ о призывѣ иноземцевъ въ Россію, 1702 г. Въ указѣ этомъ Петръ говоритъ, что всегда старался «о поспѣшествованіи народной пользы, и для того заводилъ разныя перемѣны и новости». Перечисливши нѣкоторыя изъ новыхъ учрежденій и мѣръ, указъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: «Но понеже мы опасаемся, что такія учиненныя нами расположенія не совсѣмъ достигли такого совершенства, какъ мы желаемъ, и слѣдовательно подданные наши еще не могутъ пользоваться плодами трудовъ нашихъ въ безмятежномъ спокойствіи, — того ради помышляли мы и о другихъ еще способахъ», и пр. «Для исполненія полезныхъ такихъ намѣреній, мы *паче всего* старались о томъ, чтобы военный нашъ штатъ, *яко подпору и ограду государства нашего,* какъ возможно наилучше учредить, дабы арміи наши составлялись изъ людей, *знающихъ воинскія дѣла и хранящихъ добрій порядокъ и дисциплину*» ... см. «Туман. Зап»., ч. II, стр. 186—190). Таковы были предположенія и мнѣнія Петра даже въ 1702 г. Опорою государства считаетъ онъ войско, и потому *паче всего* заботится о немъ; въ войскѣ же болѣе

ничего не требуетъ, какъ знаніе воинскихъ дѣлъ, добрый порядокъ и дисциплину. Учрежденіе войска съ такими качествами считаетъ онъ *лучшимъ* средствомъ для огражденія государства и для поддержанія въ немъ благоденствія. Эта мысль не исчезала въ Петрѣ до конца его жизни, но съ теченіемъ времени она потеряла для него часть своего преобладающаго значенія. Рядомъ съ нею мало-по-малу возникли въ душѣ Петра мысли и о важномъ значеніи другихъ отраслей государственнаго управленія. Не переставая заботиться о войскѣ и флотѣ, онъ въ послѣдующее время много обращаетъ также вниманія и на развитіе промышленности въ государствѣ, на финансовыя отношенія, на лучшее устройство гражданскихъ учрежденій; — заводитъ училища, задумываетъ академію наукъ, учреждаетъ синодъ и пр. Но теперь пока, пораженный несовершенствомъ войска, онъ почти исключительно занятъ дѣлами военными и въ особенности сооруженіемъ военнаго флота.

На возвратномъ пути изъ перваго азовскаго похода, изъ степи, близъ береговъ Айдара, Петръ послалъ уже грамоту къ цесарю римскому, съ извѣстіемъ, что онъ ополчился на враговъ христіанства, но главной ихъ крѣпости взять не могъ, по недостатку оружія, снарядовъ, а всего болѣе искусныхъ инженеровъ. Поэтому Петръ просилъ цесаря отпустить въ Россію нѣсколько искусныхъ инженеровъ и минеровъ. О томъ же писано было потомъ и къ курфирсту бранденбургскому. Къ королю же польскому Петръ обратился съ требованіемъ, на основаніи союзнаго договора, — одновременныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій противъ непріятеля. Это уже показывало, что Петръ теперь не *играть* будетъ

подъ Азовъ, а задумываетъ серьезное дѣло. И дѣйствительно, 22 ноября 1695 г. Петръ возвратился въ Москву изъ-подъ Азова, 27-го вновь сказана ратнымъ людямъ служба подъ Азовъ, а 30-го Петръ писалъ къ двинскому воеводѣ Апраксину, чтобъ всѣхъ корабельныхъ плотниковъ немедленно прислать изъ Архангельска въ Воронежъ. «По возвращеніи *отъ невзятія* Азова, — пишетъ онъ, — съ консиліи генераловъ указно мнѣ къ будущей войнѣ дѣлать гален, для чего удобно мнѣ быть шхиптиммерманамъ (корабельнымъ плотникамъ) всѣмъ отъ васъ сюды: понеже они сіе зимнее время туне будутъ препровождать, а здѣсь тѣмъ временемъ великую пользу къ войнѣ учинить; а кормъ и за труды заплата будетъ довольная, и ко времени отшествія кораблей (т. е. ко времени открытія навигаціи въ Архангельскѣ) возвращены будутъ безъ задержанія, и тѣмъ ихъ обнадежь, и подводы дай, и на дорогу кормъ». Въ этомъ письмѣ особенно замѣчательна серьезная, обдуманная заботливость Петра о томъ, чтобы людямъ, которыхъ вызывалъ онъ, было удобно и выгодно отправиться въ Воронежъ.

Самое комплектованіе войска происходило теперь не такъ, какъ прежде. 13 декабря кликнули кличъ въ Москвѣ, чтобы поступали на службу ратную охочіе люди всякаго чина. «Охотниковъ нашлось не мало, — говоритъ историкъ, — особенно въ господскихъ дворяхъ, наполненныхъ сотнями холоповъ праздныхъ и голодныхъ. Крѣпостные люди толпами стекались въ Преображенское и записывались — частью въ солдаты, частью въ стрѣльцы. Женъ и дѣтей ихъ отбирали отъ господъ и селили въ Преображенскомъ» (т. II, стр. 261). Кромѣ того, Петръ потребовалъ присылки войскъ отъ малорос-

сійскаго гетмана и изъ Бѣлгородской арміи. Надъ всѣмъ войскомъ назначенъ былъ одинъ главнокомандующій, чего не было въ первомъ походѣ и что много мѣшало единству дѣйствій. Въ декабрѣ же, сдѣлавши распоряженіе о заготовленіи матеріаловъ для постройки судовъ въ Воронежѣ, Петръ занялся формированіемъ *морскаго регимента,* который и составился изъ 4,000 человѣкъ, частью вновь набранныхъ, частью переведенныхъ изъ Семеновскаго и Преображенскаго полковъ. Начиная съ марта мѣсяца Петръ занялся уже почти исключительно постройкою судовъ.

Г. Устряловъ свидѣтельствуетъ, что и въ это время Петръ «еще не думалъ о постройкѣ фрегатовъ и линейныхъ кораблей, вопреки разсказамъ позднѣйшихъ историковъ. Желанія его ограничивались гребною флотиліею, галеасами, галерами, катѳргами, брандерами» (т. II, стр. 259). Значитъ, и здѣсь у Петра была только *ближайшая* цѣль: соорудить флотилію, чтобы запереть Азовъ съ моря. Опредѣленная мысль о флотѣ, какъ «краеугольномъ камнѣ могущества Россіи и лучшемъ средствѣ открыть Россіи путь въ Европу», явилась еще позднѣе. Флотилія Петра состояла теперь изъ 30 военныхъ судовъ, сооруженныхъ подъ его надзоромъ и при его непосредственномъ участіи въ теченіе марта мѣсяца 1696 г. Къ половинѣ апрѣля подошли въ Воронежъ войска изъ Москвы, а черезъ мѣсяцъ Петръ былъ уже подъ Азовомъ. Здѣсь съ перваго же шагу Петръ могъ замѣтить, что турки робѣютъ на морѣ и что на галеры его смотрятъ не безъ страха. Не мудрено, что это, какъ предполагаетъ г. Устряловъ, убѣдило Петра въ пользѣ и надобности построить флотъ, который могъ бы плавать по

волнамъ не только азовскимъ, но и черноморскимъ. Впослѣдствіи мы видимъ, что при переговорахъ съ турками Петръ очень добивался дозволенія русскимъ кораблямъ свободнаго плаванія по Черному морю.

Подъ Азовомъ дѣла на этотъ разъ шли гораздо лучше, хотя до прибытія цесарскихъ инженеровъ мы умѣли только повреждать строенія въ городѣ нашими бомбами и ничего не могли сдѣлать укрѣпленіямъ. Бывали и въ самыхъ битвахъ не совсѣмъ удачныя попытки, какъ, напр., 24 іюня, когда русскіе, отразивъ татаръ, бросились ихъ преслѣдовать, по словамъ самого Петра, «прадѣдовскимъ обычаемъ, не принявъ себѣ оборонителя воинскаго строю», и оттого потерпѣли значительный уронъ. Но все же теперь было ужъ далеко не то, что въ первой осадѣ. Только искусство вести осадныя работы намъ не давалось, несмотря даже на присутствіе пріѣзжихъ бранденбургцевъ, которые оказались артиллеристами и были искусны только въ метаніи бомбъ. Не зная что дѣлать, спросили самихъ солдатъ и стрѣльцовъ, какъ имъ кажется лучше овладѣть Азовомъ. Они сказали, что нужно сдѣлать высокій земляной валъ, привалить его къ валу непріятельскому и, засыпавъ ровъ, сбить турокъ съ крѣпостныхъ стѣнъ. «Какъ ни странно было это предложеніе, напоминавшее осаду Херсона великимъ княземъ Владиміромъ въ X столѣтіи, — замѣчаетъ г. Устряловъ (т. II, стр. 285), однакоже царскій совѣтъ принялъ эту мысль, а Гордонъ даже съ жаромъ ухватился за нее... Принялись строить валъ и болѣе двухъ недѣль постоянно по ночамъ работали надъ нимъ по 15,000 человѣкъ... Само собою разумѣется, что работы эти не обходились безъ зна-

чительныхъ потерь для насъ, а пользы пока приносили мало. Наконецъ пріѣхали 11 іюля цесарскіе инженеры, подивились громадности работъ нашихъ, но не ожидали отъ нихъ особеннаго успѣха; а болѣе надѣялись на подкопы и батареи. Они дали совѣты, какъ вести мины, какъ ставить батареи, и вскорѣ мѣткіе выстрѣлы ихъ разрушили палисады, которые тщетно старался разбить Гордонъ. На ночь 12 іюля русскіе солдаты могли уже занять оставленный турками угловой бастіонъ; черезъ недѣлю турки не могли болѣе выдерживать нашей пальбы и заговорили о сдачѣ. На другой день рѣшена была капитуляція. Турецкое войско выпущено съ оружіемъ. Петръ занялъ Азовъ, предположилъ построить новыя укрѣпленія для него, потомъ отправился отыскивать въ Азовскомъ морѣ мѣсто, удобное для гавани будущаго флота русскаго. Мѣсто это нашлось близъ Таганрога. Вскорѣ потомъ войска пошли назадъ, и черезъ два мѣсяца, 30 сентября, вступили въ Москву съ торжественнѣйшимъ тріумфомъ. Черезъ мѣсяцъ потомъ (въ началѣ ноября) рѣшено было Петромъ устройство *кумпанствъ* для изготовленія кораблей, къ апрѣлю 1698 г. Въ томъ же мѣсяцѣ «многое число благородныхъ послалъ Петръ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго» (Устр., т. II, стр. 315). Въ началѣ же слѣдующаго мѣсяца назначено было и великое посольство въ Европу, при которомъ отправился и самъ Петръ съ волонтерами, имѣвшими цѣлью — изученіе морскаго дѣла. Такъ дѣйствовалъ Петръ, когда одушевляла его опредѣленная, ясно сознанная идея. Ничто не могло остановить его, ничто не могло отвлечь отъ задуманнаго плана. Онъ не любилъ долго

думать, раздумывать и откладывать, не любилъ взвѣшивать трудности и препятствія; онъ если ужъ рѣшился, то шелъ до конца, несмотря ни на что . . . «Не стерпѣлъ долго думать, скоро за дѣло принялся» — можно повторить о всѣхъ его предпріятіяхъ.

И вотъ въ этомъ-то твердомъ и неотступномъ преслѣдованіи своихъ цѣлей выражается преимущественно величіе Петра. Преобразовательные замыслы рождались постепенно одинъ за другимъ, сами собою, именно потому, что Петръ неуклонно стремился къ непремѣнному исполненію каждаго задуманнаго имъ предпріятія. Онъ непремѣнно хотѣлъ преодолѣть, устранить или уничтожить все, что могло мѣшать ему на его дорогѣ, и воспользоваться всѣмъ, что могло способствовать осуществленію его идей. Такимъ образомъ преобразованія и нововведенія были неизбѣжны по самому характеру дѣятельности Петра. Онъ приходилъ къ нимъ и тогда, когда не имѣлъ далекихъ замысловъ. Такъ и въ путешествіи за границу напрасно стали бы искать великихъ и дальновидныхъ замысловъ политическихъ. Цѣлью путешествія было ни больше, ни меньше какъ изученіе корабельнаго дѣла. Г. Устряловъ такъ говоритъ объ этомъ:

Не безотчетная страсть къ иноземному, воспламененная Лефортомъ и разгульною жизнью Нѣмецкой Слободы, какъ говорятъ одни писатели; не обширное, давно обдуманное намѣреніе, по внушенію того же любимца, „оставить царство, чтобы научиться лучше царствовать“ и преобразовать Россію по образцу государствъ европейскихъ, какъ пишутъ другіе историки; а собственное убѣжденіе, плодъ свѣтлой, геніальной мысли, что краеугольнымъ камнемъ политическому могуществу Россіи долженъ быть флотъ, увлекало Петра въ чужія земли, чтобы съ товарищами трудовъ, съ цвѣтомъ русскаго дворянства, изучить

искусство многосложное, многотрудное, едва знакомое приходившимъ въ Россію иноземцамъ по одному навыку, безъ всякихъ началъ теоретическихъ, искусство кораблестроенія и мореплаванія. Не думалъ, конечно, любознательный царь ограничить тѣмъ свое всеобъемлющее любопытство: ничто полезное, удобопримѣнимое къ русскому народу не могло укрыться отъ его орлинаго взора; но твердое, глубокое изученіе кораблестроенія и мореплаванія, во всѣхъ видахъ, отъ ловкой сноровки плотника до геометрической точности мастера, отъ смѣтливости штурмана до распорядительности адмирала, — вотъ истинная цѣль путешествія Петра (Устр., т. III, стр. 10—11).

Свойственное г. Устрялову краснорѣчіе въ этомъ случаѣ затемняетъ нѣсколько простую сущность дѣла; но добраться до нея нетрудно при помощи фактовъ и нѣкоторыхъ замѣтокъ, представленныхъ самимъ же г. Устряловымъ. Изъ этихъ фактовъ очевидно одно: что вопреки общему мнѣнію, какъ замѣчаетъ самъ же историкъ въ другомъ мѣстѣ (т. III, стр. 179), Петръ искалъ за границею единственно средствъ ввести и утвердить въ Россіи морское дѣло, *едва ли помышляя* тогда о преобразованіи своего государства по примѣру государствъ западныхъ. Мы даже можемъ сказать прямо: «*вовсе не помышляя*» — основываясь на словахъ самого Петра въ предисловіи къ морскому регламенту. Вотъ эти слова, писанныя въ рукописи не самимъ Петромъ, но его рукою поправленныя и дополненныя: «Дабы то (т. е. строеніе кораблей) вѣчно утвердилось въ Россіи, умыслилъ искусство дѣла того въсть въ народъ свой, и того ради многое число людей благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго. И что дивнѣйшее, — *аки бы устыдился монархъ остаться отъ подданныхъ своихъ въ ономъ искус-*

ствѣ, и самъ воспріялъ маршъ въ Голландію, и въ Амстердамѣ, на Остъиндской верфи, вдавъ себя съ прочими волонтерами своими въ ученіе корабельной архитектуры, въ краткое время въ ономъ совершился, что подобало доброму плотнику знать, и своими трудами и мастерствомъ новый корабль построилъ и на воду спустилъ» (Устр., т. II, стр. 400). Вотъ какое объясненіе даетъ своему путешествію самъ Петръ: ему какъ будто совѣстно стало, что подданные изучатъ то, чего онъ самъ не знаетъ, и онъ самъ отправился учиться. Въ этомъ обнаруживается высокое стремленіе, но только стремленіе не государственное, а чисто личное, проистекавшее не изъ зрѣло-обдуманныхъ замысловъ и плановъ, а изъ стремительной, нетерпѣливой натуры Петра. Онъ просто «не стерпѣлъ долго думать» и ждать, пока посланные имъ люди воротятся изъ-за границы съ новыми свѣдѣніями и поведутъ какъ слѣдуетъ дѣло строенія кораблей. Увлекаемый своей страстью къ морскому дѣлу, преданный одной мысли, которая мѣшала ему спокойно заниматься другими вопросами, онъ, не долго думая, рѣшился самъ *вдать себя* въ дѣло, къ которому стремились всѣ его помышленія. Все остальное отодвинулось для него далеко на второй планъ. Вотъ почему мы думаемъ, что не только о преобразованіи государства по образцу европейскихъ Петръ въ это время еще не думалъ, но даже и мысль «о краеугольномъ камнѣ политическаго могущества Россіи» была для него, по крайней мѣрѣ, не главною побудительною причиною путешествія. Самое отдаленное, самое послѣднее соображеніе Петра въ это время не простиралось, кажется, далѣе возможности успѣшно воевать съ турками. Такъ по крайней мѣрѣ заставляетъ ду-

мать одно письмо его къ патріарху изъ Амстердама, въ которомъ онъ говоритъ: «Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы и, послѣдуя слову Божію, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся; что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисусъ Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями, благодатію его быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не престану» (Устр., т. III, стр. 74). Мысль о войнѣ съ турками выражается не разъ и въ другихъ письмахъ Петра, и въ самыхъ переговорахъ, которые великое посольство вело съ разными дворами. Но такая мысль была обычна нашей политикѣ издавна и не составляла какого-нибудь чрезвычайнаго, громаднаго замысла. Что же касается до того, какія надежды и предположенія основывалъ Петръ на удачномъ окончаніи войны турецкой, — это нигдѣ имъ не высказано, и исторія ничего рѣшительно на этотъ счетъ сказать не можетъ. Составлять великіе, геніальные проекты *заднимъ числомъ* вовсе не трудно для историка; но нужно, чтобы они имѣли положительное, фактическое основаніе; а этого-то и нѣтъ въ настоящемъ случаѣ. Есть, правда, свидѣтельство Шафирова 1716 г., въ «Разсужденіи о причинахъ шведской войны», относительно общей цѣли путешествія Петра; но и это свидѣтельство нужно признать запоздалымъ. Шафировъ говоритъ, что Петръ «побужденъ былъ острымъ и отъ натуры просвѣщеннымъ своимъ разумомъ и новожелательствомъ видѣть европейскія политизованныя государства, которыхъ ни онъ, ни предки его, ради необык-

новенія въ томъ по прежнимъ обычаямъ, не видали, дабы при томъ получа искусство очевидное, потомъ, по прикладу оныхъ, свои пространныя государства, какъ въ политическихъ, такъ и въ воинскихъ, и прочихъ поведеніяхъ учредить могъ, такожъ и своимъ прикладомъ подданныхъ своихъ къ путешествію въ чужіе краи и воспріятію добрыхъ нравовъ и къ обученію потребныхъ къ тому языковъ возбудить». Но на такое широкое объясненіе г. Устрялова справедливо замѣчаетъ, что такъ легко было писать Шафирову черезъ 18 лѣтъ послѣ путешествія Петра, когда уже многія полезныя перемѣны были совершены. При этомъ историкъ высказываетъ слѣдующее, вполнѣ справедливое убѣжденіе: «Мысль преобразовать государство родилась въ умѣ Петра уже за границею, но *она еще долго оставалась неясною, неопредѣленною, и государственное устройство измѣнялось постепенно, въ продолженіе всего царствованія Петрова, по указанію опыта*» (т. III, стр. 402). Если эту постепенность историкъ проведетъ въ продолженіи своего труда болѣе послѣдовательно, чѣмъ это видимъ въ изданныхъ нынѣ томахъ, то послѣдующіе томы «Исторіи Петра» составятъ явленіе весьма замѣчательное...

Что Петръ, отправляясь за границу, удовлетворялъ просто собственной личной потребности, не руководствуясь въ этомъ дѣлѣ никакими высшими государственными соображеніями, это ясно видно изъ исторіи всей его дѣятельности за границей и особенно въ Голландіи. Мы не станемъ передавать, въ подтвержденіе этой мысли, весь подробный разсказъ г. Устрялова, но укажемъ на нѣкоторыя частности. Предъ отправленіемъ *великаго посольства*, Петръ составилъ записку въ 12 пунктахъ о

томъ, что главнымъ образомъ должны имѣть въ виду послы, во время путешествія за границей. Собственноручная записка эта напечатана у г. Устрялова (т. III, стр. 8—10), и въ ней ни о чемъ болѣе не говорится какъ о пріисканіи искусныхъ морскихъ офицеровъ, боцмановъ, матросовъ, всякаго званія корабельныхъ мастеровъ, о закупкѣ оружія и разныхъ припасовъ для флота. Чтобы показать, до какихъ подробностей въ этомъ отношеніи доходилъ Петръ, приведемъ слѣдующія статьи изъ двухъ послѣднихъ пунктовъ. «Купить гарусу на знамены, на вымпелы, на флюгели, бѣлаго, синяго, краснаго, аршинъ 1,000 или 900, всякаго цвѣта поровну, а буде не дорогъ, и больше. Усовъ китовыхъ на флюгели 15, корки на затычки пушекъ 100 фунтовъ, а буде дешева 200 или 300; краски желтой, также и иныхъ, числомъ на 15 фрегатовъ; пилъ, которыми вдоль трутъ, 100, а которыми поперекъ — 30, по образцамъ». Такая обстоятельность инструкціи ясно показываетъ, къ чему стремились въ это время всѣ мысли Петра, особенно если мы вспомнимъ, что ни одному изъ другихъ предметовъ подобной инструкціи не было дано, между тѣмъ какъ по другимъ-то предметамъ онѣ были, вѣроятно, гораздо нужнѣе для пословъ. Еще болѣе высказываются настоящія побужденія путешествія въ самой жизни Петра за границей и въ письмахъ его оттуда. По разсчету времени, изъ полуторагодового срока путешествія Петра приходится 9 мѣсяцевъ работъ на верфяхъ въ Голландіи и Англіи, пять мѣсяцевъ на переѣзды и четыре на остановки въ разныхъ городахъ, особенно Вѣнѣ, Кенигсбергъ и Пилау, по случаю дѣлъ турецкихъ и польскихъ. Очевидно поэтому, что главную роль во всемъ путешествіи игра-

ютъ работы на верфяхъ; все остальное дѣлается только какъ бы мимоходомъ и между прочимъ. Работы такъ занимаютъ Петра, что онъ часто не находитъ даже времени отвѣчать на письма и донесенія своихъ бояръ. Утомительные физическіе труды требовали или продолжительнаго отдыха, или хорошаго подкрѣпленія. Иногда Петръ дозволялъ себѣ и первое, отлучаясь съ работъ и разъѣзжая водою по окрестностямъ; но чаще прибѣгалъ къ второму средству, веселясь съ своими товарищами. Въ октябрѣ 1697 г. онъ писалъ къ Виніусу, чтобъ тотъ не тревожился, долго не получая писемъ, «потому что иное за недосугомъ, а иное за отлучкою, а иное за Хмѣльницкимъ не исправишь» (Устр., III, стр. 428). Чему же учился Петръ, чѣмъ онъ занятъ былъ главнымъ образомъ на амстердамской верфи? Онъ исполнялъ всѣ обязанности плотника, обтесывалъ бревна и доски, прилаживалъ корабельныя снасти, исполнялъ всѣ приказанія своего мастера. Около полугода работалъ Петръ въ Голландіи и все научался только тому, «что подобало доброму плотнику знать», по его собственнымъ словамъ. Уже въ концѣ этого времени захотѣлъ онъ учиться у своего мастера «препорціи корабельной». Но тутъ оказалось, что «въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя принципіи, прочее же съ долговременной практики». Петръ былъ, разумѣется, крайне недоволенъ, открывши это обстоятельство, котораго онъ никакъ не ожидалъ. «Тогда зѣло ему стало противно, что такой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ». Чрезъ нѣсколько дней Петръ узналъ, что настоящую корабельную науку можно изучить въ Англіи, и вскорѣ отправил-

ся туда. Здѣсь слишкомъ два мѣсяца изучалъ онъ англійскую систему постройки судовъ и впослѣдствіи говорилъ: «навсегда бы остался я только плотникомъ (у Перри — Bungler, плохой работникъ, пачкунъ), если бы не поучился у англичанъ» (Устр., т. III, стр. 108). Голландскими же судостроителями Петръ былъ такъ недоволенъ, что въ декабрѣ 1697 г., еще до пріѣзда своего въ Лондонъ, послалъ въ Москву приказъ — всѣхъ работавшихъ въ Россіи голландскихъ мастеровъ подчинить надзору и руководству мастеровъ датскихъ и венеціанскихъ. Окольничій Протасьевъ отвѣчалъ на это, между прочимъ, слѣдующимъ извѣстіемъ, выражающимъ довольно ясно его наивное изумленіе при полученіи неожиданнаго приказа Петра: «а я заложилъ было въ недавнемъ времени казенный корабль тѣмъ же голландскимъ размѣромъ, и *нынѣ слыша о такой ихъ глупости,* что они, голландцы, въ размѣрѣ силы не знаютъ, велѣлъ имъ то судно покинуть, до пріѣзда отъ вашей милости мастеровъ» («Устр., т. III, стр. 91). Итакъ, если мы представимъ себѣ даже только то, что Петръ работалъ въ Голландіи, воодушевляемый идеею выучиться здѣсь строенію кораблей для созданія могущественнаго флота, то и тогда время, проведенное имъ на амстердамской верфи, надобно будетъ считать почти потеряннымъ. Петръ самъ ясно выражаетъ, что не стоило за этимъ ѣздить въ Голландію, что голландцы не умѣютъ строить судовъ, что имъ нельзя даже поручить управленіе работами, не только ихъ брать въ наставники и образцы по части кораблестроенія. Слѣдовательно, въ полгода своего пребыванія въ Голландіи Петръ учился только плотничьей техникѣ корабельнаго дѣла. При мысли объ этомъ необходимо

каждому долженъ представиться вопросъ: необходимо ли было Петру для сооруженія флота въ Россіи самому выучиться въ совершенствѣ обтесывать бревна, вытачивать блоки, прилаживать доски и пр.? И если этой необходимости не представлялось, то сообразно ли было съ характеромъ Петра — такъ долго останавливаться на ненужныхъ мелочахъ и частностяхъ, когда его уже неудержимо увлекали соображенія и замыслы обширные и ясно имъ опредѣленные? Мы думаемъ, что нѣтъ. Вѣдь Петръ не вздумалъ же, напр., предъ вторымъ азовскимъ походомъ изучать всѣ тонкости инженернаго и артиллерійскаго искусства, не посвятилъ цѣлые годы на изученіе металлургіи, когда обратилъ вниманіе на горнозаводское дѣло, не сталъ учиться самъ шить солдатскіе кафтаны и шляпы, когда заводилъ регулярное войско съ новой обмундировкой. А умѣнье обтесывать бревна, конечно, нисколько не важнѣе для созданія флота, чѣмъ умѣнье шить солдатскія шинели — для учрежденія войска съ новой обмундировкой. Поэтому мы, кажется, приписали бы Петру слишкомъ много мелочности, если бы предположили, что онъ могъ останавливаться такъ долго и такъ внимательно надъ предметами, столь ничтожными, имѣя въ виду высшіе интересы. Можно бы еще подумать, что Петръ оставался въ Голландіи единственно вслѣдствіе ошибочнаго мнѣнія объ искусствѣ голландцевъ. Но ошибка не могла бы продолжаться такъ долго, если бы Петръ искалъ въ Голландіи именно того, о чемъ говорятъ его историки. Чрезъ недѣлю работы онъ бы непремѣнно потребовалъ отъ голландскихъ мастеровъ тѣхъ свѣдѣній, которыя должны были составлять главный предметъ исканій Петра и въ которыхъ

голландцы оказались такъ плохи. А между тѣмъ мы видимъ, что Петръ четыре мѣсяца слишкомъ работалъ какъ плотникъ, вовсе, повидимому, не думая спрашивать своихъ учителей о главныхъ началахъ кораблестроенія. Это обстоятельство въ Петрѣ такъ странно, такъ несообразно съ пылкимъ, нетерпѣливымъ характеромъ, съ его стремительной любознательностью, такъ противно его обычаю прямо и быстро слѣдовать къ достиженію своей цѣли, не обращая вниманія на постороннія обстоятельства,— что пребываніе Петра въ Голландіи только и можетъ быть объяснено отсутствіемъ еще не опредѣленныхъ идей и цѣлей относительно самого флота. Петръ въ этомъ случаѣ увлекся своей страстью къ работѣ корабельнаго плотника, страстью, которая въ это время была въ немъ еще сильнѣе всякихъ отдаленныхъ соображеній. О силѣ ея свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и то, съ какимъ нетерпѣніемъ Петръ рвался къ работѣ. Онъ узналъ, что компанія остъиндская рѣшила заложить новый фрегатъ для упражненій царя, — въ то время какъ былъ на торжественномъ обѣдѣ. Узнавши это, онъ немедленно хотѣлъ приняться за дѣло; съ трудомъ уговорили его подождать конца пиршества и фейерверка, приготовленнаго въ честь его. Но едва погасли послѣдніе огни, какъ Петръ сталъ собираться въ Сардамъ, гдѣ оставлены были его инструменты. Напрасно представляли ему опасность ночного плаванія, — онъ ничего не слушалъ, и въ 11 часовъ ночи уѣхалъ. Въ часъ пополуночи былъ онъ въ Сардамѣ, уложилъ свои инструменты, рано утромъ воротился въ Амстердамъ и принялся за работу. Такъ неудержимо сильна была въ душѣ его страсть къ кораблестроенію!.. И страсть эта, несомнѣнная и дока-

занная фактически, нисколько не уменьшаетъ величія дѣлъ Петровыхъ, если мы даже признаемъ ее побудительною причиною нѣкоторыхъ изъ нихъ, считавшихся прежде плодами какихъ-то государственныхъ соображеній. Повторимъ здѣсь, что для исторіи не столько важно то, что задумывалъ историческій дѣятель, какъ то, что онъ совершилъ. Августъ покровительствовалъ поэзіи потому, что онъ самъ писалъ трагедіи; и тѣмъ не менѣе его время было золотымъ вѣкомъ римской литературы. Ришльё постоянно мечталъ о литературной славѣ, окружалъ себя толпой ласкателей, даже не безъ участія личныхъ литературныхъ видовъ основалъ французскую академію; но все-таки правленіе Ришльё было временемъ славы для Франціи, и французская академія осталась однимъ изъ лучшихъ памятниковъ его правленія. Фридрихъ Вильгельмъ устраивалъ войско по страсти къ парадамъ и рослымъ солдатамъ, и однакоже набранное имъ войско дало его сыну возможность основать величіе Пруссіи. Да и вообще, если мы допускаемъ во всѣхъ великихъ людяхъ исторіи особенныя, личныя страсти, если мы понимаемъ въ Августѣ охоту къ стихотворству, въ Фридрихѣ — къ игрѣ на флейтѣ, въ Наполеонѣ — къ шахматамъ, то отчего же не допустимъ мы въ Петрѣ пристрастія къ токарной и плотничьей работѣ, особенно корабельной, какъ отчасти удовлетворявшей собою и его страсть къ морю? Кажется, въ этомъ не будетъ ничего страннаго и неестественнаго, а между тѣмъ только это объясненіе сдѣлаетъ намъ вполнѣ понятнымъ полугодовое пребываніе Петра въ Голландіи.

То же самое отсутствіе необычайныхъ сообра-

женій оказывается и въ incognito Петра, которое выставлялось какимъ-то непостижимымъ чудомъ у прежнихъ историковъ. Г. Устряловъ очень просто объясняетъ его желаніемъ Петра избавиться отъ церемоній и этикетовъ придворныхъ, которые всегда были для него утомительны. Но притомъ онъ вовсе не хотѣлъ лишиться тѣхъ преимуществъ, которыя доставлялъ ему въ путешествіи высокій санъ его. По крайней мѣрѣ это ясно обнаруживается въ немъ послѣ непріятностей, которыя онъ потерпѣлъ въ Ригѣ. Вначалѣ, дѣйствительно, Петръ хотѣлъ строго хранить свое incognito, и чтобы въ Европѣ не узнали его, употребилъ даже мѣру, позволительную развѣ только при тогдашнемъ состояніи понятій о правахъ частныхъ лицъ: онъ повелѣлъ распечатывать всѣ письма, отправляемыя изъ Москвы за границу черезъ установленную почту, и задерживать тѣ, въ которыхъ было хоть слово о путешествіи царя! (Устр., т. III, стр. 17). Но на самомъ дѣлѣ русскій дворъ требовалъ отъ шведскаго короля объясненій, зачѣмъ Дальбергъ не оказалъ должныхъ почестей царю московскому, бывшему въ великомъ посольствѣ? Дальбергъ, простодушно принявшій, кажется, incognito царя совершенно буквально, отвѣчалъ, не безъ основаній съ своей точки зрѣнія, — слѣдующимъ оправданіемъ: «мы не показывали и виду, что намъ извѣстно о присутствіи царя, изъ опасенія навлечь его неудовольствіе; въ свитѣ никто не смѣлъ говорить о немъ, подъ страхомъ смертной казни». Противъ этого г. Устряловъ замѣчаетъ: «Жалкое оправданіе! Строгое incognito не мѣшало герцогу курляндскому, курфирсту бранденбургскому, супругѣ его, курфиршинѣ ганноверской, высоко-мочнымъ штатамъ нидерландскимъ, королю ан-

глійскому, императору римскому, самой цесаревнѣ, — оказывать Петру все вниманіе, какого заслуживалъ онъ и по своему сану, и по личнымъ качествамъ» (Устр., т. III, стр. 29). Дѣйствительно, Дальбергъ оказался недогадливымъ; но едва ли догадливѣе его были и тѣ историки, которые слишкомъ строго, à la lettre принимали incognito Петра. Любопытно, между прочимъ, какъ incognito Петра открылось въ Сардамѣ. Здѣсь всѣ обстоятельства обнаруживаютъ, что Петръ даже и не хотѣлъ оставаться для всѣхъ неизвѣстнымъ, а хотѣлъ только, чтобы всѣ показывали, что онъ имъ неизвѣстенъ. По прибытіи въ Сардамъ Петръ купилъ однажды сливъ, положилъ ихъ въ шляпу и ѣлъ дорогой. На одной плотинѣ пристала къ нему толпа мальчишекъ, и Петру пришла охота подразнить ихъ; однимъ изъ нихъ онъ далъ сливъ, другимъ не далъ, и забавлялся, по словамъ очевидца, радостью первыхъ и неудовольствіемъ вторыхъ (Устр., т. III, стр. 66). Неполучившіе сливъ въ досадѣ начали бросать въ него грязью и даже каменьями; Петръ укрылся отъ нихъ въ одной гостиницѣ и съ гнѣвомъ велѣлъ позвать бургомистра. Въ тотъ же день обнародовано было объявленіе, чтобы никто, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія, не смѣлъ оскорблять знатныхъ иностранцевъ, хотящихъ остаться неизвѣстными; въ тотъ же день поставлена была стража на мосту, ведущемъ къ тому дому, гдѣ жилъ царь, потому что онъ жаловался на толпы, стекавшіяся смотрѣть на него. Чрезъ нѣсколько дней толпа окружила его на берегу; Петръ разсердился и далъ крѣпкую пощечину одному голландцу, стоявшему ближе другихъ и глазѣвшему на него... Все это очень мало, конечно, могло согласоваться съ incogni-

то и скорѣе всего обнаруживало голландцамъ, кто такой появился между ними.

Вообще простотѣ жизни и безцеремонности обращенія Петра напрасно придаютъ видъ какой-то намѣренности и разсчитанной подготовленности. Мы видѣли въ прошедшей статьѣ, что къ этой простотѣ подготовило Петра его воспитаніе, удалившее его съ малыхъ лѣтъ отъ придворнаго этикета и развившее въ немъ природную живость и стремительность характера. Для русскихъ того времени казалось, конечно, необыкновеннымъ и чуднымъ, что монархъ ихъ появляется между ними запросто, какъ обыкновенный смертный, не окруженный тѣмъ азіатскимъ великолѣпіемъ, съ какимъ постоянно являлись его предшественники. И не только для русскихъ, для всѣхъ тогдашнихъ народовъ Европы было необычайно это явленіе. Они всѣ привыкли представлять себѣ царя московскаго въ какомъ-то недоступномъ, таинственномъ величіи, на высотѣ, недосягаемой для подданныхъ, и вдругъ они съ изумленіемъ видятъ московскаго царя въ такой простотѣ, до какой не нисходилъ ни одинъ даже изъ *ихъ* европейскихъ королей. И вотъ изъ этого-то изумленія проистекало множество толковъ, старавшихся объяснить простоту Петра различными, болѣе или менѣе великими и геніальными, побужденіями. То говорили, что онъ хотѣлъ этимъ уничтожить боярскую спесь и нанести послѣдній ударъ мѣстничеству; то утверждали, что чрезъ это онъ хотѣлъ лучше вызнать всѣ нужды своего царства; то придумывали даже, что причиною этого было глубокое смиреніе царя, равнявшаго себя съ послѣднимъ изъ подданныхъ и желавшаго возвышаться надъ ними только своимъ трудолюбіемъ и заслугами. Всего

болѣе странно и противно историческимъ фактамъ послѣднее предположеніе, дѣлающее Петра изъ царя московскаго какимъ-то идеальнымъ философомъ. Смиренно сознать ничтожность всѣхъ привилегій, даваемыхъ происхожденіемъ и случаемъ, понять, что всякій человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, возвышается только трудомъ и личными заслугами, убѣдиться въ этомъ теоретически и постоянно примѣнять свое убѣжденіе на практикѣ — есть, конечно, дѣло великое. Но какъ бы ни было прекрасно подобное убѣжденіе, оно можетъ проявиться скорѣе въ дѣятельности какого-нибудь бездомнаго Діогена, безцеремонно обходящагося съ Александромъ, нежели въ жизни самодержавнаго правителя обширнаго государства. Петръ никогда не былъ такимъ отчаяннымъ теоретикомъ, чтобы предварительно искать принциповъ для своихъ дѣйствій въ отвлеченныхъ идеяхъ о правилахъ человѣчества и достоинствѣ личности. И если бы уже дѣйствительно онъ выработалъ себѣ то идеально-смиренное убѣжденіе, которое ему приписываютъ, то у него, безъ всякаго сомнѣнія, достало бы характера на то, чтобы остаться ему вѣрнымъ до конца и провести его до самыхъ крайнихъ послѣдствій, хотя бы для этого нужно было отказаться отъ всей своей власти и могущества. Но въ томъ-то и дѣло, что дѣйствія Петра и въ этомъ случаѣ, какъ во множествѣ другихъ, не были заданы отвлеченными принципами, а проистекали прямо и непосредственно изъ его живой натуры. Ему просто казались стѣснительны, тяжелы формы азіатскаго великолѣпія, господствовавшія при дворѣ его предковъ, ему неловко было подчиняться этому обременительному этикету, и онъ не сталъ подчиняться. Для него это было такъ

же просто, естественно и незначительно, какъ и необычное до тѣхъ поръ знакомство съ нѣмцами, и огненныя потѣхи, и водяныя прогулки, съ которыхъ началась его страсть къ морскому дѣлу. Для него все это какъ будто бы такъ непремѣнно и слѣдовало, по непосредственному ходу его воспитанія и развитія, а вовсе не по стремленію осуществить какіе-то отдаленные, исполинскіе замыслы и не вслѣдствіе философскихъ убѣжденій въ тѣхъ или другихъ отвлеченныхъ принципахъ. Вся исторія Петра показываетъ, что онъ вовсе не думалъ никогда предаваться чисто теоретическимъ созерцаніямъ и не жертвовалъ имъ ни одною минутою практически-полезной дѣятельности, ни однимъ сильнымъ стремленіемъ своей страстной натуры. Отъ стремленій этихъ онъ никогда не отказывался и требовалъ имъ полнаго простора и удовлетворенія, несмотря на всю простоту и снисходительность, которыя выказывалъ въ обращеніи съ окружающими. Онъ сбросилъ старинныя, отжившія формы, какими облекалась высшая власть до него; но сущность дѣла осталась и при немъ та же, въ этомъ отношеніи. Въ матросской курткѣ, съ топоромъ въ рукѣ, онъ такъ же грозно и властно держалъ свое царство, какъ и его предшественники, облеченные въ порфиру и возсѣдавшіе на золотомъ тронѣ, со скипетромъ въ рукахъ. Горе было тому дерзкому, который, среди веселаго пиршества, осмѣлился бы забыться предъ Петромъ: мгновенно предъ нимъ являлся — не веселый собесѣдникъ, а грозный монархъ, имѣющій надъ нимъ власть жизни и смерти. Петръ позволялъ много своимъ друзьямъ, но тѣмъ опаснѣе было выходить изъ предѣловъ его дозволенія. Въ минуты гнѣва онъ не стѣснялся ничѣмъ, и такова

была сила страха, наводимаго имъ, что въ такія минуты, по приведенному нами выше свидѣтельству г. Устрялова, «даже среди самаго жаркаго разгула собесѣдники умолкали и приходили въ трепетъ» (т. II, стр. 132). Та же самая нетерпѣливость и стремительность постоянно проявляется въ Петрѣ и во время его путешествія. Даже самое incognito въ этомъ отношеніи мало озабочивало его, какъ видно, напр., изъ исторіи съ мальчишками въ Сардамѣ и съ голландцемъ, получившимъ пощечину.

Такимъ образомъ вся доселѣ разсмотрѣнная нами по изложенію г. Устрялова дѣятельность Петра доказываетъ, что это была натура сильная, необыкновенная, но что, вопреки существующему мнѣнію, не рано проявились въ ней обширные государственные замыслы и планы преобразованій. Да и въ то время, когда уже явились эти планы, они вовсе не имѣли того характера всеобщности и безпредѣльности, какой имъ приписывали нѣкоторые историки. Не всѣ части управленія были обняты вдругъ, не всѣ преобразованія задуманы разомъ въ стройной системѣ, съ яснымъ распредѣленіемъ, что вотъ нужно начать съ того-то, а затѣмъ пойдетъ вотъ это и это. Повторимъ еще разъ, что подобныя распредѣленія хороши и удобны для мыслителя, составляющаго проектъ; но рѣдко удается руководиться ими настоящему, практическому дѣятелю. Тѣмъ болѣе трудно было составлять для себя подобныя системы Петру, который и по натурѣ своей не былъ расположенъ къ этимъ долгимъ думамъ, да и въ такомъ положеніи находился, что опредѣленіе заранѣе программы дѣйствій могло только затруднять его.

Въ сущности, впрочемъ, простое сравненіе тогдашнихъ русскихъ порядковъ съ тѣмъ, что Петръ

имѣлъ случай увидать за границей, могло послужить ему довольно яснымъ указаніемъ, на что отнынѣ должна быть устремлена его дѣятельность. Собственно теоретическая задача была здѣсь чрезвычайно проста. Что нужно многое передѣлать и многое ввести вновь, это понимали и до Петра, и въ самой Россіи. Изъ людей же знавшихъ европейскій порядокъ дѣлъ, всякій могъ указать Петру на главнѣйшія нужды русскаго царства, требовавшія немедленнаго удовлетворенія. Особенно хитрыхъ соображеній тутъ не нужно было; нужна была геніальная рѣшимость, непоколебимая твердость воли въ борьбѣ съ препятствіями, неизмѣнное намѣреніе вести дѣло до конца. Именно этихъ-то свойствъ характера и недоставало предшественникамъ Петра, которые, однако, понимали необходимость многаго, сдѣланнаго впослѣдствіи Петромъ. Еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ поняло наше правительство, что нужно русскимъ учиться у иноземцевъ ратному строю, и вызывало иноземныхъ офицеровъ; при немъ же артиллерійскіе снаряды и людей, способныхъ распоряжаться съ ними, выписывали изъ-за границы. Нужду во флотѣ чувствовалъ и Алексѣй Михайловичъ, построившій даже корабль, при помощи иностранныхъ мастеровъ. Торговля съ иноземцами велась издавна, и еще Флетчеръ писалъ, что «цари русскіе видятъ въ этой торговлѣ средство обогащенія для казны» (см. Кар., т. X, стр. 146). О торговлѣ заграничной, и именно морской, думали у насъ многіе, какъ видно, напр., изъ предисловія къ ариѳметикѣ, относимой Карамзинымъ къ 1635 г. Въ предисловіи исчисляются разныя пользы ариѳметики, чтобы приманить къ занятію ею; между прочимъ говорится: «по сей мудрости гости *по государ*

ствамъ торгуютъ, и во всякихъ товарѣхъ и въ торгѣхъ силу знаютъ, и во всякихъ вѣсѣхъ, и въ мѣрахъ, и въ земномъ верстаніи, и *въ морскомъ теченіи* зѣло искусни, и счетъ изъ всякаго числа перечню знаютъ» (см. Кар., прим. 437 къ IX т.). Что для флота и для торговли намъ нужно было море, это понимали даже турки, такъ твердо и неуступчиво въ переговорахъ съ нами отстаивавшіе исключительно для себя черноморское плаваніе. Необходимость распространить въ народѣ просвѣщеніе, и именно на европейскій манеръ, чувствовали у насъ начиная съ Іоанна Грознаго, посылавшаго русскихъ учиться за границу, и особенно со времени Бориса Годунова, снарядившаго за границу цѣлую экспедицію молодыхъ людей для ученья, думавшаго основать университетъ, и для того вызывавшаго ученыхъ изъ-за границы. Въ послѣдующія царствованія мы не видимъ продолженія его замысловъ; но мысль учиться у нѣмцевъ тѣмъ не менѣе бродила въ общемъ сознаніи. Кошихинъ съ негодованіемъ говоритъ о томъ, что бояре русскіе боятся посылать дѣтей своихъ «для науки въ иноземныя государства» (Коших., т. IV, стр. 24). Даже въ вещахъ менѣе важныхъ въ государственномъ смыслѣ, имѣвшихъ болѣе частное значеніе, Петръ имѣлъ предшественниковъ, робкими полумѣрами медленно начинавшихъ то, что онъ совершилъ быстро и рѣшительно. Такъ напр., ослабленіе строгаго заключенія женщины въ терему мы видимъ уже при Алексѣѣ Михайловичѣ, вскорѣ потомъ громкое фактическое провозглашеніе правъ ея сдѣлано Софіею. Такъ точно введеніе нѣмецкой одежды уже допущено было Ѳедоромъ, который самъ надѣлъ *польское* платье. Введеніе разныхъ общественныхъ удовольствій, взятыхъ отъ нѣм-

цевъ, началось также при Алексѣѣ Михайловичѣ. Но дѣло состояло въ томъ, чтобы, начавши, кончить, или, по крайней мѣрѣ, продолжать быстро и рѣшительно. На это недоставало энергіи ни у кого, кромѣ Петра. При первой неудачной попыткѣ предшественники Петра падали духомъ и не смѣли продолжать своихъ усилій; иногда не рѣшались даже и на первую попытку, устрашенные представлявшимися затрудненіями. Такъ Алексѣй Михайловичъ пересталъ думать о флотѣ, когда сожженъ былъ Разинымъ первый корабль, имъ построенный. Такъ Годуновъ оставилъ мысль объ учрежденіи университета съ иностранными учителями только потому, что, какъ говоритъ Карамзинъ (т. XI, стр. 53) «духовенство представило ему, что Россія благоденствуетъ въ мирѣ единствомъ закона и языка; что разность языковъ можетъ произвести и разность въ мысляхъ, опасную для церкви». Онъ же отказался и отъ продолженія посылки молодыхъ людей за границу, оттого что первая посылка оказалась неудачною. Петръ былъ не таковъ; его ничто не могло отклонить отъ того, на что онъ однажды рѣшился. Крѣпкая воля его умѣла преодолѣвать всѣ препятствія. Въ этомъ свойствѣ характера Петра всего болѣе выражается его величіе, въ такомъ именно характерѣ и нуждалась Россія того времени.

Отецъ Петра, Алексѣй Михайловичъ, отличался добротою души и любовью ко благу своихъ подданныхъ. Но онъ не имѣлъ столько энергіи, чтобы совершенно избавиться отъ вліянія дурныхъ людей, которые окружали его и обращали во зло его благія намѣренія. Преемникъ его, Ѳеодоръ, былъ человѣкъ больной и слабый характеромъ, рѣшительно не

имѣвшій возможности предпринять упорную борьбу съ старымъ порядкомъ, котораго онъ тоже не одобрялъ. Вслѣдствіе этого въ управленіи не было единства и твердости. Правительство само видѣло, что дѣла идутъ дурно, и не могло энергически защищать существующій порядокъ дѣлъ противъ возникавшаго повсюду ропота и недовольства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не рѣшалось предпринять рѣшительной борьбы съ стариной и ея приверженцами. Ограничивались только кое-какими мѣрами противъ злоупотребленій, уже слишкомъ громко вопіявшихъ. Но этого было мало, потому что начало злоупотребленій скрывалось въ самой сущности тогдашняго порядка дѣлъ, въ недостаткѣ свободнаго развитія народныхъ силъ, въ неразвитости и развращенности людей, которымъ ввѣрены были начальство, судъ и расправа, въ общемъ недостаткѣ образованія по всѣмъ частямъ. Измѣнить такое положеніе дѣлъ нельзя было однимъ указомъ, запрещавшимъ лихоимство, или мѣстничество, или своевольное разореніе собственной страны въ военное время, — подъ опасеніемъ жестокой казни. Нужно было нанести злу ударъ болѣе смѣлый и рѣшительный, мѣрами болѣе общими и глубокими. Но вотъ на это-то и не стало силъ ни у кого изъ Петровыхъ предшественниковъ. Имѣя, конечно, въ виду, благо своего народа, они постоянно обнаруживали самыя полезныя и благородныя стремленія; но эти стремленія, обнаруживавшія ихъ прекрасную душу, рѣдко приводимы были въ исполненіе такъ, какъ бы они желали. Сами они не могли непосредственно наблюдать за исполненіемъ, потому что, по обычаю допетровской Руси, стояли въ недоступномъ отдаленіи отъ народа; окружавшіе же ихъ люди пользова-

лись своею силою и вліяніемъ для своихъ корыстныхъ цѣлей. Эти люди многое представляли доброму Алексѣю не въ томъ видѣ, какъ бы слѣдовало, и умѣли отклонять его отъ многихъ прекрасныхъ намѣреній, клонившихся въ пользу народа. Это вредное вліяніе высшихъ бояръ такъ было явно, что оно не могло укрыться даже отъ народа. Во время бунта Разина распространенъ былъ слухъ, будто на Донъ бѣжалъ царевичъ Алексѣй, съ порученіемъ отъ самого царя къ донскимъ казакамъ, чтобы они помогли ему избавиться отъ коварныхъ бояръ. Слухъ этотъ многихъ привлекалъ къ мятежнику, значитъ народъ зналъ тягость боярскаго вліянія. Только добрый царь, заботясь о благѣ подданныхъ, не подозрѣвалъ, что въ своихъ любимцахъ имѣетъ самыхъ опасныхъ враговъ своихъ полезныхъ предначертаній. Вслѣдствіе этого дѣла шли все хуже и хуже, глухое неудовольствіе стало разражаться открытыми возстаніями, внутреннія безпорядки увеличивались съ каждымъ годомъ. Непродолжительное царствованіе Ѳеодора ничего не могло поправить, и когда Петръ принялъ правленіе въ свои руки, положеніе Россіи представлялось въ слѣдующемъ видѣ.

Извнѣ Россія была унижена: она потеряѣла много неудачъ въ дѣлахъ съ поляками, платила хераджъ, по нашему *поминки,* крымскому хану, потеряла земли при Финскомъ заливѣ, упустила изъ рукъ своихъ цѣлую половину Малороссіи, добровольно подчинившейся. Крымскіе походы князя Голицына, возвеличенные Софіею, еще болѣе обезсиливали русское оружіе и заставляли смѣяться надъ нами поляковъ, турокъ и нѣмцевъ. Если разобрать причины этого, то оказывается, конечно, что виною

всего были неустройства внутреннія. Военное искусство стояло на самой низкой ступени. Были призываемы иноземцы, чтобъ учить русскіе полки иноземному строю; но это дѣлалось какъ-то случайно и небрежно. Очень часто оказывалось, что пріѣзжіе иностранцы или сами ничего не смыслили, или не хотѣли ничего дѣлать и даже во время похода сказывались «*въ нѣтѣхъ*». Войска потеряли всякій воинскій духъ, не будучи одушевляемы никакимъ сильнымъ чувствомъ, не имѣя никакихъ ясныхъ понятій даже о своихъ обязанностяхъ. Это доказали крымскіе походы Голицына и даже позже азовскіе походы самого Петра. Артиллерійскаго и инженернаго дѣла не зналъ никто —до такой степени, что и Тиммерманъ, проводившій мины во вредъ нашимъ же войскамъ, считался знатокомъ. Флота, военнаго или торговаго, не было вовсе; не было даже порядочныхъ судовъ и кормщиковъ, которые бы умѣли перевозить по рѣкамъ. Торговля заграничная была вся въ рукахъ иностранцевъ, и русскіе купцы терпѣли только невыгоды отъ ихъ монополій. Государственные доходы были невелики; вслѣдствіе множества неустройствъ и безпорядковъ, бывшихъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и при Софіи, вездѣ накопились недоимки, права владѣнія перепутаны и сдѣлались спорными. Указы 1683 г. о возобновленіи крѣпостныхъ актовъ, истребленныхъ въ майскій мятежъ въ Холопьемъ приказѣ; о возвращеніи владѣльцамъ холопей, насильно вынудившихъ у нихъ отпускныя во время мятежа; о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, о возобновленіи писцовыхъ книгъ, и пр., — всѣ эти указы мало, какъ кажется, принесли пользы. Безпорядки продолжались, ничего нельзя было разобрать, казна истощалась; уже во время

путешествія Петра за границей, по замѣчанію историка, «финансы наши были такъ скудны, что едва могли удовлетворять самымъ необходимымъ потребностямъ» (Устр., т. III, стр. 86). Вся администрація отличалась невѣжествомъ и развращенностью. Не только ничего не дѣлали для успокоенія умовъ, но еще, какъ бы нарочно, изыскивали средства дразнить ихъ. Извѣстно, что произошло при Алексѣѣ Михайловичѣ отъ самовластія и лихоимства чиновниковъ, поставленныхъ подъ покровительство Морозова и Милославскаго; извѣстно также, какія слѣдствія имѣлъ выпускъ мѣдной монеты и корыстный оборотъ, сдѣланный при этомъ богатыми боярами. Въ прошедшей статьѣ мы видѣли, какими несправедливостями и насиліями стрѣлецкихъ начальниковъ подготовленъ былъ первый стрѣлецкій бунтъ. Столь же замѣчательна ревность бояръ къ раздраженію умовъ въ раскольникахъ, принесшая столь горькіе плоды впослѣдствіи. Мы не касались этого предмета въ нашихъ статьяхъ, стараясь слѣдить только за тѣми событіями изъ временъ отрочества Петра, которыя имѣли замѣтное вліяніе на его развитіе. Но при общемъ взглядѣ на состояніе Россіи того времени, необходимо обратить вниманіе и на тогдашнее положеніе раскольниковъ, ярко обрисовывающее степень образованности и гуманности тогдашней администраціи. Удерживаясь отъ всякихъ собственныхъ сужденій на этотъ счетъ, мы позволяемъ себѣ только выписать одну страницу изъ перваго тома «Исторіи Петра» г. Устрялова (т. I, стр. 100).

Принятыя царевною мѣры къ искорененію главнаго зла, раскола, только содѣйствовали къ его усиленію. Послѣ мятежа Никиты Пустосвята новелью было: раскольниковъ

отыскивать во всемъ государствѣ и, по мѣрѣ вины, однихъ предавать суду духовному, другихъ суду гражскому, какъ преступниковъ государственныхъ. Года черезъ два послѣ того состоялись и указныя статьи о расправѣ съ ними: упорствующихъ въ заблужденіи предписано пытать жестокими муками, чтобы выѣдать ихъ учителей, и, если не отстанутъ отъ раскола, жечь въ срубахъ, а пепелъ развѣять; жечь въ срубахъ велѣно и тѣхъ, которые перекрещиваютъ младенцевъ или людей взрослыхъ, именуя первое крещеніе неправымъ; наказаніе кнутомъ и ссылкою угрожало всякому, кто укрывалъ раскольниковъ или, зная объ нихъ, не доносилъ. Такимъ образомъ воздвигнуто было гоненіе повсемѣстное: оно принесло горькіе плоды; изувѣры ожесточились болѣе прежняго: многочисленными вооруженными толпами нападали на монастыри, цѣлые мѣсяцы отбивались отъ царскихъ войскъ; наконецъ, доведенные до крайности, гибли въ пламени зажженныхъ ими церквей... Грустно читать подобныя событія, и тѣмъ виновнѣе кажутся тогдашніе законодатели, что, безъ всякаго милосердія преслѣдуя несчастныя заблужденія ума и совѣсти, сами они платили дань нелѣпымъ предразсудкамъ: главный изъ нихъ первый совѣтникъ и наперсникъ царевны, князь Голицынъ, вѣрилъ въ волшебство и чародѣйство...

Вмѣстѣ съ невѣжествомъ и жестокостью господствовало повсюду казнокрадство и подкупность, ставившія ни во что всякую вѣру и заклинательство, по выраженію Крижанича. Въ военномъ управленіи — начальники удерживали у подчиненныхъ жалованье, употребляли ихъ на свои работы, заставляли дѣлать на свой счетъ вещи, которыя положено было давать изъ казны, и пр. Въ гражданскихъ судахъ можно было всего достичь подкупомъ, и трудно было отыскать честнаго человѣка. Такъ напр., Протасьевъ, котораго Петръ сдѣлалъ было главнымъ распорядителемъ сооруженія флота, оказался страшнымъ взяточникомъ (Устр., т. II, стр. 307). Лучшій изъ пословъ дипломатовъ въ первое

время правленія Петра, Емельянъ Украинцевъ, также былъ извѣстный взяточникъ. Улики въ лихоимствѣ даже ближнихъ людей Петра были и впослѣдствіи и постоянно приводили его въ страшный гнѣвъ. Но общая зараза была такова, что даже Петръ не могъ искоренить ея. Она обнаруживалась не только во внутреннихъ дѣлахъ, но и во внѣшнихъ отношеніяхъ съ иными государствами. Подкупъ замѣнялъ и воинскую храбрость, и дипломатическія способности. Вспомнимъ, что русскіе подъ Азовомъ пытались склонить нашу къ сдачѣ города *выгодными предложеніями;* при Прутѣ, уже гораздо позже, употреблено было то же средство. Польскій посланникъ Нефимоновъ, бывшій тамъ при избраніи короля въ 1696 г., доносилъ Петру, что нужно послать въ Польшу, по примѣру цесаря, «полномочнаго посла съ довольнымъ количествомъ денегъ на презенты; поляки же пуще денегъ любятъ московскіе соболи» (Устр., т. III, стр. 17). Вся вообще жизнь была въ тогдашней Руси болѣе удовлетвореніемъ животной, грубо-чувственной сторонѣ человѣка, нежели высшимъ его интересамъ. Низшіе классы народа находились въ бѣдности, исходомъ изъ которой было пьянство и разбой. Высшее сословіе погружено было въ грубую спесь и роскошь, состоявшую въ бездѣйствіи, жирномъ и хмельномъ столѣ, да въ размашистомъ разгулѣ, нерѣдко доходившемъ также до степени разбоя. «Записки Желябужскаго» представляютъ не мало примѣровъ, что князья и бояре бывали захватываемы на разбоѣ. Какова была степень умственнаго и нравственнаго развитія высшихъ сословій, это мы видѣли уже въ прошедшей статьѣ. Въ чемъ проходила ихъ домашняя жизнь, можно видѣть изъ Кошихина. Не ли-

шенную интереса черту представляетъ въ книгѣ г. Устрялова исчисленіе питій и яствъ, отпускавшихся царевнѣ Софіи, когда она была въ *заточеніи* въ Новодѣвичьемъ монастырѣ (т. III, стр. 155). «Ей, съ нѣсколькимъ ея прислужницами, выдавалось *ежедневно:* по ведру меду приказнаго и пива мартовскаго, по 2 ведра браги (а для праздниковъ Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенья — по ведру водки коричневой и по 5 кружекъ водки анисовой), по 4 стерляди паровыхъ, по 6 стерлядей ушныхъ, по 2 щуки колодки, по лещу, по 3 язя, по 30 окуней и карасей, по 2 звена бѣлой рыбицы, по 2 наряда икры зернистой, по 2 наряда сельдей, по 4 блюда просольной стерляжины, по звену бѣлужины, съ соразмѣрнымъ количествомъ хлѣба бѣлаго, зеленаго, красносельскаго, папошниковъ, саекъ, калачей, пышекъ, пироговъ, левашниковъ, караваевъ, орѣховаго масла и пряныхъ зелій, въ томъ числѣ въ годъ: полпуда сахару кенарскаго, подъ средняго, по 4 фунта леденца бѣлаго и краснаго, по 4 фунта леденцовъ ржаныхъ, по 3 фунта конфектъ» и т. п. На что было опредѣлять для царевны такую пропасть съѣстныхъ вещей, и особенно пива и браги, это ужъ объясняется только особенностями тогдашней жизни. Зато хлѣбосольствомъ и славились московскіе бояре, и спесивы были неимовѣрно своимъ богатствомъ и породою, хотя самые породистые изъ нихъ часто, по словамъ Котошихина, сидѣли въ царскомъ совѣтѣ, «брады свои уставя и ничего не отвѣщая, понеже царь жаловалъ многихъ бояръ не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные» (Котих., гл. II, стр. 5).

Этакихъ-то *нестудерованныхъ* людей приходи-

лось Петру поставить лицомъ къ лицу передъ Европою, для которой такъ просто и естественно, уже и въ это время, казалось многое, чего никакъ не могли сообразить русскіе царедворцы. Познакомясь съ чужеземцами и научившись отъ нихъ, Петръ далеко ушелъ отъ своихъ бояръ, проникнутыхъ своекорыстіемъ, спесью и рутиною. За границей смотрѣли на Россію какъ на великую *возможность* чего-то, хотя и понимали, что въ настоящемъ она еще ничего не значила предъ Европою. Это убѣжденіе легко сообщилось и Петру; ему предстояло теперь подвинуть возможность къ дѣйствительности. Извнѣ это казалось чрезвычайно легкимъ. Вотъ какимъ языкомъ говорилъ съ Петромъ польскій уполномоченный Карловичъ въ 1699 г., вызывая его на войну съ Швеціею (Устр., т. III, стр. 333):

„Отъ его царскаго величества зависитъ (писалъ онъ въ меморіалѣ, представленномъ Петру) извлечь необъятныя выгоды, достигнуть всемірной славы, завести цвѣтущую торговлю съ Голландіею, Англіею, Нѣмечиною, Португаліею, со всѣми сѣверными, западными и южными странами Европы, а что всего важнѣе и чего ни одинъ государь не въ состояніи былъ сдѣлать, открыть черезъ Россію торговый путь между Востокомъ и Западомъ, съ исключительнымъ правомъ на всѣ выгоды. Этимъ средствомъ его царское величество войдетъ въ ближайшія связи съ первыми монархами христіанскими, пріобрѣтетъ значеніе и вѣсъ въ общихъ дѣлахъ Европы, учредитъ грозный флотъ и, поставивъ Россію на степень третьей морской державы, принудитъ французскаго короля отказаться отъ мечты о французской монархіи, чѣмъ скорѣе, нежели покореніемъ турокъ и татаръ, прославится во всемъ свѣтѣ. Если же по открытіи войны за нѣмецкое наслѣдство или по другому поводу пошлетъ на помощь Англіи и Голландіи 10—20 тысячъ войска съ значительнымъ флотомъ союзники станутъ смотрѣть на его царское величество съ особеннымъ почтеніемъ; а москвитяне между тѣмъ на чужой счетъ выучатся

военному искусству и потомъ, не нуждаясь болѣе въ иностранныхъ офицерахъ, съ наилучшимъ успѣхомъ поведутъ войну съ турками и татарами. Прочія выгоды лучше всего взвѣситъ высокій умъ его царскаго величества.

Подобныя мысли во времена Петра могли быть новы для русскихъ царедворцевъ, но въ Европѣ такой взглядъ на Россію существовалъ издавна, разумѣется за исключеніемъ нѣсколькихъ громкихъ гиперболъ, которыя позволилъ себѣ Карловичъ, сообразно своей цѣли. Петръ во время путешествія своего по Европѣ не могъ не увидѣть, какое значеніе придается среди Европы Русскому Царству его географическимъ положеніемъ и огромнымъ, единоплеменнымъ населеніемъ. Понятіе это не чуждо было и предшественникамъ Петра, какъ видно изъ нѣкоторыхъ дипломатическихъ актовъ; но у правителей, бывшихъ до Петра, недоставало рѣшимости пользоваться, какъ было должно, своимъ положеніемъ. Они какъ будто сознавались постоянно, что у нихъ сила есть, да воли нѣтъ. Напротивъ того, Петръ, съ дѣтскихъ лѣтъ принужденный видѣть разстройства и безпорядки въ своемъ царствѣ, чувствовалъ болѣе другихъ, что сила-то, находящаяся въ его рукахъ, не столько велика, какъ кажется, но зато у него была твердая воля употребить въ дѣло по крайней мѣрѣ ту силу, какая есть. Онъ и употребилъ ее въ дѣло, несмотря на всѣ препятствія, противопоставленныя ему невѣжествомъ и лѣнью. Не надѣясь на дѣйствительность убѣжденій, Петръ часто дѣйствовалъ силою, увлекаемый своей страстной, нетерпѣливой натурой. Онъ самъ за все брался, за всѣмъ смотрѣлъ и все толкалъ впередъ, потому что онъ не могъ вытерпѣть, пока его помощники соби-

раются съ своимъ «московскимъ тотчасомъ». Часто даже ему вовсе не за кого было взяться; случалось, что люди, на которыхъ онъ всего болѣе надѣялся, только портили дѣло, имъ порученное. Петръ не унывалъ духомъ, но гнѣвъ его разражался на плохихъ исполнителей. Здѣсь кстати можемъ мы привести случай, характеризующій исполнителей Петровыхъ намѣреній и вмѣстѣ съ тѣмъ показывающій, какъ далеко отстояла наша политическая мудрость того времени отъ дипломатическихъ видовъ европейскихъ, образецъ которыхъ мы видѣли въ меморіалѣ Карловича. Случай этотъ былъ во время второго азовскаго похода, слѣдовательно всего за три года до посольства Карловича. Въ этомъ походѣ, какъ извѣстно, Петръ долго ждалъ прибытія цесарскихъ инженеровъ, опоздавшихъ нѣсколькими мѣсяцами. На вопросъ о причинѣ замедленія инженеры отвѣчали, что въ Вѣнѣ никакъ не ожидали такого ранняго похода русскихъ войскъ и что русскій посланникъ при цесарскомъ дворѣ, Кузьма Нефимоновъ, ничего имъ не говорилъ и самъ ничего не зналъ о ходѣ военныхъ дѣйствій. Оказалось, что Украинцевъ, управлявшій тогда посольскимъ приказомъ, не сообщалъ Нефимонову никакихъ извѣстій изъ арміи, *опасаясь, чтобы тотъ не разгласилъ ихъ!* . . Петръ былъ крайне раздосадованъ такимъ страннымъ разсужденіемъ и тотчасъ написалъ слѣдующее оригинальное письмо къ Виніусу, шурину Украинцева: «Зѣло досадилъ мнѣ свояк твой, что Кузьму (Нефимонова) держитъ безъ вѣдомости о войнѣ нашей. И не стыдъ ли? о чемъ ни спросятъ, ничего не знаетъ . . . А съ такимъ великимъ дѣломъ посланъ (для заключенія союзнаго трактата)! . . Въ цыдулкахъ Микитѣ Моисеевичу о поль-

скихъ дѣлахъ пишетъ (Украинцевъ), которыя не нужны, что надобетъ дѣлать; а цесарскую сторону, гдѣ надежда союза, позабылъ. А пишетъ такъ: «для того о войскахъ не даемъ вѣдать, чтобъ Кузьма лишняго не разсѣялъ». Разсудилъ! Есть ли сенсъ его въ здоровый? Въ государственномъ повѣрено, а что всѣ вѣдаютъ, — закрыто! Только скажи ему, что чего онъ не опишетъ на бумагѣ, то я допишу ему на спинѣ» (Устр., т. II, стр. 430). Таковы были лучшіе представители древней Руси, предназначенные къ исполненію плановъ Петра, въ виду Европы, въ это время, по политическимъ обстоятельствамъ, обратившей на Россію болѣе зоркое вниманіе, чѣмъ когда-нибудь. Хорошъ этотъ дальновидный и осторожный начальникъ нашего посольскаго приказа, когда поставить его соображенія рядомъ, напр., съ смѣлыми и обширными предначертаніями Паткуля, часть которыхъ заключается въ меморіалѣ Карловича!.. Что было Петру дѣлать съ такими людьми кромѣ того, чѣмъ онъ заключилъ письмо свое? Никакая доброта сердца, никакая благонамѣренность, никакая прозорливость теоретическая не помогли бы Петру, если бы у него не было этого могучаго характера, высказывавшагося часто неровно, порывисто, бурно, но всегда подвигавшаго дѣло впередъ рѣшительнымъ, смѣлымъ толчкомъ. Рано высказался въ Петрѣ этотъ характеръ, сложившійся въ буряхъ первыхъ лѣтъ его жизни, рано примѣтили всѣ, что Петръ не будетъ дѣлать дѣло въ половину, если примется за дѣло, и Петръ скоро сдѣлался представителемъ и двигателемъ новыхъ стремленій, издавна бродившихъ въ народѣ и не находившихъ себѣ удовлетворенія. Все, что было недовольно старымъ порядкомъ, съ наде-

ждою обратило взоры свои на Петра и радостно пошло за нимъ, увидавши, что на знамени его написана та же ненависть къ закоренѣлому злу, та же борьба съ отжившей стариной, та же любовь къ свѣту образованія, которая смутно таилась и въ народномъ сознаніи. Съ другой стороны, представители стараго порядка вещей, при всей своей грубости и невѣжествѣ, тоже догадались, что Петръ не слишкомъ-то будетъ ихъ жаловать, и присмирѣли, видя по характеру Петра, что онъ шутить не любитъ. И вотъ Петръ является въ нашей исторіи какъ олицетвореніе народныхъ потребностей и стремленій, какъ личность, сосредоточившая въ себѣ тѣ желанія и тѣ силы, которыя по частямъ разсѣяны были въ массѣ народной. Вотъ тайна постояннаго успѣха, сопровождавшаго его предпріятія, несмотря на всѣ препятствія, поставленныя невѣжествомъ и своекорыстіемъ старинной партіи, — и вотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, разгадка того, почему Петръ мало тогда обратилъ вниманія на главнѣйшія условія народнаго благоденствія, — на распространеніе просвѣщенія между всѣми классами народа и на средства свободнаго, безпрепятственнаго развитія всѣхъ производительныхъ силъ страны. Понятно, что Петръ, если и хотѣлъ этимъ заняться, то не могъ преимущественно на этомъ настаивать: прошедшее народа не подготовило еще тогда достаточно данныхъ для того, чтобы стремленіе къ истинному, серьезному образованію и къ улучшенію экономическихъ отношеній могли сильно и дѣятельно проявиться въ массѣ. Нужно еще было прежде раскрыть хорошенько глаза тогдашней массѣ, посмотрѣть на другихъ, убѣдиться, что есть на свѣтѣ просвѣщеніе и правильно опредѣленныя бытовыя отношенія, отличныя отъ на-

нихъ, а потомъ уже приниматься ихъ усвоивать, по мѣрѣ умѣнья и силы. Поэтому-то вся дѣятельность Петра и клонилась именно къ возможности сближенія Россіи съ Европою. Петръ, можетъ быть, дѣлалъ многое, самъ вовсе не имѣя въ виду этой цѣли; но такой результатъ выходилъ уже самъ собою, по естественному порядку вещей. Петръ былъ сильнымъ двигателемъ; направленіе же движенія было не отъ него . . . оно задавалось, какъ всегда и вездѣ, ходомъ исторіи.

Но величіе Петра, какъ могучаго двигателя событій въ данномъ направленіи, поистинѣ изумительно. Съ перваго дня своего царствованія онъ становится одинъ главою движенія и сокрушаетъ все на пути своемъ. Министры и любимцы сестры его справедливо пришлись не по душѣ ему: онъ всѣхъ ихъ въ одинъ день отрѣшилъ и посадилъ на ихъ мѣста своихъ друзей и приверженцевъ. Но эти новые сановники были большею частію также приверженцами старины, придерживались боярской спеси, мѣстническихъ счетовъ, азіатскихъ церемоній, грубыхъ предразсудковъ. Даже послѣ преобразованій Петровыхъ, незадолго до Ништадскаго мира, иные изъ нихъ вздыхали еще по московской старинѣ (Устр., т. II, стр. 101). Они во многомъ не могли понимать Петра, уже учившагося у Тиммермана и Бранта, и на многое не могли ему дать отвѣта. Скучая ихъ неподвижностью и крайней ограниченностью, Петръ сошелся съ земляками Тиммермана и Бранта, и вскорѣ Лефортъ и Гордонъ дѣлаются его лучшими друзьями, общество Нѣмецкой Слободы — любимымъ обществомъ. Въ разсказахъ иноземцевъ, въ наукѣ военной и морской открывается для Петра новый міръ, и онъ пять лѣтъ все осматривается въ

этомъ мірѣ, какъ бы пробуя силы и забывая все остальное для любимыхъ занятій, которыя пока занимаютъ его лично. Но вотъ онъ серьезно хочетъ попробовать, каковы бываютъ эти забавы не въ шуточномъ, а въ настоящемъ дѣлѣ, и идетъ подъ Азовъ. Это предпріятіе почти не имѣетъ еще государственнаго характера, но оно пробудило геній Петра къ государственной дѣятельности. Онъ увидѣлъ, что суда плохи, войска плохи, распоряженія плохи; увидѣлъ, что и его пріятели-иноземцы тоже крайне плохи. Тутъ бы, казалось, торжество противной партіи; ея нареканія и зловѣщія предсказанія оправдывались. Одни говорили царю, что Богъ его наказываетъ за любовь къ еретикамъ, другіе увѣряли, что *по старинѣ* дѣйствительно лучше было, чѣмъ по этимъ иноземнымъ хитростямъ; третьи толковали, что иноземцы всѣ — негодяи и измѣнники, и потому ихъ всѣхъ надо казнить или прогнать. На все это были доказательства и улики явныя: и суда, ими выстроенныя, шли плохо, и войска, ими обученныя, не выдерживали битвы, и мины, ими заложенныя, взрывались на нашу погибель; были, наконецъ, и дѣйствительные измѣнники изъ иноземцевъ, бѣжавшіе отъ насъ къ туркамъ. Явно, что отъ иноземцевъ все зло, или по крайней мѣрѣ добра-то ужъ нѣтъ никакого... Но Петръ ничего знать не хочетъ, онъ разсуждаетъ иначе. Вся бѣда въ томъ, говоритъ онъ, что иноземцевъ мало и что они плохи; надобно вызвать побольше да получше. И вслѣдъ затѣмъ онъ посылаетъ грамоты въ разныя государства, чтобы ему прислали искусныхъ людей... Имъ поручаетъ онъ инженерныя работы, отдаетъ въ ихъ вѣдѣніе артиллерію, задаетъ имъ строить флотъ. Необходимость флота указана была

также азовскимъ походомъ; Петръ, и безъ того преданный страсти къ мореплаванію, съ жаромъ принимается за постройку флота. Но на флотъ нужны деньги, а финансы истощены; флотъ надобно построить ужъ порядочно, а пріѣзжіе мастера еще Богъ вѣсть каковы; для флота нужно море, а у насъ его нѣтъ. Какъ тутъ быть? Всякаго взяло бы раздумье, всякій бы, кажется, отступился отъ своей мысли, увидѣвши препятствія непреодолимыя. Но Петра трудно было устрашить большими затрудненіями, а на такіе пустяки онъ не хотѣлъ и вниманія обращать. Финансы истощены? А *кумпанства* на что же? Въ ноябрѣ 1696 г. Петръ приказалъ, чтобы владѣльцы и вотчинники, духовные съ 8,000 крестьянскихъ дворовъ, а свѣтскіе — съ 10,000 выстроили по кораблю къ апрѣлю 1698 г., а люди торговые, всѣ вмѣстѣ, къ тому же сроку чтобы изготовили 12 бомбардирскихъ судовъ. Вотъ и дѣло съ концомъ. А кто не захочетъ строить или окажется неисправнымъ, у того деревни отбирать, того лишать животовъ и дворовъ. И поспѣли корабли черезъ 16 мѣсяцевъ . . . Да еще больше поспѣло, чѣмъ нужно было сначала. Черезъ годъ Петръ нашелъ, что мало выйдетъ, если выстроится по кораблю съ каждаго кумпанства; вышелъ указъ, чтобы выстроили еще по кораблю съ каждыхъ двухъ кумпанствъ. И выстроили . . . Иноземные мастера сомнительны? Петръ разсылаетъ грамоты по всѣмъ государствамъ, чтобы ему прислали *лучшихъ, искусныхъ* мастеровъ; и чтобы имѣть собственное понятіе объ ихъ работѣ, посылаетъ русскихъ за границу учиться морскому дѣлу, да и самъ ѣдетъ вслѣдъ за ними же. Моря нѣтъ? Петръ посылаетъ въ Константинополь украинцевъ — добиваться плаванія на Черномъ

морѣ. А не удалось это, такъ мы потянулись въ другую сторону — за Балтійскимъ.

Такъ точно Петръ поступилъ и съ выборомъ своихъ сотрудниковъ. Въ почетныхъ старикахъ, выбранныхъ прежде, оказалось мало энергіи и мало сочувствія съ Петромъ. Петръ принялся искать другихъ во всѣхъ слояхъ общества; и въ свитѣ посольства, отправившагося съ нимъ за границу, мы находимъ уже имена Петра Шафирова и Александра Меньшикова (Устр., т. III, стр. 572). Скажутъ: «значитъ, были же при Петрѣ люди, которые были способны дѣятельно и умно помогать ему». Да когда же не бываетъ такихъ людей? Вспомнимъ справедливое замѣчаніе Карамзина: «Полководцы, министры, законодатели не родятся въ такое или такое царствованіе, но единственно избираются. Чтобы избрать, надобно угадать, угадываютъ же людей только великіе люди, — и слуги Петровы удивительнымъ образомъ помогали ему на ратномъ полѣ, въ сенатѣ, въ кабинетѣ» (Кар., «О древн. и нов. Рос.», стр. XLV, Эйнерл.). Прибавимъ къ этому, что иногда самое избраніе бываетъ не столько затруднительно, сколько его осуществленіе, и въ этомъ отношеніи едва ли чье положеніе бывало затруднительнѣе Петрова. Чтобы поставить избранныхъ имъ людей на ту степень, которой они были достойны, ему нужно было разрушить тысячи препятствій. Прежде всего — это были люди незнатные, люди безвѣстнаго происхожденія, значитъ возвышеніе ихъ оскорбляло родовую боярскую спесь, и въ служебныхъ отношеніяхъ съ ними легко могли откликнуться мѣстническіе счеты. Кромѣ того, это были все люди молодые. Возвышая ихъ и поручая имъ важныя дѣла Петръ рѣшительно шелъ наперекоръ стародавнему

обычаю, по которому старость считалась достаточнымъ ручательствомъ за умъ и знанія человѣка, а молодость осуждалась на то, чтобы быть *во посылочкахъ* у стариковъ. Къ этому еще нужно прибавить, что новые избранники Петра были всею душою за новизну противъ страны, и тѣмъ болѣе должны были раздражать противъ себя сановитыхъ и породистыхъ бояръ, съ презрѣніемъ смотрѣвшихъ на все, что не было украшено сѣдинами и вѣковою знатностью рода. Тѣмъ ужаснѣе было негодованіе ихъ, когда между избранниками царя являлись иноземцы. Тутъ уже и суевѣріе съ патріотизмомъ являлось имъ на помощь; тутъ они самый народъ думали видѣть на своей сторонѣ. Но Петръ не испугался ихъ дряхлаго негодованія и смѣло продолжалъ идти по своему пути, «не обращая вниманія,—какъ говоритъ г. Устряловъ,—на замѣтную досаду почтенныхъ сѣдинами и преданностью бояръ, на строгія нравоученія всѣми чтимаго патріарха, на суевѣрный ужасъ народа, не слушая ни нѣжныхъ пеней матери, ни упрековъ жены, еще любимой» (т. II, стр. 119). И не только ихъ словъ и ропота не послушалъ Петръ, онъ не смутился даже отъ проявленія неудовольствія, возставшаго вооруженной силой. За двѣ недѣли предъ отправленіемъ Петра въ путешествіе открылся заговоръ Соковнина и Цыклера Петръ казнилъ ихъ и главныхъ ихъ сообщниковъ надъ гробомъ Ивана Михайловича Милославскаго, вырытаго изъ земли; поставилъ на Красной площади каменный столбъ съ желѣзными спицами, на которыхъ воткнуты были головы казненныхъ, тогда какъ вокругъ разложены были трупы ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; разослалъ въ заточеніе по дальнимъ городамъ родственниковъ ихъ,

и черезъ двѣ недѣли все-таки отправился за границу. Во время его отсутствія произошло новое возстаніе, болѣе возбужденное, кажется, неблагоразуміемъ, а можетъ быть даже и дѣйствительными притѣсненіями начальниковъ, нежели какими-нибудь опредѣленными замыслами въ пользу старины. Въ мартѣ 1698 г. явилось въ Москвѣ 175 стрѣльцовъ, бѣжавшихъ изъ полковъ, бывшихъ на литовской границѣ. Они жаловались на безкормицу и притѣсненія; бояре велѣли имъ возвратиться въ полки до 3 апрѣля. Но въ этотъ день оказалось предъ боярами уже 400 человѣкъ, требовавшихъ льготъ и послабленій и отказывавшихся идти въ полки. Ихъ выпроводили насильно. Узнавъ объ этомъ, Петръ выговаривалъ Ромодановскому, зачѣмъ онъ «сего дѣла въ розыскъ не вступилъ». Дѣйствительно, отпущенные, или, лучше сказать, *посланные* въ полки свои, бѣглые стрѣльцы возмутили остальныхъ, и въ іюнѣ открылся уже настоящій бунтъ: стрѣльцы шли къ Москвѣ. Они ни въ чемъ не успѣли; ихъ скоро смирили, 130 человѣкъ повѣсили, 140 били кнутомъ и сослали, до 2,000 разослали по разнымъ городамъ въ тюрьмы (Устр., т. III, стр. 178). Но Петръ былъ этимъ недоволенъ. Ему нужно было до конца истребить все, что могло еще быть опаснымъ противодѣйствіемъ его стремленіямъ. Онъ вспомнилъ ужасы первыхъ лѣтъ своей жизни, вспомнилъ, что стрѣльцы были приверженцами и орудіями сестры его, и онъ рѣшился, тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы, съ корнемъ вырвать это зло, не дававшее ему покою. На стрѣльцахъ, которыхъ считалъ онъ въ этомъ случаѣ представителями противной партіи и сообщниками которыхъ считалъ всѣхъ своихъ недоброхотовъ, начи-

ная съ сестеръ и жены, — на нихъ рѣшился онъ показать страшный, жестокій примѣръ того, какъ онъ караетъ своихъ противниковъ. «Я допрошу ихъ построже вашего», — сказалъ онъ Гордону, и дѣйствительно — въ сентябрѣ и октябрѣ 1698 г. произведенъ былъ безпощадный розыскъ, подробности котораго, сообщенныя г. Устряловымъ (т. III, стр. 201—245), должны привести въ ужасъ читателей нашего времени. Тысячи стрѣльцовъ и людей, оговоренныхъ ими, ежедневно по нѣсколько часовъ пытаны были въ нѣсколькихъ застѣнкахъ о причинахъ и цѣляхъ бунта. Всѣ сначала съ изумительнымъ героизмомъ запирались, и при очныхъ ставкахъ и при *подъемѣ, встряскѣ,* и подъ всѣми пытками, даже *подъ огнемъ*. Многіе умирали подъ пыткою, ничего не сказавъ, кромѣ одного, что шли къ Москвѣ съ голоду и отъ притѣсненій начальства, да еще по слуху, что государь за границей померъ. Но отъ Петра не легко было отдѣлаться. Онъ не жалѣлъ пытокъ, и не отступалъ ни передъ какими средствами, призывалъ къ допросу даже сестеръ своихъ. Самъ написалъ онъ допросные пункты, въ которыхъ именно спрашивалъ: не призывала ли стрѣльцовъ къ Москвѣ Софія, не было ли отъ нея письма, не хотѣли ли посадить ее на царство? Послѣ такого прямого поставленія вопроса запирающихся было уже меньше; многіе сознавались, но какъ-то глухо и неопредѣлительно, какъ будто сами не понимая хорошенько, въ чемъ они сознаются. Одинъ разсказывалъ наконецъ цѣлую исторію полученія письма отъ Софіи (не подтвержденную, впрочемъ, дальнѣйшимъ розыскомъ), и дальнѣйшій розыскъ былъ обращенъ особенно на это обстоятельство. Признаніе въ государственныхъ замыслахъ и въ воз-

мущеніи по наущеніямъ Софіи было наконецъ высказано значительною частью стрѣльцовъ [10]. Начались казни. Число казненныхъ простиралось, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, до 4,000. По словамъ г. Устрялова, «Красная площадь была покрыта обезглавленными тѣлами; стѣны Бѣлаго и Земляного города унизаны были повѣшенными» (т. III, стр. 237). Черезъ нѣсколько времени свезли изъ Москвы и сложили у разныхъ дорогъ 1,068 труповъ. Кромѣ того, множество народа было сослано. Не довольствуясь этимъ и желая совершенно уничтожить непокорныхъ, Петръ рѣшился, по собственному его выраженію, *скасовать* все стрѣлецкое войско. Въ 1699 г. стрѣльцы обращены были въ посадскіе; ихъ запрещено было принимать въ военную службу и велѣно ссылать на каторгу тѣхъ, кто изъ нихъ запишется въ солдаты, утаивъ, что былъ прежде стрѣльцомъ.

Такъ дѣйствовалъ Петръ противъ тѣхъ, которые осмѣливались возставать противъ его предпріятій или обнаруживали сочувствіе къ его противникамъ. Не могъ бы, конечно, такой образъ дѣйствій увѣнчаться успѣхомъ, если бы Петръ во всей своей дѣятельности не былъ представителемъ начала новаго

[10] Боясь излишнихъ распространеній, мы не рѣшаемся здѣсь касаться подробностей розыска. Но весьма любопытно было бы сдѣлать этотъ розыскъ предметомъ юридическаго изслѣдованія, съ цѣлію разрѣшить вопросъ: долженъ ли историкъ придать особую вѣру первоначальному запирательству стрѣльцовъ и ихъ послѣднимъ показаніямъ, вынужденнымъ жестокою пыткою. Съ одной стороны, если запирательство и молчаніе стрѣльцовъ были умышленны, а не происходили вслѣдствіе того, что они дѣйствительно ничего не знали и никого не могли говорить, — въ такомъ случаѣ каждый изъ нихъ превосходитъ въ геройствѣ Муція Сцеволу и Регула. Съ другой же стороны — извѣстно, что признанія, сдѣланныя подъ пыткою, нельзя считать слишкомъ надежными. Разсмотрѣвши все розысковое дѣло, сохранившееся въ цѣлости, въ настоящее время можно, вѣроятно, сдѣлать заключеніе болѣе безпристрастное и спокойное нежели какое было возможно во время самого розыска.

движенія, которое побарало уже отживавшую старину. Вспомнимъ, какое гибельное ожесточеніе, какія несчастныя послѣдствія возбуждали обыкновенно даже гораздо меньшія строгости его предшественниковъ. Но Петръ, предаваясь влеченію своего непреклоннаго, неумолимаго характера, чувствовалъ свою силу. Оттого онъ прямо и смѣло объявлялъ свои требованія, грозно и безъ всякихъ обиняковъ назначалъ заранѣе наказаніе непослушнымъ. Послѣ возвращенія изъ-за границы, имѣя въ виду болѣе широкіе и опредѣленные замыслы, чѣмъ прежде, онъ сталъ дѣйствовать тѣмъ съ большею рѣшительностью, что составилъ уже въ это время въ умѣ своемъ извѣстные идеалы нѣкоторыхъ предметовъ по видѣннымъ имъ за границею образцамъ. Такъ, тотчасъ по возвращеніи, вмѣстѣ съ опытнымъ и искуснымъ морякомъ Крёйсомъ, онъ нашелъ, что суда, выстроенныя кумпанствами, были неудовлетворительны. У однихъ нужно было усилить вооруженіе и оснастку, другія исправить въ самомъ корпусѣ, а иныя и совершенно передѣлать, потому что одни оказались слишкомъ валкими, а другія и вовсе неспособными къ ходу (Устр., т. III, стр. 249). Немедленно приказано было тѣмъ же *кумпанствамъ* позаботиться объ исправленіи всего, что нужно, подъ наблюденіемъ англійскихъ мастеровъ. Теперь флотъ былъ нуженъ Петру *постоянно,* потому что наша дипломатія оказалась весьма плохою на переговорахъ при цесарскомъ дворѣ, и русскимъ предстояла война съ турками, съ которыми всѣ остальные союзники наши помирились отдѣльно, оставивъ насъ не при чемъ. Петръ не боялся войны, онъ даже хотѣлъ ея, и безъ сомнѣнія не оказалъ бы большой уступчивости передъ турками,

если бы замыслы Паткуля противъ Швеціи не вызвали Сѣверной войны, отклонившей вниманіе Петра на сѣверъ.

Работая надъ устройствомъ флота теперь уже не какъ плотникъ, а какъ адмиралъ и распорядитель, Петръ сталъ теперь гораздо больше вниманія обращать и на другія части государственнаго устройства. Такъ онъ, по предложенію Курбатова взявшаго свою мысль съ заграничныхъ примѣровъ, учредилъ *гербовую бумагу*, въ видахъ увеличенія государственныхъ доходовъ и вмѣстѣ уменьшенія ябеды. Въ финансовыхъ видахъ также преобразованъ въ 1699 г. порядокъ въ сборѣ окладныхъ податей, таможенныхъ и питейныхъ сборовъ, при чемъ устроена особенная *бурмистерская палата* и окладныя подати возвышены вдвое. Несмотря на это возвышеніе подати, новый порядокъ былъ всѣми принятъ съ радостью, потому что, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ указъ самого Петра (30 янв. 1699 г.), промышленное сословіе до тѣхъ поръ было «безотвѣтною жертвою наглаго самоуправства и безсовѣстнаго лихоимства, такъ что отъ приказныхъ волокитъ, отъ воеводскихъ налоговъ и взятокъ люди торговые пришли въ крайнее разореніе, многіе торговъ и промысловъ отбыли, податей платить были не въ силахъ, и государственная казна терпѣла ущербъ немалый, вслѣдствіе недоимки окладныхъ доходовъ и недобора торговыхъ пошлинъ. Между тѣмъ примѣръ Голландіи, — прибавляетъ г. Устряловъ, говоря объ этомъ указѣ (т. III, стр. 260), — удостовѣрялъ царя, что въ благосостояніи промышленнаго сословія заключался одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго богатства и что промыслы могутъ процвѣтать только при свободномъ, само-

стоятельномъ развитіи ихъ, безъ вмѣшательства сторонних властей, тягостнаго во всякое время, тѣмъ болѣе при тогдашнемъ порядкѣ дѣлъ въ Россіи». Весьма вѣроятно, что примѣръ Голландіи былъ однимъ изъ побужденій при устройствѣ бурмистерской палаты, хоть и нельзя сказать, чтобы Петръ въ это время уже вполнѣ ясно сознавалъ, какое значеніе имѣетъ вмѣшательство посторонних властей для процвѣтанія промышленности и слѣдовательно для благосостоянія государства, какъ вездѣ, такъ особенно у насъ въ Россіи. По крайней мѣрѣ на преобразованіе этихъ *властей* Петръ не обратилъ еще теперь своего вниманія.

Вліяніе путешествія за границей раньше всего проявилось у Петра желаніемъ преобразовать формы нѣкоторыхъ общественныхъ отношеній. Петръ видѣлъ, что въ иныхъ государствахъ жизнь идетъ иначе, чѣмъ у насъ, и ему, конечно, понравилась простота и безцеремонность отношеній между мужчинами и женщинами на Западѣ, радушныя семейныя бесѣды, веселыя общественныя развлеченія при постоянномъ участіи женщины. Петръ захотѣлъ ввести то же самое и въ Россіи, и для того, чтобы приблизить русскихъ къ европейцамъ и по внѣшнему виду, прежде всего позаботился объ измѣненіи ихъ наружности. Ему казалось это ничтожнымъ дѣломъ послѣ всего, въ чемъ уже проявилась его сила. Онъ даже началъ дѣло съ простой шутки, думая, что люди, не подорожившіе своими средствами для постройки флота, видѣвшіе превосходство иностранцевъ въ разныхъ знаніяхъ и искусствахъ, отрекшіеся, по волѣ царя, отъ своей величавой, неподвижной спеси, прогулявшіеся за границу или слышавшіе подробные разсказы очевидцевъ о чужихъ

земляхъ, — что люди эти не постоятъ уже за кафтанъ и бороду. Но оказалось, что сопротивленіе въ этомъ случаѣ было болѣе упорно, чѣмъ въ другихъ случаяхъ: отживавшая старина, теряя свои привилегіи, хотѣла по крайней мѣрѣ удержать внѣшніе значки и за нихъ вступилась больше, нежели за самую сущность дѣла. Кесарь Ромодановскій, услыхавъ, что боярин Головинъ явился при вѣнскомъ дворѣ безъ бороды, воскликнулъ: «не хочу вѣрить, чтобы Головинъ дошелъ до такого безумія». Патріархъ писалъ, что «надъ брадобрійцами не подобаетъ быти ни христіанскому погребенію, ни въ церковныхъ молитвахъ поминовенію» (Устр., т. III, стр. 194). Мало того, по свидѣтельству историка (т. III, стр. 196), «неразумные попы тайными внушеніями поддерживали суевѣрный ужасъ черни и даже осмѣливались въ своихъ приходахъ дерзко осуждать государя. Такъ, въ городѣ Романовѣ попъ Викула, на Святой недѣлѣ обходя съ образами Троицкую Слободу, въ домѣ солдата Кокорева не допустилъ его ко св. кресту, называлъ врагомъ и басурманомъ за то, что онъ былъ съ выстриженною бородою. Когда же Кокоревъ въ оправданіе свое сказалъ: нынѣ въ Москвѣ бояре и князи бороду бреютъ по волѣ царя, — Викула изрыгнулъ хулу и на государя». Вообще, ни одно изъ прежнихъ требованій Петра не возбудило столько ропота и явнаго неудовольствія, какъ повелѣніе — брить бороду. Но Петръ уже разъ рѣшилъ, что — бороду долой, и сбить его съ этого пункта было невозможно. Онъ хотѣлъ, чтобы русскіе и по наружности не были противны нѣмцамъ, а «чѣмъ упорнѣе берегли русскіе свою бороду, тѣмъ ненавистнѣе, по словамъ историка, была она Петру, какъ символъ закоснѣ-

лыхъ предразсудковъ, какъ вывѣска спесиваго невѣжества, какъ вѣчная преграда къ дружелюбному сближенію съ иноземцами, къ заимствованію отъ нихъ всего полезнаго». Рѣшеніе свое насчетъ бороды Петръ, по обычаю своему, привелъ въ исполненіе немедленно. Это происходило на первый разъ довольно комическимъ образомъ, — доказательство, что Петръ сначала все дѣло думалъ покончить очень легко. На другой день по пріѣздѣ его въ Москву изъ-за границы явились къ нему знатнѣйшіе бояре для поздравленія. Петръ очень ласково принялъ ихъ, цѣловалъ, обнималъ, разговаривалъ съ ними и тутъ же, къ неописанному изумленію предстоявшихъ, то тому, то другому обрѣзывалъ бороды. Прежде всѣхъ подверглись этой горестной операціи — самъ *кесарь* Ромодановскій и *генералиссимусъ* Шеинъ, за ними и остальные, кромѣ Стрѣшнева и Черкасскаго, пощаженныхъ царемъ. Дней черезъ пять та же исторія повторилась на пиру у Шеина; тутъ уже бороды рѣзалъ царскій шутъ. Чрезъ три дня потомъ на пиръ къ Лефорту бояре явились уже безбородые. «Пылкій царь, — говоритъ г. Устряловъ,—не хотѣлъ видѣть бородачей вокругъ себя ни при дворѣ, ни въ войскѣ, ни на верфяхъ. Бояре, царедворцы, люди ратные, корабельные плотники должны были уступить непреклонной волѣ царя». Вскорѣ установлена была бородовая пошлина, распространенная и на людей посадскихъ и даже на крестьянъ. И на этотъ разъ, вопреки ожиданіямъ и желаніямъ приверженцевъ старины, все обошлось спокойно и благополучно: возстаній нигдѣ не было. Народу грустно было разставаться съ старославянскимъ обычаемъ, но сожалѣніе о немъ не могло имѣть серьезнаго характера, потому что въ са-

момъ обычаѣ не заключалось никакой разумной, жизненной потребности.

То же было и съ старинной русской одеждой, на которую Петръ въ это время воздвигъ гоненіе. Пребываніе за границей и тутъ не осталось безъ вліянія на Петра, заставивъ его окончательно разлюбить русскую одежду, которой онъ, по замѣчанію г. Устрялова, «и прежде не жаловалъ, наиболѣе потому, что длинныя ферязи, однорядки, охобни, съ двухъаршинными рукавами, мѣшали ему лазить на мачты, рубить топоромъ, маршировать съ солдатами, однимъ словомъ — нисколько не согласовались съ его живою, быстрою, неутомимою дѣятельностью» (т. III, стр. 199). Но главное побужденіе было и здѣсь — желаніе сблизить русскихъ съ иностранцами. Петръ былъ убѣжденъ, что старинный костюмъ будетъ помѣхою для этого сближенія, и рѣшился распорядиться съ ферязями и кафтанами такъ же, какъ съ бородою. «Сначала онъ на веселыхъ пирахъ отрѣзывалъ длинные рукава у царедворцевъ и не хотѣлъ видѣть у себя терлишниковъ такъ же, какъ и бородачей. Вскорѣ потомъ построилъ онъ нѣмецкую обмундировку для вновь заведеннаго регулярнаго войска; а затѣмъ издалъ строгій указъ, чтобы къ празднику Богоявленія и уже не позже, какъ на масляницѣ 1700 г., всѣ бояре, царедворцы, люди служилые, приказные и торговые наряднлись въ венгерское и нѣмецкое платье. То же было указано и боярынямъ, имѣвшимъ пріѣздъ ко двору. Вскорѣ это распоряженіе распространено и на купчихъ, стрѣльчихъ, солдатокъ, попадей и дьяконицъ» (Устр., т. III, стр. 350).

Въ то же время Петръ измѣнилъ прежнюю монетную систему нашу, отличавшуюся большими не-

удобствами. Мысль объ этомъ тоже явилась у Петра за границей, и именно въ Лондонѣ, гдѣ онъ неоднократно посѣщалъ монетный дворъ. До Петра монета у насъ была чрезвычайно безобразна и неправильна, такъ что весьма легко было поддѣлывать и обрѣзывать ее, отчего фальшивые монетчики и процвѣтали въ древней Руси, несмотря на строжайшіе законы, обращенные противъ нихъ. Петръ этому горю помогъ другимъ средствомъ: онъ сталъ чеканить монету лучше, и поддѣлокъ стало меньше. Другое горе состояло въ томъ, что единственной ходячей монетой въ это время были серебряныя копейки. Отъ этого, съ одной стороны, вслѣдствіе рѣшительнаго отсутствія золотой и крупной серебряной монеты, правительство встрѣчало немаловажныя затрудненія въ своихъ финансовыхъ оборотахъ, особенно заграничныхъ; съ другой стороны, отъ недостатка мелкой размѣнной монеты много терпѣлъ бѣдный классъ народа (Устр., т. III, стр. 353). Петръ рѣшился пустить въ ходъ мѣдную монету, копейки, денежки и полушки, несмотря на то, что подобная попытка при Алексѣѣ Михайловичѣ имѣла очень печальныя послѣдствія. Вслѣдъ затѣмъ начали чеканить и червонцы, серебряные полтинники, полуполтинники и наконецъ рублевики. Всѣ они тотчасъ вошли въ общее употребленіе по цѣнѣ, назначенной правительствомъ.

Не столь быстры и рѣшительны были дѣйствія Петра по двумъ другимъ важнѣйшимъ отраслямъ государственнаго устройства, по изданію кодекса законовъ и принятію мѣръ къ образованію народному. Мысль объ этихъ предметахъ была у Петра, какъ видно изъ того, что въ февралѣ 1700 г. онъ повелѣлъ учредить въ Москвѣ комиссію для соста-

вленія новаго уложенія и что, въ бесѣдѣ съ Адріаномъ, изъявлялъ намѣреніе преобразовать славяно-греко-латинскую академію въ родѣ университета. Но очевидно, что Петръ не былъ слишкомъ занятъ этимъ и скоро отклонилъ свою мысль отъ комиссіи и акдеміи къ своимъ любимымъ занятіямъ. Комиссія въ четырнадцать лѣтъ успѣла разсмотрѣть только три первыя главы уложенія, а мысль объ учрежденіи школъ и академіи ограничилась на дѣлѣ основаніемъ навигаціонной школы. Вскорѣ вниманіе царя было надолго отвлечено отъ внутреннихъ дѣлъ войною съ Карломъ; но, конечно, не этому случайному обстоятельству нужно приписать невнимательность Петра къ комиссіи законовъ и къ учрежденію школъ. Мы видѣли его характеръ, его энергію въ исполненіи самыхъ трудныхъ предпріятій. Онъ могъ уже и въ это время повелѣть и самъ приняться за дѣло, могъ призвать изъ-за границы учителей, какъ призвалъ корабельныхъ мастеровъ, могъ выстроить училища, гимназіи, университеты, какъ выстроилъ флотъ, завести музеи, библіотеки, какъ завелъ регулярное войско . . . Но есть предѣлы человѣческому могуществу. Петръ могъ привести въ движеніе тѣ силы своего народа, которыя готовы были двинуться; но онъ не могъ вызвать ранѣе срока тѣхъ силъ, которыя еще были такъ слабы, что не способны были къ движенію. Какъ человѣкъ, осуществившій въ своей волѣ потребности и стремленія народа, Петръ инстинктивно имѣлъ тотъ *тактъ*, который отличаетъ подобныхъ ему историческихъ дѣятелей отъ непризванныхъ фанатиковъ, часто принимающихъ мечты своего разстроеннаго воображенія за истинныя потребности вѣка и народа, принимающихся за безплодное дѣло не по

своимъ силамъ. Петръ чувствовалъ, что силъ его станетъ на многое, но онъ зналъ и мѣру своимъ силамъ. Онъ пришелъ къ жатвѣ, подготовленной вѣками, и понялъ, что онъ можетъ пожать эти зерна, оставленныя безъ вниманія его предшественниками. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ, что сила *производящая* здѣсь все-таки эта почва, на которой ему предстояла жатва. Онъ могъ болѣе и менѣе быстро и удачно пожать и собрать все, что произросло на ней; но по своему произволу заставить расти зерна онъ не могъ. Нужно было ихъ сначала посѣять, и онъ сѣялъ то, что могъ. Но что могъ онъ посѣять въ то время на полѣ гражданскаго законодательства и народнаго просвѣщенія въ Россіи? По необходимости посѣвъ былъ скуденъ, и вотъ почему Петръ выказывалъ такъ мало энергіи въ своихъ предпріятіяхъ по этой части. Народъ былъ мало готовъ на это, а Петръ былъ представителемъ своего народа; могъ ли же онъ глубоко проникнуться тѣмъ, что еще не было глубокой и настоятельной потребностью для самого народнаго сознанія?

Война шведская отвлекла Петра отъ мыслей законодательства и просвѣщенія, указавъ ему поприще болѣе близкое къ его постояннымъ занятіямъ и стремленіямъ. Проявленія его мысли и характера въ этой войнѣ мы постараемся прослѣдить, когда явится продолженіе труда г. Устрялова, ожидаемое нами съ нетерпѣніемъ.

Разрывомъ съ Швеціею оканчивается третій томъ «Исторіи Петра» г. Устрялова. На этомъ покончимъ и мы свои замѣтки, имѣвшія цѣлью ознакомить нашихъ читателей съ характеромъ фактовъ, собранныхъ въ книгѣ г. Устрялова. Удаляясь общихъ выводовъ и подробныхъ разсужденій о зна-

ченіи Петра въ нашей исторіи, мы старались только группировать однородные факты, разрозненные въ лѣтописномъ порядкѣ изложенія г. Устрялова. Эта лѣтописность изложенія составляетъ особенность г. Устрялова, бросающуюся въ глаза каждому читателю «Исторіи Петра». Она могла бы быть названа большимъ достоинствомъ, если бы была совершенно выдержана, т. е. если бы авторъ отказался уже рѣшительно отъ всякихъ разсужденіи и взглядовъ, разсказывая одни только факты. Но въ изложеніи г. Устрялова замѣтно отчасти стремленіе выразить извѣстный взглядъ; у него нерѣдко попадаются краснорѣчивыя громкія фразы, украшающія простую истину событій; замѣтенъ даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *выборъ* фактовъ, такъ что иногда разсказъ его вовсе не сообщаетъ того впечатлѣнія, какое сообщается приложеннымъ въ концѣ книги документомъ, на который тутъ же и ссылается самъ историкъ. (Пусть, напримѣръ, внимательный читатель сравнитъ хоть въ третьемъ томѣ стр. 187 съ приложеніемъ X, стр. 621.) Поэтому лѣтописность, имѣя искусственный характеръ и не будучи выдержана, скорѣе вредитъ достоинству книги г. Устрялова, нежели возвышаетъ его. Кажется, лучше было бы, если бы историкъ позаботился о томъ, чтобы сгруппировать факты исторіи Петра, освѣтивши ихъ общей идеей, не приданной имъ извнѣ и насильственно, а прямо и строго выведенной изъ нихъ самихъ. Тогда общее впечатлѣніе было бы живѣе и полнѣе, факты не терялись бы для читателя въ разрозненности, какъ бы случайности. Г. Устряловъ могъ озарить истиннымъ и яркимъ свѣтомъ всѣ событія, относящіяся къ царствованію Петра. Кромѣ огромной массы матеріаловъ, кромѣ

него никому не бывшихъ доступными, онъ и при самой разработкѣ ихъ находился въ болѣе благопріятномъ положеніи, нежели кто-нибудь другой, и слѣдовательно могъ сказать намъ болѣе всякаго другого. Къ сожалѣнію, онъ не хотѣлъ вполнѣ воспользоваться своимъ положеніемъ и ограничился Карамзинскимъ трудомъ собранія матеріаловъ, связнаго, стройнаго ихъ расположенія и краснорѣчиваго изложенія. Придавши своему труду характеръ преимущественно біографическій, онъ не обратилъ вниманія на общія задачи исторіи страны и времени, въ которыхъ дѣйствовалъ Петръ, и такимъ образомъ, отнявъ у себя оружіе высшей исторической критики, не вышелъ изъ колеи прежнихъ панегиристовъ, которыхъ самъ осуждаетъ во Введеніи къ «Исторіи Петра».

Все это такіе недостатки, которые не могутъ быть названы ничтожными; но нужно замѣтить, что находить *эти* недостатки можно только въ трудѣ серьезномъ, капитальномъ, каковъ и есть трудъ г. Устрялова. Мы говоримъ: «отчего г. Устряловъ не сдѣлалъ большаго?» — именно потому, что мы видимъ, какъ много онъ сдѣлалъ. Степенью значенія труда его опредѣляется количество и великость требованій, которыхъ выполненія мы отъ него ожидаемъ. Будь это произведеніе незамѣчательное, обыденное, никто бы и не подумалъ упрекать его за отсутствіе того, чего такъ естественно всякій ищетъ у г. Устрялова и часто не находитъ. Во всякомъ случаѣ, какъ сборникъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, до сихъ поръ бывшихъ неизвѣстными публикѣ, какъ плодъ труда многолѣтняго и добросовѣстнаго, какъ стройная и живая картина событій Петрова царствованія, книга г. Устрялова останется

надолго однимъ изъ лучшихъ украшеній нашей исторической литературы. Повторимъ еще разъ въ заключеніе, что для исторіи Петра трудъ г. Устрялова будетъ имѣть значеніе исторіи Карамзина. Значеніе это не пропадетъ и тогда, когда наступитъ время для прагматической исторіи новой Россіи подъ правленіемъ Петра. Будущій историкъ, если не воспользуется идеями и взглядами г. Устрялова, то во всякомъ случаѣ найдетъ въ его книгѣ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ и подлинныхъ документовъ. Приложенія, по своей обширности почти равняющіяся тексту исторіи, придаютъ и всегда будутъ придавать ему важное и постоянное значеніе. Многія изъ нихъ дѣйствительно бросаютъ новый свѣтъ на событія; другія даютъ возможность точныхъ и твердыхъ соображеній относительно такихъ вещей, о которыхъ доселѣ судили только по предположеніямъ. Все это придаетъ труду г. Устрялова чрезвычайную важность, и мы надѣемся, что читатели не будутъ на насъ досадовать за то, что мы такъ долго занимали ихъ обозрѣніемъ этого замѣчательнаго труда, появленія котораго такъ давно ожидала русская публика.

Стихотворенія Юліи Жадовской.

Спб. 1858.

На стихи нынѣ въ нашей литературѣ такая мода, какой, кажется, никогда не бывало. Собранія стихотвореній, изданныхъ въ послѣднее время, можно считать десятками. Много горя доставляютъ эти собранія стиховъ бѣднымъ любителямъ поэзіи, которые каждый разъ бросаются на новую книжку стихотвореній съ новыми надеждами и почти каждый разъ обманываются въ этихъ надеждахъ. Но за горе бываетъ наконецъ и утѣшеніе; между множествомъ прозаическихъ, холодныхъ, хотя иногда и блестящихъ стиховъ, попадаются же изрѣдка и книжки, въ которыхъ замѣтно присутствіе истинной поэзіи. Къ числу такихъ рѣдкихъ исключеній принадлежитъ книжка стихотвореній г-жи Жадовской.

Болѣе десяти лѣтъ уже г-жа Жадовская печатала свои стихотворенія въ разныхъ московскихъ изданіяхъ: въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ», въ «Московскомъ Сборникѣ», въ «Москвитянинѣ». Любители поэзіи прочитывали ихъ большею частью съ удовольствіемъ; но въ публикѣ имя г-жи Жадовской было весьма мало извѣстно, всего болѣе, вѣроятно, потому, что журналы, въ которыхъ она по-

чти исключительно печатала свои произведенія, не мѣли большого круга читателей. Въ послѣднее время г-жа Жадовская обратила на себя вниманіе публики замѣчательнымъ романомъ: «Въ сторонѣ отъ большого свѣта», помѣщенномъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; но о стихотвореніяхъ ея все-таки знали немногіе. Теперь стихотворенія эти, въ довольно значительномъ числѣ (CXIX пьесъ), собраны авторомъ и напечатаны отдѣльной книжкой. Не знаемъ, будутъ ли они имѣть успѣхъ; вѣроятнѣе, что нѣтъ, потому что стихи г-жи Жадовской не имѣютъ внѣшнихъ достоинствъ, рѣзко бросающихся въ глаза. Но мы, нимало не задумываясь, рѣшаемся причислить эту книжку стихотвореній къ лучшимъ явленіямъ нашей поэтической литературы послѣдняго времени. Предполагая, что читателямъ нашимъ мало извѣстны стихотворныя произведенія г-жи Жадовской, мы считаемъ себя въ правѣ нѣсколько распространиться о нихъ.

Стихъ г-жи Жадовской, какъ сказали мы, не отличается внѣшней отдѣлкой, такъ поражающей насъ въ произведеніяхъ новѣйшихъ поэтовъ. Рѣдка часто измѣняетъ ей, иногда выходятъ стихи неловкіе, незвучные, отзывающіеся прозой. Но мы признаемся, что даже эти прозаическіе стихи ея намъ нравятся и что именно многіе изъ нихъ произвели на насъ сильное впечатлѣніе своей простотою и задушевностью. Задушевность, полная искренность чувства и спокойная простота его выраженія—вотъ главныя достоинства стихотвореній г-жи Жадовской. Настроеніе чувствъ ея — грустное; главные мотивы ея — задумчивое созерцаніе природы, сознаніе одиночества въ мірѣ, воспоминаніе о быломъ, когда-то свѣтломъ, счастливомъ, но безвозвратно

прошедшемъ. «Какіе прекрасные предлоги для того, чтобы наговорить множество высокопарныхъ фразъ», — думаетъ читатель. Да, на эти неистощимыя, хотя уже порядкомъ исчерпанныя, темы, вѣроятно, много чувствительныхъ вещей могъ бы написать человѣкъ, не имѣющій ни капли чувства, но читавшій *стишки* и старинные романы, или обучавшійся реторикѣ. Въ особенности женщина, которая вздумаетъ писать о своемъ одиночествѣ въ мірѣ, о былomъ счастьѣ, о былой любви, — какія великолѣпныя краски можетъ найти она! То можетъ она подниматься выше облака ходячаго, утопать въ эѳирѣ, одѣваться лучами зори благодатной и милостиво появляться взорамъ смертныхъ, какъ

Ангелъ дня, предвѣстникъ свѣта,
Ликъ надежды, взоръ привѣта.

То можетъ она спускаться до земли, съ глубокимъ сознаніемъ своего безсилія, восхитительно жаловаться на то, что она слабое твореніе, сосудъ, такъ сказать, скудельный. Или еще — можетъ она вдругъ явиться недоступной, холодной и гордой,

Уединиться въ хладное величье,
Въ неумолимость душу заковать.

Или же — можетъ представиться страстной до послѣднихъ предѣловъ возможности, ожидающею

.. Паликара молодого
Со страстью пламенной въ очахъ,

и при этомъ «благоухающею и трепещущею отъ упоенья и тоски». А какое разнообразіе положеній, какое безчисленное множество оттѣнковъ и степеней можетъ еще она придумать! И все это

будетъ — надобно полагать — очень хорошо: сердца воспламенять будетъ!..

Но г-жа Жадовская не воспользовалась ни однимъ изъ этихъ эффектовъ. Она сумѣла найти поэзію въ своей душѣ, въ своемъ чувствѣ, и передаетъ свои впечатлѣнія, мысли и ощущенія совершенно просто и спокойно, какъ вещи очень обыкновенныя, но дорогія ей лично. Это именно уваженіе къ своимъ чувствамъ, безъ всякой претензіи на возведеніе ихъ въ идеалъ всемірный, и составляетъ прелесть стихотвореній г-жи Жадовской. Мы читаемъ и перечитываемъ ихъ съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ смотримъ на человѣка, скромно и съ слезами на глазахъ показывающаго медальонъ, письмо или завѣтный прощальный даръ кого-нибудь, милаго его сердцу. Между тѣмъ многіе изъ другихъ поэтовъ, разсказывающихъ о своихъ чувствахъ и помыслахъ, очень часто напоминаютъ намъ пышныхъ богачей, самодовольно показывающихъ намъ длинную галлерею, набитую посредственными портретами ихъ вымышленныхъ предковъ.

Г-жа Жадовская дорожитъ своими грустными воспоминаніями, тяжелыя чувства сердца дѣйствительно составляютъ для нея святыню, которую она боится осквернить напыщенной фразой, ложнымъ эффектомъ. Она, очевидно, не хочетъ щеголять своей печалью

И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Она скорѣе даже боится говорить о своихъ страданіяхъ; она молчала бы о нихъ, если бъ могла, но сердце противъ воли рвется наружу, хочетъ вы-

сказаться. Именно, сердце видно въ каждомъ стихотвореніи г-жи Жадовской; въ каждомъ стихотвореніи ясно, что оно не фраза, а чувство, что оно прожито, а не придумано. Въ созданіи почти каждаго стихотворенія какъ будто чувствуешь тотъ таинственный процессъ мысли и ея выраженія, который такъ поэтически изображенъ г-жею Жадовской въ пьесѣ, начинающей собою ея книжку:

Лучшій перлъ таится
Въ глубинѣ морской;
Зрѣетъ мысль святая
Въ глубинѣ души.
Надо сильной бурѣ
Море взволновать,
Чтобъ оно въ бореньи
Выбросило перлъ;
Надо сильно чувству
Душу потрясти,
Чтобъ она, въ восторгѣ,
Выразила мысль.

Этотъ восторгъ, въ который приходитъ душа, потрясенная чувствомъ, чтобы выразить святую мысль, зрѣющую въ душевной глубинѣ, — составляетъ неотъемлемое достоинство всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, почти всѣхъ стихотвореній г-жи Жадовской.

Въ нѣкоторыхъ изъ ея стихотвореній этотъ восторгъ, это святое чувство — ясны для всякаго, самаго холоднаго и разсѣяннаго человѣка; въ другихъ — они болѣе скрыты; въ иныхъ, наконецъ, трудно, почти невозможно ихъ отыскать человѣку, который самъ не былъ въ такомъ положеніи, не прожилъ и не перечувствовалъ того же, о чемъ говоритъ поэтъ. Такихъ стихотвореній довольно много, и, вѣроятно, немногіе поймутъ и оцѣнятъ

ихъ. Это трудно для многихъ отчасти уже и потому, что г-жа Жадовская такъ сдержанно говоритъ о своемъ горѣ и страданіяхъ, такъ робко упоминаетъ о нихъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ боится разлить предъ людьми эту чашу, которую должна она хранить. Такъ говоритъ она въ одной пьесѣ:

Не зови меня безстрастной
И холодной не зови,
У меня въ душѣ есть много
И страданій, и любви.
Проходя передъ толпою,
Сердце я хочу закрыть
Равнодушіемъ наружнымъ,
Чтобъ себѣ не измѣнить.
Такъ идетъ предъ господиномъ,
Затая невольный страхъ,
Рабъ, ступая осторожно,
Съ чашей полною въ рукахъ.

Во многихъ пьесахъ высказывается это горькое, затаенное страданіе, дѣйствующее на душу несравненно больнѣе, чѣмъ раздѣленная печаль, но непонятное для человѣка не страдавшаго, которому нужно, чтобы поэтъ увлекъ его силою и яркостью живого изображенія, а не простымъ намекомъ. Такимъ образомъ для многихъ останутся непонятны и чужды стихотворенія г-жи Жадовской именно потому, что она не любитъ пространно описывать свои чувства. Такъ и въ жизни не привлекаютъ участія людей душевныя страданія, прикрытыя наружнымъ спокойствіемъ. Зато если ужъ кто пойметъ эти страданія, тотъ будетъ сочувствовать имъ несравненно больше, чѣмъ всякому многорѣчивому горю. Но рѣдко, рѣдко встрѣчаются такія сочувствующія души, и особенно страдающій человѣкъ рѣдко находитъ ихъ. Кто чувствовалъ

эту скорбь одиночества среди людей, тотъ оцѣнитъ эти простые стихи г-жи Жадовской:

Куда сложить тяжелый грузъ души?
Кому повѣдать скорбь, гнетущую мнѣ сердце?
Вокругъ меня людей знакомыхъ много,
И многіе меня бы стали слушать;
Но гдѣ найду я теплое участье?
Гдѣ душу обрѣту, съ сочувствіемъ отраднымъ,
Которая со мной всѣ радости и горе
Понять и раздѣлить могла бы непритворно?

Тяжело человѣку съ живой, любящей душой въ этой людской пустынѣ; среди нея вяло и медленно тянется жизнь, и можно понять ту грусть, которою полны эти стихи:

Я плачу все о томъ, что сердце увядаетъ,
Что леденитъ его холодный свѣтъ...
... Я плачу и о томъ, что скучною машиною
Между людей я тихо прохожу;
Я плачу и о томъ, что въ мірѣ ни единой
Родной души себѣ не нахожу.

Не подумайте, чтобъ это была сантиментальность, желаніе выставить себя непонятою, непризнанною, и т. п. Нѣтъ, въ стихотвореніяхъ Жадовской видна дѣйствительная грусть, и, сколько мы можемъ догадываться по нѣкоторымъ пьесамъ, грусть эта происходитъ изъ источника болѣе глубокаго, нежели какія-нибудь мечтательныя или личныя раздраженія. Ея сердце, ея умъ дѣйствительно наполнены горькими думами, которыхъ не хочетъ или не умѣетъ раздѣлять современное общество. Ея стремленія, ея требованія слишкомъ обширны и высоки, и немудрено, что многіе бѣгутъ отъ поэтическаго призыва души, страдающей не только за себя, но и за другихъ, и съ увлеченіемъ говорящей:

Говорятъ, придетъ пора,
Будетъ легче человѣку,
Много пользы и добра
Свѣтитъ будущему вѣку!..

Что имъ, этимъ толпамъ людей, холодныхъ и разсчетливыхъ, до того будущаго, которое принесетъ много добра человѣку! До того ли имъ!

Безстрастны, суетны и вялы,
Безъ пользы для страны родной,
Они, лѣниво и устало,
Идутъ избитою тропой...
... Для ихъ души одна потреба —
Чтобъ сытымъ быть, покойно спать...
За то не дастся имъ отъ неба
Призваній высшихъ благодать.

Это сознаніе пустоты и ничтожности окружающаго свѣта составляетъ уже не гремушку самолюбія, не капризъ сердца, а дѣйствительное страданіе, которое можетъ понять всякій мыслящій человѣкъ. Прочтите хоть это стихотвореніе:

Нѣтъ, никогда поклонничествомъ низкимъ
Я покровительства и славы не куплю
И лести я ни дальнимъ и ни близкимъ
Изъ устъ моихъ постыдно не пролью.
Предъ тѣмъ, что я всегда глубоко презирала,
Предъ чѣмъ порой дрожатъ достойные увы!
Предъ знатью гордою, предъ роскошью нахала
Я не склоню свободной головы.
Пройду своимъ путемъ, хоть горестно, но честно,
Любя свою страну, любя родной народъ,
И, можетъ быть, къ моей могилѣ неизвѣстной
Бѣднякъ иль другъ со вздохомъ подойдетъ.
На то, что скажетъ онъ, на то, о чемъ помыслитъ,
Я, вѣрно, отзовусь безсмертною душой...
Нѣтъ, вѣрьте, лживый свѣтъ не знаетъ и не смыслитъ,
Какое счастье быть всегда самимъ собой!

Скажите, сантиментальность ли это? призрачныя ли это страданія? Нѣтъ, ничего не можетъ быть существеннѣе этого горя, которое приводитъ человѣка къ поэтической мечтѣ, что онъ найдетъ, наконецъ, сочувствіе — послѣ смерти... Нѣтъ этого сочувствія при жизни, и нечего добиваться его отъ людей, нечего раскрывать имъ свои душевныя раны. Надо удалить свое сердце отъ житейскаго шума, надо очистить себя отъ мелочей людскихъ и остаться наединѣ съ своей душой, съ ея воспоминаніями и горемъ, — вотъ къ чему приходитъ поэтъ, хранящій святыню души своей. Онъ говоритъ:

Не святотатствуй, не грѣши
Во храмѣ собственной души.
Повѣрь, молиться невозможно
При кликахъ суетныхъ и ложныхъ
Пустыхъ, ничтожныхъ торгашей,
Средь пошлыхъ сплетенъ и рѣчей.
Очисти храмъ бичомъ познанья,
Всю эту ветошь изгони,
Тогда предъ алтаремъ призванья,
Съ мольбой колѣна преклони ..

Поэтическая душа вѣрна своему рѣшенію: она не повергаетъ своей тоски на судъ людей. Она, улыбаясь, слушаетъ пустой разговоръ, когда на сердцѣ тяжело и грустно:

Какъ часто слушаю ничтожный разговоръ
Съ участіемъ притворнымъ я и ложнымъ!
Вниманье полное изображаетъ взоръ,
Но мысли далеко и на сердцѣ тревожно...
Какъ часто я смѣюсь, тогда какъ изъ очей
Готовы слезы жаркія катиться...

Скрытность эта тоже тяжела:

О, какъ трудно, грустно, и обидно,
Мнѣ скрывать всю боль сердечныхъ ранъ,

восклицаетъ г-жа Жадовская въ одномъ стихотвореніи. Она даже не надѣется на свою твердость, она спрашиваетъ себя:

Какъ-то справлюсь я съ моею ролью?
Какъ-то слезы, горе утаю?
Какъ-то скрою отъ людей и свѣта
Я печаль душевную мою?

И какою-то безотрадно грустною покорностью судьбѣ звучитъ отвѣтъ ея на этотъ вопросъ:

Ничего, немножко только воли,
И исчезнутъ слезы на глазахъ,
Ничего .. еще одно усилье, —
И мелькнетъ улыбка на устахъ!..

«Но что же за причина страданія? Что тревожитъ сердце поэта среди веселаго общества?» — Мало ли бываетъ причинъ страданія, читатель! Нашъ міръ — не блаженный эдемъ, и не мало горя выпадаетъ на долю людей, умѣвшихъ отличить добро отъ зла. Скажите, развѣ не законная причина страданія, напримѣръ, такая мысль:

Чѣмъ ярче шумный пиръ, бесѣда веселѣй,
Тѣмъ на душѣ твоей печальной тяжелѣй,
Язвительнѣе боль сердечнаго недуга
И голосъ дальняго, оставленнаго друга
Мнѣ внятнѣй слышится. Ахъ, блѣдный и худой,
Я вижу образъ твой, измученный нуждой!
Среди довольныхъ лицъ, средь гула ликованья,
Онъ мнѣ является съ печатію страданья,
Оставленной на немъ безплодною борьбой
Съ врагами, бѣдностью и самою судьбой!
Быть можетъ, въ этотъ часъ, когда за ужинъ пышный
Иду я, средь другихъ, моей стопой неслышной,
Ты, голоденъ и слабъ, въ отчаянья нѣмомъ,
Лежишь одинъ, въ слезахъ, на чердакѣ глухомъ;
А я тебѣ помочь не въ силахъ и не власна!
И, полная тоски глубокой и безгласной,

Я никну головой, не слыша ничего,
Подъ гнетомъ тайнаго унынья моего,
Средь этой вѣтреной себялюбивой знати,
Готовая рыдать неловко и некстати...

Много подобныхъ горькихъ мыслей можетъ таиться подъ наружнымъ спокойствіемъ, среди безумнаго свѣтскаго веселья, гдѣ нѣтъ родной души, которая могла бы откликнуться на тайное, внутреннее горе. Все въ этомъ свѣтѣ заставляетъ сердце сжиматься и скрывать свои раны, все вѣетъ такимъ непривѣтнымъ равнодушіемъ. Что за дѣло людямъ, стремящимся по дорогѣ веселья, до израненнаго путника, лежащаго при пути? —

Ихъ много мимо шло... но что жъ? никто изъ нихъ
Не думалъ облегчить тяжелыхъ ранъ моихъ;
Иной бы и желалъ, да въ даль его манила
Житейской суеты губительная сила;
Иныхъ пугалъ видъ ранъ и мой тяжелый стонъ...

Но найдется же, наконецъ, хоть одна душа, которая почувствуетъ состраданіе къ несчастному; найдется этотъ ближній, котораго напрасно ждетъ страдалецъ въ толпѣ мимоходящихъ людей. И нашлась одна такая душа, нашлось это участіе для страдальца:

И вотъ, пришелъ одинъ, склонился надо мной,
И слезы мнѣ отеръ спасительной рукой.
Онъ былъ невѣдомъ мнѣ, но, полнъ святой любовью,
Текущею изъ ранъ не погнушался кровью...
Онъ взялъ меня съ собой и помогалъ мнѣ самъ
И лилъ на раны мнѣ цѣлительный бальзамъ.

Надолго остается въ душѣ страдальца образъ этого ближняго-утѣшителя. Легко можетъ случиться, что простое ощущеніе благодарности превратится въ чувство болѣе глубокое и вызоветъ

взаимное чувство. Тогда, что бы ни случилось, но сердце бѣднаго труженика, отверженнаго свѣтомъ, сохранитъ навсегда тихое и свѣтлое, — хотя и грустное можетъ быть, — воспоминаніе о томъ, въ комъ хоть однажды встрѣтило оно теплое, родное участье. На людей, имѣющихъ подобныя воспоминанія или умѣющихъ понимать ихъ, должны сильно подѣйствовать нѣкоторыя изъ стихотвореній г-жи Жадовской. Намъ кажется, напр., что къ жизни многихъ можетъ быть примѣнено прекрасное описаніе, составляющее вторую половину стихотворенія: «Никто не виноватъ». Мы рѣшаемся выписать вполнѣ это стихотвореніе:

Никто изъ насъ, никто не виноватъ,
Ни ты, ни я: судьба ужъ такъ рѣшила!
Судьба страшна, всесильна, говорятъ;
Она и насъ съ тобою разлучила.
Не виноватъ, мой другъ, не виноватъ и ты,
Что на душѣ твоей любовь остыла;
И я не виновата, что мечты
Безумной юности такъ долго сохранила,
Что свѣтятся онѣ отрадно предо мной,
Повсюду слѣдуютъ за мной неотразимо,
И что надъ этой грустной пустотой
Горитъ любовь звѣздой неугасимой...
Ахъ, эта жизнь своею тишиной
Меня томитъ, какъ страшное видѣнье!
Какъ будто смерть летаетъ надо мной...
Желанна буря мнѣ, какъ грѣшнику спасенье.
Вотъ что теперь на память мнѣ пришло
Изъ дѣтства дней, почти забытыхъ мною.
Поляну помню я; на ней росло
Цвѣтовъ такъ много, яркою весною;
Но не весенніе, душистые цвѣты
Меня туда, ребенка, привлекали.
Среди поляны той два дерева стояли,
И сладостно шептали ихъ листы,
И мѣрно вѣтви ихъ зеленыя кивали.

Они росли одно къ другому близко; но
Никакъ коснуться не могли другъ друга. —
Знать было такъ судьбою суждено.
Вотъ поднялась однажды туча съ юга
И близилась. Въ молчаніи ждала
Ее усталая природа. Торопливо
Летали птицы; спряталась пчела;
Замолкъ деревьевъ разговоръ шумливый...
И грянулъ громъ, и полилъ дождь ручьемъ.
Я видѣла, какъ бурный вихорь жадно
Моихъ любимцевъ охватилъ, — какъ послѣ,
Сомкнувъ ихъ вѣтви, вырвалъ безпощадно
Онъ съ корнемъ одного и бросилъ далеко...
Съ тѣхъ поръ всегда малюткѣ мнѣ казалось,
Что уцѣлѣвшее страдаетъ глубоко,
Что утромъ не росой, слезами обливалось
Что счастіе его навѣкъ отравлено,
Что, бѣдное, все бури ждетъ оно...

Мы выписали это стихотвореніе между прочимъ и для того, что въ немъ довольно ярко выступаетъ одинъ изъ недостатковъ, который, вѣроятно, всегда много мѣшалъ и будетъ мѣшать блестящему успѣху стихотвореній г-жи Жадовской. Это — недостатокъ отдѣлки, небрежность и шероховатость стиха. По нашему мнѣнію, недостатокъ этотъ не мѣшаетъ быть стихотворенію прекраснымъ и истинно-поэтическимъ; но все-таки и мы признаемся, что лучше бы было, если бы среди риѳмованныхъ стиховъ не встрѣчалось стиха безъ риѳмы, если бы стихъ не оканчивался на *но* въ риѳму — *суждено*, если бы союзы *ужъ*, *вотъ* и др. употреблялись съ большею осторожностью, и пр. Мы такъ привыкли теперь къ совершенной гладкости и плавности стиха, что малѣйшая шероховатость производитъ на насъ уже непріятное впечатлѣніе. А въ стихахъ г-жи Жадовской небрежность доходитъ до того,

что иногда даже ударенія ставятся довольно произвольно; это обстоятельство весьма важно для нашего стиха, котораго вся звучность основана на удареніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, читатели замѣтятъ въ приведенномъ стихотвореніи ту, подходящую къ прозѣ, простоту выраженія, которая составляетъ особенность стиха г-жи Жадовской. Перечтите описаніе приближенія бури: тутъ нѣтъ *живописныхъ* выраженій, въ родѣ тѣхъ, которыми пріобрѣли себѣ славу нѣкоторые изъ нашихъ поэтовъ. Нѣтъ тутъ ни «дымящихся небесъ», ни «молніи бразды, разсыпающейся огнемъ пурпурнымъ по тучамъ бурнымъ», ни «клубящейся мглы», — все совершенно просто. При переложеніи этого описанія въ прозу не было бы надобности измѣнять ни одного выраженія. Намъ это кажется большимъ достоинствомъ; но многіе въ этомъ спокойствіи и простотѣ описанія видятъ недостатокъ *объективности* въ талантѣ г-жи Жадовской. Для нея явленія природы, въ прозу не было бы надобности измѣнять ни одного значенія, ее привлекаетъ не красота или величіе этихъ явленій, а то, что они имѣютъ извѣстный характеръ, соотвѣтствующій внутреннему настроенію ея духа. Замѣчаніе это справедливо, но, по нашему мнѣнію, оно прилагается въ большей или меньшей степени ко всякому поэту. Совершенно объективныхъ поэтовъ быть не можетъ; совершенно объективны могутъ быть только математическія выкладки, да разныя свѣдѣнія изъ натуральной исторіи, статистики и т. п. Въ поэзіи вопросъ можетъ быть только о большей или меньшей степени субъективности, и намъ кажется, что различіе этихъ степеней само по себѣ не можетъ служить доказательствомъ ни недостатка, ни силы поэтиче-

скаго таланта. Если хорошо восхищаться бархатомъ луговъ и запахомъ черемухи младой, если весело отдыхать подъ липою густою и смотрѣть, какъ облаками разукрасилася даль, или стоять неподвижно, въ далекія звѣзды вглядясь; то отчего же не будетъ столько же хорошо — прислушиваться къ внутреннимъ движеніямъ собственной души, передавать субъективную жизнь своего сердца? Вамъ могутъ нравиться пейзажи, но это не мѣшаетъ мнѣ любить жанристовъ или портретную живопись. Что же касается до того, что талантъ г-жи Жадовской не въ пейзажахъ, это мы полагаемъ, успѣли уже замѣтить читатели даже изъ тѣхъ выписокъ, которыя мы привели.

Любовь къ природѣ, наслажденія красотами ея вовсе не чужды таланту г-жи Жадовской. Но, если можно такъ выразиться, природа служитъ для нея только средствомъ для возбужденія тѣхъ или другихъ мыслей и воспоминаній. Возьмите любое стихотвореніе, — въ каждомъ вы это замѣтите.

Я все хочу разслушать,
Что говорятъ онѣ,
Вѣтвистыя березы
Въ полночной тишинѣ...

—

Повсюду тишина; природа засыпаетъ
И звѣзды въ высотѣ такъ сладостно горятъ!
Зоря на западѣ далекомъ потухаетъ;
По небу облачка едва-едва скользятъ.
О, пусть моя душа больная насладится
Такою же отрадной тишиной... И пр.

—

Опять спокойно надо мной
Сіяютъ небеса,

И безотчетною слезой
Блестятъ мои глаза... И пр.

Вечеръ... этотъ вечеръ
Чудной нѣгой дышитъ...
Золотой зорею
Ярко западъ пышетъ.
Наклонивъ головки,
Розы сладко дремлютъ...
Но любовь и горе
Душу мнѣ объемлютъ.
О погибшемъ счастьи
Я въ тиши тоскую... И пр.

Сама г-жа Жадовская хорошо сознаетъ особенность своего настроенія, и это сознаніе выразилось въ прекрасномъ стихотвореніи ея «На пѣснь соловья». Она говоритъ въ немъ, что не можетъ беззаботно наслаждаться этой пѣснью:

Подъ звукъ твоей чудесной трели
Воспоминанья мнѣ запѣли
Иную пѣснь, въ тиши ночной:
Звучитъ та пѣснь тоской и мукой,
Разбитой страстью и разлукой,
И безнадежностью глухой.

Вотъ заключительные стихи этой пьесы, объясняющіе субъективность поэта:

Когда душа летитъ надъ бездной,
Что ей краса лазури звѣздной
И страстной пѣсни переливъ?
Они на днѣ ея, глубоко,
Возбудятъ лишь одинъ жестокій,
Нѣмой отчаянья порывъ...

Особенность и сила субъективнаго таланта г-жи Жадовской состоитъ именно въ томъ, что она

не подчиняется безусловно внѣшнимъ впечатлѣніямъ природы, а умѣетъ перерабатывать ихъ, согласно съ своимъ внутреннимъ настроеніемъ. О ней нельзя сказать, чтобъ она вовсе не обращала вниманія на природу; нѣтъ, она любитъ ее, постоянно обращается къ ней въ своей поэтической грусти, въ своемъ отчужденіи отъ свѣта. Но природа не въ силахъ покорить ея сердце, измѣнить ея постоянное настроеніе; она только видоизмѣняетъ это настроеніе, придавая ему большій или меньшій отѣнокъ грусти или успокоенія, твердости или покорности судьбѣ. Но и то часто дѣлается безъ содѣйствія окружающей обстановки, по одному внутреннему увлеченію. То овладѣваетъ вдругъ душою поэтическая грусть объ умершей подругѣ.

Все мнѣ кажется, что душно
Въ тѣсномъ гробѣ ей лежать;
Все мнѣ мнится: тяжело ей
Быть засыпанной землей,
И неловко, и темно ей
Подъ богатой пеленой...

То мысль объ отсутствующемъ другѣ тяготитъ ее, то посѣщаетъ ее грустная мечта о любимомъ человѣкѣ, умершемъ вдали, не понявъ любви, обращенной къ нему. Теперь, — мечтаетъ поэтъ, —

Можетъ быть, все ясно
Стало для него
Какъ любила страстно
Одного его;
И чего живому
Не могла сказать,
Мертвецу нѣмому
Суждено понять...

Иногда въ поэтическихъ думахъ своихъ поэтъ нарочно будитъ свое сердце воспоминаніями, за-

ставляя его снова переживать нѣкоторыя тяжелыя мгновенія прежней жизни. Въ примѣръ мы можемъ указать на превосходное стихотвореніе «Пробужденіе сердца», заключающее въ себѣ цѣлую драму и навѣвающее на читателя, имѣющаго хоть какія-нибудь воспоминанія, невольную, сладостно-грустную тревогу. Грустно задумывались мы надъ этимъ стихотвореніемъ, читая его нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Москвитянинѣ»; то же впечатлѣніе испытали мы и теперь, перечитывая его. Мы его не выписываемъ здѣсь единственно потому, что оно довольно длинно, а мы и безъ того уже сдѣлали много выписокъ.

Но мы не можемъ удержаться, чтобъ не выписать нѣсколькихъ небольшихъ стихотвореній, въ которыхъ выражается то отношеніе, въ какомъ находится субъективное настроеніе таланта г-жи Жадовской къ явленіямъ внѣшняго міра. Вотъ минута изъ тихой, звѣздной ночи:

Чудная минута!
Будто счастья жду я...
И мечты слетаютъ,
Нѣжа и чаруя.
Какъ на чувства сердце
Въ этотъ мигъ не скупо!
Я готова плакать,
Какъ это ни глупо...
Что жъ? никто не видитъ...
Лейтесь, слезы, смѣло!
Мѣсяцу съ звѣздами
Что до васъ за дѣло!.

Вотъ какъ дѣйствуетъ на поэта осеннее время:

Тихо я бреду одна по саду;
Подъ ногами желтый листъ хруститъ,
Осень льетъ предзимнюю прохладу,
О прошедшемъ лѣтѣ говоритъ.

Говоритъ увядшими цвѣтами,
Грустнымъ видомъ выжатыхъ полей,
И холодными, сырыми вечерами, —
Всей печальной прелестью своей.
Такъ тоска душѣ напоминаетъ
О потерѣ лучшихъ дней,
Обо всемъ, чего не возвращаетъ
Эта жизнь — жестокій чародѣй!

А вотъ вамъ и впечатлѣніе жаркаго и свѣтлаго лѣтняго дня:

Лѣтній полдень страстнымъ зноемъ
Землю пышную томитъ;
Небо чистое покоемъ
Безграничности горитъ.
Ищу прохладной тѣни...
Да, какъ жизнь ни хороша, —
Жаждетъ отдыха и лѣни
Утомленная душа.
Пусть деревья зеленѣютъ
Подъ дыханьемъ теплоты;
Пусть плоды на солнцѣ зрѣютъ,
Распускаются цвѣты...
Солнца лучъ цвѣтокъ увядшій
Къ жизни вновь не возвратитъ,
Преждевременно упадшій
Съ древа плодъ не возраститъ...

Не правда ли, что, при всемъ различіи этихъ впечатлѣній, надъ ними господствуетъ одно общее чувство, неразлучное съ душою поэта? Это же самое чувство замѣтно даже и въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя, по формѣ своего выраженія, представляются чисто объективными и предметомъ которыхъ служатъ уже не внутреннія ощущенія, а предметы совершенно внѣшніе. Мы приведемъ два изъ нихъ. Одно изъ нихъ возбуждено взглядомъ на ниву:

Нива моя, нива,
Нива золотая!
Зрѣешь ты на солнцѣ,
Колосъ наливая.
По тебѣ отъ вѣтру,
Словно въ синемъ морѣ,
Волны такъ и ходятъ,
Ходятъ на просторѣ.
Надъ тобою съ пѣсней
Жаворонокъ вьется;
Надъ тобой и туча
Грозно пронесется.
Зрѣешь ты и спѣешь,
Колосъ наливая,
О людскихъ заботахъ
Ничего не зная.
Унеси ты, вѣтеръ,
Тучу градовую!
Сбереги намъ, Боже,
Ниву трудовую!..

Другое стихотвореніе также относится къ сельскому быту, но гораздо грустнѣе предыдущаго:

Грустная картина!
Облакомъ густымъ
Вьется изъ овина
За деревней дымъ.
Не завидна мѣстность:
Скудная земля,
Плоская окрестность,
Выжаты поля.
Все какъ бы въ туманѣ,
Все какъ будто спитъ...
Въ худенькомъ кафтанѣ
Мужичокъ стоитъ,
Головой качаетъ, —
Умолотъ плохой, —
Думаетъ-гадаетъ:
Какъ то быть зимой?..
Такъ вся жизнь проходитъ,
Съ горемъ пополамъ,
Такъ и смерть приходитъ,

Съ ней — конецъ трудамъ.
Причаститъ больнаго
Деревенскій попъ,
Принесутъ сосновый
Отъ сосѣда гробъ;
Отпоютъ уныло...
И старуха мать
Долго надъ могилой
Будетъ причитать.

Однакоже — довольно выписокъ. Если выписывать все хорошее, то намъ пришлось бы переписать значительную долю стихотвореній г-жи Жадовской. Пьесы, приведенныя нами, могутъ, впрочемъ, дать довольно полное понятіе о характерѣ ея таланта. Онъ не отличается ни особеннымъ разнообразіемъ, ни могуществомъ, ни роскошью; но онъ силенъ своей задушевностью и рѣшительнымъ отсутствіемъ всякой аффектаціи. Это — находка въ нашей современной поэзіи, такъ пріучившей насъ къ благозвучному пустозвонству, къ изумительной скачкѣ другъ черезъ друга пышныхъ образовъ и міровыхъ явленій, выхваченныхъ изъ школьныхъ тетрадокъ, къ головоломнымъ порывамъ, о которыхъ вовсе не вѣдаетъ сердце. Средь этой безотрадной доморощенной философіи съ риѳмами, выражающейся въ какихъ-то образахъ суздальской живописи, казались намъ весьма замѣчательными даже тѣ стихотворенія, въ которыхъ безъ особенныхъ вычуръ и претензій говорилось хоть о томъ, что лѣтній вечеръ тихъ и ясенъ, или что теплымъ вѣтромъ потянуло, или, наконецъ, хоть о томъ, что пахнетъ сѣномъ надъ лугами. Послѣ этого странно было бы намъ не замѣтить звуковъ простой, безыскусственной поэзіи, раскрывающей передъ нами вну-

тренній міръ человѣка, посвящающей насъ въ таины дѣйствительнаго сердечнаго горя, въ таины страданія, доступнаго всякой душѣ, для которой мысль и чувство дороги какъ святѣйшее достояніе человѣка.

«Но, — скажутъ многіе благоразумные судьи,— что намъ за дѣло до того, какъ груститъ г-жа Жадовская? У насъ и своей грусти много; поэзія могла бы и не трудиться прибавлять намъ еще свое горе». Что сказать на такое умствованіе, и нужно ли говорить что-нибудь? Нѣтъ, читатель, напрасно было бы говорить съ тѣмъ, кого собственное горе ожесточаетъ противъ горя другихъ; напрасно было бы пробуждать человѣческія чувства въ томъ, кто все человѣчество заключаетъ только въ самомъ себѣ. Онъ отвернется отъ всѣхъ нашихъ убѣжденій, какъ отвернется и отъ произведеній, подобныхъ стихотвореніямъ г-жи Жадовской. Для подобныхъ людей нужны *великолѣпныя* стихотворенія, подобныя твореніямъ г. Бенедиктова и графини Евдокіи Растопчиной.

Мишура.

Комедія въ 4 дѣйствіяхъ *Алексѣя Потѣхина*. Москва. 1858

Комедія г. Потѣхина не получила такой популярности, какою пользуются комедіи г. Львова, и объ этомъ нельзя не пожалѣть. Предметъ ихъ имѣетъ много общаго; но тогда какъ г. Львовъ довольствуется легкою пародіею, г. Потѣхинъ представляетъ намъ комедію, имѣющую серьезное значеніе. Если бы мы хотѣли подражать строгимъ критикамъ г. Львова, мы могли бы прежде всего вскинуться и на г. Потѣхина, зачѣмъ онъ идеаломъ безкорыстія представляетъ намъ негоднаго человѣка. Но мы пока этого не сдѣлаемъ, а просто сообщимъ читателямъ, что героемъ пьесы г. Потѣхина является Владиміръ Васильевичъ Пустозеровъ, совѣтникъ губернскаго правленія, обладающій безкорыстіемъ дѣйствительно идеальнымъ. Не брать взятокъ — въ этомъ поставляетъ онъ идеалъ всѣхъ человѣческихъ совершенствъ; брать взятки — это значитъ быть человѣкомъ безнравственнымъ, гадкимъ, безчестнымъ въ самой послѣдней степени. Каковы бы ни были всѣ остальныя качества человѣка, взявшаго взятку, онъ достоинъ каторги; каковы бы ни были всѣ остальныя каче-

ства человѣка безкорыстнаго, онъ не можетъ не быть человѣкомъ превосходнымъ, дѣлающимъ честь человѣческому роду. Вотъ весь кодексъ убѣжденій Пустозерова. Убѣжденія эти, какъ видите, поставлены твердо и рѣшительно, и во всей пьесѣ онъ ихъ поддерживаетъ на дѣлѣ. При всемъ томъ мы признаемся, что давно ужъ при чтеніи русскихъ беллетристическихъ произведеній ни къ одному герою ихъ не чувствовали мы такого возмущающаго сердце омерзѣнія, какъ къ этому Пустозерову. Всѣ эти подъячіе старыхъ временъ, Порфиріи Петровичи и другіе взяточники гг. Щедрина и Печерскаго, и съ другой стороны всѣ эти пошлые фразеры, въ родѣ Надимова и Фролова, — ничто въ сравненіи съ безкорыстнымъ на дѣлѣ Пустозеровымъ... Здѣсь всѣ краски порочности и пошлости такъ густо и ярко наложены, что мы даже прямо можемъ сказать въ этомъ случаѣ, что авторъ *хотѣлъ* вывести негодяемъ этого безкорыстнаго человѣка. На это намекаетъ и самое названіе комедіи: «Мишура». Съ перваго явленія до послѣдняго, съ каждымъ словомъ Пустозерова, отвращеніе къ нему читателя увеличивается и подъ конецъ доходитъ до какого-то нервическаго раздраженія. Это уже не случайность, это разсчетъ таланта. И по нашему мнѣнію, въ развитіи характера Пустозерова г. Потѣхинъ выказалъ замѣчательное мастерство. Такъ какъ вся интрига пьесы вертится около этого лица, то мы, не разсказывая предварительно ея содержанія, прямо и займемся этимъ характеромъ.

Начинается дѣйствіе въ кабинетѣ Пустозерова, убранномъ съ претензіями, но довольно бѣдно. Между разными утварями комнаты нужно замѣтить

множество ни на что ненужныхъ бездѣлушекъ и литографированныя картинки, изображающія полуобнаженныхъ женщинъ въ разныхъ положеніяхъ. Предъ вами уже начинаетъ рисоваться человѣкъ нѣсколько чувственный, мелочный, съ претензіями, склонный къ свѣтскому фатовству, но удерживаемый, повидимому, чувствомъ долга, потому что не предается вполнѣ своимъ наклонностямъ, а живетъ *бѣдно,* — значитъ, взятокъ не беретъ. Съ первыхъ же словъ своихъ онъ не замедлитъ оправдать впечатлѣнія, производимаго его кабинетомъ. Слуга его Андрей, нѣсколько глуповатый и необтесанный парень, входитъ и поздравляетъ Пустозерова съ днемъ рожденія. Пустозеровъ говоритъ, что это глупость, деревенщина, *патріархальность,* и прогоняетъ Андрея. Оставшись одинъ, онъ занимается созерцаніемъ въ зеркало своей особы и между прочимъ разсуждаетъ: «въ двадцать семь лѣтъ — совѣтникъ губернскаго правленія... не дурно!.. А хотѣлъ бы я для сегодняшняго дня назвать Дашеньку моею». Вы ожидаете, что Дашенька его невѣста, но ошибаетесь жестоко... Вы увидите потомъ, что для него значитъ — *назвать своею*... Далѣе, бросая взглядъ на кипу бумагъ, лежащихъ на столѣ, Пустозеровъ держитъ про себя слѣдующую рѣчь: «Экъ ихъ сколько! Есть ли человѣческая возможность все это прочитать... и за 900 цѣлковыхъ жалованья!.. Высокое наслажденіе чувствовать себя безкорыстнымъ; для этого чувства я готовъ все перенести, готовъ умереть; но и существовать на 900 цѣлковыхъ, въ пору самой пылкой молодости... поставленному на видъ у цѣлой губерніи, развитому и образованному человѣку, видѣть безпрестанно возможность обогатиться и от-

талкивать постоянно всѣ соблазны съ презрѣніемъ: это не послѣдній подвигъ».

Монологъ этотъ рисуетъ намъ Пустозерова во всей низости его безкорыстія. Во-первыхъ, онъ жалуется, онъ сожалѣетъ о своемъ безкорыстіи и тѣмъ же приближаетъ себя къ пошлости Фролова. Затѣмъ онъ высказываетъ, что служба для него все-таки важна какъ средство обогащенія. Онъ говоритъ, что за 900 цѣлковыхъ не стоитъ читать всѣхъ этихъ бумагъ, значитъ, онъ служитъ не для пользы, а для жалованья. И во имя чего этотъ господинъ такъ утвердился на своемъ безкорыстіи? Есть ли у него то внутреннее благородство, которое заставляетъ человѣка чувствовать инстинктивное, естественное отвращеніе къ взяткѣ, какъ и ко всякому воровству? Нѣтъ; изъ словъ его видно, что ему дорого стоитъ обуздать въ себѣ стремленіе къ воровству; онъ только сдерживаетъ свои влеченія отвлеченнымъ принципомъ и гордится этимъ... гордится тѣмъ, что не крадетъ!..

Второе явленіе представляетъ критическую минуту, долженствующую показать во всемъ блескѣ этого чиновника, безкорыстнаго по принципу. Пустозеровъ назначенъ на слѣдствіе, для открытія злоупотребленій по винному откупу, и къ нему является повѣренный одного изъ откупщиковъ, съ толстымъ пакетомъ. На вопросъ Пустозерова: «что это такое?» повѣренный отвѣчаетъ: «сумма, достойная вашего высокоблагородія». Безкорыстный Пустозеровъ приходитъ, разумѣется, въ ярость и кричитъ: «Такъ твой хозяинъ надѣется подкупить меня, купить у меня правду и *долгъ службы?* Да какъ ты осмѣлился, *борода,* какъ осмѣлился твой мерзавецъ хозяинъ подумать подкупить чиновника, *ко-*

тому довѣряетъ губернаторъ, о безкорыстіи и неподкупности котораго знаетъ вся губернія?». Затѣмъ Пустозеровъ хочетъ упрятать повѣреннаго въ полицію и посылаетъ Андрея за квартальнымъ; въ это время повѣренный скрывается. Оставшись одинъ, Пустозеровъ не можетъ не сказать себѣ молодца за свой поступокъ. «А соблазнъ былъ не малъ, — говоритъ онъ, — пакетъ порядочный... знали, къ кому шли». «О, какъ бы можно было обирать этихъ мошенниковъ, если бы захотѣлъ»,— прибавляетъ онъ съ горечью... Размышленія его прерываются приходомъ Потапа Егорыча Зайчикова, секретаря градской думы въ уѣздномъ городѣ. Наслышавшись о благородствѣ Пустозерова и о томъ, что губернаторъ ему довѣряетъ, старикъ Зайчиковъ проситъ заступиться за него предъ губернаторомъ. Сначала Пустозеровъ говоритъ старику о сынѣ его, который служитъ въ губернскомъ правленіи очень хорошо, только иногда позволяетъ себѣ нѣкоторыя выходки: «то изъ присутствія уйдетъ прежде времени, то не явится вечеромъ... подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣло свое сдѣлалъ... Да вѣдь порядокъ нарушаетъ... Ну и формы не соблюдаетъ иногда даже умышленно... конечно, смѣшно, что какой-нибудь столоначальникъ разсуждаетъ объ установленномъ и уже существующемъ порядкѣ, а между тѣмъ это можетъ повредить его служебной карьерѣ». Вотъ и понятія безкорыстнаго человѣка о долгѣ и цѣли службы высказались предъ нами... Не правда ли, это прибавляетъ довольно рѣзкую черту къ его характеру? Далѣе Пустозеровъ спрашиваетъ Зайчикова, сколько у него дѣтей, и узнаетъ, что шестеро кромѣ старшаго; узнаетъ и то, что жалованья въ годъ

Зайчиковъ получаетъ 85 рублей серебромъ съ копейками. Наконецъ доходитъ и до объясненія просьбы Зайчикова. Объясненіе это довольно оригинально, и мы его выпишемъ.

Какъ изволили ихъ превосходительство (говоритъ Зайчиковъ) въ послѣдній разъ на ревизію ѣздить... изволили поѣхать инкогнито, никто ничего не зналъ, пріѣхали вдругъ въ нашъ городишко, и прямо по присутственнымъ мѣстамъ. Я только что успѣлъ сбѣгать домой, мундиришко натянуть, переныхался совсѣмъ по старости лѣтъ, а они ужъ и къ намъ пожаловали. Изволили войти и прямо на меня оборотились, а я и отъ поныховъ-то, и отъ страху, что наслышался объ ихней строгости, духу не могу перевести, даже языкъ къ гортани присохъ, въ горлѣ стѣсненіе сдѣлалось. Посмотрѣли на меня и спрашиваютъ: „Ты секретарь?“ Только я голосомъ знакъ подалъ, а языкъ даже не проговорилъ и ихняго чина не произнесъ. Посмотрѣли этакъ на меня и на мундиришко мой, а онъ ужъ, правда, стареньекъ же былъ, да и спрашиваютъ: „Сколько лѣтъ у тебя мундиру?“ И опять я не могъ дать отвѣта: мычу, мычу языкомъ, не говоритъ. Тутъ опять посмотрѣли на меня ихъ превосходительство и изволили сказать: „И видно, — говорятъ, — у кого совѣсть-то нечиста“. Пошли въ присутственную комнату, не понравилось убранство. „Кто, — спрашиваютъ, — канцелярскую сумму расходуетъ?“ Голова отвѣчаетъ, что секретарь. Стали они тутъ на меня гнѣваться, что канцелярскую сумму будто бы себѣ въ карманъ кладу; а велика она — извольте справиться: только бы на бумагу да на свѣчи стало; нынче же бланки и книги съ печатными заголовками приказано имѣть: откуда тутъ на убранство взять?. Мнѣ бы все это изъяснить, а ужасъ меня обуялъ: языкъ точно деревянный. Тутъ стали ревизію производить, а у меня за два послѣднихъ дня и журналовъ не выведено, потому — общество у насъ маленькое, дѣловъ никакихъ не было... Конечно, для порядку слѣдовало бы поверстать изъ другихъ день, да вѣдь не знали и ничего не слыхали, что скоро будетъ ревизія. Такъ этимъ разогорчились ихъ превосходительство, что все ужъ тутъ стало не по нихъ въ архивѣ порядокъ не понравился, у одного служащаго сапоги худые на ногахъ усмотрѣли, спросили меня, кого-

рый мнѣ годъ; на бѣду языкъ проговорилъ, что 65 лѣтъ и это имъ обидно показалось, зачѣмъ до такихъ лѣтъ службу продолжаю, что хотя разуму я и лишился, но въ лихоимствѣ будто бы и купцовъ обирать понятія не потерялъ. Конечно, противъ ихъ превосходительства я къ сердцу этихъ словъ принять не осмѣлился, потому что заслужилъ, хотя и не чувствую себя въ томъ виновнымъ, какъ предъ истиннымъ Богомъ говорю; но полагалъ, что ихъ превосходительство погнѣваются да и разсудить изволятъ, не думалъ того, что вдругъ меня постигло: вмѣстѣ съ распоряженіями по ревизіи пришло отъ ихъ превосходительства предписаніе, чтобы я немедленно подалъ въ отставку. Войдите въ мое положеніе, ваше высокоблагородіе: -на васъ однихъ надежда„

Этотъ разсказъ показался намъ очень типичнымъ. Какъ ярко рисуется въ немъ этотъ забитый, покорный добрякъ, ни о чемъ не смѣвшій думать самостоятельно, не имѣвшій никогда ни одного высшаго интереса въ жизни, ограничившій себя своей узенькой и грязноватой сферой, добрый человѣкъ по привычкѣ, взяточникъ по привычкѣ, благоговѣющій предъ губернскою властью — по привычкѣ!.. Онъ сознаетъ себя виноватымъ, что *для порядка,* не вывелъ въ журналѣ дѣлъ, когда дѣлъ не было, но оправдываетъ себя тѣмъ, что вѣдь онъ *не зналъ, что ревизія будетъ* ... Сколько безсознательной, но горькой иронiи слышится въ этихъ словахъ его, и какой смиренный, но мрачный, вопiющiй протестъ представляетъ онъ своимъ несвязнымъ разсказомъ, противъ *ихъ превосходительства,* карающаго лихоимство въ образѣ стараго секретаря градской думы! Слова Зайчикова вполнѣ выказываютъ его и должны пробудить состраданiе къ его добродушной глупости во всякомъ порядочномъ человѣкѣ. Но не такъ принимаетъ ихъ Пустозеровъ. Когда Зайчиковъ проситъ его о защитѣ предъ губернаторомъ,

онъ спрашиваетъ: «Такъ вы считаете генерала несправедливымъ?» Отвѣтъ, разумѣется, такой: «Осмѣлюсь ли я только подумать!» ... Затѣмъ Пустозеровъ составляетъ слѣдующій силлогизмъ: «Значитъ, вы хотите, чтобъ я покривилъ душой, прося губернатора измѣнить правильное распоряженіе?» Зайчиковъ говоритъ, что онъ проситъ только милости, потому, что иначе ему существовать нельзя. Пустозеровъ возражаетъ, что во-первыхъ — служба не богадѣльня, а во-вторыхъ, старикъ выслужилъ пенсію, равную жалованью, слѣдовательно, если на жалованьѣ жилъ, то и на пенсіи можетъ жить. Старикъ, конечно, признается, что онъ получалъ доходы, хотя никому не оказывалъ притязанія, бралъ, что принесутъ, какъ милостыню. «Купцы меня безъ души любятъ,—говоритъ онъ,—а если бъ я отъ нихъ не получалъ, такъ не то что въ университетъ сына содержать, а и грамотѣ-то дѣтей не на что было бы выучить». Стоикъ нашъ вопрошаетъ очень рѣшительно: «И гораздо бы лучше вамъ было оставить ихъ неучами, нежели образовывать на незаконно нажитыя деньги. Всякій чиновникъ долженъ жить на тѣ средства, которыя ему дало правительство, а тотъ, который позволяетъ себѣ побочные доходы, не можетъ быть терпимъ на службѣ». Зайчиковъ продолжаетъ умолять о защитѣ и пощадѣ; непоколебимый герой отвѣчаетъ, что хлопотать за взяточника съ его стороны было бы низко. Зайчиковъ, истощивъ всѣ просьбы, обѣщается *благодарить*. Пустозеровъ приходитъ въ бѣшенство ... Зайчиковъ бросается на колѣни, съ мольбой о пощадѣ. Оскорбленный этимъ въ своихъ человѣческихъ чувствахъ, Пустозеровъ презрительно говоритъ: «Дворянинъ на колѣняхъ! .. не по-

зорьте своего званія . . . Это гнусно . . .» — и прогоняетъ отъ себя старика.

Мы нарочно остановились подольше на этой сценѣ, рѣзко выказывающей, какъ много сухости, эгоизма, безчеловѣчія въ этомъ идеалѣ безкорыстія, какъ много мелочности и формальности въ самыхъ его понятіяхъ о долгѣ. Въ этомъ разговорѣ, гдѣ онъ, собственно говоря, правъ и добродѣтеленъ, гдѣ онъ и умомъ, и честностью, и своими понятіями, кажется, далеко превосходитъ Зайчикова, ничье человѣческое сочувствіе, однакоже, не обратится, вѣроятно къ нему. Напротивъ, онъ представляется намъ гнуснымъ и низкимъ даже предъ этимъ жалкимъ Зайчиковымъ.

По уходѣ старика являются частный приставъ и секретарь правленія. Частному поручаетъ онъ отыскать повѣреннаго, предлагавшаго взятку, а съ секретаремъ Анисимомъ Ѳедоровичемъ толкуетъ о дѣлахъ и между прочимъ о томъ, что вице-губернаторъ не соглашается на преданіе суду двухъ исправниковъ за медленность въ очищеніи недоимокъ. Секретарь говоритъ, что за это суду-то предавать собственно и нельзя по-настоящему; но Пустозеровъ заставляетъ его замолчать, говоря, что ужъ тутъ толковать нечего, — это генералъ приказалъ: «Генералъ непремѣнно хочетъ, чтобы всѣ недоимки къ новому году были очищены, во что бы то ни стало». При этомъ случаѣ онъ ругаетъ вице-губернатора и обѣщаетъ секретаря защищать противъ него въ случаѣ надобности. Секретарь уходитъ; вслѣдъ за нимъ является помѣщикъ Золотаревъ. Встрѣтившись съ секретаремъ, онъ начинаетъ разговоръ съ него и замѣчаетъ, что это великій мошенникъ. Оказывается, что Пустозеровъ объ

этомъ знаетъ и что даже губернаторъ хотѣлъ выгнать Анисима Ѳедоровича. «Но я замѣтилъ, — говоритъ Пустозеровъ, — что онъ отличный дѣлецъ, и упросилъ губернатора оставить его; онъ можетъ быть очень полезенъ для службы, только его надобно держать въ рукахъ». Въ этомъ объясненіи безкорыстный герой нашъ оказывается не совсѣмъ вѣрнымъ своему принципу; но мы скоро увидимъ, что у него на этотъ разъ были особенныя побудительныя причины такой непослѣдовательности. Теперь же пока онъ опять является героемъ, потому что Золотаревъ пріѣхалъ просить его объять за откупщика, съ которымъ онъ въ долѣ въ откупѣ. Пустозеровъ не соглашается ни подъ какимъ видомъ — ни замять дѣло, ни даже передать его другому слѣдователю, хотя Золотаревъ оказывается діалектикомъ очень ловкимъ. Разговоръ прерывается пріѣздомъ къ Пустозерову его дяди и тетки, у которыхъ онъ воспитывался, которыхъ звалъ отцомъ и матерью, но которыхъ теперь стыдится, какъ степняковъ, дикихъ и необразованныхъ. Ничего не подозрѣвая, они лѣзутъ къ нему въ объятія, грубо хохочутъ, безцеремонно рекомендуются гостю и начинаютъ сообщать нѣкоторыя подробности своего домашняго быта. Пустозеровъ, въ крайнемъ смущеніи, извиняется предъ Золотаревымъ, онъ опозоренъ, уничтоженъ, онъ не знаетъ какъ бы смыть это страшное пятно, которымъ заклеймила его любезность родственниковъ. Золотаревъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, говоритъ ему: «Вполнѣ понимаю ваше положеніе и, если угодно, оставлю для одного себя тайною вашу радость. Но какъ же ваше согласіе?» Полный душевнаго смятенія, Пустозеровъ немедленно соглашается передать дѣло

другому слѣдователю и, проводивъ Золотарева, начинаетъ говорить грубости дядѣ и теткѣ. Тѣ оскорблены и объявляютъ ему, что пріѣхали было съ радостной вѣстью о полученіи вмѣстѣ съ нимъ въ раздѣлъ наслѣдства отъ тетушки и что свою часть хотѣли ему отдать, но что теперь ужъ онъ отъ нихъ ничего не увидитъ. Пустозеровъ пораженъ; онъ уже называетъ тетушку—маменькой, какъ бывало, онъ хочетъ удержать ее съ дядей; но они оставляютъ его. Онъ бѣжитъ вслѣдъ за ними, восклицая: «Что за несчастье! А въ городѣ-то что будутъ говорить!».

Здѣсь кончается первое дѣйствіе, обрисовывающее, какъ намъ кажется, очень ярко характеръ Пустозерова и заставляющее ожидать отъ него всевозможныхъ низостей въ продолженіе пьесы. Но для читателя не ясна еще нить завязки всей пьесы, еще не видно, къ чему идетъ весь этотъ очеркъ. Предметовъ, на которыхъ пробуется и высказывается Пустозеровъ, такъ много, всѣ они подобраны случайно и почти ничѣмъ между собою не связаны; который же изъ нихъ будетъ развитъ и проведенъ въ дальнѣйшемъ ходѣ комедіи? Судя по первому акту, читатель въ правѣ думать, что завязка заключается въ дѣлѣ откупщика, такъ какъ имъ занята большая половина этого акта. Но второе дѣйствіе показываетъ не то. Дѣло объ откупщикѣ остается постороннимъ, незначащимъ эпизодомъ въ пьесѣ и, нужно полагать, искусственно введено авторомъ только для того, чтобы дать случай сразу выказаться безкорыстію Пустозерова. Искусственный пріемъ этотъ нѣсколько вредитъ общему впечатлѣнію, потому что въ слѣдующихъ актахъ читатель все ждетъ: что же дѣло объ откупщикѣ? И ничего не дождется.

Второе дѣйствіе происходитъ у секретаря — Анисима Ѳедоровича. Начинается оно разговоромъ секретаря съ Пурпуровымъ, становымъ приставомъ, котораго Пустозеровъ хочетъ отдать подъ судъ по жалобѣ мѣщанки Петровой на медленность производства слѣдствія о покражѣ у ней имущества на 25 рублей. Становой приставъ далеко не является въ томъ блескѣ могущества и великаго значенія для человѣчества, какъ является онъ въ устахъ несравненнаго Фролова. Онъ пріѣхалъ къ секретарю съ просьбой, нельзя ли какъ-нибудь удалить нерасположеніе къ нему Пустозерова. Нерасположеніе это считаетъ онъ слѣдствіемъ мести исправника, котораго начальство считаетъ, по его словамъ, безкорыстнымъ за то, что онъ раскольникамъ не потакаетъ. А онъ, между тѣмъ, «пріѣдетъ въ какой-нибудь раскольничій домъ въ ночное время съ обыскомъ, перепугаетъ всѣхъ, — одна старуха даже чрезъ этотъ испугъ смерть получила, — обретъ тамъ всѣ книги и образа запрещенные, да и говоритъ: вотъ, говоритъ, коли хотите, чтобы все оставилъ и не открывалъ, такъ деньги давайте, и напишу, что ничего не нашелъ. Тѣ, извѣстно: бери, что хочешь, только ихъ святости не тронь. Такъ онъ деньги-то возьметъ, а образа-то и книги все-таки представитъ». Начальство хвалитъ за такое рвеніе по службѣ, но Пурпуровъ считаетъ такой образъ дѣйствій — низостью. Анисимъ Ѳедоровичъ, кажется, то же думаетъ, хотя и завидуетъ такой отважности и твердости души исправника. Онъ видитъ, что это выгодно, но у него на такую штуку духу *не хватитъ,* что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему признавать исправника ловкимъ и умнымъ человѣкомъ. На замѣчаніе Пурпурова, что раскольни-

ковъ преслѣдовать, дѣйствительно, полезно, онъ говоритъ: «Выгодную статью дѣлаетъ для нашего брата чиновника: кто хочетъ — получай деньги, а кто не хочетъ денегъ — чины. А кто половчѣе, да поумнѣе, такъ тотъ и деньги и чины получать можетъ, какъ вашъ исправникъ». Вслѣдствіе такихъ разсужденій, Анисимъ Ѳедоровичъ, какъ самое вѣрное средство поставить себя на видъ у начальства съ хорошей стороны, рекомендуетъ Пурпурову отыскать гдѣ-нибудь и представить раскольниковъ, и особенно, если можно, какую-нибудь старую дѣвку начетчицу. Нужно подкараулить ихъ во время сходки, оцѣпить, схватить, представить, со всѣмъ, что найдется, можно даже выдумать новую секту, а ее, какъ главную сектантку... Становой схватывается съ жаромъ за эту мысль, и дѣйствительно черезъ недѣлю представляетъ раскольницу, съ книгами и образами: Пустозеровъ сознается (въ третьемъ актѣ), что ошибался въ немъ... Разговоръ секретаря съ становымъ, вовсе не относящійся къ ходу пьесы и довольно длинный, пробѣгается, однако, съ любопытствомъ, потому что онъ раскрываетъ предъ нами домашнія сдѣлки двухъ чиновныхъ властей. Становой и подличаетъ, и пускается въ откровенности, и подкупаетъ секретаря. Между прочими разсказами, становой выражаетъ свое profession de foi относительно своихъ служебныхъ обязанностей. Онъ, видите ли, находится, какъ и всякій становой, въ зависимости отъ помѣщиковъ, и долженъ имъ представляться, являться по ихъ требованію, охранять ихъ интересы, и т. п., все, что дѣлаетъ каждый становой, не исключая идеальнаго Андрея Фролова, если припомнитъ читатель. Что же касается до страннаго требованія, недавно возник-

шаго отъ высшихъ властей, насчетъ огражденія мужиковъ, то на этотъ счетъ становой ничего не можетъ сдѣлать, потому, во-первыхъ, что ихъ въ стану 27 тысячъ, а во-вторыхъ, потому, что черезъ это надо войти въ противорѣчіе съ другими интересами, а это становому не по силамъ. Да Пурпуровъ и не понимаетъ надобности такого противорѣчія, подобно пресловутому Фролову. Онъ говоритъ:

Надъ мужикомъ какая нужна распорядительность? Чтобы онъ былъ тихъ, покоренъ, не возмечталъ о себѣ, кулакъ да плеть нужна на него... Коли въ строгости онъ содержится, не дастъ ему становой потачки, вотъ и порядокъ въ стану, вотъ распорядительность вся, чтобы онъ голоса не смѣлъ подать, потому — зналъ бы, что онъ есть мужикъ... А вотъ у кого должно спросить начальство, распорядителенъ ли я? — у помѣщика. Становой поставленъ для огражденія помѣщиковъ, у нихъ и спросите про меня, такъ ужъ я знаю, что ни одинъ на меня не пожалуется. Кто усмирилъ въ самомъ началѣ возмущеніе крестьянъ противъ помѣщика Легаева? я! Кто отыскалъ троихъ бѣглыхъ дворовыхъ людей помѣщика Отрубкина? я!.. Кто поймалъ воровъ, что обокрали полковника Шапина? я же, вѣдь... Такъ развѣ это не распорядительность? Да на меня теперь ни одинъ господинъ не пожалуется, чтобы я не вникнулся, не приказалъ при себѣ отодрать послѣдняго лакешку, котораго прислюютъ ко мнѣ для наказанія... Такъ вотъ бы на что должно было начальство обратить вниманіе... Какъ еще служить — не знаю.

Въ разговорѣ съ Пурпуровымъ развертывается и характеръ Анисима Ѳедоровича; онъ беретъ взятки съ станового, научаетъ его какъ надуть начальство раскольниками, обнаруживаетъ полное знакомство со всѣми плутнями подъячества и выражаетъ неудовольствіе новымъ безкорыстнымъ направленіемъ. Но вслѣдъ затѣмъ оказывается, что онъ — нѣжный отецъ, всѣмъ готовый пожертвовать для счастья

единственной дочери. Дочь эта — не кто иная какъ *Дашенька,* которую Пустозеровъ хотѣлъ бы *назвать своею* . . . Она же составляетъ и причину, почему Анисимъ Ѳедоровичъ, по просьбѣ Пустозерова, удержался на своемъ мѣстѣ. Проводивъ Пурпурова, секретарь разговариваетъ съ дочерью о Пустозеровѣ. Содержаніе разговора вотъ какое: «Не довѣряй ему очень: ты дѣвушка умная, должна понять, что онъ ходитъ сюда такъ часто не для меня, а для тебя . . . Ну, и пусть ходитъ: отъ этого моя служба зависитъ . . . Только смотри, чтобы больше ничего не было . . . Онъ нашимъ не будетъ. Если бы мы и захотѣли этого, такъ онъ не захочетъ; ну, и будь осторожна. Намъ бы только провести время, пока онъ здесь служитъ; а вѣдь его, разумѣется, скоро въ Петербургъ переведутъ . . .». При этихъ словахъ Дашенька блѣднѣетъ и говоритъ отцу: «Ну, а что, если я привыкну къ нему, да такъ, что умру безъ него?» Анисимъ Ѳедоровичъ пугается и говоритъ, что не съ тѣмъ заставляетъ ее ласкать Пустозерова . . . что дочь для него дороже всего . . . «А если что у тебя на душѣ, ты лучше скажи мнѣ . . . Я и службу брошу, и его прогоню», — восклицаетъ онъ. Но дочь успокаиваетъ его, увѣряя, что пошутила, и онъ снова проситъ ее быть любезной съ Владимиромъ Васильевичемъ Пустозеровымъ.

Читатель видитъ, что Анисимъ Ѳедоровичъ, при всей своей опытности въ приказномъ плутовствѣ, принадлежитъ еще къ числу мелкихъ мошенниковъ и что человѣческія чувства не совершенно заглохли въ немъ. Онъ вовсе не торгуетъ своей дочерью, онъ пугается даже мысли о серьезныхъ послѣдствіяхъ сношеній Пустозерова съ Дашей. Сближая ихъ, онъ просто употребляетъ военную хитрость; поведе-

ніе свое въ этомъ случаѣ, какъ оно ни мерзко, онъ считаетъ такъ . . . шалостью, шуткой, очень позволительной. Онъ при всемъ своемъ плутовствѣ не постигаетъ, какой видъ получаютъ эти шутки у господъ Пустозеровыхъ.

Пустозеровъ является къ Анисиму Ѳедоровичу и между прочимъ сообщаетъ ему конію съ завѣщанія своей тетки о раздѣлѣ наслѣдства. При этомъ онъ говоритъ: «кажется мнѣ, воля умершей незаконна и имѣніе не можетъ быть раздѣлено, а должно слѣдовать мнѣ одному». Анисимъ Ѳедоровичъ обѣщаетъ разсмотрѣть эту бумагу и уходитъ въ правленіе, для вечернихъ занятій; Пустозеровъ остается съ Дашенькой. Онъ объясняется съ нею очень смѣло и безцеремонно, какъ будто продолжая давно начатое и часто повторяемое объясненіе въ любви, съ требованіемъ отвѣта. Дашенька уклоняется отъ объясненій; онъ объявляетъ, что скоро уѣдетъ навсегда; она блѣднѣетъ, но говоритъ ему только: «счастливый путь». Ни малѣйшаго внутренняго одушевленія, ни слѣда страсти не проявляется въ Пустозеровѣ; видно только мелкое самолюбіе человѣка пустого и чувственнаго. Онъ играетъ словами, позволяетъ себѣ вольности, нагло пристаетъ съ прямымъ вопросомъ: «любите ли вы меня» и послѣ уклончивыхъ отвѣтовъ нѣсколько разъ повторяетъ его, а потомъ, тотчасъ, преспокойно говоритъ, что три дня, въ которые не видалъ Дашеньки, онъ провелъ очень весело въ обществѣ молоденькой и хорошенькой вдовушки. Объясненіе *влюбленныхъ* прерывается приходомъ Зайчиковасына, котораго Пустозеровъ встрѣчаетъ вопросомъ: какъ онъ зашелъ сюда? — «Да той же самой дорогой, что и вы, Владиміръ Васильевичъ»,—отвѣчаетъ

Зайчиковъ. — Отчего вы не въ правленіи? — «Да нечего дѣлать тамъ»... Пустозеровъ начинаетъ читать Зайчикову наставленія; Дашенька прерываетъ его и говоритъ, что Зайчиковъ пишетъ повѣсть и уже читалъ ей нѣсколько главъ, которыя ей очень нравятся. Пустозеровъ оскорбляется и начинаетъ говорить колкости Зайчикову и Дашенькѣ. Зайчиковъ отвѣчаетъ запальчиво, резонерствуетъ и рисуетъ поведеніе Пустозерова въ слѣдующихъ чертахъ, отрицательнымъ образомъ: «Я желалъ бы,—говоритъ онъ,—чтобы въ людяхъ, облеченныхъ властію, было побольше сердца, чтобы они умѣли отличать настоящее зло отъ кажущагося, чтобы умѣли цѣнить людей, которые служатъ сорокъ лѣтъ, никого не обижая, не притѣсняя, окруженные любовью и довѣріемъ всѣхъ близкихъ къ нимъ людей, чтобы не пускали по міру цѣлую семью за то только, что глава, ее вскормившій, выросъ и воспитался на иныхъ убѣжденіяхъ, а умѣли бы оцѣнить въ немъ настоящую честность, хотя и не согласную въ формахъ съ ихъ собственною». Ясно, что Зайчиковъ упрекаетъ Владимира Васильевича за своего отца; но герой сей невозмутимъ въ величіи своихъ безкорыстныхъ принциповъ. Онъ совѣтуетъ Зайчикову не совать своего носа въ распоряженія высшихъ, чтобы самому не быть выгнаннымъ. Зайчиковъ ссорится съ нимъ и уходитъ. Дашенька выражаетъ свое сожалѣніе, что Пустозеровъ такъ съ нимъ обходится, и влюбленный герой нашъ вдругъ проникается нравственнымъ чувствомъ, говоря, что понимаетъ ея отношенія съ Зайчиковымъ и только удивляется, какъ можетъ отецъ смотрѣть на это равнодушно. — Да развѣ тутъ есть что-нибудь непозволительное? — съ изумленіемъ спрашиваетъ Дашенька. «О, поми-

луйте насмѣшливо отвѣчаетъ онъ: возвышенныя, высокія чувства... Что же иное можетъ питать душу поэтовъ...». Въ заключеніе своихъ колкостей, онъ объявляетъ Дашенькѣ отставку, какъ объявляютъ наемному лакею: «Вы не умѣли цѣнить меня, вы меня дурачили, предпочли мнѣ перваго встрѣчнаго мальчишку... Ну, такъ прощайте...». Въ это время входитъ Анисимъ Ѳедоровичъ, съ извѣстіемъ, что дѣло по завѣщанію можно повернуть въ пользу Пустозерова. Онъ сухо отвѣчаетъ: «хорошо-съ!» и грозно уходитъ. Анисимъ Ѳедоровичъ спрашиваетъ дочь, за что онъ разсердился; та говоритъ: «не знаю». Отецъ горько упрекаетъ ее и съ отчаяніемъ восклицаетъ: «Ахъ, Дарья, Дарья! что теперь будетъ!..».

Безпокойство его оправдалось. Въ началѣ третьяго акта онъ бранитъ дочь за всѣ непріятности, какія, по ея милости, долженъ теперь выносить отъ Пустозерова. «Бывало, — говоритъ,— на все сквозь пальцы смотрѣлъ, а теперь каждое присутствіе непріятности да выговоры. А все изъ-за твоего каприза». Дашенькѣ только тутъ вполнѣ объясняется, что она служила ширмами для взяточничества отца. Но открытіе этого обстоятельства только сильнѣе пробуждаетъ ея любовь. Она говоритъ себѣ: «Такъ онъ это для меня держалъ моего отца на службѣ... онъ, безкорыстный и благородный! А я еще сомнѣваюсь въ его любви ко мнѣ!..». Заключеніе это, если хотите, не дѣлаетъ чести ея чувствамъ; но что же дѣлать? Нельзя назвать его невозможнымъ. Дашенька пугается только одного: что, если *онъ* подумаетъ, что и она въ заговорѣ съ отцомъ и только нарочно кокетничала съ нимъ? Это ужасно для ея любящаго сердца... Въ этихъ

размышленіяхъ застаетъ ее Зайчиковъ, и между ними происходитъ объясненіе. Онъ открывается ей, что ее любитъ, и что знаетъ ея любовь къ Пустозерову, но что это человѣкъ скверный, недостойный, что онъ и ее ищетъ только для удовлетворенія своего самолюбія, что онъ ухаживаетъ за пожилой вдовой, что изъ мести преслѣдуетъ и отца Дашеньки и самого Зайчикова и пр. Дашенька ничего не хочетъ слышать и на все отвѣчаетъ, что она ненавидитъ и презираетъ тѣхъ, кто говоритъ дурно про ея милаго. Ихъ объясненіе застаетъ Анисимъ Ѳедоровичъ и прогоняетъ Зайчикова, который тутъ же, кстати, объявляетъ, что завтра подаетъ въ отставку. Затѣмъ Анисимъ Ѳедоровичъ объясняетъ дочери, что онъ чуть не на колѣняхъ просилъ прощенья у Владимира Васильевича, и что тотъ обѣщалъ сегодня опять къ нимъ пріѣхать. Повторивши дочери, чтобъ она была любезна, Анисимъ Ѳедоровичъ уходитъ.

Заставши Дашеньку одну, Пустозеровъ начинаетъ разговоръ какъ побѣдитель; онъ улыбается и говоритъ такъ, что въ немъ просвѣчиваетъ какое-то животное сознаніе силы, какая-то кошачья игра съ мышью. Начинаетъ онъ насмѣшками надъ любовью Дашеньки къ Зайчикову и доводитъ ее до слезъ и до напоминанія ему о томъ, что онъ недавно еще увѣрялъ ее въ любви. На это напоминаніе онъ отвѣчаетъ: «Да, я не отказываюсь отъ своихъ словъ, но... быть соперникомъ Зайчикова — не могу, быть игрушкой вашего каприза — тоже не могу. Это не моя роль». Она проситъ у него прощенія и признается въ своей любви...

Въ четвертомъ актѣ — Пустозеровъ собирается въ Петербургъ. Матрена, горничная Дашеньки, раз-

суждаетъ объ этомъ съ Андреемъ, въ квартирѣ Владимира Васильевича.—«Такъ, значитъ, наша барышня, — говоритъ она, — такъ и останется . . . ни при чемъ? . .». Андрей отвѣчаетъ: «Вамъ лучше знать, при чемъ останется», и оба смѣются. «А молодецъ . . . ловокъ! дѣльцо свое обдѣлалъ»,—замѣчаетъ Матрена, и они продолжаютъ сальничать насчетъ обманутой дѣвушки. Вскорѣ является самъ Пустозеровъ и велитъ Андрею поскорѣе укладываться. «Убраться бы отсюда поскорѣе, — говоритъ онъ самъ съ собой.—Надоѣлъ мнѣ проклятый городишко. Одного жаль — Доротею (такъ зоветъ онъ Дашеньку). Ну, что дѣлать: сама виновата . . . Такой страстной натурѣ, какъ ея, нельзя не поддаться . . . Тутъ никто бы не устоялъ. Жениться на ней? А карьера, а служба, а общественная польза, для которой живу? Тесть — взяточникъ . . . Нѣтъ, это невозможно! . . (задумывается). Э, да утѣшится . . . поплачетъ и перестанетъ . . . Тотъ же Зайчиковъ женится (съ усмѣшкой). Безсмертнымъ писателямъ всего приличнѣе поправлять ошибки смертныхъ людей . . . (Ходитъ насвистывая.) А жаль ея, бѣдняжки . . . Взялъ бы съ собой, если бъ не путали послѣдствія».

Эти омерзительныя разсужденія прерываются Золотаревымъ, тѣмъ самымъ помѣщикомъ, который просилъ Пустозерова о слѣдствіи въ первомъ актѣ. Золотаревъ пріѣхалъ проститься съ нимъ, и оказывается, что Пустозеровъ получилъ мѣсто въ Петербургѣ по его ходатайству. Владиміръ Васильевичъ благодаритъ его, но Золотаревъ возражаетъ: «Помилуйте, что за благодарности: я только уплатилъ вамъ мой долгъ. Вы исполнили мою просьбу, слѣдовательно дали мнѣ взаймы; я сдѣлалъ для васъ,

слѣдовательно расплатился; затѣмъ мы квитъ, и другъ другу ничѣмъ не обязаны». Это — прямое объясненіе, что мѣсто, выхлопотанное для Пустозерова, замѣняетъ взятку, отъ которой онъ отказался, но онъ не замѣчаетъ или не хочетъ замѣчать этого и съ улыбкою отвѣчаетъ на объясненіе Золотарева: «Ваша философія проста и удобопонятна». Проводивъ Золотарева, Владиміръ Васильевичъ говоритъ самъ себѣ: «Онъ правъ совершенно. Если бы всѣ разсуждали такъ, какъ онъ, то безкорыстіе и честность на службѣ никогда бы не оставались невознагражденными, какъ это иногда случается».

На этомъ успокоительномъ размышленіи безкорыстнаго человѣка могла бы и кончиться комедія. Но авторъ хотѣлъ до дна исчерпать гадость этого человѣка, хотѣлъ казнить его до конца, безъ всякой пощады, и онъ прибавилъ страшную сцену, служащую какимъ-то саркастическимъ апоѳеозомъ чувственнаго эгоизма, выставляющую пошлость и подлость человѣка въ какомъ-то сатанински-безобразномъ величіи. Къ Пустозерову является Дашенька, ушедшая, вечеромъ, тихонько отъ отца, чтобъ удержать любимаго человѣка или уѣхать съ нимъ. Она объявляетъ прямо и просто, что не можетъ остаться безъ него. А онъ отвѣчаетъ ей: «Послушай, душа моя, ты не понимаешь жизни. Какъ мнѣ взять тебя? Ну, узнаетъ твой отецъ, вступится: я могу испортить карьеру, потерять службу». Затѣмъ онъ, не слушая ея моленій, старается ее поскорѣе выпроводить. «Дома,—говоритъ,—тебя хватятся, *ты погубишь себя*». — «Я давно уже погибла», — грустно отвѣчаетъ она на эту предупредительную заботливость. Тутъ, нежданно, врывается въ комнату Зайчиковъ, выпивши. Дашенька пря-

чется за ширмы, Пустозеровъ старается выпроводить Зайчикова. Но тотъ, въ изступленіи, схватываетъ его за руку и начинаетъ декламировать анаѳему. Происходитъ слѣдующая сцена:

Зайчиковъ. Погоди, герой честности и безкорыстія, ты долженъ выслушать меня; я пришелъ сказать тебѣ спасибо за то, что ты чуть не убилъ моего отца, разорилъ мою семью, помѣшалъ мнѣ быть ей полезнымъ, почти выжилъ и меня изъ службы... Вѣдь отецъ нѣкомъ приплелся сюда, узнавши, что я вышелъ въ отставку; онъ меня винитъ въ этомъ, называетъ сыномъ неблагодарнымъ... Стой... Еще это не все. Ты держалъ при себѣ извѣстнаго взяточника секретаря, а для чего? Для того, чтобы соблазнить его дочь, прекрасное, чистое созданіе. И ты достигъ этого, подлецъ: я все знаю. Страхомъ изгнанія изъ службы ты заставлялъ отца потворствовать вашимъ отношеніямъ. Ты увлекъ, ты погубилъ ее, неопытную.

Дашенька (выходя изъ-за ширмъ, быстро подходитъ къ Владиміру Васильевичу и обнимаетъ его). Вы врете: онъ ни въ чемъ не виноватъ, я сама полюбила его.

Зайчиковъ (отскакивая въ изумленіи). Дарья Анисимовна, вы ли это? Гдѣ вы? Онъ задавилъ въ васъ — и стыдъ, и совѣсть.

Дашенька. Васъ никто не проситъ быть моимъ защитникомъ и принимать во мнѣ участіе; вамъ давно сказано, что я не люблю васъ, ненавижу и люблю только его одного. Чего вамъ еще нужно?

Зайчиковъ (въ изступленіи). Га! Такъ пришло время мести: пришло время наказать этого мерзавца и вашего отца, который жертвуетъ дочерью изъ корыстныхъ цѣлей... Оставайтесь же здѣсь, я сейчасъ приведу сюда вашего отца. (Убѣгаетъ.)

Владиміръ Васильевичъ. Ахъ, Дарьюшка!.. Боже мой, что за несчастіе! Уходите домой поскорѣе... ради Бога, Андрей, готовы ли лошади?

Андрей (изъ дверей). Лошади у крыльца.

Владиміръ Васильевичъ. Выноси чемоданы проворнѣй.

Живо .. Доротея . . Уйдете ли вы? Чего вы еще дожидаетесь?

Дашенька. Такъ развѣ ты и теперь не возьмешь меня?

Владиміръ Васильевичъ. Да развѣ ты не понимаешь, что это невозможно? Чего ты хочешь? Чтобы погоня что ли была за нами, скандаль? Что это такое? Это невыносимо.

Андрей. Пожалуйте. Готово.

Владиміръ Васильевичъ. Ну, прощай, ради Бога, прощай. Я скоро опять пріѣду.

Дашенька (на колѣняхъ). Вольдемаръ, не оставляй меня. Подумай, что со мной будетъ. (Обнимаетъ его колѣни.)

Владиміръ Васильевичъ (освобождаясь). Боже мой! говорятъ это невозможно. Ты просто сумасшедшая. Или уходи скорѣй, или оставайся здѣсь. Я уѣду. Что это такое? Вотъ адъ! Вотъ казнь! (Идетъ къ дверямъ.)

Дашенька (ломаетъ руки). Пусть же мое проклятіе преслѣдуетъ тебя всю жизнь, на каждомъ шагу... Господи... (Всплескиваетъ руками, рыдаетъ и преклоняется къ полу.)

Владиміръ Васильевичъ (пріостанавливается у дверей и оглядывается на Дашеньку). Я столько же страдаю, какъ и ты, а наслаждались мы равно. (Машетъ рукой и уходитъ.)

(Черезъ нѣсколько минутъ слышенъ звонъ колокольчика.)

Дашенька (вздрагиваетъ и подымается на ноги). Уѣхалъ... Все кончено. (Медленно, пошатываясь, идетъ къ дверямъ.)

Такова заключительная сцена пьесы. Не знаемъ, съ какимъ чувствомъ прочтутъ ее читатели, но въ насъ она возбудила такое тяжелое, ожесточенное чувство раздраженія, отъ котораго мы долго не могли освободиться. Надобно отдать честь автору: онъ умѣлъ соединить въ своемъ героѣ столько гадостей, самыхъ ужасныхъ и отвратительныхъ, что при одномъ воспоминаніи о немъ душу воротитъ. Говорить о немъ хладнокровно нѣтъ ни малѣйшей возможности.

Уже по одному развитію этого характера, на который мы почти исключительно обращали вниманіе при пересказѣ содержанія пьесы, читатели видятъ, что пьеса г. Потѣхина есть произведеніе, замѣчательное по своей силѣ. Но — сила ея только и заключается въ развитіи характера Пустозерова до послѣднихъ степеней возможной для человѣка мерзости. Вся же вообще комедія отличается значительными недостатками.

Мы прослѣдили всю пьесу очень подробно, не пропустивъ почти ни одного явленія, и сдѣлали это потому, что «Мишура», хотя и помѣщена была въ «Русскомъ Вѣстникѣ», столь распространенномъ въ публикѣ, но какъ-то мало обратила на себя общее вниманіе и вскорѣ по своемъ появленіи была забыта. Теперь, при отдѣльномъ изданіи ея, мы сочли своей обязанностью напомнить о ней читателямъ и, чтобы не утруждать ихъ память, рѣшились сначала прослѣдить весь ходъ пьесы. Сдѣлавши это, мы можемъ сократить дальнѣйшій разборъ ея и ограничиться бѣглымъ указаніемъ ея недостатковъ. Главный недостатокъ ея въ художественномъ отношеніи, конечно, тотъ, что она вся поставлена на пружинкахъ, которыя авторъ произвольно приводитъ въ движеніе, чтобы выказать ту или другую сторону характера своего героя. Каждая сцена, взятая отдѣльно, очень умно, рѣзко и драматично составлена; но множество сценъ не имѣютъ ничего общаго съ ходомъ всей комедіи. Зачѣмъ, напримѣръ, дядя и тетка являются въ первомъ актѣ? Зачѣмъ становой — во второмъ? Зачѣмъ длинный разговоръ Дашеньки съ Матреной — въ третьемъ? Ихъ можно выкинуть, и пьеса все-таки можетъ идти своимъ чередомъ; только одной пошлостью и подлостью бу-

детъ меньше въ характерѣ Пустозерова. Можно даже весь первый актъ выкинуть и начать пьесу съ третьяго явленія второго акта. Прибавкою нѣсколькихъ строкъ въ послѣдующихъ сценахъ можно замѣнить все, что высказано впереди существенно-необходимаго для пьесы. Только характеръ Пустозерова не обрисуется такъ ярко. Для этого-то характера и *сочинены* всѣ предыдущія сцены. Онѣ плохо вяжутся между собой и не вытекаютъ ни изъ какой разумной необходимости. Точно такъ, какъ можно выкинуть первый актъ, можно и еще прибавить впереди одинъ актъ, въ которомъ собрать новыя доказательства низости Пустозерова. И эти новыя сцены могутъ быть связаны съ ходомъ комедіи не меньше, по крайней мѣрѣ, какъ и явленіе повѣреннаго отъ откупа, помѣщика Золотарева, дяди съ теткой и станового пристава. Какое участіе въ пьесѣ принимаютъ всѣ эти лица? Золотаревъ, правда, выхлопатываетъ мѣсто Пустозерову, въ отплату за его услугу, и такимъ образомъ дѣлается виновникомъ развязки, т. е. удаленіемъ Владимира Васильевича въ Петербургъ. Но вѣдь и это опять случайность, вполнѣ зависѣвшая отъ воли автора. Пустозеровъ такой господинъ, что онъ давно мѣтитъ въ Петербургъ, и онъ легко могъ получить тамъ мѣсто и безъ ходатайства Золотарева. Но тогда бы не было этой *взятки*, которую Пустозеровъ беретъ отъ Золотарева. Для того чтобъ вывести это, прибавлено нѣсколько лишнихъ сценъ къ пьесѣ. Вообще ходъ ея сочиненъ на заданную тему. Всѣ дѣйствующія лица приходятъ, говорятъ, уходятъ, безъ всякой собственной, разумной необходимости, затѣмъ лишь, чтобы дать высказаться Пустозерову. Анисимъ Ѳедоровичъ безпрестанно

убѣгаетъ въ правленіе, чтобы дать Пустозерову высказать читателямъ характеръ своихъ отношеній съ Дашенькой, — и чрезъ пять минутъ возвращается, чтобы прекратить ихъ разговоръ и выказать Пустозерова съ служебной точки зрѣнія. Зайчиковъ-отецъ затѣмъ является, чтобъ показать мелочность, узость и безчувственный эгоизмъ Пустозерова, хотя ему бы и не слѣдъ было идти съ просьбой къ этому человѣку: онъ могъ узнать о немъ отъ сына, который, какъ видно, хорошо его понимаетъ. Зайчиковъ-сынъ нарочно спѣшитъ къ окончанію дѣла и некстати явиться къ Дашенькѣ, когда ея отецъ сидитъ въ правленіи, — для того, чтобы опять-таки дать случай высказаться Пустозерову. Не говоримъ уже о дядѣ и о становомъ, которые самымъ существованіемъ своимъ обязаны желанію автора — во что бы ни стало ошельмовать Пустозерова со всѣхъ концовъ. Признаемся, цѣли своей онъ достигъ, но достигъ какъ діалектикъ, какъ моралистъ, какъ юридическій обвинитель, но не какъ художникъ.

Самый характеръ Пустозерова развитъ, дѣйствительно, съ замѣчательнымъ искусствомъ. Каждое слово его и каждое слово о немъ разсчитано въ пьесѣ изумительно ловко. Нашъ пересказъ не могъ, разумѣется, передать читателямъ всей гнусности Пустозерова въ такой силѣ, какъ она является въ самой пьесѣ; и при самомъ чтеніи комедіи гнусность эта все еще не является такъ живо и сильно, какъ она выкажется на сценѣ, въ игрѣ даровитаго актера. Но, признавая за г. Потѣхинымъ мастерство исполненія, мы опять-таки должны замѣтить, что мастерство это, по нашему мнѣнію, ограничивается діалектическимъ процессомъ. Выдумать огромную помойную яму, изъ которой бы съ самымъ отвратитель-

нымъ зловоніемъ выглядывали всевозможныя гадости современной общественной жизни, кромѣ только *взятки*, въ самомъ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова, — и олицетворить эту помойную яму въ образѣ Пустозерова, — вотъ чего, повидимому, хотѣлъ авторъ, и этого онъ достигъ. Мелочность, претензіи, фатовство, эгоизмъ самый грубый, служебная формалистика, наглая надменность, сухость сердца, любостяжаніе (въ дѣлѣ о наслѣдствѣ), неблагодарность, жалкое честолюбіе, сладострастіе, отсутствіе всякихъ понятій о правдѣ, чести и совѣсти, наконецъ мерзость выше всякаго названія, выказанная въ послѣдней сценѣ, — вотъ что представляется намъ въ лицѣ Пустозерова, и представляется очень ловко. Но намъ кажется, что такой характеръ ложенъ въ самомъ своемъ основаніи. Подобное соединеніе всѣхъ пороковъ и гадостей слишкомъ ужъ идеально; оно невозможно на дѣлѣ. По нѣкоторымъ словамъ Зайчикова (который, повидимому, является Правдинымъ или Стародумомъ всей пьесы) можно подумать, что авторъ хотѣлъ изобразить въ своемъ героѣ эгоиста, который водится только разсудочными, формальными убѣжденіями, у котораго все головное, а не сердечное. Отъ этого и проистекаютъ всѣ его гадости. Въ большей части сценъ Пустозеровъ дѣйствительно является такимъ, и при этомъ очень удачно рисуется то обстоятельство, что его и разсудокъ-то плохъ, и понятія-то узки и поверхностны. Онъ отвергаетъ взятки, но принимаетъ ходатайство Золотарева; онъ преслѣдуетъ взяточниковъ, но держитъ при себѣ Анисима Ѳедоровича, который говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что онъ Пустозерова и весь его доходъ къ рукамъ прибралъ; онъ хвастается безкорыстіемъ, и добивается наслѣд-

ства, такъ какъ ему кажется, что воля умершей незаконна; онъ говоритъ о долгѣ службы и тутъ же выражаетъ, что о законѣ толковать нечего, когда генералъ приказалъ; вообще онъ хлопочетъ не о дѣлѣ, а о формѣ. Такой господинъ, отчасти глуповатый и оттого непослѣдовательный, очень естественъ и нерѣдко встрѣчается. Но такое отсутствіе всякаго стыда, всякой совѣсти, всякаго увлеченія сердечнаго — вотъ что мудрено въ человѣкѣ. Мы даже считаемъ это невозможнымъ. Хоть бы въ любви-то увлекся этотъ человѣкъ, мы бы все-таки нашли въ немъ хоть что-нибудь человѣческое... Но нѣтъ, онъ холоденъ и безчувственъ, онъ только скотски хочетъ овладѣть своей жертвой и тѣшитъ ею свое самолюбіе. На другой же день послѣ встрѣчи съ Зайчиковымъ — онъ начинаетъ тѣснить и его, и отца Дашеньки; скажите, неужели до такой степени можетъ простираться нахальство эгоизма? Вѣдь у всякаго человѣка есть же хоть крошка совѣстливости; ну, сдѣлаетъ зло, да ужъ не такъ же круто и нагло... А послѣдняя его выходка о Зайчиковѣ, какъ безсмертномъ писателѣ, и фраза о наслажденіи, брошенная на прощанье Дашенькѣ?! Нѣтъ, воля ваша — до такого развратнаго цинизма, до такого отрицанія всякаго чувства не могъ дойти даже Пустозеровъ въ эту минуту... Вѣдь все-таки же онъ воспитывался у добрыхъ и простыхъ людей, учился въ университетѣ, вынесъ отуда отвращеніе къ взяткамъ. Возможно ли, чтобъ это убѣжденіе до такой степени одиноко и безплодно запало въ его душу?

И въ этого человѣка, въ такого, какимъ онъ представленъ у г. Потѣхина, страстно влюблена Дашенька. Что такое Дашенька, мы не умѣемъ опредѣлить

хорошенько по комедіи г. Потѣхина. Самъ Пустозеровъ называетъ ее страстной натурой, отецъ — умной дѣвушкой, Матрена — скрытной, Зайчиковъ невиннымъ и чистымъ созданіемъ, становой Пурпуровъ — насмѣшницей. Въ самомъ дѣлѣ — она является то веселой и откровенной, то насмѣшливой и сдержанной, то страстной и порывистой. Какимъ психологическимъ процессомъ могла развиться въ ней такая страстная, беззавѣтная, отчаянная любовь къ Пустозерову, авторъ не объясняетъ, и мы не можемъ этого постигнуть. Можно еще понять любовь страстной дѣвушки къ разбойнику, бреттеру, шулеру, ко всему, въ чемъ, по крайней мѣрѣ, проявляется сила, въ чемъ видно необузданное увлеченіе. Но нельзя понять любви къ такому мелкому, сухому, безжизненному существу, какъ Пустозеровъ. Мы не смѣемъ утверждать, что чувство это неестественно въ Дашенькѣ, признаваясь, что мы незнакомы съ тайнами женскаго сердца и въ особенности сердца провинціальныхъ русскихъ барышень. Но мы полагаемъ, что читательницы согласятся съ нами, если мы скажемъ, что во-первыхъ, любовь Дашеньки не дѣлаетъ ей чести, и во-вторыхъ, что подобная любовь, во всякомъ случаѣ, есть явленіе исключительное, а послѣдняя ея сцена — очень мелодраматична.

Зайчиковъ былъ бы достойнѣе, чѣмъ Пустозеровъ, любви Дашеньки; но и онъ, по нашему мнѣнію, не представляетъ образца порядочнаго человѣка съ такъ называемымъ *либеральнымъ* направленіемъ. Авторъ замѣтно старался выставить его лучше, нежели онъ есть на дѣлѣ. Въ сущности — это не больше какъ человѣкъ, въ которомъ не перебродились еще кое-какія противорѣчія общественной жизни съ теоріями, которыя онъ принялъ для себя. И

вотъ онъ пускается въ колкости съ Пустозеровымъ, въ мелочныя придирки, намѣренное фанфаронство отступленіями отъ принятаго порядка; надѣяться на него нечего, потому что онъ изъ-за оскорбленнаго самолюбія выходитъ въ отставку для того, чтобы потомъ спиться съ кругу, — и главное потому, что онъ собирается мстить позоромъ любимой имъ дѣвушкѣ за то, что недостойный человѣкъ соблазнилъ ее . . . Изъ этакихъ людей проку не бываетъ . . .

Изъ остальныхъ характеровъ пьесы обрисованы лучше другихъ Анисимъ Ѳедоровичъ, Зайчиковъ-отецъ и становой Пурпуровъ. О нихъ мы говорили.

Спросимъ теперь: въ чемъ скрывается основаніе, причина этой страшной діалектики, поражающей всѣми безславіями человѣка *безкорыстнаго,* т. е. не берущаго взятокъ? Вѣдь, какъ хотите, а окончательный выводъ, поражающій читателя по прочтеніи пьесы, будетъ такой: «Такъ вотъ онъ, этотъ герой честности и безкорыстія! Вотъ онъ каковъ! Нѣтъ, ужъ Анисимъ Ѳедоровичъ все-таки лучше». Какъ хотите, а здѣсь поражается безкорыстіе, и мы даже слышали обвиненія противъ г. Потѣхина за то, что онъ своей комедіей даетъ оружіе защиты для взяточниковъ. Обвиненія эти тѣмъ сильнѣе, что дѣйствительно большая часть гнусностей Пустозерова тѣсно связана съ тѣмъ, что онъ взятокъ не беретъ. Въ комедіи г. Потѣхина можно прибавить и убавить многое, потому что она собрана и сплочена механически, но прибавить Пустозерову одну новую черту — взяточничество — нельзя: тогда комелія уничтожается. Слѣдовательно нельзя отказать въ нѣкоторой долѣ справедливости людямъ, которые выводятъ изъ пьесы такое заключеніе: «положимъ, что взятки брать нехорошо; но удаляться взятокъ, не

имѣя при томъ высшаго благородства въ душѣ, еще хуже». И отсюда иные пойдутъ дальше, до убѣжденія, что взятки «зло еще не такъ большой руки», — убѣжденія, въ практическихъ отношеніяхъ не весьма благодѣтельнаго.

При чемъ же, значитъ, осталась наша недавняя литература, съ своими грозными обличеніями противъ взятокъ, съ своимъ крестовымъ походомъ на плутни подъячества? Не прошло двухъ лѣтъ, и ей говорятъ: «Что вы о пустякахъ хлопочете? Смотрите, вотъ гдѣ настоящее зло: Пустозеровъ, а не Зайчиковъ-отецъ и даже не Анисимъ Ѳедоровичъ, настоящій бичъ современнаго общества» ... И наша юридическая литература пала, замолкла, какъ будто призналась въ своемъ безсиліи и мелочности или какъ будто сдѣлала свое дѣло ... Говорятъ, литература служитъ отраженіемъ общества ... Припомнивъ это, подумаешь, что двухлѣтнія усилія нѣсколькихъ борцовъ окончательно изгнали изъ русскаго общества заразу подкупности, что она кроется только въ иныхъ закоснѣлыхъ старичкахъ, да и то едва смѣетъ выглядывать на Божій свѣтъ. Вмѣсто вяточниковъ появились у насъ чиновники неподкупные, забывающіе все для безкорыстія. Наступила, значитъ, пора карать пороки и этихъ неподкупныхъ чиновниковъ; а пороковъ у нихъ не мало ... Но — увы! литераторы обольщаются, приписывая своимъ твореніямъ слишкомъ большое вліяніе. Имъ еще не мало осталось дѣла, и напрасно они воображаютъ, что ужъ сдѣлано довольно.

Долгъ свершенъ! Пророкъ молчитъ!

Такъ, кажется, восклицаютъ они съ поэтомъ. Но зачѣмъ же онъ молчитъ? Никакого резону нѣтъ

ему молчать. Пусть его кричитъ себѣ, кричитъ громче, до тѣхъ поръ, пока не будетъ услышанъ. Г. Потѣхинъ не виноватъ, что представилъ намъ безкорыстнаго мерзавца, — идея, положенная имъ въ основаніе его пьесы, гораздо глубже и важнѣе, нежели идеи юридическихъ разсказчиковъ, обличающихъ взятки. Винить его за то, что онъ избралъ такой предметъ, невозможно. Если изъ его пьесы выведетъ кто-нибудь дурное заключеніе, то ужъ виноватъ будетъ не онъ, а — во-первыхъ, тупоуміе выводящаго, во-вторыхъ — вы же, господа обличители взятокъ, замолкшіе такъ не во время и не умѣющіе дать публикѣ противоядія отъ личности Пустозерова. Вы себя оправдываете тѣмъ, что васъ уже не слушаютъ, что вы ужъ надоѣли публикѣ. Да знаете ли, отчего васъ не слушаютъ? Оттого, что вы кричите тихо, вяло, слабо. Вы вѣдь, надобно вамъ сказать, хотя и истинные пророки, но находитесь въ положеніи пророковъ Вааловыхъ. Кого вы имѣете въ виду при вашихъ крикахъ, къ кому вы ихъ адресуете? Вѣдь ужъ, конечно, не къ тѣмъ невиннымъ и полнымъ благородства юношамъ, которые и безъ того полны отвращенія ко всему, что кажется въ вашихъ разсказахъ. Ужъ, конечно, вы имѣете въ виду прошибить своими очерками людей, далеко зашедшихъ на пути, который вы хотите уничтожить. Этихъ людей, стоящихъ на высотѣ порока, не такъто легко прошибить: они плохо слышатъ вашъ голосъ, удаленные отъ васъ своими *важными* житейскими заботами. А они-то и составляютъ для васъ Ваала. Кричите же громче, кричите дольше, чтобы Ваалъ вашъ услышалъ васъ . . . Можетъ быть онъ спитъ, такъ разбудите его, и потомъ опять и опять кричите. Кто знаетъ, можетъ быть, и добьетесь че-

го-нибудь. А если нѣтъ, такъ будьте увѣрены, что вслѣдъ за вами явится Илія Ѳесвитянинъ, носящій въ сердцѣ другого бога, бога правды и силы, и тогда, по его смѣлому, самоувѣренному воззванію, низойдетъ съ неба на землю огонь, поядающій зло, и вслѣдъ за нимъ благотворный дождь на засохшую почву.

Нѣтъ, мы не обвинимъ г. Потѣхина за то, что онъ преслѣдуетъ безкорыстіе, лишенное всякихъ другихъ достоинствъ. Но мы замѣтимъ у него еще одинъ недостатокъ, касающійся сущности пьесы, — это недостатокъ *смѣха*. Не внѣшнее качество составляетъ этотъ смѣхъ, а всю сущность дѣла въ этомъ случаѣ. Вѣдь г. Потѣхинъ писалъ комедію и выбралъ для нея лица, весьма комическія. Пустозеровъ съ своимъ узенькимъ взглядцемъ, формалистикой, фанфаронствомъ, съ отсутствіемъ всякихъ сердечныхъ увлеченій и съ дикими противорѣчіями словъ и дѣла, — этотъ господинъ — лицо въ высшей степени комическое. Анисимъ Ѳедоровичъ, такъ ловко пользующійся доходами Пустозерова и такъ неловко играющій огнемъ своей дочери, тоже отлично идетъ для комедіи. Сама Дашенька вѣдь лицо комическое. Да, мы рѣшаемся сказать это, несмотря на то, что у насъ сердце не разъ повернулось за нее въ сценахъ послѣдняго акта. Она любитъ Пустозерова; но что же въ немъ можетъ любить она? Не должна ли въ нашихъ глазахъ ронять ее любовь къ подобному человѣку, тѣмъ болѣе, что возлѣ него стоитъ Зайчиковъ, который все ужъ получше? Вѣдь мы же забавляемся человѣкомъ, который съ страстью поетъ водевильные куплетцы и ненавидитъ оперу, который въ востергъ отъ Мариинскаго и знать не хочетъ . . . ну, хоть Лажечнико-

ва. Такъ и въ этомъ случаѣ. Въ сущности, положеніе Дашеньки очень удобно для комедіи, гораздо удобнѣе, нежели положеніе Софьи въ «Горѣ отъ ума». Отчего же мы смѣемся надъ Софьей Павловной въ ея мечтахъ о Молчалинѣ, который проводитъ съ ней цѣлыя ночи, вздыхая изъ глубины души и не позволяя себѣ ни слова вольнаго, а надъ Дашенькой не смѣемся, когда она разсуждаетъ о благородствѣ Пустозерова и предается ему? Отчего ни самъ Пустозеровъ, ни даже Анисимъ Ѳедоровичъ не смѣшны для насъ въ комедіи г. Потѣхина? Вина этого, намъ кажется, лежитъ не только на талантѣ г. Потѣхина, но и на самомъ обществѣ нашемъ. Вѣдь Пустозеровъ намъ страшенъ; вѣдь мы не можемъ презирать его какъ Молчалина, Хлестакова и прочихъ, вѣдь мы не можемъ стать выше его настолько, чтобы совершенно заглушить въ себѣ ненависть къ нему и оставить мѣсто только для смѣха. И вотъ отчего мы не умѣемъ смѣяться надъ нимъ. Оттого это, что, можетъ быть, сегодня же вы найдете подобнаго Пустозерова въ одномъ изъ своихъ школьныхъ товарищей, изъ бывшихъ друзей своихъ; — оттого, что завтра, можетъ быть, вы будете подъ вліяніемъ этого человѣка и, будучи правы передъ нимъ, по законной формѣ будете имъ осуждены, будучи близки къ нему, вдругъ будете нахально отвергнуты; — оттого, что этотъ человѣкъ грозитъ вамъ стать смраднымъ и мрачнымъ препятствіемъ на вашей дорогѣ всякій разъ, какъ вы захотите сдѣлать добро; — оттого, что этотъ человѣкъ грозитъ вамъ добро; — оттого, что окружающіе васъ его хвалятъ, начальство возвышаетъ, ваша жена, сестра, дочь влюбляются въ него. Онъ возмущаетъ самыя святыя

ваши чувства, самыя чистыя убѣжденія, и на самомъ дѣлѣ онъ опасенъ для нихъ. Можно ли смѣяться надъ нимъ послѣ этого? Можно; но для этого надо найти въ себѣ столько героизма, чтобы презирать и осмѣивать все общество, которое его принимаетъ и одобряетъ.

Но, съ другой стороны, виноватъ и самъ г. Потѣхинъ. Онъ воспиталъ въ душѣ своей чувство желчной ненависти къ тѣмъ гадостямъ, которыя вывелъ въ своей комедіи, и подумалъ, что этого достаточно. Оттого комедія вышла горяча, благородна рѣзка, но превратилась въ мелодраму. Самое комическое мѣсто въ ней составляетъ разсказъ старика Зайчикова, выписанный нами выше. Остальное какъ-то сурово и мрачно дѣйствуетъ на душу читателя. Не дурно, пожалуй, и это; но все-таки главное впечатлѣніе пьесы — нервическое негодованіе, которое не можетъ быть такъ постоянно присуще нашей душѣ, какъ чувство ровнаго, спокойнаго презрѣнія и отвращенія, являющееся послѣ смѣха, напримѣръ, надъ героями Гоголя. Что если бы Пустозеровъ, не теряя всей своей гадости, былъ выставленъ при томъ въ комическомъ свѣтѣ? Что, если бы вся пьеса, вмѣсто сдержанно-озлобленнаго тона, ведена была въ тонѣ комическомъ? Какое бы великолѣпное произведеніе имѣли мы, и какой бы страшный ударъ былъ нанесенъ этимъ всѣмъ Пустозеровымъ, которые теперь не узнаютъ себя въ лицѣ героя пьесы г. Потѣхина, имѣющемъ, дѣйствительно, нѣсколько пасквильный оттѣнокъ... Какъ сдѣлать это, мы не умѣемъ сказать, да и едва ли можно разсказать это, не показавши на дѣлѣ. Гоголь обладалъ тайной такого смѣха, и въ этомъ онъ поставлялъ величіе своего таланта. Посмотрите, въ

самомъ дѣлѣ, какъ забавны всѣ эти Чичиковы, Ноздревы, Сквозники-Дмухановскіе, и пр., и пр. Но меньше ли оттого вы ихъ презираете? Расплывается ли въ вашемъ смѣхѣ хоть одна изъ гадостей этихъ лицъ? нѣтъ, напротивъ, — этимъ смѣхомъ вы ихъ только конфузите какъ-то, такъ что смущенныя и сжавшіяся фигуры ихъ такъ навсегда и остаются въ вашемъ воображеніи, какъ бы скованными во всей своей отвратительности. Для того чтобы *такимъ образомъ* представить негодяевъ и мерзавцевъ, подобныхъ Пустозерову, нужно стать не только выше ихъ, но и выше тѣхъ, между кѣмъ они имѣютъ успѣхъ, и даже выше всякой ненависти, всякаго раздраженія противъ тѣхъ и другихъ. Возвышеніе до этой нравственной степени составляетъ первое и необходимое условіе для комическаго таланта. Безъ него можно сочинить великольпную сатиру, жолчный пасквиль, рядъ раздирательныхъ сценъ, потрясающую диссертацію въ лицахъ, — но нельзя создать истинной комедіи. А дѣлая лица, подобныя Пустозерову, и положенія, подобныя любви Дашеньки, предметомъ серьезныхъ драмъ, мы только дѣлаемъ слишкомъ много чести этимъ негодяямъ и слишкомъ мало — всему современному нашему обществу.

8
25/c
'21.

Собраніе сочиненій

Ѳ. М. Достоевскаго.

Многочисленные портреты автора, его автографъ, художеств. приложенія.

21 томъ. Цѣна 28 р., въ изящн. коленкор. переплетахъ 38 руб. 50 коп.

Допускается разсрочка платежа отъ 1 р. въ мѣсяцъ.

Собраніе сочиненій

Г. А. Мачтета.

Съ портретомъ автора.

10 т. по 1 руб., въ изящн. коленк. перепл. 15 р.

Допускается разсрочка платежа отъ 1 р. въ мѣсяцъ.

Собраніе сочиненій

В. Г. Тана.

Съ портретомъ автора.

10 т. по 1 р., въ изящн. коленк. перепл. 15 р.

Допускается разсрочка платежа отъ 1 р. въ мѣсяцъ.

Собраніе сочиненій

Ольги Шапиръ.

Съ портретомъ автора и вступительной статьей проф. **Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.**

10 томовъ по 1 руб. 50 коп., въ изящныхъ коленкор. перепл. 20 руб.

Допускается разсрочка платежа по 1 р. въ мѣсяцъ.

Каталогъ изданій Т-ва „Просвѣщеніе“ высылается, по требованію, безплатно.

112/54-2

Акціонерное Общество
«Просвѣщеніе»
ЦѢНА 1 РУБЛЬ
Цѣна 2 руб. к.

4238/7

Обращаемъ вниманіе подписчиковъ на изготовленные нами

ИЗЯЩНЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ

для нашего изданія классиковъ.

По желанію, подписчики могутъ получать дальнѣйшіе томы уже переплетенными, чѣмъ ими будутъ сбережены издержки, которыя должны бы впослѣдствіи потребоваться на выписку и отдѣльную пересылку крышекъ и на вплетеніе въ нихъ книгъ.

Цѣна переплетеннаго тома на **50 коп.** дороже цѣны книги. Цѣна крышки отдѣльно — **40 коп.**

Товарищество
„Просвѣщеніе“

Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе“. С.-Петербургъ, Забалканскій пр., д. № 75.

112/54-2.